

ВАДИМ РОГОВИН

ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИИ

Введение

На протяжении вот уже полувека историки, политологи, социологи во всём мире вновь и вновь возвращаются к поискам ответа на вопрос, остающийся наиболее сложной исторической загадкой XX века: почему на почве, порождённой Октябрьской революцией, возникло такое явление, как сталинизм, закономерными следствиями которого стали застой и затем современный всеобъемлющий социально-экономический и социально-политический кризис, охвативший распавшийся Советский Союз и другие страны бывшего "социалистического содружества".

В советской и зарубежной исторической и политологической литературе выдвигаются два принципиально различных ответа на этот вопрос. Один из них исходит из того, что сталинизм и постсталинизм явились закономерным и неизбежным результатом реализации марксистского учения и революционной практики большевизма. Второй базируется на идее о том, что сталинизм явился продуктом грандиозной бюрократической реакции на Октябрьскую революцию и представлял собой не продолжение, а, напротив, тотальное отрицание и разрушение принципов большевизма. При этом специфика контрреволюционного переворота, осуществлённого Сталиным и его приспешниками, состояла в том, что этот переворот происходил под идеологическим прикрытием марксистской фразеологии и нескончаемых заверений о верности делу Октябрьской революции.

Естественно, что такого рода переворот требовал небывалого ещё в истории нагромождения лжи и фальсификаций, фабрикация всё новых и новых мифов. Однако не менее изощрённая мифология требуется и для подкрепления идей, выдвигаемых сегодня теми, кто считает ложным социалистический выбор нашего народа в 1917 году и отождествляет сталинизм как систему общественных отношений с социализмом, а сталинизм как политическую и идеологическую силу - с большевизмом. Такого рода воззрения пропагандируются тем активнее, чем явственней происходит откат советского общества от ещё сохранившихся завоеваний Октябрьской революции к отсталому полукOLONIALному капитализму, чем масштабнее и болезненнее обнаруживаются разрушительные последствия этого процесса.

Подобно сталинистам, современные антикоммунисты используют два рода мифов: собственно идеологические и исторические. Под идеологическими мифами мы имеем в виду ложные идеи, обращённые в будущее, т. е. иллюзорные прогнозы и обещания. Такого рода продукты ложного сознания обнаруживают свой мифологический характер лишь по мере их практической реализации. По иному обстоит дело с мифами, апеллирующими не к будущему, а к прошлому. Эти мифы разоблачить в принципе легче, чем антинаучные прогнозы и реакционные проекты. Как идеологические, так и исторические мифы представляют продукт прямой классово-заинтересованности. Но в отличие от первых, последние выступают продуктом не политического заблуждения или сознательного обмана масс, а исторического невежества либо заведомой фальсификации, т. е. замалчивания одних исторических фактов и тенденциозного

выпячивания и искажённой интерпретации других. Опровергнуть эти мифы можно путём восстановления исторической истины, правдивого воссоздания действительных фактов и тенденций прошлого.

К сожалению, в последние годы представители идеологических течений, защищавших социалистический выбор, не использовали всю совокупность исторических фактов, позволяющих развенчать новейшую историческую мифологию. Как правило, свой анализ судеб социалистической идеи и её практической реализации в СССР они завершали ссылкой на последние ленинские работы. Однако политическая деятельность Ленина прервалась как раз в тот исторический момент, когда Советский Союз только что вышел из первоначальной экстремальной стадии своего развития - гражданской войны и чудовищной послевоенной разрухи, когда только открылись возможности мирного социалистического созидания и когда одновременно только ещё обозначились контуры новой опасности, грозящей делу социалистического строительства в изолированной и отсталой стране, - термидорианского перерождения Октябрьской революции.

После смерти Ленина большевизм расщепился на два непримиримых политических течения: сталинизм и левую оппозицию ("большевики-ленинцы", по их собственному определению, или "троцкисты", по определению сталинистов). В 20-е годы левая оппозиция явилась единственным течением, противопоставившим сталинизму свою идейную программу по всем коренным вопросам мирового коммунистического движения и социалистического строительства в СССР. Она развила и обогатила с учетом нового исторического опыта идеи о путях перехода от капитализма к социализму, о новой экономической политике, о решении национального вопроса в СССР, получившие лишь первоначальную разработку в трудах Ленина.

Именно потому, что сталинизм явился не продолжением, а отрицанием большевизма, он пробивал себе дорогу в ожесточённой борьбе с этим массовым движением в партии, которое выдвигало и обосновывало подлинно социалистическую альтернативу развития советского общества, защищало политические, идейные и нравственные принципы Октябрьской революции, разрушаемые аппаратной бюрократией - главной социальной опорой сталинского режима.

После изгнания в 1927 году левой оппозиции из партии легальная внутрипартийная политическая борьба стала невозможной. Последней попыткой открытого сопротивления утверждению сталинизма явилась деятельность бухаринской группы внутри Политбюро и ЦК, завершившаяся в 1929 году её полной капитуляцией перед Сталиным. Однако борьба внутрипартийных оппозиций со сталинизмом продолжалась ещё на протяжении целого ряда лет. Разумеется, эта борьба развертывалась в иных формах, чем в предыдущее десятилетие. Открытые партийные дискуссии по вопросам внешней и международной политики прекратились. Деятельность новых оппозиций, возникающих внутри партии, носила нелегальный характер, а их участники подвергались не только партийным санкциям, но и жестоким полицейским преследованиям.

На протяжении первой половины 30-х годов наиболее активной оппозиционной силой в коммунистическом движении продолжали оставаться Троцкий,

находившийся в изгнании, и его советские единомышленники, действовавшие либо в подполье, либо в сталинских тюрьмах, лагерях и ссылках.

Левая оппозиция в 30-е годы внесла наиболее значительный вклад в марксистскую теорию, поскольку в её работах содержался научный анализ первого в истории опыта социалистического строительства, хотя и осуществляемого извращёнными методами бюрократического командования над трудящимися массами. Раскрывая гигантские издержки этих методов (характерные не только для данного, но и для всех последующих периодов развития СССР), Троцкий и его единомышленники доказывали, что в условиях демократизации политической жизни и проведения социальной политики, отвечающей интересам не узких привилегированных групп, а широчайших народных масс, удалось бы не только избежать колоссальных человеческих жертв и обвального снижения жизненного уровня народа, но и добиться намного более эффективных экономических результатов.

Рассматриваемый в этой книге период был временем прихода к "троцкистским" идеям новых оппозиций, состоявших из бывших бухаринцев и сталинистов. Этот процесс завершился в 1932 году попыткой объединения старых и новых оппозиционных групп внутри партии.

В данной книге мы попытаемся проследить историю внутрипартийной борьбы 1928-33 годов, сопоставляя следующие основные группы источников: официальные "партийные документы" (решения съездов и пленумов ЦК, выступления Сталина и его приспешников, сталинистская пропаганда); мемуарные свидетельства участников политической жизни тех лет; материалы советских архивов, раскрывающие скрытые от современников важные аспекты исторических событий; оппозиционные документы, в своей основной части не известные советскому читателю.

Знакомство с этими документами наглядно убеждает: всё справедливое, что содержится в современной критике сталинизма, было сказано большевистскими оппозициями уже в конце 20-х - начале 30-х годов. Вместе с тем в документах этих оппозиций встречаются многие выводы и обобщения, отсутствующие в современных исторических работах и в своей совокупности представляющие системную альтернативу сталинизму в экономической, социальной, политической и духовной сферах.

Развитие внутрипартийной борьбы этих лет невозможно рассматривать в отрыве от судеб мирового капитализма, глубокий и всеохватывающий кризис которого, начавшийся в 1914 году, принял особо острые формы в 1929-33 годах. Смена неустойчивого послевоенного "просперити" "великой депрессией", потрясшей весь капиталистический мир, явилась самым убедительным опровержением суждений о том, что большевики, рассматривавшие Октябрьскую революцию как пролог пролетарских и национально - освободительных революций в других странах, переоценили глубину глобальных противоречий капитализма. Однако структурный кризис всей капиталистической системы, развернувшийся в небывалых до того масштабах, не завершился победой социалистических революций, поскольку революционное движение оказалось преданным и подорванным изнутри. Теория "победы социализма в одной стране" способствовала превращению Коминтерна и входивших в него коммунистиче-

ских партий капиталистических стран из революционной силы в средство обеспечения благоприятных внешнеполитических условий для развития СССР. Об упущенных сталинизированным Коминтерном революционных возможностях, открывшихся в начале 30-х годов, ярче всего свидетельствовало поражение немецкого рабочего движения. Сектантские ошибки германской компартии, заблокировавшей создание единого рабочего антифашистского фронта в Германии, открыли дорогу к власти Гитлеру, воспользовавшемуся тем невыносимым положением, в котором оказался немецкий народ под игом грабительского Версальского договора - одного из наиболее уродливых порождений империализма.

Немалую роль в поражении революционных сил на Западе сыграло и то обстоятельство, что вместо силы передового примера, побуждающего другие народы к борьбе за социализм, Советский Союз всё более демонстрировал силу негативного примера, отталкивавшего от коммунистического движения широкие слои трудящихся капиталистических стран. Вместе с тем, ослабление капитализма в 30-е годы явилось тем фактором, который позволил Сталину не только сохранить, но и укрепить свои позиции на международной арене. Таким образом, мировой капиталистический кризис, выступивший подтверждением правильности марксистской теории и большевистской стратегии, объективно способствовал упрочению сталинизма.

Критическое обострение противоречий мирового капитализма хронологически совпало с предельным обострением социальной напряжённости в СССР в результате насильственной коллективизации.

Время для планомерных реформ подлинно социалистического характера было упущено в 1923-27 годах, когда партию непрерывно лихорадило от навязываемой ей беспринципными верхушечными блоками "борьбы с троцкизмом". В этот период все выступления Сталина и его акции в области социально-экономической политики носили внешне "умеренный" характер. Это диктовалось прежде всего его стремлением представить своих идейных противников разжигателями новой гражданской войны и на волне общественных настроений, порождённых этими ложными представлениями, отбросить их от руководства и изгнать из партии. Добившись осуществления этой цели, Сталин получил свободу рук для авантюристических зигзагов во внутренней и внешней политике и сопутствующих им массовых репрессий, которые от года к году становились всё масштабнее и безжалостнее.

При осуществлении на рубеже 30-х годов ультралевого переворота во внутренней политике у Сталина не было продуманной политической стратегии, связанной с реалистической оценкой обстановки в стране и учетом масштабов сопротивления, которое может оказать крестьянство насильственной коллективизации. А. Авторханов справедливо отмечает, что во время своего выступления в 1928 году с докладом "На хлебном фронте", в котором коллективизация объявлялась единственным способом получения государством товарного хлеба, Сталин "едва ли сам представлял себе... , во что всё это выльется конкретно и какие будут издержки этого сложного процесса"¹.

¹ Авторханов А. Технология власти. М., 1991. с. 11.

Сталинская политика 1928-33 годов представляла цепь непрерывных эмпирических зигзагов, переходов от авантюристических "наступлений" к паническим отступлениям, от административного нажима к экономическим уступкам народным массам и вновь к нагнетанию в стране атмосферы "чрезвычайщины". В результате этих зигзагов Сталин не раз оказывался на грани полной политической катастрофы. В один из немногих моментов, когда он позволил себе откровенность, он признал, что борьба с крестьянством была для него более страшным испытанием, чем даже вторая мировая война. В воспоминаниях Черчилля приводится его беседа со Сталиным 15 августа 1942 года. "Скажите мне, - спросил Сталина Черчилль, - на Вас лично так же тяжело сказываются тяготы этой войны, как проведение политики коллективизации?" "Ну, нет, - ответил на это Сталин, - политика коллективизации была страшной борьбой". "Я так и думал, что Вы считаете её тяжёлой, - отреагировал тут же Черчилль, - ведь Вы имели дело не с несколькими тысячами аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей". "С 10 миллионами, - сказал Сталин, подняв руки. - Это было что-то страшное. Это длилось четыре года..."¹

Для правильного понимания перипетий насильственной коллективизации важно прежде всего обладать научным представлением о социально-политической сущности сталинизма. Эта сущность наилучшим образом охватывается понятием "бюрократический центризм", характеризующим содержание политики не только Сталина, но и всех последующих лидеров партии. Хотя официальная советская пропаганда неустанно твердила о том, что "партия вооружена самой передовой научной теорией", марксистская фразеология с конца 20-х годов служила для правящей клики лишь идеологическим камуфляжем сугубо эмпирического политического курса.

Называя Сталина эмпириком, Троцкий неоднократно подчеркивал, что Сталин никогда не обладал теоретически проработанным стратегическим планом и способностью предвидеть ближайшие и тем более отдалённые последствия своей политики; он никогда не исходил в выработке своей тактики из теории и стратегии, а, наоборот, подчинял теорию и стратегию тактическим задачам, диктуемым столкновением с непосредственными и непредвиденными трудностями, к которым приводила его бессистемная и лишённая научного обоснования политика.

Маскируемая абстракциями социалистического словаря прагматическая политика Сталина претерпевала резкие колебания. Если в периоды относительной стабильности внутреннего и внешнего положения страны бюрократический центризм исходил из оппортунистического стремления к сохранению status quo на международной арене и консервации сложившихся общественных отношений внутри страны, то в кризисные периоды он переходил к эклектической политике метаний между политическими крайностями.

Своеобразную параллель сталинской политике "великого перелома" представляла горбачевская "перестройка", которая с полным основанием может быть названа "коллективизацией навыворот". Осуществлявшаяся, подобно

¹ Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Шарля де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М., 1990. с. 178-179.

"сплошной коллективизации", без четкого стратегического плана, научной концепции и ясного представления о целях и последствиях намечаемых преобразований, "перестройка" привела к не менее губительным последствиям для судеб советского народа и всего человечества, чем сталинское "наступление социализма по всему фронту".

В 1928-33 годах грубый эмпиризм в политике приводил к тому, что развитие экономики совершалось путём движения от одного хозяйственного кризиса к другому. Эти кризисы, возникавшие как результат ошибочной политической линии, Сталин неизменно объяснял возрастанием сопротивления классовых врагов. Средством выхода из кризисов избиралась политика "чрезвычайщины", административного нажима и жесточайших репрессий, распространявшихся на всё более широкие слои населения. Пытаясь с помощью такой политики спастись от экономических трудностей, Сталин вступил в борьбу с кулачеством, переросшую в фронтальное столкновение со всем крестьянством, фактически спровоцировал его на новую гражданскую войну.

Как в официальной советской, так и в антикоммунистической историографии, хотя и по разным причинам, при описании сталинских репрессий акцент обычно делался на том, что все они осуществлялись по отношению к "кроликам" (пользуясь выражением А. Солженицына), не склонным к сопротивлению господствующему режиму. Однако в действительности такими "кроликами" не были ни белогвардейские заговорщики, продолжавшие в 20-30-е годы всеми доступными им методами вести активную борьбу за реставрацию капитализма, ни крестьяне, отвечавшие на насильственную коллективизацию массовыми восстаниями, ни большевики-оппозиционеры, боровшиеся против Сталина во имя возрождения социалистических принципов. Все эти силы, глубоко разнообразные по своим умыслам и действиям, Сталин провокационно объединял в единую амальгаму под общим ярлыком "врагов народа".

Зачастую в зарубежной и современной советской исторической литературе развязанный Сталиным с конца 20-х годов государственный террор рассматривается как закономерное продолжение борьбы большевиков с противниками Октябрьской революции в годы гражданской войны. Такое отождествление сознательно скрадывает коренные отличия в масштабах, функциях и объектах политических репрессий в ленинскую и сталинскую эпохи. Репрессии времён гражданской войны осуществлялись большевиками при активной поддержке масс, в обстановке, когда партия и её вожди разделяли с народом его жертвы и лишения. Удары наносились по силам старого режима, имевшим в своем распоряжении превосходно вооружённые и организованные армии, получавшим огромную материальную и финансовую помощь из-за рубежа. Непосредственные боевые действия против белых армий дополнялись борьбой с заговорами в тылу (во время гражданских войн разграничительная линия, отделяющая фронт от тыла, является вообще условной), служившими той же цели - контрреволюционной реставрации, т. е. восстановлению привилегий бывших господствующих классов царской России. В отличие от этого "террор 30-х годов был хранителем неравенства. Уже самим своим характером он был антинароден, и, будучи потенциально и действительно направленным против большинства, он был тотальным и огульным". Приведение в действие с начала коллек-

тивизации гигантского репрессивного государственного механизма "привело к постоянным инъекциям таких чудовищных доз страха в такие обширные части социального организма, что отравленным неизбежно оказалось всё тело. Стоило пустить в ход машину террора, превышавшего по размерам всё виданное дотопе, как она развила собственную инерцию, не поддававшуюся контролю"¹.

Сразу же после окончания гражданской войны политические репрессии резко пошли на убыль. В середине 20-х годов количество заключённых в советских тюрьмах и лагерях не превышало 100-150 тыс. человек. Из этого числа лишь несколько сот были осуждены по политическим мотивам. С 1928 года население лагерей стало неуклонно расти, достигнув в 1934 году более полу-миллиона человек. Свыше четверти от этого числа составляли политические заключённые.

Репрессивные кампании Сталина вытекали из его страха не только перед крестьянством, но и перед рабочим классом и прежде всего его революционным авангардом - левой оппозицией. Всё нараставшая волна массового насилия была направлена не против врагов Октябрьской революции, а против врагов, которых создавал сам сталинский режим: крестьян, сопротивлявшихся насильственной коллективизации, и участников коммунистических оппозиций.

Своей авантюристической политикой в области экономики и массовыми репрессиями Сталин непрерывно добавлял к изначальным врагам Советской власти все новые и новые тысячи её действительных и потенциальных противников, отождествлявших социализм со сталинским режимом.

Одновременно с ударами по крестьянству - наиболее массовой силе сопротивления сталинскому режиму - жестокие удары наносились и по коммунистам, "виновным" в нерешительности, либо, напротив, в последовательности и усердии при проведении продиктованной Сталиным политики. Списание ответственности за провалы своего политического курса на его исполнителей было неизменной чертой сталинского правления.

Массовые репрессии не избавляли от дальнейших экономических провалов, а способствовали их приумножению. Авантюристические и произвольные решения выполнялись лишь частично и при этом неоправданно высокой ценой. Так, принудительная коллективизация не только до предела истощила производительные силы деревни, но и фактически затормозила развитие индустриализации.

Если власть устояла в начале 30-х годов, то не благодаря сталинскому руководству, а вопреки ему. Победа Сталина и возглавляемой им бюрократии в гражданской войне с крестьянством объяснялась тем, что рабочий класс противился реставрации капиталистических отношений, к которой неминуемо привела бы победа "русской Вандеи", и поэтому поддерживал бюрократию в её конвульсивной борьбе с крестьянскими массами. Кроме того, в эти годы город относительно слабо чувствовал репрессии, обрушивавшиеся преимущественно на сельское население. Наконец, немаловажное значение имело и то обстоятельство, что именно в этот период Сталин формировал социальную

¹ Дойчер И. Изгнание Троцкого. М., 1991. с. 177.

опору своего режима в лице привилегированных слоёв, к которым, помимо правящей бюрократии, относились рабочая аристократия и верхушечная интеллигенция.

Тем не менее положение Сталина к исходу рассматриваемого в этой книге периода было крайне непрочным. Своей политикой он восстановил против себя все классы и социальные группы советского общества, включая даже значительную часть правящей бюрократии. Несмотря на кажущийся триумф Сталина в борьбе со своими политическими противниками, значительная часть большевиков не считала его победу окончательной. Об этом свидетельствует попытка образования в 1932 году блока, состоявшего из представителей всех антисталинских оппозиций.

Сложные перипетии внутрипартийной борьбы 1928-33 годов будут главным предметом рассмотрения в нашей книге.

I

Хозяйственный кризис 1927 года

Избранный в 1925-27 годах правящей фракцией курс на фермерско-капиталистическое развитие деревни очень скоро обнаружил свою несостоятельность. В результате товарного голода, отсутствия промышленных товаров, которые можно было предложить деревне, государство, несмотря на рост хлебных запасов у зажиточных слоёв крестьянства, сталкивалось со всё более серьезными трудностями в получении хлеба, необходимого для снабжения городов и выполнения экспортно-импортных планов.

Внутри Политбюро первым обратил на это внимание Бухарин, который в конце 1927 года называл две "роковые проблемы", вставшие перед партией: проблему хлебозаготовок и проблему капиталовложений в тяжёлую индустрию, которая, по его словам, будет "мучительно и жгуче стоять в течение ближайших 15 лет"¹. Именно Бухарин выступил перед XV съездом партии с лозунгом "форсированного нажима на кулака". Этот лозунг был включён в тезисы ЦК, вынесенные на предсъездовскую дискуссию.

В конгртезисах оппозиции к XV съезду отмечалось, что "наконец-то, - с опозданием на два с лишним года - ЦК провозглашает лозунг нажима на кулака и нэпмана. Этот лозунг, если его брать всерьез, предполагает изменение всей политики, новую группировку сил, новую ориентировку всех государственных органов... Ведь ни кулак, с одной стороны, ни бедняк - с другой, не забыли, что в течение двух лет ЦК отстаивал совсем другую политику. Совершенно очевидно, - что, замалчивая эту свою прежнюю установку, авторы тезисов исходят из мысли, будто для изменения политики достаточно дать новый "приказ"². Оппозиция подчеркивала, что только стремлением правящей фракции скрыть свое политическое банкротство объясняется её попытка обосновать необходимость "форсированного нажима" на кулака и нэпмана их "ослаблением".

В предсъездовских документах оппозиции назывались основные факторы, ведущие к близкому хозяйственному кризису: нехватка промышленных товаров вследствие медленного развития индустриализации; накопление хлебных запасов в руках верхушечных слоёв деревни в результате её растущего социального расслоения; попытка правящей фракции выйти из экономических трудностей путём выпуска бумажных денег, не обеспеченных товарным покрытием.

Сталинско-бухаринская фракция, обеспечив "монолитность" состава XV съезда, не только заменила грубой, разнузданной бранью по адресу оппозиции обсуждение её документов. Она скрыла даже от делегатов съезда тот факт, что к его моменту (декабрь 1927 года) плановые заготовки хлеба упали на 42 % по сравнению с тем же периодом предыдущего года. Делегаты не узнали и о том,

¹ Бухарин Н. И. Основные задачи партии. М., 1927. с. 37, 45.

² Правда. 17 ноября 1927 г.

что накануне съезда Политбюро провело несколько заседаний, на которых обсуждались пути преодоления хлебозаготовительного кризиса, угрожавшего значительно превзойти по своим масштабам и последствиям аналогичные "осенние заминки" 1925 года и поставить города перед угрозой хлебной блокады¹.

К этому времени полностью подтвердились прогнозы оппозиции об обострении диспропорции между развитием промышленности и сельского хозяйства и росте инфляции, выступавшей в форме хронического товарного голода. Однако это не побудило Политбюро планомерно изменить свою политику в духе требований левой оппозиции. В докладе на съезде Сталин отверг её констатации и предостережения, заявив, что опережающий темп производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления, неизбежный в условиях индустриализации, делает неизбежным "элементы товарного голода на ближайший ряд лет". В этой связи он обвинил деятелей левой оппозиции в том, что они "черпают материалы для своей идеологии в спекулянтских хвостах и кричат о товарном голоде, требуя вместе с тем "сверхиндустриализации". Но это чепуха, товарищи"².

Столь же упрямо сталинско-бухаринское руководство игнорировало предостережения левой оппозиции об обострении хлебной проблемы в результате усиления экономической мощи и влияния кулака. На XV съезде предложение оппозиции о принудительном займе в 150-200 млн. пудов хлеба у 10 % наиболее богатых крестьянских хозяйств было объявлено Молотовым при поддержке Сталина срывом политики нэпа. "Тот, кто теперь предлагает нам эту политику принудительного займа, - говорил Молотов, - ... каким бы добрым желанием ни было это предложение проникнуто - тот враг рабочих и крестьян, враг союза рабочих и крестьян. (Сталин: Правильно!)"³.

Вместе с тем Политбюро вынесло на съезд программу известной трансформации нэпа, включавшую переход к технической реконструкции всего народного хозяйства, усилению плановых начал в управлении экономикой и ограничению капиталистических элементов города и деревни. Все эти идеи, равно как и некоторые практические меры, осуществлённые в преддверии съезда, например, освобождение от уплаты сельхозналога 35 % крестьянских хозяйств (маломощных, бедняцких слоёв деревни), были, по сути дела, взяты из оппозиционной платформы.

Определённые изменения были внесены правящей фракцией и в проект пятилетнего плана, первый вариант которого намечал крайне низкие темпы развития промышленности. Это объяснялось его разработчиками необходимостью соблюдения пропорциональности между накоплением и потреблением, отказа от "максимума темпа накопления". Однако и личное потребление на душу населения должно было возрасти по этому варианту плана за пять лет всего на 12 %. Крайняя робость этого замысла пятилетки ярче всего прояви-

¹ См. Вопросы истории КПСС. 1990. № 3. с. 69.

² XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. т. I. 1962. с. 66.

³ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). т. II. с. 1222.

лась в том, что к её концу государственный бюджет должен был составить всего 16 % национального дохода, тогда как даже в царской России он составлял 18 %. Впоследствии Троцкий отмечал, что "инженеры и экономисты, составлявшие этот план, были несколько лет спустя сурово наказаны по суду, как сознательные вредители, действовавшие под указку иностранной державы. Обвиняемые могли бы, если бы смели, ответить, что их плановая работа целиком соответствовала тогдашней "генеральной линии" Политбюро и совершалась под его указку"¹.

В сталинистской историко-партийной литературе XV съезд именовался съездом коллективизации. Однако это определение неадекватно характеризует содержание этого съезда. Поскольку он был всецело вовлечён в "добывание" оппозиции, обсуждение назревших изменений в аграрной политике заняло на нем второстепенное место. Идея коллективизации в отчётном докладе Сталина, в докладах Рыкова и Молотова (о директивах по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства и о работе в деревне) и в резолюциях по этим докладам была сформулирована как политика, рассчитанная на неопределённо отдалённую перспективу. "Мы знаем, - говорил Молотов, - что развитие индивидуального хозяйства по пути к социализму - есть путь медленный, есть путь длительный. Требуется немало лет для того, чтобы перейти от индивидуального к общественному (коллективному) хозяйству... Мы знаем хорошо, что сам нэп - так называемая "новая экономическая политика" - был уступкой среднему крестьянину, мелкому собственнику, мелкому хозяйчику, который ещё предпочитает индивидуальное хозяйство коллективному хозяйству. Этой политики мы придерживались, придерживаемся и будем придерживаться, пока существует мелкое крестьянское хозяйство"². Такой подход оставлял полностью открытым вопрос о сроках и методах коллективизации.

Между тем в распоряжении Молотова, возглавлявшего комиссию по подготовке тезисов о работе в деревне, были разработки крупных учёных-аграрников, в том числе директора НИИ сельскохозяйственной экономики и политики А. В. Чайнова. В записке Чайнова Молотову подчеркивалось, что в результате ликвидации высокотоварных помещичьих и крупных кулацких хозяйств сельское хозяйство ещё в большей степени, чем до революции, стало базироваться на производстве докапиталистического семейного типа, с обострёнными "кабальными взаимоотношениями в области сдачи и найма инвентаря и рабочего скота". После введения нэпа, открывшего простор развитию рыночных отношений в деревне, в этом массиве "снивелированных хозяйств" вновь стали обозначаться процессы капиталистической дифференциации фермерского типа. Хотя эти процессы в известной степени сдерживались социальной политикой государства, они тем не менее развязывали рыночную стихию на селе, угрожавшую перерождением докапиталистических семейных форм крестьянского хозяйства в фермерские хозяйства, и, следовательно, сменной социальной базиса сельскохозяйственного производства. Чайнов отвергал точку зрения тех экономистов, которые считали такую эволюцию наиболее

¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. с. 30.

² XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). т. II. с. 1185.

желательным способом подъёма производительных сил сельского хозяйства. Он высказывал убеждение в полной возможности развивать количественное накопление социалистических элементов в деревне по следующим направлениям: кредит - закупка - сбыт - вспомогательные предприятия - организация первичной переработки сельхозпродукции - организация совместной обработки земли и обобществление целого ряда отраслей сельского хозяйства. Такого рода линия, по его мнению, могла противостоять тенденциям фермерского типа и создать систему общественного кооперативного хозяйства, которое постепенно сможет заменить индивидуальные parcelлы крупными предприятиями колхозного типа¹.

Однако такая реалистическая программа постепенной коллективизации сельского хозяйства полностью отсутствовала у Молотова, который не рассматривал коллективизацию в качестве актуальной задачи социально-экономической политики партии. "Нельзя, конечно забывать, - повторял он в заключительном слове на съезде, - что на ближайшие годы наше сельское хозяйство будет развиваться главным образом как масса мелких крестьянских хозяйств"².

Ничто не предвещало на съезде и коренного изменения политики партии по отношению к кулаку. Молотов даже косвенно критиковал "справа" бухаринский лозунг о "форсированном наступлении" на кулака, заявив, что "этой формулой ничего нового не говорят"³. "Основной рычаг" в наступлении на капиталистические элементы деревни, как утверждал Молотов, заключается в убеждении середняка и поощрении государством "элементов" крупного общественного крестьянского хозяйства. Доклад Молотова содержал многочисленные предупреждения против применения в этих целях метода принуждения, призывы к "осмотрительности, осторожности, неторопливости, постепенности и т. п."⁴. При всей справедливости этих общих рассуждений они свидетельствовали об отсутствии у правящей фракции отчётливой программы преобразований в деревне, где скрещивались наиболее острые противоречия экономического и социального развития страны. Этим, в первую очередь, объяснялись последующие трагические события, вызванные ошеломляющим стремительным поворотом от "осторожной" и "неторопливой" политики к ультралевому авантюристическому курсу.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. с. 214-218.

² XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). т. II. с. 1382.

³ Там же. с. 1207.

⁴ Там же. с. 1209.

II

Первый тур чрезвычайных мер

Для понимания сравнительной лёгкости, с которой Сталину удалось сразу же после XV съезда осуществить этот поворот, важно учитывать сложившуюся к этому времени реальную расстановку классовых сил. В рядах партии, рабочего класса и среди деревенской бедноты нарастало нравственное негодование в связи с растущим социальным расслоением, укреплением экономической силы кулака и нэпмана. Это негодование Сталин умело использовал при осуществлении политического поворота 1928-29 годов.

Анализируя причины и последствия победы Сталина над левой оппозицией, Троцкий писал: "Здесь, несомненно сказалось маневренное комбинаторское искусство Сталина, правда, в очень благоприятной для него лично обстановке. Он использовал правую для исключения левой оппозиции, ибо только у правого крыла были серьезные принципиальные основы бояться левой политики. Но так как исключение левой оппозиции вызвало в широких кругах партии раздражение, недовольство правым крылом, то Сталин сумел использовать это недовольство для удара против правых. Он всё время оставался, если не примирителем, то умиротворяющим элементом, который будто бы стремился свести к минимуму неизбежные жертвы и который сумел при этом возлагать ответственность за суровые меры на то или другое крыло партии"¹.

Как справедливо отмечается в книге А. Авторханова "Технология власти", главным, ведущим теоретиком и идеологом "борьбы с троцкизмом" был Бухарин, без пропагандной машины и теоретической лаборатории которого "Сталин погиб бы ещё в первой схватке с троцкистами, не говоря уже об объединённом блоке троцкистов и зиновьевцев"². Широкие круги партии объясняли относительно лёгкую победу сталинско-бухаринской фракции над левой оппозицией "теоретической мощью" Бухарина. Именно в борьбе против "троцкизма" Бухарин приобрел репутацию ведущего теоретика партии. Пока левая оппозиция не была разгромлена, Сталин защищал Бухарина от её критики, подчеркивал его заслуги и не препятствовал созданию "культа Бухарина", на которого партийная печать ссылалась значительно чаще, чем на Сталина. Более того, в отличие от Бухарина, Сталин в полемике с оппозицией заявлял, что он "никогда не претендовал на что-либо новое в теории"³.

В 1926-27 годах Троцкий неоднократно подчеркивал, что внутри правящей фракции отсутствует идейное единство. Он разграничивал центристскую позицию сталинской группы и "правую" позицию Бухарина, Рыкова и Томского, трёх влиятельных и авторитетных партийных лидеров, входивших в состав Политбюро ещё при жизни Ленина. Для этой тройки и прежде всего Бухарина, выступавшего главным разработчиком социально-экономической политики в

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. т. II. М., 1990, с. 246.

² Авторханов А. Технология власти. с. 108.

³ Сталин И. В. Соч. т. 9. с. 116.

1925-26 годах, как справедливо отмечает С. Коэн, "1927 год начался как год оптимистической переоценки перспектив, а закончился серией взаимозависимых кризисов, подорвавших их экономическую политику и потрясших их политическое будущее"¹.

Угрожающее сокращение поставок зерна в конце 1927 года поставило под вопрос программу плавной трансформации нэпа, которую Бухарин пытался разработать перед XV съездом. Зажиточные слои деревни, экономическая мощь которых намного превосходила их численность (уже весной 1926 года в руках 6 % крестьянских хозяйств было сосредоточено около 60 % товарного зерна), фактически прекратили продажу зерна государственным заготовителям и кооперации, придерживая его до весны, когда возникнет более благоприятная рыночная конъюнктура.

Как писал впоследствии Троцкий, сталинская фракция, неожиданно для себя столкнувшись с этой крупной "хлебной забастовкой", стихийно прокатившейся по всей стране, пыталась объяснить её "голой враждебностью кулака (откуда он взялся?) к социалистическому государству, т. е. политическими мотивами общего порядка. Но к такого рода "идеализму" кулак мало склонен. Если он скрывал свой хлеб, то потому, что торговая сделка оказывалась невыгодной. По той же причине ему давалось подчинять своему влиянию широкие слои деревни"².

Такое поведение зажиточных слоёв крестьянства облегчалось тем, что в середине 20-х годов и в городе, и в деревне действовали частные перекупщики, оперировавшие крупными партиями зерна, достигавшими 10-12 тыс. пудов. Вплоть до перехода к чрезвычайным мерам ничто не предвещало того, что свободная продажа хлеба может быть административно запрещена, а частные торговцы станут преследоваться в судебном порядке как спекулянты.

Оказавшись перед угрозой надвигающегося голода в городах, Политбюро сразу после XV съезда круто поменяло его принципиальные установки, предусматривающие относительное сокращение капиталистических элементов города и деревни "при возможном ещё (их) абсолютном росте"³, постепенное ограничение и вытеснение кулака с помощью экономических, но отнюдь не административных, тем более - чрезвычайных мер.

Эти установки, представлявшие официальное политическое кредо правящей фракции, в 1925-27 годах полностью разделялись Сталиным, который неоднократно говорил об "осереднячивании" советской деревни, т. е. о сужении её крайних полюсов - бедноты и кулачества. На XIV съезде ВКП(б) (декабрь 1925 года) он утверждал, что на XIV всесоюзной партконференции было провозглашено расширение нэпа, означающее дальнейшие уступки крестьянству, которое "не может жить в, данных условиях... без известного оживления капитализма"⁴. За несколько месяцев до этого он предлагал "всячески умерять" борьбу с кулаком, "регулируя её в порядке соглашений и взаимных уступок и

¹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. М., 1988. с. 324.

² Троцкий Л. Д. Преданная революция. с. 31.

³ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). т. II. с. 1444.

⁴ Сталин И. В. Соч. т. 7. с. 357.

ни в коем случае не доводя её до резких форм, до столкновений... Мы вполне можем и должны обойтись здесь без разжигания борьбы и связанных с ней осложнений¹.

В октябре 1927 года Сталин обвинял Зиновьева и Каменева в том, что они якобы предлагали перейти к политике раскулачивания, означавшей, по его словам, "по сути дела, политику восстановления гражданской войны в деревне"². Спустя месяц он развил эту мысль следующим образом: "Вести политику разлада с большинством крестьянства - значит открыть гражданскую войну в деревне, ... сорвать всю нашу строительную работу, сорвать весь наш план индустриализации страны"³. "Умиротворение деревни" Сталин рассматривал как "одно из основных условий для строительства социализма"⁴. Таким образом, в те годы едва ли кто-нибудь мог представить, что главный "умиротворитель" деревни скоро станет инициатором проведения прямо противоположной политики, которая будет стоить стране невероятных материальных и человеческих жертв.

Впервые признав на XV съезде "известный рост кулачества в деревне", Сталин тем не менее крайне осторожно формулировал задачу "экономической изоляции" кулачества: "Не правы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулачеством в порядке административных мер, через ГПУ... Кулака надо взять мерами экономического порядка и на основе советской законности"⁵.

Лишь столкнувшись с острым кризисом хлебозаготовок, Сталин буквально в считанные дни превратился из "умиротворителя" деревни в самого жестокого её "усмирителя", причем с помощью таких методов, какие до тех пор не предлагались никем в партии. Не имея в этом, как и в других коренных социально-экономических вопросах, четкого стратегического плана, он осуществлял изменение провозглашённой XV съездом политики сугубо эмпирическим путём, с использованием попятных движений как на практике, так и в идеологической сфере.

На первых порах весьма серьезные "подвижки" в практической политике осуществлялись Сталиным при поддержке всего Политбюро, в том числе и будущей бухаринской "тройки". Уже во время работы XV съезда состоялось совещание местных партийных работников у Рыкова, на котором, по словам одного из его участников, "центр начал завинчивать гайки по части серьезности с хлебозаготовками".

14 и 24 декабря 1927 года были разосланы на места секретные директивы ЦК с требованиями во что бы то ни стало увеличить объём хлебозаготовок. Для решения этой задачи предлагалось использовать ещё сравнительно мягкие меры: изымать денежные накопления в деревне путём максимального ускорения всех платежей крестьян по налогам, страхованию, ссудам, организации

¹ Там же. с. 177, 179.

² Сталин И. В. Соч. т. 10. с. 196-197.

³ Там же. с. 259.

⁴ Там же. с. 197.

⁵ Там же. с. 311.

сбора авансов под промышленные товары и сельскохозяйственные машины и т. д.

Поскольку эти директивы "не возымели действия", ЦК направил 6 января 1928 года третью директиву, говоря словами самого Сталина, "совершенно исключительную как по своему тону, так и по своим требованиям"¹. Эта директива, по существу открывшая политику чрезвычайных мер, возлагала вину за трудности в хлебозаготовках на местный партийный, советский и кооперативный аппарат. Она требовала применения "особых репрессивных мер ... в отношении кулаков и спекулянтов, срывающих сельскохозяйственные цены" и предупреждала, что ЦК будет поставлен "перед необходимостью замены нынешних руководителей парторганизаций", которые не добьются в месячный срок решительного перелома в хлебозаготовках. В следующей директиве от 14 января говорилось о решении ЦК "нажать зверски на наши парторганизации" и подтверждалось требование арестовывать "спекулянтов, кулачков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен". Называя Урал и Сибирь последним резервом выкачки из села хлебных запасов, директива подчеркивала, что в этих регионах "нажать ... нужно отчаянно"².

Эти директивы явились результатом единогласного решения Политбюро о применении чрезвычайных мер, т. е. административного и судебного нажима на зажиточных крестьян с целью принудить их продавать излишки зерна государству по низким закупочным ценам. При этом имелось в виду применить такой нажим лишь к наиболее крупным кулакам, придерживавшим более чем по 30 тонн зерна. Однако даже на это решение не только будущая оппозиционная "тройка", но и другие члены Политбюро согласились не без существенных колебаний. На апрельском Пленуме ЦК и ЦКК 1929 года Калинин говорил: "За чрезвычайные меры прошлого года голосовало единогласно всё Политбюро, в том числе и я. Однако это не значит, что я тоже был за чрезвычайные меры"³.

Партийные лидеры не могли не понимать, что речь шла по существу дела о возврате к комбедовским методам продразвёрстки, строжайшая недопустимость которых подчеркивалась Сталиным и другими руководителями правящей фракции на протяжении предшествующих лет.

Руководство проведением чрезвычайных мер было возложено непосредственно на членов Политбюро. В 70-е годы престарелый Молотов вспоминал, что уже 1 января 1928 года ему "пришлось быть в Мелитополе по хлебозаготовкам. На Украине. Выкачивать хлеб"⁴.

В середине января Молотов выехал на Урал, а Сталин направился в Сибирь (эта поездка явилась последней в его жизни "рабочей" поездкой по стране). Некоторые записи выступлений Сталина во время сибирской поездки, равно как большинство его других выступлений 1928 года, обосновывавших адми-

¹ Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 11.

² Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. с. 195-196; Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. с. 70, 72.

³ Вопросы истории КПСС. 1989. № 10. с. 109.

⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. с. 376.

нистративное ужесточение политики в деревне, были опубликованы только в 1949 году.

Во время этой трёхнедельной поездки, маршрут которой был тщательно за-конспирирован, Сталин собирал совещания партийного актива, на которых в самой резкой форме требовал от местных партийных работников беспощадно применять к крестьянам, отказывающимся продавать хлеб государству, 107 статью Уголовного Кодекса, устанавливавшую уголовную ответственность (лишение свободы с полной или частичной конфискацией имущества) за "злостное повышение цен на товары путём скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок". Столь же резко Сталин требовал немедленного снятия с постов прокуроров и судей, партийных и советских работников, проявлявших нерешительность в применении этих мер.

В своих сибирских выступлениях Сталин недвусмысленно давал понять, что чрезвычайные меры должны быть направлены не только против кулака, но и против середняка. Заявив в одном из выступлений, что "аргументация силовая имеет такое же значение, как аргументация экономическая", он пояснил, в чём именно должна заключаться эта "аргументация": "Средняк как думает? Он думает: "Хорошо, если бы заплатили больше, но тут дело темное. Петруху посадили, Ванюшку посадили - могут и меня посадить. Нет уж, лучше я продам хлеб. С Советской властью нельзя не считаться". И эта силовая аргументация производит свое влияние на середняка"¹.

Ещё до приезда Сталина в округах и районах Сибирского края для борьбы с крупными держателями хлеба и его частными скупщиками были созданы чрезвычайные "тройки", которым были подчинены все советские и правоохранительные органы. Однако в этот период действия сибирских парторганов были ещё относительно сдержанными. Согласно решению крайкома, предполагалось отдать под суд не более 0,5-1,5 тыс. владельцев наиболее богатых кулацких хозяйств, укрывавших крупные запасы хлеба, т. е. примерно 1 % от общего числа кулаков, насчитывавшихся в Сибири.

Положение резко изменилось после приезда Сталина, который на встречах с партийным активом заявлял: "Стране нужен хлеб"; "Хлеб надо взять"; "Если мы имеем хлеб, значит можем строить социализм, если хлеба нет, значит не можем". В соответствии с его требованием проводить дела по 107 статье в особо срочном и форсированном порядке, Сибкрайком принял решение о расследовании таких дел в 24 часа и рассмотрении их выездными сессиями судов в течение трёх суток без участия защиты. Народным судам запрещалось выносить по этим делам оправдательные или условные приговоры, а окружным судам - смягчать приговоры и удовлетворять кассационные жалобы (последняя мера была отменена только после её опротестования 25 февраля прокурором РСФСР Крыленко).

В своих сибирских выступлениях Сталин резко отвергал высказывавшиеся местными работниками опасения, что чрезвычайные меры ухудшат положение в деревне. За недостаточную активность в применении чрезвычайных мер с января по май 1928 года 1434 сибирских коммуниста были привлечены к пар-

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. с. 211.

тийной ответственности, 278 из них были исключены из партии. Многие партийные, советские, кооперативные работники были сняты со своих постов. Практиковались краткосрочные аресты в административном порядке председателей и членов сельсоветов, руководителей кооперативных организаций. На волне этой "чрезвычайной" истерии выдвигались наиболее жестокие исполнители, типа уполномоченного по хлебозаготовкам, заявившего в ответ на отказ местных работников от незаконных действий - "Вам товарищ Сталин дал лозунг - нажимай, бей, дави"¹.

Во время проведения хлебозаготовок в Сибири широко практиковались усиленные сборы с крестьян по различным платежам, описывание и распродажа их имущества, досрочный сбор сельхозналога и репрессии против недомышленников, большинство которых составляли середняки, не имевшие средств на уплату налогов. Во многих селах проводились сплошные обходы и обыски крестьянских дворов, сопровождавшиеся арестами тех их владельцев, у которых были обнаружены запасы хлеба. Чтобы заручиться поддержкой чрезвычайных мер со стороны бедноты, ей было обещано предоставлять до 25 % конфискованного хлеба на семейные нужды.

Суды, превратившиеся в исполнительные аппараты в руках троек и уполномоченных, принимали решения конфисковывать не только хлеб, но также скот и сельскохозяйственную технику. По неполным данным, за первую половину 1928 года в Сибири было осуждено более 2200 крестьян. Все эти меры, широко применявшиеся и в других регионах, получили название "урало-сибирского метода хлебозаготовок".

В результате применения этих методов крестьяне начали сдавать хлеб. Спустя несколько дней после приезда в Сибирь Сталин сообщил в ЦК, что "можно наверстать потерянное при зверском нажиме", а ещё через 2 недели информировал, что за последнюю пятидневку января сверх обычной нормы 1200 тыс. пудов заготовлено около 3 млн. пудов зерна. В связи с этим он делал вывод, что повышенные планы заготовок будут выполнены, "если нажим будет продолжаться с неослабевающей силой"².

Однако даже при "зверском нажиме" обнаружилось, что в Сибири имеется сравнительно немного хозяйств с зерновыми запасами свыше 1,87 тыс. пудов (30 тонн), к которым, согласно решению Политбюро, следовало применять судебные санкции. В среднем конфискация зерна по приговору судов составила 886 пудов на хозяйство.

Реакцией на применение чрезвычайных мер в Сибири стало 13 крестьянских вооружённых выступлений, в которых участвовало от 15 до 300 человек. Намного большим было число террористических актов против организаторов хлебозаготовок.

Чрезвычайные меры застали врасплох сельских коммунистов, многие из которых проявляли растерянность и отрицательное отношение к жестоким мероприятиям по выкачке хлеба. Такие настроения были зафиксированы в специальной сводке Сибирского управления ОГПУ от 10 февраля 1928 года, где

¹ См. Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. с. 74-76.

² Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. с. 201; № 7. с. 178.

приводились типичные высказывания бедняков-коммунистов или комсомольцев: "проводимая партией политика ведёт нас к разорению", "этот нажим пахнет 20-м годом"; "крестьянам, видимо, придётся ковать пики, как в 1919-20 годах и стоять за себя". Председатель Политотдела Степанов говорил: "Оппозиция была права, ибо такая политика ЦК привела к кризису", за что был немедленно снят с работы¹.

Под влиянием такого рода событий и настроений летом 1928 года началось выправление "перегибов". Были освобождены 494 человека, осуждённые в связи с хлебозаготовками. Одновременно было возбуждено 801 уголовное дело против должностных лиц, совершивших злоупотребления при хлебозаготовках, т. е. непосредственных исполнителей сталинских указаний. Во второй половине 1928 года массовые антисоветские выступления в Сибири прекратились.

Во время сибирской поездки Сталин впервые охарактеризовал хлебный кризис не только как результат "кулацкого саботажа", но и как следствие слабого развития колхозов и совхозов. В связи с этим он не сводил текущие задачи политики в деревне лишь к ликвидации права крестьян свободно распоряжаться своими хлебными излишками. "Чтобы поставить хлебозаготовки на более или менее удовлетворительную основу", он призвал "покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами (и совхозами), способными заменить, как сдатчика хлеба государству, не только кулаков, но и индивидуальных крестьян"². В соответствии с этой установкой 1 марта 1928 года в местные партийные организации было направлено циркулярное письмо "О весенней посевной кампании", указывавшее, что "вся работа местных парторганизаций по проведению посевной кампании будет расцениваться в зависимости от успехов в деле расширения посевов и коллективизации крестьянских хозяйств"³.

Эта установка, публично не провозглашавшаяся и фактически не реализовавшаяся вплоть до конца 1929 года, представляла решительный разрыв с недавними официальными установками самого Сталина. В ноябре 1927 года в беседе с иностранными делегациями Сталин заявил: "Мы думаем осуществить коллективизм в сельском хозяйстве постепенно, мерами экономического, финансового и культурно-политического порядка. Я думаю, что наиболее интересным вопросом является вопрос о мерах экономического порядка". Далее Сталин со всей определённостью утверждал, что "всеохватывающая коллективизация наступит тогда, когда крестьянские хозяйства будут перестроены на новой технической базе в порядке механизации и электрификации ... К этому дело идёт, но к этому дело ещё не пришло и не скоро придёт"⁴.

В докладе на XV съезде Сталин признавал "сравнительно медленный темп развития сельского хозяйства" (которое, как он уверял на предшествующем съезде, якобы развивается "семимильными шагами") и усматривал "выход" для

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. с. 179-182.

² Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 5, 7.

³ История СССР. 1990. № 5. с. 17.

⁴ Сталин И. В. Соч. т. 10. с. 221, 225.

сельского хозяйства в том, чтобы "мелкие и мельчайшие хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия"¹.

Дальнейшая смена акцентов произошла в начале 1928 года, когда Сталин стал рассматривать коллективизацию не с точки зрения подъёма производительных сил сельского хозяйства и преобразования социальных отношений в деревне, а прежде всего как более удобный для государства метод получения хлеба. Однако вплоть до конца 1929 года он продолжал в официальных выступлениях характеризовать сплошную коллективизацию как задачу, рассчитанную на неопределённо длительный срок.

После возвращения в Москву Сталин 13 февраля "по поручению ЦК ВКП (б)" направил во все партийные организации секретное письмо "Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии". В нем отмечалось, что к январю 1928 года заготовки зерна едва достигли 300 млн. пудов против 428 млн. пудов к январю 1927 года. Неудача хлебозаготовок объяснялась тем, что "в наших организациях, как в партийных, так и в иных, народились в последнее время известные, чуждые партии, элементы, не видящие классов в деревне, не понимающие основ нашей классовой политики и пытающиеся вести работу таким образом, чтобы никого не обидеть в деревне, жить в мире с кулаком и вообще сохранить популярность среди "всех слоёв" деревни"².

Сталин признавал, что ответственность за ошибки, приведшие к хлебозаготовительному кризису, лежит не только на местных партийных организациях, но прежде всего на ЦК. Однако исключительно на местные организации возлагалась им вина за "искажения и перегибы" в ходе хлебозаготовительной кампании: применение продразвёрсточных мер, создание заградительных отрядов между отдельными районами, злоупотребления арестами, незаконную конфискацию излишков хлеба и т. д.

На деле все эти "перегибы" приобрели чрезвычайно широкие масштабы, как мы видели, именно со времени поездки Сталина в Сибирь. По примеру Сталина, снявшего с работы и исключившего из партии за "мягкость", "примиренчество", "срастание с кулаком" многие десятки сибирских работников, действовали партийные организации в других регионах. Так, на Урале за январь-март 1928 года были сняты со своих постов 1157 партийных, советских и кооперативных работников. Повсеместно происходило закрытие рынков, конфискация не только товарных излишков, но и хлебных запасов, необходимых крестьянским хозяйствам для собственного производства и потребления.

Секретарь ВЦИК А. С. Киселёв в докладе на заседании комфракции Президиума ВЦИК 26 марта 1928 г. приводил многочисленные примеры, свидетельствующие, что в арсенал методов хлебозаготовок повсеместно входили не только пресечение продажи и перепродажи зерна по ценам, предлагаемым частными заготовителями, но обложение крестьянских дворов (не только ку-

¹ Там же. с. 304-306.

² Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 13.

лацких, но середняцких и даже бедняцких) дополнительными налогами, принудительное размещение "займа восстановления крестьянского хозяйства", принуждение крестьян продавать даже остатки хлеба, предназначавшиеся на прокормление семьи и посев. Киселёв констатировал, что эти административные меры, применяемые впервые со времён гражданской войны, "совершенно испортили настроение крестьянства, ... крестьяне говорят, неужели мы пришли к военному коммунизму ... нет уверенности, что у тебя будет прочная база для того, чтобы в дальнейшем развивать свое хозяйство"¹.

Чтобы придать чрезвычайным мерам видимость законности, 21 апреля 1928 года ЦИК утвердил "Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1928/29 гг.", которым вводилось "индивидуальное обложение" наиболее доходных крестьянских хозяйств. В соответствии с этим сами жители сел должны были определять хозяйства, подлежащие индивидуальному обложению, размеры которого примерно вдвое превышали размеры налогов с других хозяйств, даже практически не отличавшихся по обеспеченности землей и скотом. В ответ на эти меры многие крестьяне стали сокращать размеры своего хозяйства и площади посева зерновых.

Подхлестывая политику чрезвычайных мер, Сталин одновременно страховал себя от обвинений в неблагоприятных последствиях, к которым она могла привести. В его секретной директиве от 13 февраля 1928 года командно-административные установки ("продолжать нажим на кулаков - действительных крупных держателей товарных излишков хлеба") сопровождались оговорками о том, что этот нажим должен осуществляться на основе советской законности и ни в коем случае не задевать середняцкую часть крестьянства. Более того, Сталин подтверждал, что "нэп есть основа нашей экономической политики, и остается таковой на длительный исторический период", и заявлял, что "разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продрозвёрстку, раскулачивание и т. д. являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба"².

Ещё более определённо Сталин высказался за сохранение нэпа на июльском пленуме ЦК 1928 года, где он характеризовал нэп как политику, направленную "на преодоление капиталистических элементов и построение социалистического хозяйства в порядке использования рынка, через рынок"³.

Непрерывно лавируя на протяжении всего 1928 года, Сталин выдвигал свои противоречивые установки в насаждённой им атмосфере строжайшей секретности, мотивируемой тем, что обнародование директив ЦК и тем более разногласий, возникающих внутри правящей фракции, может быть использовано "троцкистами". Борьба с изгнанной из партии, но не сломленной частью левой оппозиции представляла в этот период для Сталина не менее важную задачу, чем преодоление экономических трудностей.

¹ Правда. 26 августа 1988 г.

² Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 15, 17.

³ Там же. с. 144-145.

III

Первый тур расправы с левой оппозицией

Получив от XV съезда мандат на расправу с левой оппозицией, сталинский аппарат сразу же после съезда начал осуществлять против неё санкции, далеко выходящие за пределы, предоставленные этим мандатом. Если с XIV съезда по 15 ноября 1927 г. (т. е. почти за два года) из партии было исключено 970 оппозиционеров, то за последующие 2,5 месяца - 2288 (в том числе 1494 чел. за последние две недели 1927 года). Только в Москве за "фракционную работу" было исключено 816 человек. Среди исключённых рабочие по социальному положению составляли 46,9 %, по роду занятий - 36,4 %. Доля рабочих в составе исключённых в Ленинградской области доходила до 68 %, на Украине - до 66,3 %¹.

Большая часть исключённых была направлена в административную ссылку в дальние районы страны. Поскольку ссылкой предьявлялось обвинение в антисоветской деятельности, они лишались избирательных прав и членства в профсоюзах. Они были обязаны регулярно являться для регистрации в местные органы ГПУ. Им назначалось месячное пособие в 30 руб., которое в 1929 году было вдвое уменьшено. Обеспечение ссылкой работой возлагалось на партийные органы в местах ссылки.

Судьбой наиболее видных оппозиционеров распорядился отдел учета и распределения кадров ЦК ВКП(б). Переговоры с ними вели председатель ЦКК Орджоникидзе и секретарь ЦК Косиор, заявившие о невозможности оставить лидеров оппозиции в Москве и крупных промышленных центрах и сохранить у членов их семей занимаемые ими квартиры.

В середине января 1928 года состоялась высылка Троцкого в Алма-Ату. В назначенный для отъезда день на вокзале собралась демонстрация для проводов Троцкого. Столкновения демонстрантов с агентами ГПУ и милицией завершились массовыми арестами. В шифровке Сталину, находившемуся в то время в Сибири, Косиор сообщал, что в связи с предполагавшимся отъездом Троцкого на вокзале собралось до трёх тысяч человек, и информировал, что вслед за задержанием 19 человек "будут приняты меры по дальнейшему изъятию наиболее активных участников и организаторов демонстрации"².

Высылка Троцкого была перенесена на следующий день. Чтобы опровергнуть официальную версию Политбюро о том, что ссылка оппозиционеров осуществляется с их согласия, Троцкий отказался идти на вокзал добровольно, агентам ГПУ пришлось его вынести на руках. Двое его ближайших помощников, Познанский и Сермукс, самостоятельно отправившиеся вслед за ним, были арестованы и сосланы в отдалённые районы Сибири.

Репрессии подхлестнули отход от оппозиции её наименее устойчивых членов. Из 3381 чел., подавших заявления об отходе от оппозиции, 37 % сделало

¹ II Пленум ЦКК созыва XV съезда ВКП(б) 2-5 апреля 1928 г. М., 1928. с. 252-255.

² Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. с. 201.

этот шаг за период от XIV до XV съезда, а 63 % - за последующие два с половиной месяца. В феврале такие заявления подписали ещё 614 человек. Это было связано с тем, что после съезда перед оппозиционерами была поставлена жёсткая дилемма: либо "порвать с оппозицией" и сохранить привычный образ жизни, нередко в рядах правящей бюрократии, либо обречь себя на жестокие условия отдалённой ссылки.

Часть "отходивших" от оппозиции заявляла, что порывает с ней и организационно и идейно, т. е. отказывается от своих взглядов. Другая часть заявляла, что прекращает фракционную работу, но не может отказаться от защиты своих взглядов в рамках Устава партии (хотя малейшие попытки такой "защиты" были заблокированы решениями XV съезда).

Первым из оппозиционных лидеров "порвал с оппозицией" Сокольников, который на XV съезде заявил, что уже несколько месяцев назад он "должен был разойтись с оппозиционным блоком" в силу коренных разногласий с ним¹. За этот шаг Сокольников был оставлен в составе ЦК, избранного на XV съезде.

Вслед за Сокольниковым аналогичный шаг совершили другие лидеры зиновьевской части оппозиционного блока, которые ещё до съезда предложили группе Троцкого безоговорочно подчиниться любым его решениям. Свою готовность к капитуляции они мотивировали тем, что в противном случае оппозиция встанет на путь "построения второй партии" и тем самым обречёт себя на гибель. Троцкий и его группа расценили такую позицию как предательскую.

Во время работы съезда зиновьевцы собирались отдельно от троцкистов, подготавливая заявление о прекращении защиты своих взглядов. Всякое иное поведение, как они подчеркивали, "неизбежно столкнёт нас даже не с партией, а с советской властью, её органами", т. е. обречёт на жестокие (по тем временам) репрессии. Внутри зиновьевской группы такая капитулянтская позиция встретила сопротивление её "левой" части во главе с Сафаровым.

Обострение раскола между троцкистской и зиновьевской частью оппозиционного блока произошло после публикации "Правдой" перехваченных ГПУ писем Троцкого своим единомышленникам в СССР и за рубежом. Эти письма были опубликованы в сопроводительной редакционной статье под названием "Подрывная работа троцкистов против Коминтерна. Пособники Шейдемана за работой", где публикуемые документы характеризовались как свидетельство того, что "ни на один день после съезда бывшие оппозиционеры - троцкисты не прекращали своей грязной антипартийной и антикоминтерновской работы". Статья, по-видимому, принадлежавшая перу главного редактора "Правды" Бухарина, была пересыпана выражениями типа "возглавляемый Троцким обоз политических нечистот".

В публикуемых письмах говорилось об измене Зиновьева и Каменева и необходимости беспощадного разрыва оппозиции с капитулянтами. Троцкий призывал своих зарубежных сторонников поднять широкую политическую кампанию против исключения из всех партий Коминтерна коммунистов, близ-

¹ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). т. II. с. 1132.

ких к левой оппозиции, и против ссылки советских оппозиционеров. Он выдвигал задачу "окончательно разоблачить шарлатанство борьбы с "троцкизмом", характеризуя эту борьбу как "преступно нелепую". Перед зарубежными коммунистами ставилась цель: "бить по руководству ВКП(б), не противопоставляя себе СССР"¹.

Спустя несколько дней Зиновьев и Каменев поместили в "Правде" "Открытое письмо", в котором вновь подтвердили, что полностью подчинились всем решениям съезда, "капитулировали перед ВКП(б)" и в результате этого порвали с группой Троцкого и со своими единомышленниками в Германии (группа Рут Фишер-Маслова). В доказательство "органичности" этих своих поступков они заявляли, что ещё в 1926-27 годах внутри объединённого оппозиционного блока шла внутренняя борьба и что даже в период своего участия в блоке они "не считали возможным разоружение против ошибок троцкизма"².

В ответ на эти утверждения Троцкий опубликовал в оппозиционном "самиздате" свидетельства о том, что Зиновьев и Лашевич на фракционных совещаниях и в беседах с ленинградскими рабочими признавали, что "троцкизм" был выдуман ими в 1924 году в целях борьбы за власть. Троцкий подчеркивал, что "борьба с так называемым "троцкизмом" есть тот крючок, при помощи которого Сталин тянет Зиновьева, а Зиновьев - своих "левых" (Сафарова и пр.)".

В 1928 году лишь незначительная часть группы Троцкого последовала примеру зиновьевцев. Первым среди этой группы заявил о своей капитуляции Пятаков. Вслед за этим в "Правде" были опубликованы заявления Крестинского и Антонова-Овсенко о разрыве с "троцкистской оппозицией". Заявление Крестинского было относительно сдержанным. Он писал, что никогда не имел с оппозицией "организационной связи", хотя и был связан с большинством её руководителей "давнишними и тесными отношениями". Более постыдный характер носило заявление Антонова-Овсенко, который выражал сожаление по поводу того, что "не сделал всех необходимых выводов уже из ... первого своего расхождения" с Троцким в 1915 году и заверял, что теперь осознал правду "лично" Сталина³.

9 мая Троцкий разослал своим единомышленникам письмо, в котором подчеркивал, что принципиальная позиция подлинных оппозиционеров не допускает "никакой дипломатии, лжи, развращающего политиканства в духе Зиновьева-Каменева-Пятакова, себялюбиво чиновничьего, насквозь безответственного, понтие-пилатского умывания рук в духе Крестинского или смердяковского пресмыкательства в духе Антонова-Овсенко. Об этом, впрочем, незачем и говорить. Мы должны сказать правду, только правду, всю правду"⁴.

В 1928 году Сталин и полностью солидаризовавшиеся с ним в отношении к "троцкистам" бухаринцы не решались идти на заточение оппозиционеров в тюрьмы и концентрационные лагеря. Атмосфера в партии ещё не была такой, чтобы можно было даже помыслить о более строгой мере репрессии к

¹ Правда. 1928. 15 января.

² Правда. 1928. 27 января.

³ Правда. 1928. 8 апреля.

⁴ Вопросы истории. 1989. № 12. с. 82-83.

инакомыслящим коммунистам, чем временная ссылка. В ссылке колониях оппозиционеры устанавливали связи с сочувствующими из числа местных жителей, объединялись в кружки, в которых обсуждали политические события в СССР и за рубежом, вели активную переписку со своими единомышленниками в других колониях. Чтобы избежать перлюстрации агентами ГПУ наиболее важных документов, была налажена секретная почта, т. е. отправление конспиративных писем с нарочными.

Цементирующей силой всей этой деятельности был, разумеется, Троцкий. За апрель-октябрь 1928 года им было послано из Алма-Аты около 550 телеграмм и 800 политических писем, в том числе ряд крупных работ, получено около 1000 писем и около 700 телеграмм, в большинстве коллективных. Уже эти цифры дают представление о масштабе деятельности оппозиции и числе вовлечённых в неё лиц.

Из ссылки документы Троцкого и других оппозиционеров проникали на волю, где их единомышленники создавали подпольные группы, в которые принимались только коммунисты, в том числе подписавшие заявления о капитуляции с тем, чтобы избежать исключения из партии и ссылки и продолжать нелегально оппозиционную работу. По свидетельству Авторханова, большинство оппозиционеров, заявивших о разрыве с оппозицией, сделало это для того, чтобы на деле продолжать борьбу за свои идеи. "Троцкисты этого толка были во всех звеньях органов государственного управления, за исключением самого партийного аппарата и органов политической полиции"¹. Оппозиционеры создали свой "Красный Крест", собиравший средства для помощи изгнанным с работы и высланным товарищам.

Оппозиционные группы развешивали пропаганду среди рабочих путём систематического распространения прокламаций и листовок, в том числе статей и обращений за подписями Троцкого, Муралова, Мрачковского и других ссылки лидеров оппозиции. Перепечатанные на гектографе, такие документы имели хождение и в среде беспартийной интеллигенции, часть которой сочувствовала взглядам оппозиции².

Помимо этого, многие оппозиционеры продолжали выступать на партийных собраниях с критикой руководства партии, возглавляли "волинки" на заводах (так официально именовались в то время забастовки), особенно при заключении коллективных договоров, ущемлявших права рабочих (тогда ещё процедура заключения и перезаключения таких договоров не носила формального характера и позволяла рабочим отстаивать свои интересы).

Наиболее непримиримую позицию по отношению к сталинскому руководству занимала группа "децистов" во главе с Сапроновым и В. М. Смирновым. 20 декабря 1928 года В. М. Смирнов послал из ссылки заявление в "Правду" и ЦКК, в котором писал: "Я всегда считал позорным скрывать свои взгляды и убеждения. Я открыто говорил, что теперешние вожди ВКП(б) изменили про-

¹ Авторханов А. Технология власти. с. 112.

² Так, О. Мандельштам на допросе в ГПУ в 1934 году признавал, что в 1927 году у него возникли "не слишком глубокие, но достаточно горячие симпатии к троцкизму" ("Огонёк", 1991. № 1. с. 18).

летариату, что нынешнее правительство, действующее под вывеской Советской власти, которую оно на деле уничтожило, является враждебным рабочему классу, и что пролетариат должен и будет бороться против него за свою диктатуру, за подлинную власть Советов"¹.

Сапроновцы считали, что не следует осуществлять массового сбора подписей под оппозиционными документами, ибо это обречёт подписавших на немедленное исключение из партии. Они призывали своих сторонников законспирироваться и перейти на положение нелегальной фракции внутри партии.

После ссылки руководителей "децистов" их подпольные организации действовали в Москве, Ленинграде, Харькове, Орехово-Зуево и других городах. Только ленинградская группа насчитывала, по данным ОГПУ, до 300 человек. Эти группы в начале 1928 года распространили в Москве и Ленинграде несколько тысяч листовок, в которых ссылка оппозиционеров квалифицировалась как «наступление фашизма на революционную часть ленинской партии» и выдвигался призыв к «устранению руководства, которое способно на всё, что угодно, только не на большевистскую политику».²

Партийные и рабочие массы проявляли активный интерес к судьбе Троцкого и других ссыльных оппозиционеров. Когда осенью 1928 года здоровье Троцкого ухудшилось, слухи об этом немедленно проникли в Москву. Выступавшие на партийных собраниях члены Политбюро в ответ на многочисленные вопросы о состоянии здоровья Троцкого уверяли, что он вполне здоров. По этому поводу Н. И. Седова направила первому секретарю МК Угланову телеграмму, в которой говорилось: «Вместо того, чтобы сказать, что болезнь Троцкого есть для вас выгода, ибо она может помешать ему думать и писать, вы просто отрицаете эту болезнь. Так же поступают в своих выступлениях Калинин, Молотов и другие. Тот факт, что вам приходится держать по этому вопросу ответ перед массой и так недостойно изворачиваться, показывает, что политической клевете на Троцкого рабочий класс не верит»³.

Ссыльные оппозиционеры жили напряжённой духовной жизнью, используя время вынужденного отрыва от практической работы для более глубокого анализа процессов, происходящих в партии и стране. Результаты такого анализа нашли наиболее глубокое выражение в письме Х. Г. Раковского Г. Б. Валентинову. Это письмо, написанное летом 1928 года в астраханской ссылке, было в 1929 году опубликовано в «Бюллетене оппозиции» под заглавием «Письмо о причинах перерождения партии и государственного аппарата». В предисловии к первой полной публикации этого письма в советской печати историк В. П. Данилов справедливо отмечает, что оно «представляет собой концентрированное изложение размышлений высокообразованного революционера о судьбе революции и совершивших её общественных сил, о начинающейся трагедии сталинского «великого перелома». Ныне, 60 лет спустя, это письмо воспринимается как блестящее историко-социологическое эссе, выполненное на уровне, недостижимом пока ещё для нашей современной со-

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. с. 51.

² II Пленум ЦКК созыва XV съезда ВКП (б). с. 245-246.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 1991. с. 529.

циологии и историографии»¹. В последующие годы Троцкий неоднократно ссылался на эту работу Раковского, присоединяясь к её основным идеям и развивая их.

Основной смысл письма Раковского состоял в стремлении осмыслить причины поражения левой оппозиции и узурпации власти партии и рабочего класса сталинской фракцией. К этим причинам Раковский относил прежде всего снижение политической активности рабочей массы и «ужасающие разрушения, которые проделал в рабочем классе общественный и политический индифферентизм»². «Ни физически, ни морально ни рабочий класс, ни партия не представляют из себя того, чем они были лет десять тому назад, — писал Раковский, — Я думаю, что не очень преувеличиваю, если скажу, что партией 1917 года вряд ли бы узнал себя в лице партийца в 1928 году ... Вы спрашиваете, что случилось с активностью партии и нашего рабочего класса, куда исчезла их революционная инициатива, где делись идейные интересы, революционное мужество, плебейская гордость. Вы удивляетесь, почему столь много подлости, трусости, малодушия, карьеризма и многого другого, что я прибавил бы со своей стороны. Как получается, что люди с богатым революционным прошлым, несомненно честные, лично дававшие многократные примеры революционного самоотвержения, превратились в жалких чиновников»³.

Для ответа на эти вопросы Раковский прибегал к аналогии с Великой французской революцией, в истории которой он прослеживал процессы, сходные с теми, которые произошли в советском обществе 20-х годов: формальный и фактический переход власти в руки постоянно уменьшающегося числа граждан; выделение правящей верхушки чиновников из первоначально однородной революционной массы; разложение революционеров-якобинцев в результате стремления к богатству; постепенная ликвидация выборного начала в якобинских клубах и государственных органах и замена его назначенством. Отстранение в результате всего этого народных масс от управления страной и гибель многих революционеров, в том числе от гильотины, в сочетании с голодом и безработицей "отучили" французский народ от свободы и привели "к такому физическому и моральному изнашиванию масс, что народным массам в Париже и в остальной Франции понадобилось 37 лет для новой революции"⁴.

Вопрос о причинах аналогичного изменения поведения и настроений рабочего класса после того, как он становится правящим классом, подчеркивал Раковский, являясь новым для марксистской теории. Одной из таких причин он считал объективные трудности, связанные с недостаточным умением приходящего к власти класса правильно её применять. Эти трудности, которые Раковский называл "профессиональным риском" власти, он связывал с тем, что тесная и органическая связь, существовавшая между рабочим классом и его авангардом в период борьбы за власть, после её завоевания сменилась дифференциацией внутри рабочего класса и его партии, часть которой превратилась

¹ Вопросы истории. 1989. № 12. с. 70.

² Там же. с. 73.

³ Там же. с. 76, 78.

⁴ Там же. с. 79.

в агентов власти, в профессиональных чиновников. Так возникла и выделилась в самостоятельную группу партийная и советская бюрократия - "крупнейшее социологическое явление, которое, однако, можно понять и охватить лишь, если рассматривать его последствия в изменении идеологии партии и рабочего класса"¹.

Результатом возникновения этой бюрократии, которую Раковский называл новой социологической категорией, стал переход функций, которые раньше выполняла вся партия или весь класс, к ограниченному количеству людей из партии и класса. Вырастающая отсюда функциональная дифференциация привела к изменению психологии лиц, выполняющих руководящие функции в государственной администрации или государственном хозяйстве. Они "перестали быть не только объективно, но и субъективно, не только физически, но и морально частью того же рабочего класса; например, хозяйственник "держиморда", хотя и коммунист, хотя и вышедший из пролетариата, хотя и, может быть, несколько лет тому назад был у станка, отнюдь не будет воплощать перед рабочими лучшие качества, которые имеет пролетариат"².

Не менее глубокие изменения произошли в партии, социальная структура которой намного менее однородна, чем структура рабочего класса. Когда партия жила интенсивной идейной жизнью и активной борьбой, она превращала в общий сплав свой разнородный социальный состав. Все её члены усваивали пролетарское сознание в борьбе с капитализмом. После захвата власти это классовое сознание должно было формироваться в процессе сознательного и активного участия в управлении государством. "Но так как из этого участия наша бюрократия сделала пустой звук, то рабочие это нигде не приобретают"³.

Все эти трудности, по мнению Раковского, можно было преодолеть, если бы руководство партии, как этого требовали Ленин и левая оппозиция, заботилось о том, чтобы "предохранить и партию и рабочий класс от разлагающего действия привилегий, преимуществ и поблажек, присущих власти", от развращающего влияния нэпа и соблазнов буржуазных нравов⁴. Однако сталинская фракция встала на прямо противоположный путь. Она превратила дифференциацию внутри рабочего класса и партии из функциональную в социальную, т. е. усугубила разделение функций между бюрократией и рабочим классом, верхами и низами партии их имущественным расслоением. "Я имею в виду, что социальное положение коммуниста, который имеет в своем распоряжении автомобиль, хорошую квартиру, регулярный отпуск и получает партмаксимум, отличается от положения того же коммуниста, работающего на угольных шахтах, где он получает от 50 до 60 руб. в месяц"⁵. Напоминая о том, что ещё в начале 20-х годов рабочие и служащие были разделены на 18 разрядов по размерам заработной платы, Раковский писал, что усиление в дальнейшем этой дифференциации способствовало разложению партийного и советского аппа-

¹ Там же. с. 78.

² Там же. с. 77.

³ Там же. с. 80.

⁴ Там же.

⁵ Там же. с. 74.

рата. Для подтверждения этого он ссылался на многочисленные факты, свидетельствующие "об удушении всякого контроля масс, о страшнейшем зажиме, гонениях, терроре, играющем с жизнью и существованием партийцев и рабочих"¹.

Раковский приходил к выводу, что всякая реформа партии, опирающаяся на партийную бюрократию, является утопией. Первым условием серьезной политической реформы он считал сокращение численности и функций партийного аппарата. Три четверти его он предлагал распустить, а деятельность остальной четверти - ввести в строжайшие рамки. Только таким путём члены партии смогут вернуть свои права и приобрести надежные гарантии "против того произвола, к которому нас приучила верхушка"².

¹ Там же. с. 80.

² Там же. с. 81.

Чрезвычайные меры в оценке левой оппозиции

Раковский подвергал резкой критике позицию тех оппозиционеров, которые считали переход к чрезвычайным мерам симптомом приближения партийного руководства к взглядам оппозиции.

Более конкретный анализ социального смысла чрезвычайных мер был дан в письмах другого видного оппозиционера, известного партийного публициста Л. С. Сосновского. Эти письма были посвящены анализу процессов, развертывающихся в то время в партии, стране и особенно в сибирской деревне, которую Сосновский наблюдал во время своего пребывания в ссылке. Публикуя эти письма, редакция "Бюллетеня оппозиции" отмечала, что они освещают первые шаги сталинского "левого курса" и достаточно объясняют, почему их автор был арестован в Барнауле, на месте ссылки, и заключён в челябинский изолятор.

В первом письме, написанном в марте 1928 года, Сосновский приводил многочисленные факты, свидетельствовавшие о силе и влиянии, которые кулак приобрел в сибирской деревне. Так, в Барнаульском округе лишь 8 % дворов пользовались своими молотилками, а 88 % - наёмными. "Значит, почти весь округ зависит от 8 % кулаков, ибо во всём арсенале эксплуататорских ресурсов кулака - молотилка самое ядовитое ... Кулаку выгодно бывает даже оставить свой хлеб не убранным, зарабатывая в это время на эксплуатации машинами. Теперь выяснилось, что кулак великолепно оценил с-х инвентарь как орудие господства"¹. Сосновский напоминал, что государство приобретало сельскохозяйственные машины за рубежом на золото, отрывая средства от индустриализации, и продавало его крестьянам в кредит и по льготным ценам. Однако выгодами от этого воспользовалась на деле лишь верхушечная часть деревни.

Характеризуя стремительный переход партийного руководства в начале 1928 года от фактической поддержки кулака к "форсированному нажиму" на него, Сосновский подчеркивал, что "речь идёт о таком нажиме, когда потеряно чувство меры, когда начинается оголтелое администраторство". Партийно-советско-кооперативный аппарат, не подготовленный к проведению хлебозаготовок методами убеждения, "очертя голову, кидался как пес, спущенный с цепи", наносил удары не только по кулаку, но и по середнякам (частью даже бедняцким) слоям и тем самым способствовал тому, чтобы против партии оказалась настроена вся деревня. В подтверждение того, что заготовительная кампания проходила таким образом не только в Сибири, Сосновский ссылался на полученное им письмо от старого партийца (не оппозиционера), участвовавшего в хлебозаготовках на Украине. В этом письме говорилось, что "про-

¹ Бюллетень оппозиции. 1929. № 3-4. с. 16.

исходящее на Украине невозможно называть словом "заготовки". Есть хождение по амбарам, по чердакам, но заготовок, по его словам, нет"¹.

Развивая эти мысли в письме к Троцкому, написанном в июле-августе 1928 года, Сосновский предлагал решительно опровергнуть заявление Рыкова о том, что левая оппозиция якобы одобряет "экстраординарные меры". "Рыков изображает дело так, - с сарказмом писал Сосновский, - что мы ужасно обеспокоены, как бы не прекратились безобразия рыково-сталинского аппарата в деревне". В этой связи Сосновский отмечал, что уже сталинская поездка в Сибирь рассеяла "глупые обвинения против нас в антикрестьянском уклоне ... Закрывание рынка, поголовный обход дворов, введение в употребление термина "излишки", запрещение молоть крестьянам зерно выше скудной потребительской нормы, принудительное распределение (с наганом) облигаций займа, нарушение всех сроков взимания налога, самообложение, как дополнительный внезапный налог на середняка ... - где в нашей платформе или контртезисах что-нибудь подобное? Упразднение нэпа в деревне - кому из нас могло это прийти в голову даже в горячке дискуссии? А ЦК всё это осуществил. Пусть не играют комедии с обвинениями в перегибе. Достаточно официальных документов имеется, чтобы изобличить руководство в отмене на практике нэпа ... Вот почему я думаю, что следовало бы ясно ответить на речь Рыкова по поводу нашего отношения к "чрезвычайным" мероприятиям минувшей зимы. Нечего подкидывать своих ублютков"².

Обобщая впоследствии объяснение оппозицией причин сталинского "нового курса", Троцкий писал: "В то время, как руководители успокоительно твердили, что товарный голод изживается, что предстоят "спокойные темпы хозяйственного развития", что хлебозаготовки будут впредь протекать более "равномерно" и прочее, окрепший кулак повёл за собой середняка и подверг города голодной блокаде. В январе 1928 года рабочий класс остался лицом к лицу с призраком надвигающегося голода. История умеет шутить злые шутки. Именно в том самом месяце, когда кулак взял за горло революцию, представителей левой оппозиции сажали по тюрьмам или развозили по Сибири в наказание за "панику" перед призраком кулака"³.

Для преодоления нарастающих экономических и социальных трудностей нужно было поставить на обсуждение всей партии вопрос о конкретных и наименее болезненных путях изменения её политики. Однако метод внутрипартийных дискуссий был к тому времени навсегда ликвидирован. Новая политическая ориентация складывалась в глухой борьбе внутри верхушечного блока, которая скрывалась не только от партийных масс, но даже от низовых аппаратчиков.

¹ Там же. с. 18-19.

² Там же. с. 27-28.

³ Троцкий Л. Д. Преданная революция. с. 31.

Сталин маневрирует

Чтобы оправдать в глазах партии чрезвычайные меры, Сталин впервые выступил с тезисом об обострении в стране классовой борьбы. В этих целях он осуществил первую крупную провокацию, ставившую цель возложить вину за экономические трудности, порождённые ошибками партийного руководства, на "вредительство буржуазной интеллигенции". К апрельскому (1928 года) пленуму ЦК и ЦКК, созванному для обсуждения путей выхода из хозяйственного кризиса, им было сервировано новое острое блюдо в виде сообщения о "шахтинском деле". ОГПУ, лишённое теперь всякого контроля со стороны лидеров левой оппозиции, приступило к подготовке первого судебного подлога. Хотя процесс над группой инженеров из города Шахты (Донецкий бассейн) состоялся лишь в мае 1928 года, о "шахтинском деле" было объявлено ещё в марте, а на апрельском пленуме уже шла речь об "уроках", которые следовало из него извлечь.

Бухаринская "тройка" не только не предприняла попыток разобраться в этом "деле", а фактически поддержала практику фальсифицированных процессов. При обсуждении "уроков" шахтинского дела на апрельском пленуме Рыков заявил о том, что партия не должна руководствоваться абстрактным принципом наказания виновных по справедливости, что к вопросу об аресте нужно подходить не столько с точки зрения интересов нашей уголовной практики или принципа "справедливости", сколько с точки зрения нашей "большой политики"¹. Спустя несколько месяцев Бухарин, рассказывая Каменеву о разногласиях "тройки" со Сталиным, утверждал, что в некоторых вопросах Сталин "ведёт правую политику". В подтверждение этого Бухарин сообщил, что Сталин предложил не расстреливать подсудимых по шахтинскому делу, тогда как "мы голоснули против" этого предложения².

На апрельском пленуме была единогласно принята резолюция "О хлебозаготовках текущего года и об организации хлебозаготовительной кампании на 1928-29 год". В ней отмечалось, что "ЦК должен был принять ряд мер, в том числе и экстраординарного порядка", чтобы "парализовать угрозу общехозяйственного кризиса и обеспечить не только снабжение хлебом городов, но и отстоять взятый партией темп индустриализации страны". Наряду с этим указывалось на "извращения и перегибы, допущенные местами со стороны партийных и советских органов". К таким перегибам, которые "подлежат самой категорической отмене", были отнесены "все методы, которые, ударяя не только по кулаку, но и по середняку, фактически являются сползанием на рельсы продрозвёрстки"³.

¹ Правда. 1988. 3 октября.

² Вопросы истории. 1991. № 2-3. с. 196.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. т. 4. М., 1984. с. 317, 319.

Стенограмма апрельского пленума, как и всех пленумов ЦК последующего времени, не была опубликована в печати. Решения пленума разъяснялись в прочитанных на собраниях партийного актива в Москве и Ленинграде докладах Сталина и Бухарина, в которых, однако, ставились разные акценты. Бухарин утверждал, что "с экономической стороны мы имели нарушение основных хозяйственных пропорций и на базе этого известную, гораздо большую, чем прежде, хозяйственно-экономическую *активность со стороны кулачества*, попытку его сомкнуться с середняком на основе определённой политики цен". Вместе с тем он подчеркивал, что "затруднения, которые мы имели и из которых мы полностью ещё не вышли, отнюдь не носят обязательного характера. О них нельзя сказать, что они были абсолютно неизбежны, неотвратимы. Они сложились в результате нашей экономической политики, в результате просчётов планового руководства". Видя "историческое оправдание" "крайних и экстраординарных мер" в быстром увеличении темпов хлебозаготовок, Бухарин одновременно осуждал "непонимание преходящего, условного характера экстраординарных мер", переоценку вообще методов административного порядка и отрицание важности роста индивидуальных хозяйств¹.

Сталин же начал свой доклад с призыва к "критике и самокритике". В предыдущие месяцы на основе этого лозунга были вскрыты многочисленные факты коррупции в партийном, государственном и хозяйственном аппаратах. Однако для Сталина этот лозунг имел и иной, более дальний прицел. Признав совсем в духе левой оппозиции, что "вожди, идя вверх, отдаляются от масс, а массы начинают смотреть на них снизу вверх, не решаясь их критиковать", что "у нас выделилась, исторически создалась группа руководителей, ... которая становится почти что недосыгаемой для масс", он призвал "дать советским людям возможность "крыть" своих вождей", с тем, чтобы последние выслушивали "всякую критику советских людей, если она даже является иногда не вполне и не во всех своих частях правильной"². Этот призыв был осторожной подготовкой травли членов бухаринской группы, бывших в то время "первыми лицами" в правительстве, Коминтерне, профсоюзах и в главном печатном органе партии.

При оценке "заготовительного кризиса" Сталин сделал акцент на том, что этот кризис был вызван первым серьёзным выступлением капиталистических элементов деревни против Советской власти. В этой связи он заявил, что в партии не может быть места людям, которые считают, что "нэп означает не усиление борьбы с капиталистическими элементами, в том числе и с кулачеством". Наконец, Сталин недвусмысленно предупредил, что "если чрезвычайные обстоятельства наступят и капиталистические элементы начнут опять "финтить", 107 статья снова появится на сцене"³.

Эти установки получили дальнейшее развитие в речи Сталина "На хлебном фронте", где объявлялись "грубейшей ошибкой" и преувеличением планового начала суждения о том, что "наши хлебные затруднения являются случайно-

¹ Правда. 1928. 19 апреля

² Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 31-33.

³ Там же. с. 45-47.

стью, результатом лишь плохого планирования, результатом лишь ряда ошибок в деле хозяйственного сбалансирования"¹. Выходом из этих затруднений Сталин впервые публично объявил переход от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному, способному обеспечить резкий рост производства товарного хлеба. Коллективизацию сельского хозяйства он назвал сутью кооперативного плана Ленина, который до того момента трактовался правящей фракцией как направленный на развитие преимущественно потребительской, сбытовой, снабженческой и кредитной кооперации.

Эти высказывания представляли первую, хотя и косвенную атаку против Бухарина. Бухарин, в свою очередь, не оставался в этот период в долгу, осуждая в своих речах и статьях призывы к "классовой войне" и проповедников "индустриального чудовища", паразитирующего на сельском хозяйстве.

Ещё более откровенно высказывались ученики Бухарина, осуждавшие сталинцев за то, что они стремятся спровоцировать партию на столкновение с крестьянством, отказываются от развития индивидуального крестьянского хозяйства в пользу коллективизации, основанной на "обнищании и разорении основных крестьянских масс", видят в чрезвычайных мерах "новую политику партии". Так В. Астров резко критиковал в "Правде" не названных по имени "товарищей", которые "стали сбиваться на карикатурный лозунг: "На 107 статье к социализму"².

В ходе всё более обострявшихся разногласий со Сталиным Бухарин настаивал на всестороннем обсуждении, хотя бы в рамках Политбюро, путей выхода из нараставшего хозяйственного кризиса. Поскольку Сталин всячески уклонялся от такого обсуждения, Бухарин пытался разрешить эти разногласия путём личных записок Сталину, которые он огласил лишь на апрельском пленуме ЦК 1929 года. В мае 1928 года Бухарин направил Сталину письмо, в котором осуждал предложенное Микояном форсирование экспорта промышленных изделий, способное лишь усугубить товарный голод, и предлагал ориентироваться на экспорт сельскохозяйственной продукции в целях ускорения индустриализации. Сталин согласился с такой постановкой вопроса (от которой сам Бухарин отказался спустя несколько месяцев) и ответил, что Микоян действительно неправ, но "это не страшно, так как Микоян тут не решает вопроса"³.

О дальнейших, более общих разногласиях между дуумвирами свидетельствует намного более нервное письмо Бухарина Сталину от 1-2 июня 1928 года. Письмо это начиналось словами: "Коба. Я пишу тебе, а не говорю, так как мне и слишком тяжело говорить и, боюсь, ты не будешь слушать до конца. А письмо ты всё же прочтёшь. Я считаю внутреннее и внешнее положение страны очень тяжёлым".

Замечая, что "наши экстраординарные меры (необходимые) идейно уже превратились, переросли в *новую политическую линию, отличную от линии XV съезда*", Бухарин уверял, что его "ни капли не пугает отступление даже от

¹ Там же. с. 81.

² Астров В. К текущему моменту - Правда. 1928. 1 июля.

³ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. с. 300-301.

резолуций съезда, если это необходимо". Однако он выражал тревогу по поводу того, что Политбюро не имеет никакого целостного плана, в результате чего "действует хуже, чем сверхэмпирики грубейшего образца ... Мы даже перестали говорить на эти темы: говорить бояться, никому не приятно ругаться. Но если разрушена даже центральная мыслительная лаборатория, если между собой без боязни и заподозриваний по совести нельзя обсудить важнейшие вопросы политики, тогда положение становится *опасным*. Народное хозяйство не исполнительный секретарь. Ему не пригрозишь отдачей под суд, на него не накричишь". За столь тревожными констатациями, однако, следовали заверения Бухарина, что "*драться не буду и не хочу. Я слишком хорошо знаю, что может означать драка, да ещё в таких тяжких условиях, в каких находится вся наша страна и наша партия*". Демонстрируя предельную растерянность, Бухарин даже выражал готовность после конгресса Коминтерна, фактическим руководителем которого он продолжал оставаться, "*уйти куда угодно, без всяких драк, без всякого шума и без всякой борьбы*"¹.

Значительно острее, чем Бухарин, поставил вопрос о нарастании кризисных явлений в деревне заместитель наркома финансов Фрумкин, направивший 15 июня членам Политбюро письмо, в котором заявлял: "Мы не должны закрывать глаза на то, что деревня, за исключением небольшой части бедноты, настроена против нас". Приведя слова Молотова: "Надо ударить по кулаку так, чтобы перед нами вытянулся середняк", Фрумкин писал, что в этих словах выражена фактически проводимая новая политическая линия, которая "привела основные массы середнячества к беспросветности и бесперспективности. Всякий стимул улучшения хозяйства, улучшения живого и мертвого инвентаря, продуктивного скота парализует страх быть зачисленным в кулаки ... Объявление кулака вне закона привело к беззаконию по отношению ко всему крестьянству".

Фрумкин предлагал вернуться к линии, провозглашённой XIV и XV съездами, открыть базары, повысить цены на хлеб и бороться с кулаком "путём снижения его накоплений, путём увеличения налогов", но не путём раскулачивания. Эти идеи, как подчеркивал Фрумкин, разделяются сотнями и тысячами коммунистов².

Сталин разослал письмо Фрумкина членам Политбюро со своим сопроводительным письмом, в котором прибегал к характерному для него казуистическому истолкованию цитат для доказательства того, что политика чрезвычайных мер представляет развитие установок XV съезда.

Разногласия внутри Политбюро впервые вырвались наружу на июльском Пленуме ЦК при обсуждении доклада Микояна о политике хлебозаготовок. В речи на пленуме Сталин не только подчеркнул, что "мы не можем зарекаться раз навсегда от применения чрезвычайных мер"³, но подвёл под эти меры "теоретическое" обоснование, выдвинув тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Так как сопротивление классового

¹ Там же. с. 298-299.

² Литературная газета. 1990. 26 декабря.

³ Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 174.

врага будет расти, то необходимо "твёрдое руководство". Весь этот набор софизмов Бухарин в беседе с Каменевым (см. гл. VI) расценил как "полицейщину"¹.

Не меньшее возмущение Бухарина вызвал впервые обнародованный Сталиным на пленуме тезис о "дани", т. е. "добавочном налоге" или "сверхналоге" на крестьянство, который "мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии"². Формой этой "дани", которую необходимо получить от крестьянства, Сталин объявил "ножницы" цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Понятие ценовых "ножниц" было впервые выдвинуто Троцким на XII съезде партии. Одной из главных экономических идей левой оппозиции была идея сокращения ножниц на базе планомерной индустриализации. Памятуя об этом, Сталин упрекнул бухаринцев в том, что они, "подобно троцкистам", хотят "закрыть ножницы", которые "должны существовать ещё долго"³.

В противовес этим положениям Бухарин и его сторонники говорили на пленуме об ошибках "нового курса" в деревне, последствиями которого стали сокращение крестьянами посевов и наметившаяся "размычка" рабочего класса и крестьянства. Особенно тревожным сигналом, свидетельствующим об ухудшении отношений с середняком, Бухарин назвал массовые крестьянские выступления, вызванные проведением чрезвычайных мер. Он сообщил пленуму, что из сводок ГПУ, которые он специально изучал, он узнал о том, что в первой половине 1928 года в стране произошло свыше 150 крестьянских восстаний.

Рыков признал свою ответственность как председателя Совнаркома за административный нажим на крестьянство: "Я один из главных виновников произошедших событий ... Я лично был уверен в том, что административные меры приведут к ликвидации хлебного кризиса. Этого, к сожалению, не произошло"⁴.

Особенно резкий характер приняли споры на пленуме после выступления Молотова, утверждавшего, что опасность представляет не только кулак, но и середняк, который "окреп и поэтому пришёл в столкновение". Это выступление Томский расценил как призыв к отказу от нэпа. В ответ Сталин обвинил Томского в том, что он считает, будто "у нас нет никаких резервов, кроме уступок крестьянству в деревне. Это капитулянтство и неверие в строительство социализма"⁵.

Столкнувшись с резким сопротивлением своему новому курсу в деревне, Сталин отказался от своих недавних установок о форсировании коллективизации. Когда Угланов назвал теоретической путаницей противопоставление колхозов и единоличного хозяйства, Сталин подтвердил: "Да, есть путаница", и подчеркнул, что "мелкое хозяйство ещё долго будет базой нашего производства". В своей речи он говорил, что мелкое крестьянское хозяйство не исчер-

¹ Вопросы истории. 1991. № 2-3. с. 196.

² Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 159.

³ Вопросы истории. 1991. № 2-3. с. 195.

⁴ Вопросы истории КПСС. 1989. № 12. с. 84.

⁵ Вопросы истории. 1991. № 2-3. с. 196.

пало возможностей своего дальнейшего развития, что задача подъёма индивидуального хозяйства остается главной задачей партии, хотя она стала уже недостаточной для решения зерновой проблемы и должна быть дополнена задачами по созданию колхозов и совхозов¹.

Выявившиеся на пленуме разногласия было решено не выносить на общепартийное обсуждение, а попытаться изжить внутри ЦК и Политбюро "мирным путём". В единогласно принятых резолюциях пленума указывалось на необходимость ликвидировать все рецидивы продрозвёрстки, нарушения законности, поднять государственные закупочные цены на хлеб и отказаться в предстоящей хлебозаготовительной кампании от применения чрезвычайных мер. Все эти успокаивающие заверения содержались и в докладе Сталина об итогах пленума.

Хотя июльский пленум в решающих вопросах принял линию, предлагавшуюся "правыми", он стал тем толчком, который дал окончательно почувствовать "тройке", что Сталин загоняет её в новую "оппозицию". Об острых и болезненных формах, которые приняла к тому времени внутривнутрипартийная борьба, ограниченная рамками Политбюро, свидетельствует происшедший в дни работы пленума эпизод, оказавший огромное влияние на дальнейшее развитие этой борьбы.

¹ Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 180, 185; Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. с. 126.

VI

Переговоры Бухарина с Каменевым

В июне 1928 года, когда истек установленный XV съездом полугодовой срок после подачи оппозиционерами заявлений об отречении от своих взглядов, Зиновьев и Каменев были восстановлены в партии. Вскоре после этого произошла беседа Бухарина с Каменевым, сыгравшая едва ли не решающую роль в последующем поражении бухаринской группы.

К июлю 1928 года завершилось "прозрение" Бухарина и его друзей, вплоть до окончания XV съезда действовавших в унисон со Сталиным. Подобно тому, как в 1925 году Сталин за считанные месяцы совершил резкий поворот в отношениях к своим союзникам по триумvirату, так в 1928 году он за ещё более короткий срок осуществил аналогичный поворот по отношению к своим главным соратникам по борьбе с левой оппозицией. Ошеломлённостью этой разительной сталинской метаморфозой объясняется, по-видимому, один из самых нелогичных политических шагов Бухарина, давший на долгие годы Сталину главный аргумент для обвинения его в "двурушничестве". Осознав опасность политического авантюризма и личного вероломства Сталина, Бухарин по собственной инициативе вступил в переговоры с Каменевым, который при его активном участии всего полгода назад был выброшен из партии. Содержание этих переговоров в тот же день было записано Каменевым в форме отчёта, предназначавшегося Зиновьеву.

Фактическая сторона этого эпизода выглядела следующим образом. 9 июля Сокольников написал письмо Каменеву в Калугу, где тот отбывал последние дни ссылки. В этом письме он сообщал, что на пленуме ЦК завязываются "сражения", и просил Каменева срочно приехать в Москву, поскольку "очень нужно бы с Вами поговорить и посоветоваться"¹.

Сокольников был наиболее подходящим лицом для восстановления личных контактов между Бухариным и Каменевым, оборвавшихся в ходе внутрипартийной борьбы, поскольку он, с одной стороны, принадлежал в прошлом к "новой оппозиции", а с другой стороны, был близким товарищем Бухарина ещё с гимназических лет.

Утром 11 июля Каменев прибыл в Москву и немедленно позвонил Сокольникову, от которого узнал, что Бухарин окончательно порвал со Сталиным и находится "в трагическом положении". Кратко рассказав о характере борьбы на пленуме, Сокольников предложил Каменеву включиться в "блок для снятия Сталина" и принять участие в совместном написании положительной программы².

Спустя час к Каменеву пришли Бухарин и Сокольников, в ходе беседы с которыми Каменев вёл себя крайне сдержанно и в основном задавал вопросы. Бухарин же, напротив, подробно изложил свое видение политической ситуа-

¹ Вопросы истории. 1991. № 2-3. с. 195.

² Там же.

ции в стране, осветил расстановку сил внутри Политбюро и ЦК и возможный ход дальнейших действий своей группы.

Более всего Каменева поразило настроение "абсолютной ненависти и абсолютного разрыва" по отношению к Сталину, которое звучало главным мотивом крайне нервного монолога Бухарина. Бухаринские характеристики Сталина и его политики по своей резкости могли сравниться только с характеристикой Троцким Сталина как "могильщика революции". Бухарин назвал Сталина Чингисханом и беспринципным интриганом, который всё подчиняет сохранению своей власти и меняет свои идеи "ради того, кого в данный момент следует убрать". Подчеркнув, что "Сталин знает одно средство - мечь и в то же время всаживает нож в спину", Бухарин несколько раз в течение беседы повторил, что Сталин "нас будет резать"¹.

Для иллюстрации коварства Сталина Бухарин рассказал о следующем эпизоде. Сталин, долгое время уклонявшийся от принятия бухаринского предложения обсудить ситуацию в стране на заседании Политбюро, в конце концов заявил Бухарину: "Мы с тобой Гималаи, остальные (члены Политбюро) - ничтожества". Когда возмущённый этими словами Бухарин привёл их на заседании Политбюро, Сталин закричал: "Врёшь! Ты это выдумал, чтобы натравить на меня членов ПБ"².

Перейдя к характеристике политической линии Сталина, Бухарин сказал, что она губительна для революции и "ведёт к гражданской войне. С ним мы можем пропасть". Как бы дополняя эти суждения, Сокольников привёл слова Томского, сказанные Сталину на одной из выпивок: "Наши рабочие в тебя стрелять начнут"³.

Формулируя более конкретно свои политические разногласия со Сталиным, Бухарин сказал, что тот рассчитывает на "воспроизведение чрезвычайных мер. А это военный коммунизм и зарез". На вопрос Каменева о том, какая альтернатива этой политике у бухаринской группы, Бухарин ответил в самой общей форме, вновь сведя разговор на личности: "Может быть, придётся идти на ещё более глубокий маневр, чтобы мириться с середняком. Кулака можно травить сколько угодно, но с середняком мириться. Но при Сталине и тупице Молотове, который учит меня марксизму и которого мы называем "каменной задницей", ничего сделать нельзя"⁴.

На вопрос Каменева: "Каковы ваши силы?" Бухарин ответил, что "наши потенциальные силы громадны" и назвал Рыкова, Томского и Угланова как своих абсолютных сторонников. Рассказывая о своих попытках оторвать от Сталина других членов Политбюро, он сказал, что "Орджоникидзе не рыцарь. Ходил ко мне и ругательски ругал Сталина, а в решающий момент предал". Ворошилов и Калинин также "изменили нам в последний момент. Я думаю, что Сталин держит их какими-то особыми цепями"⁵.

¹ Там же. с. 196, 198.

² Там же. с. 198.

³ Там же.

⁴ Там же. с. 196.

⁵ Там же. с. 196, 198.

Упомянув о том, что ленинградские члены ЦК колеблются, а украинских членов Сталин "купил" тем, что убрал Кагановича с поста генсека ЦК Украины, Бухарин сообщил, что тем не менее "Оргбюро наше", "Ягода и Трилиссер (фактические руководители ОГПУ - В. Р.) - наши" и "Андреев за нас".

Свою главную политическую задачу Бухарин видел в том, чтобы "последовательно разьяснить (членам ЦК - В. Р.) губительную роль Сталина и подвести середняка-цекиста к его снятию". На замечание Каменева: "Но пока он смещает вас", Бухарин ответил: "Что мы можем сделать? Снятие Сталина сейчас не пройдет в ЦК ... Субъективные условия для снятия в ЦК Сталина зреют, но ещё не созрели"¹.

Как бы проигрывая перед Каменевым варианты дальнейшего поведения своей группы, Бухарин говорил и о возможности коллективной отставки "тройки", и о её решении "не путаться в текущую политику, а когда наступит кризис - выступить прямо и полностью открыто". На ближайшее же время он планировал публикацию в "Правде" своих статей с косвенной критикой Сталина и доклад Рыкова, в котором "поставим все точки над *i*"².

Из сумбурного и полуистерического монолога Бухарина следовало, что он не имеет четкой и последовательной политической программы и ясного представления о том, какими методами следует бороться со Сталиным, что он находится в панике, во власти сменяющих друг друга противоположных настроений. "По ночам я думаю, а имеем ли мы право промолчать? Не есть ли это недостаток мужества? Но расчёт говорит: надо действовать осторожно". И тут же в смятении Бухарин проговаривался, что временами считает положение своей группы безнадежным и теряет в поисках решения, опасаясь, что любой образ действий окажется пагубным для его группы: "1. Если страна гибнет (в результате сталинской политики - В. Р.), мы гибнем. 2. Если страна выкручивается - Сталин вовремя поворачивает, и мы тоже гибнем. Что же делать?"³.

Вынести разногласия со Сталиным на обсуждение партии Бухарин не решился по той причине, что "ЦК боится дискуссии". Однако открытой дискуссии он страшился и сам, поскольку представлял, какие аргументы в этом случае выдвинут противостоящие стороны. "Тройке" придётся сказать о Сталине: "Вот человек, который довёл страну до голода и гибели", а Сталин в ответ обвинит её в защите кулаков и нэпманов. Бухарин признавался, что опасается даже последовательно выступать против применения в будущем чрезвычайных мер, потому что в этом случае "нас зарежут мелкой шахматной игрой, да ещё (Сталин) свалит, взвалит (на нас - В. Р.) ответственность, если хлеба в октябре не будет". Он не решился вынести разногласия со Сталиным во всём объёме даже на обсуждение пленума ЦК, поскольку "в ЦК страшно бояться раскола ... Мы не хотим выступать раскольниками, ибо тогда нас зарежут"⁴.

Почему же Бухарин, не доверявший даже "середняку-цекисту", который по его словам "ещё не понимает всей глубины разногласий", решился на предель-

¹ Там же. с. 196, 197.

² Там же. с. 196.

³ Там же. с. 197.

⁴ Там же. с. 196.

ную откровенность с Каменевым, которого он в союзе со Сталиным подвергал на протяжении нескольких предыдущих лет самой разнузданной травле? Как явствовало из объяснений самого Бухарина, толчком к этому стали слухи, будто Сталин хочет вернуть Зиновьева и Каменева в руководство партии, чтобы опереться на их поддержку в борьбе с "правыми" ("Сталин пускает слухи, что имеет вас в кармане"). При этом Сталин скрывал от своих нынешних противников свои конкретные намерения в отношении Зиновьева и Каменева ("Сталин попытается Вас "подкупить" высшими назначениями или назначит Вас на такие места, чтобы ангажировать - ничего наверное не знаем")¹.

Во всяком случае, Бухарин создал у Каменева твёрдое впечатление, что в условиях междоусобной борьбы в Политбюро обе противоборствующие силы склонны привлечь на свою сторону только что ошельмованных и капитулировавших лидеров "ленинградской оппозиции". Бухарин прямо утверждал, что "дело в ЦК и партии зашло так далеко, что Вы (также, вероятно, и троцкисты) будете неизбежно в него втянуты и будете играть в его решении важную роль". Он даже вселил в Каменева уверенность, что такое "втягивание" произойдёт в течение ближайших двух месяцев, хотя пока ещё "обе стороны боятся апеллировать к Вам". Окончательно эта уверенность была закреплена словами Бухарина о том, что он знает (или предполагает), что очень скоро Сталин вступит в контакт с опальными лидерами бывшей оппозиции. "Вы, конечно, как политики, будете пользоваться этим положением: набивать себе цену, но я этого не боюсь" Однако тут же Бухарин заявлял, что "было бы ужасно", если Зиновьев и Каменев примкнут к Сталину. "Вы, конечно, сами определите свою линию, - завершал разговор Бухарин, - но я просил бы, чтобы Вы одобрением Сталина не помогали ему душить нас ... я хочу, чтобы Вы знали, о чём идёт дело"².

Таким образом, цель беседы Бухарин видел в том, чтобы откровенным рассказом о существовании тщательно скрываемой от партии борьбы внутри Политбюро предостеречь Каменева и Зиновьева от поддержки Сталина в этой борьбе.

Как бы забыв, каким поношением он подвергал совсем недавно лидеров "ленинградской оппозиции" и с каким рвением защищал Сталина от их критики, Бухарин заявил Сокольникову, что он "сейчас отдал бы Сталина за Каменева и Зиновьева". Ещё более определённо он высказался перед самим Каменевым: "Разногласия между нами и Сталиным во много раз серьезнее всех бывших у нас разногласий с Вами. Я, Рыков и Томский формулируем положение так: было бы гораздо лучше, если бы имели сейчас вместо Сталина - Зиновьева и Каменева. Об этом я говорил с Рыковым и Томским совершенно откровенно". Всё это дало основание Каменеву расценить этот крутой поворот Бухарина как "заискивание. Другого слова не нахожу: политически, конечно"³.

Бухарин просил Каменева не ставить никого в известность об их встрече, но одновременно "сказать своим, чтобы не нападали на нас". Он предложил

¹ Там же. с. 197.

² Там же.

³ Там же. с. 196-197.

"конспирировать" при дальнейших переговорах и не звонить ему, потому что "мои телефоны подслушивают. За мной ходит ГПУ, и у тебя стоит ГПУ"¹.

Отлично знавшие коварство Сталина и только что пережившие унижительную пользу капитуляций, Каменев и Зиновьев были людьми, от которых было в высшей степени наивно ожидать, что они ввяжутся в опасную борьбу против Сталина в союзе с таким политически смятённым и растерянным человеком, как Бухарин. От беседы с Каменевым Бухарин добился результата, прямо противоположного тому, на который рассчитывал. Искусшённый в вершущечных комбинациях, начатых с 1923 года триумvirатом (Зиновьев, Сталин и Каменев), Каменев всерьёз поверил в то, что путём таких комбинаций будет решаться и исход нынешней борьбы в Политбюро и что Сталин, подобно Бухарину, предназначает ему и Зиновьеву роль активной силы в этой борьбе. В результате беседы он сделал вывод, что в ближайшее время следует ожидать аналогичного демарша со стороны Сталина и поэтому лучшей тактикой является выжидание. "Все думают - завершал он свой отчёт Зиновьеву, - на днях должны появиться сигналы из другого лагеря ... Это будет ... Посмотрим, что скажут"².

После того, как Каменев убедился, что такого сталинского демарша не произошло, он решил использовать запись беседы с Бухариным в целях восстановления контакта с троцкистами. Переданная последним копия "Записи" осенью 1928 года попала к Троцкому.

Содержание записи Троцкий и его единомышленники расценили как свидетельство политического разложения обеих групп в Политбюро, недооценив, однако (не в первый и не в последний раз), коварства и политической ловкости Сталина.

В своих воспоминаниях А. М. Ларина уделяет много внимания роковому эпизоду 1928 года. Оценивая содержание "Записи", она пишет, что "обнаружила в ней всё то, что мне рассказывал (о встрече с Каменевым - В. Р.) Н. И., и ещё множество мелочей, подробностей, в которые я не была посвящена. Я не считаю себя достаточно компетентной, чтобы судить обо всём. Но несомненно, что "Запись" правильно отражает и политические взгляды Бухарина, и его отношение к Сталину в то время, и тогдашнюю атмосферу в Политбюро"³.

Вместе с тем Ларина высказывает сомнения в правильности некоторых моментов, содержащихся в "Записи", в частности, сообщения Бухарина, что о его переговорах с Каменевым были осведомлены Рыков и Томский. В подтверждение этих сомнений она приводит разговор Бухарина с Рыковым в начале осени 1928 года, свидетельницей которого она случайно оказалась, будучи четырнадцатилетней девочкой. Чрезвычайно взволнованный Рыков сообщил, что от Сталина ему стало известно о переговорах Бухарина с Каменевым. После того, как Бухарин подтвердил факт этих переговоров, Рыков был до такой степени разгневан, что кричал, заикаясь больше, чем обычно: "Б-баба ты, а не политик! П-перед кем ты разоткровенничался? Нашёл перед кем душу

¹ Там же.

² Там же. с. 197.

³ Знамя. 1988. № 11. с. 119.

изливать! Мало они (Каменев и Зиновьев - В. Р.) тебя терзали?! М-мальчик-бухарчик!"¹.

Это свидетельство подтверждается заявлением Рыкова на XVI съезде партии о том, что "когда обсуждался (очевидно, внутри "тройки" - В. Р.) разговор Бухарина с Каменевым, я относился к этому делу, к его разговору с величайшим порицанием и заявил об этом немедленно"².

Ларина высказывает (правда, не категорически) сомнения в подлинности "Записи" Каменева^{3*} на том основании, что в ней "поражает сумбурность, бессвязная манера изложения, никак не свойственная Каменеву, чьи литературные способности были хорошо известны"⁴. Однако эта "сумбурность" как нельзя лучше отражала характер исповеди Бухарина, его внутреннее состояние. Каменев специально подчеркнул, что Бухарин произвёл на него впечатление чрезвычайно потрясённого и до крайности замученного человека, сознающего свою обречённость.

Трудно согласиться и с предположением Лариной о том, что разговор между Бухариным, Сокольниковым и Каменевым происходил не на квартире у Каменева, а во дворе Кремля. Едва ли участники столь продолжительного нервного и конспиративного разговора решились бы вести его в таком месте.

Имеются свидетельства о том, что упомянутый в записи разговор между Бухариным и Каменевым не был единственным, а был продолжен сперва по телефону, а затем на квартире Каменева. Сталин был хорошо информирован об этих переговорах, причем отнюдь не "из троцкистских источников". Существует версия, что Бухарин говорил с Каменевым по телефону через Кремлевскую АТС, которая давно уже прослушивалась Сталиным и его агентурой. Сама Ларина вспоминает, что Бухарин знал о таком систематическом прослушивании. В период своего союза с Бухариным Сталин познакомил его с записью телефонного разговора Зиновьева со своей женой, в котором политические темы перемежались с сугубо личными, интимными. "Последние очень развлекли "Хозяина". Ларина рассказывает, что "Н. И. никогда не мог отделаться от ужасающего впечатления, вызванного этим рассказом Сталина"⁵, но не сообщает, как Бухарин отреагировал на циничную выходку Сталина и на сам факт прослушивания им телефонных переговоров других членов Политбюро.

Когда Бухарин узнал, что Сталину стало известно содержание его беседы с Каменевым, то предположил, что это - результат доноса Каменева, в связи с чем тут же назвал его подлецом и предателем. "Озлобление Николая Ивановича против Каменева, родившееся в 1928 году, не ослабевало ... Вообще эпизод 1928 года - веха в биографии Н. И. не только потому, что Сталин использовал

¹ Там же.

² XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1930. с. 149.

³ Беседовавший в 1936 году с Бухариным меньшевик Николаевский спустя несколько десятилетий писал: "Правильность разговора с Каменевым Бухарин мне сам подтвердил ... но, правда, с оговоркой о том, что запись небрежная". (Вопросы истории 1991. № 2-3. с. 183).

⁴ Знамя. 1988. № 11. с. 121.

⁵ Там же. с. 120.

его в своих целях, но и потому, что он резко изменил характер Бухарина ... Н. И. считал, что его предали (Каменев и Сокольников - В. Р.), и был совершенно деморализован случившимся. С тех пор он стал более замкнутым, менее доверчивым, даже в отношениях с товарищами по партии, во многих своих сотрудниках стал подозревать специально приставленных к нему лиц ... Он стал легко ранимым, заболел от нервного напряжения"¹.

Переговоры Бухарина с Каменевым, не завершившиеся никаким политическим соглашением, сослужили немалую службу Сталину и стали одним из самых печальных эпизодов в политической биографии Бухарина.

Приняв всерьез шантаж Сталина, угрожавшего вернуть Зиновьева и Каменева к руководству для укрепления своих позиций в борьбе с "правыми", Бухарин обратился за помощью к людям, от которых меньше всего должен был ожидать серьезной поддержки. Этот эпизод наглядно показал, что Бухарин не обладал качествами, необходимыми политику в условиях острого политического кризиса. Он чувствовал себя "на высоте", когда разделял со Сталиным власть и совместно с ним осуществлял дрейфусиаду "борьбы с троцкизмом". Когда же пришло время принимать самостоятельные политические шаги в крайне острой обстановке и отвечать на сталинские интриги, направленные против него самого, Бухарин проявил себя метущимся человеком, принимавшим непродуманные, импульсивные решения, в конечном счёте политическим банкротом. Своими переговорами с Каменевым он вызвал огонь на себя, дал Сталину повод для дискредитации себя как "двурушника".

Знакомство Сталина с "Записью Каменева" имело и более затяжные трагические последствия для Бухарина, предопределившие во многом его не только политическую, но и физическую гибель. Оно показало Сталину, что он имеет в лице Бухарина врага, не менее непримиримого, хотя намного более слабого и неустойчивого (как в политическом, так и психологическом плане), чем Троцкий. Это не могло не породить у Сталина беспощадную ненависть к Бухарину и недоверие ко всем его последующим заверениям в своей дружбе и личной преданности.

Что же касается той части "Записи", в которой упоминалось об антисталинских настроениях ряда лиц из ближайшего окружения Сталина, то она была использована последним для шантажа этих людей с целью добиться от них полного послушания и покорности.

При всём этом в своей реакции на "Запись" Сталин проявил в полной мере свои качества "гениального дозировщика". Это выражение, лучше всего раскрывающее психологические причины победы Сталина над своими политическими противниками, впервые было обнаружено меньшевиком-эмигрантом Б. Николаевским. Николаевский вспоминал, что в разговоре с ним, относившемся к 1936 году, "Бухарин назвал Сталина "великим дозировщиком", понимая под этим то, что Сталин "гениально" умеет вводить в организм такие дозы своей отравы, которые в этот момент партией будут восприняты как правильные идеи"². Характеристику Сталина как "дозировщика" использовал и Троц-

¹ Там же. с. 124.

² Вопросы истории. 1991. № 2-3. с. 191.

кий, вспоминая, что он впервые услышал её в 20-е годы от Каменева. Троцкий считал, что эта характеристика "имеет в виду способность Сталина выполнять свой план по частям в рассрочку. Эта возможность предполагает в свою очередь наличие могущественного централизованного аппарата. Задача дозировки состоит в том, чтобы постепенно вовлекать аппарат и общественное мнение страны в иные предприятия, которые, будучи представлены сразу в полном объёме, вызвали бы испуг, негодование и даже отпор"¹.

Тщательно дозируя свою политику и в данном случае, Сталин использовал факт переговоров Бухарина с Каменевым для обвинения их в конспиративном заговоре, добиваясь подтверждения этой версии от них самих не только на процессах 1936-38 годов, но и намного раньше. О попытке создания уже в 1928 году "право-троцкистского блока" Каменев говорил в речи на XVII съезде, заявив, что развитию этого блока помешала "бдительность Центрального Комитета партии, теоретическая выдержанность его руководителя товарища Сталина"².

Летом же 1928 года, когда расстановка сил в ЦК ещё окончательно не определилась, а авторитет Бухарина в партии и Коминтерне был ещё очень высок, Сталин стремился не выносить за пределы Политбюро известия о существовавших в нем внутренних разногласиях. Поэтому он поддержал просьбу Бухарина о том, чтобы все члены Политбюро подписали заявление сеньорен-конвенту VI конгресса Коминтерна, в котором выражался самый решительный протест "против распространения каких бы то ни было слухов о разногласиях среди членов Политбюро ЦК ВКП(б)"³.

Сразу же после завершения июльского пленума Сталин вступил в новый тур борьбы с Бухариным и его приверженцами - за главенство в Коминтерне, т. е. во всём мировом коммунистическом движении.

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. т. II. с. 158.

² XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. М., 1934. с. 518.

³ КПСС в резолюциях и решениях. т. 4. с. 438-439.

VII

Победа Сталина в Коминтерне

VI Всемирный конгресс Коминтерна, открывшийся 17 июля 1928 года, проходил на протяжении шести недель. Он принял Программу и Устав Коммунистического Интернационала, где говорилось, что эта организация представляет собой "единую мировую коммунистическую партию"¹. В каждой стране, согласно Уставу, могла существовать только одна компартия, называвшаяся секцией Коминтерна. В Программе закреплялись жёсткая централизация руководства коммунистическими партиями и требование "международной коммунистической дисциплины", которая должна выражаться "в безусловном выполнении всеми коммунистами решений руководящих органов Коммунистического Интернационала"².

VI конгресс развил принятую ещё предыдущим, V конгрессом (1924 год), проходившим под руководством Зиновьева, стратегическую установку, согласно которой в капиталистических странах коммунистам противостоят две в одинаковой степени враждебные политические силы: открыто реакционная (фашизм) и демократически-реформистская (социал-демократия). В соответствии с этой линией отвергалась возможность союза коммунистов с социал-демократическими партиями и таким образом закреплялся раскол в мировом рабочем движении.

Эта линия была подтверждена на IX пленуме ИККИ (февраль 1928 года), который руководствовался сформулированным Сталиным в конце 1927 года тезисом о том, что "Европа явным образом вступает в полосу нового революционного подъёма"³. В соответствии с представлениями о резком полевении масс в капиталистических странах была определена линия на "левый поворот" Коминтерна. В решениях пленума указывалось, что предстоящая полоса развития рабочего движения "будет ознаменована ожесточённой борьбой между социал-демократией и коммунистами за влияние на рабочие массы". При этом подчеркивалась особо опасная роль вождей "левого крыла" социал-демократии, которые якобы прикрывают свою борьбу против Советского Союза "лицемерными фразами сочувствия ему"⁴. Коммунистам запрещалось участвовать в совместных политических выступлениях с социал-демократами, вступать в предвыборные блоки с социал-демократическими партиями, объявленными "буржуазными рабочими партиями", и голосовать на выборах за кандидатов этих партий. Задачи коммунистов в профсоюзах, находившихся под влиянием социал-демократов, сводились к откалыванию от них отдельных групп рабочих. В качестве условия сотрудничества рядовых коммунистов и социал-демократов ставился разрыв последних с организациями, к которым

¹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919- 1932. М., 1933. с. 46.

² Там же.

³ Сталин И. В. Соч. т. 10. с. 286.

⁴ Коммунистический Интернационал в документах. с. 747, 748.

они принадлежали, принятие ими чисто коммунистической платформы. Тем самым была окончательно отвергнута тактика единого рабочего фронта.

Поворот к ультралевому сектантству был закреплён на VI конгрессе Коминтерна, где с тремя основными докладами выступил Бухарин.

Перед конгрессом Сталин внёс существенные изменения в подготовленный Бухариным проект программы Коминтерна, в результате чего представленный делегатам проект появился за подписями Бухарина и Сталина. Из текста бухаринского проекта были выброшены положения о разнообразии путей строительства социализма в разных странах и о необходимости учета секциями Коминтерна особенностей положения в своих странах.

В беседе с Каменевым Бухарин жаловался, что "программу во многих местах мне испортил Сталин. Он сам хотел читать доклад по программе на пленуме. Я насилу отбил. Его съедает жажда стать признанным теоретиком. Он считает, что ему только этого не хватает"¹.

Тем не менее Бухарин в своих докладах на конгрессе в основном защищал установки, не отличавшиеся от сталинских. Он утверждал, что капиталистическая стабилизация "гниет", а крайнее заострение противоречий капитализма "ведёт к великому краху, к великой катастрофе"².

В унисон с положениями Сталина о том, что "социал-демократия является ... основной опорой капитализма в рабочем классе в деле подготовки новых войн и интервенций", "главным противником коммунизма"³, Бухарин говорил, что коммунисты "ещё не научились хорошо работать, чтобы более решительно, с большим успехом ломать хребет этому нашему противнику"⁴. Заявляя, что противоречия между коммунистами и социал-демократией носят антагонистический характер, Бухарин утверждал: "Тактику единого фронта мы теперь в большинстве случаев должны вести только снизу. Никаких апелляций к центрам социал-демократических партий"⁵.

В прениях по докладу Бухарина многие делегаты усилили старый зиновьевско-сталинский тезис о "социал-фашизме", заявляя, что социал-демократия становится орудием "своеобразной фашизации рабочего движения".

Подобные оценки и прогнозы, не имевшие ничего общего с действительностью и представлявшие грубейшую дезориентацию коммунистических партий в политической обстановке, пыталась опровергнуть лишь немногочисленная часть конгресса, например, итальянская делегация во главе с П. Тольятти. По поводу тезиса о превращении социал-демократии в "фашистскую рабочую партию", Тольятти заявил: "Наша делегация решительно против этого смещения реальности"⁶.

В заключительном слове по докладу о Программе Коминтерна Бухарин занял по этому вопросу промежуточную позицию. Заявив, что "социал-

¹ Вопросы истории. 1991. № 2-3. с. 195.

² Стенографический отчёт VI Конгресса Коминтерна. Вып. 1. М.-Л., 1929. с. 34-35.

³ Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 201, 204.

⁴ Стенографический отчёт VI Конгресса Коминтерна. Вып. 1. с. 3.

⁵ Там же. с. 51.

⁶ Вопросы истории. 1989. № 8. с. 22.

демократии свойственны социал-фашистские тенденции", он вместе с тем предупредил, что "было бы неразумно валить социал-демократию в одну кучу с фашизмом. Нельзя этого делать как при анализе положения, так и при намечении коммунистической тактики"¹.

Хотя тезис о "социал-фашизме" не вошёл в Программу Коминтерна, в неё и в другие документы, принятые конгрессом, были включены положения о том, что социал-демократия в наиболее критические для капитализма моменты играет нередко фашистскую роль, её идеология во многих пунктах соприкасается с фашистской².

Разногласия между Сталиным и Бухариным возникли только по вопросу об отношении к левому крылу социал-демократии. По настоянию Сталина делегация ВКП(б) на конгрессе внесла поправку к тезисам Бухарина, дополнявшую их указанием на "особую опасность" левых социал-демократов, т. е. той их части, которая наиболее благожелательно относилась к Советскому Союзу и к коммунистическому движению и соглашение с которой на принципиальной основе было наиболее вероятно. Принятие этой поправки привело к внесению в документы Коминтерна следующих положений: "Систематически проводя ... контрреволюционную политику, социал-демократия оперирует двумя своими крыльями: правое крыло социал-демократии, открыто контрреволюционное, необходимо для переговоров и непосредственной связи с буржуазией, левое для особо тонкого обмана рабочих. "Левая" социал-демократия, играющая пацифистской, а иногда даже революционной фразой ... является поэтому наиболее опасной фракцией социал-демократических партий"³. Исходя из этой оценки, коммунистам предписывалось "самым решительным образом разоблачать "левых" социал-демократических вождей как наиболее опасных проводников буржуазной политики в рабочем классе"⁴. Таким образом, компартиям капиталистических стран была навязана установка на заострение борьбы против наиболее близкой им политической силы, сотрудничество с которой могло бы создать фундамент единого рабочего фронта и широкой антифашистской коалиции.

Помимо поправки об отношении к левой социал-демократии, делегация ВКП(б) внесла в тезисы Бухарина ещё около 20 поправок, в том числе поправку о необходимости "железной дисциплины в компартиях", которой было заменено положение Бухарина о необходимости "изживания разногласий на нормальной партийной основе методами внутрипартийной демократии"⁵. Наличие столь большого числа поправок ставило в глазах зарубежных компартий под сомнение авторитет Бухарина как ведущего руководителя и теоретика Коминтерна.

Сам Бухарин лишь косвенно выступил против ликвидации демократических дискуссий и попыток изгонять из коммунистических партий самостоя-

¹ Стенографический отчёт VI Конгресса Коминтерна. Вып. 3. с. 144-145.

² Коммунистический Интернационал в документах. с. 12, 778.

³ Там же. с. 11.

⁴ Там же. с. 777.

⁵ Вопросы истории. 1989. № 8. с. 20.

тельно мыслящих людей. В этой связи он привёл фразу из неопубликованного письма Ленина к нему и Зиновьеву: "Если вы будете гнать всех не особенно послушных, но умных людей, и оставите у себя лишь послушных дураков, то партию вы загубите наверняка". "Я думаю, - подчеркнул Бухарин, - что это мнение т. Ленина является совершенно правильным"¹.

Стремление ещё более широко внедрить в работу Коминтерна методы отсека инакомыслящих и ликвидировать всякие дискуссии нашло осуждение и в ряде других выступлений на конгрессе. "Эти методы, - говорил Тольятти, - могут приобрести свою внутреннюю логику, и она тоже вопреки нашей воле часто ведёт к разложению, вплоть до распыления руководящих сил наших партий"². Член делегации германской компартии Эверт с тревогой отмечал, что "при каждом разногласии, при каждой попытке обсуждения деловых вопросов встречается тенденция без всяких предварительных разъяснений прикреплять определённый ярлык к инакомыслящим товарищам вместо того, чтобы разрешить вопрос в дискуссионном порядке"³.

Однако на конгрессе победила сталинская трактовка "железной дисциплины". Ещё более серьёзной победой Сталина стало осуществление желательных ему изменений при формировании нового руководства Коминтерна. В письме секретарю делегации ВКП(б) на конгрессе Пятницкому Сталин предложил составить политсекретариат ИККИ (коллективный орган, заменивший с 1926 года институт председателя Коминтерна) таким образом, чтобы обеспечить в нём "преобладающий противовес" "правым" тенденциям. В состав Политсекретариата был введён Молотов, фактически ставший сталинским "политкомиссаром" при Бухарине и "сталинской дубинкой" в деле расправы с "правыми" и "примиренцами" в руководстве Коминтерна и его секций.

После конгресса аппарат Коминтерна оказался под полным контролем Сталина. Во всех коммунистических партиях утвердился режим по типу и подобию советского внутрипартийного режима. Любой зарубежный коммунист, высказывавший сомнение в правильности сталинского руководства, его политики в СССР и в международном коммунистическом движении, был обречён на изгнание из рядов своей партии.

¹ Стенографический отчёт VI Конгресса Коминтерна. Вып. 1. с. 614.

² Там же. с. 508.

³ Там же. с. 380.

VIII

Сталин открывает "правый уклон"

Сразу же после VI конгресса разногласия в Политбюро вновь переместились на вопросы внутренней политики. В эпицентре этих разногласий теперь оказался вопрос о темпах и методах индустриализации СССР.

В 1927-28 хозяйственном году завершился период восстановления народного хозяйства, в течение которого промышленность работала главным образом на дореволюционном оборудовании, а сельское хозяйство - на старом инвентаре. В преддверии перехода к технической реконструкции всего народного хозяйства, Троцкий в 1925 году выдвинул прогноз, согласно которому после завершения восстановительного периода промышленная продукция будет возрастать ежегодно не менее чем на 15-18 %. В утверждённом же Политбюро первом варианте пятилетнего плана прирост промышленной продукции намечался с убывающей из года в год скоростью - от 9 до 4 %. "Преподнести к десятилетию Октябрьской революции такого рода крохоборческий, насквозь пессимистический план, - говорилось по этому поводу в контррезюмезах оппозиции к XV съезду, - значит на деле работать против социализма"¹.

Разработчики пятилетнего плана в подходе к задачам индустриализации руководствовались сформулированным Сталиным на XIV съезде положением, согласно которому переход к техническому перевооружению производства и строительству новых заводов потребует замедления темпов развития промышленности в силу недостатка капитальных вложений². Эта установка была закреплена и в резолюции XV съезда, где подчеркивалась "опасность слишком большой увязки государственных капиталов в крупное строительство"³. В решениях съезда отсутствовали показатели, предусмотренные первоначальными проектировками, подготовленными Госпланом и ВСНХ на первую пятилетку. В докладе на съезде Сталин назвал несколько более высокий показатель ежегодного прироста валовой продукции промышленности, чем те, которые содержались в этих проектировках, - 12 %.

Хотя первый год пятилетки начался 1 октября 1928 года, контрольные цифры продолжали прорабатываться в Госплане вплоть до апреля 1929 года. Не обладая планом на пятилетку, Политбюро приступило к обсуждению контрольных цифр на её первый год, которые должны были быть положены в основу текущей экономической политики. В ходе этого обсуждения сталинская группа круто поменяла свои прежние установки в вопросе о темпах развития промышленности, требуя их существенного увеличения.

Обеспокоенный этой новой стратегией сталинцев, Бухарин сделал попытку хотя бы частично вовлечь партию в обсуждение своих разногласий с ними, опубликовав 30 сентября в "Правде" обширную статью "Заметки экономиста.

¹ Правда. 1927. 17 ноября.

² См.: Сталин И. В. Соч. т. 7. с. 315.

³ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). т. II. с. 1443-1444.

К началу нового хозяйственного года". В ней подчеркивалось, что партийная теория не дает ответа на "вопросы, жгучие и "больные", которые сверлят мозги многим и многим"¹.

Бухарин объявил отставание производства от роста потребностей своего рода преимуществом социалистического хозяйства, показателем того, что "общество действительно переходит к социализму, что рост потребностей является *непосредственной* двигательной пружиной его экономического развития, что производство становится *средством* ... " Несмотря на последующую критику основных идей Бухарина, этот бухаринский тезис на долгие годы сохранился в арсенале сталинистской и постсталинистской политэкономии, которая продолжала фактически исходить из бухаринского положения, согласно которому "новое соотношение между потребностями масс и производством" служит показателем того, что "производство догоняет всё время потребление масс, идущее впереди, являющееся основным стимулом всего развития"².

Главный пафос "Заметок экономиста" состоял в предостережении против чрезмерно высоких темпов индустриального развития. Для критики позиций сталинской фракции в этом вопросе Бухарин выбрал, казалось бы, безошибочный и многократно проверенный прием. Внешне он направил свое негодование против "троцкизма", используя для этого заявление Троцкого VI конгрессу Коминтерна, разумеется, не опубликованное в советской печати. Назвав это заявление "неслыханно клеветническим и кликушеским" документом, Бухарин с особым гневом обрушился на положение Троцкого, согласно которому ускорение темпов индустриализации необходимо прежде всего для преодоления отставания промышленности от рыночных запросов деревни. "Несмотря на несравненно более высокий свой, по сравнению с сельским хозяйством, технико-производственный тип, - писал Троцкий, - наша промышленность не только не доросла ещё до ведущей и преобразующей, т. е. до подлинно социалистической роли по отношению к деревне, но и не удовлетворяет даже и текущих товарно-рыночных потребностей, задерживая тем самым её развитие"³.

Запальчивая бухаринская атака на эти идеи, как было нетрудно увидеть, маскировала критику Сталина, добивавшегося в то время значительного изъятия средств из сельского хозяйства (через чрезвычайные меры, политику цен и налогов) ради резкого увеличения капиталовложений в промышленность. Сталин, отчётливо это понимавший, добился принятия постановления Политбюро, указывавшего, что ввиду наличия спорных положений в "Заметках экономиста", редакция "Правды" не должна была публиковать эту статью без ведома Политбюро. Ещё до этого постановления ученики Бухарина Слепков, Астров и Марецкий были выведены из редколлегии "Правды" и заменены сталинскими "политкомиссарами" Круминым и Савельевым.

Через обновлённую "Правду" Сталин начал информировать партию о наличии в ней "правого уклона" пока ещё как некой безличной идеологической тенденции. 18 сентября 1928 года в "Правде" появилась инспирированная

¹ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. с. 391.

² Там же. с. 396.

³ Там же. с. 400.

Сталиным передовая статья "Коминтерн о борьбе с правыми уклонами". Перед её публикацией Бухарин высказал решительные возражения против ряда её положений и предложил истолковать "полезную идею" о правом уклоне в том смысле, что этот уклон представляет тенденцию к бюрократическому перерождению некоторых звеньев аппарата, стремящихся свести политику к голому администрированию. Однако статья была опубликована в первоначальной редакции, отражавшей сталинскую трактовку правого уклона.

С этого времени "Правда", а вслед за ней и другие органы печати развернули шумную кампанию против "правого уклона". Только в "Правде" с 10 октября 1928 года до 18 ноября 1929 года (день, когда было опубликовано информационное сообщение о ноябрьском пленуме ЦК, довершившем разгром "бухаринцев"), появилось более 150 статей на эту тему. Хотя в конце 1928 - начале 1929 годов Бухарин ещё публиковал в "Правде" свои отдельные статьи с косвенной полемикой против Сталина, главный печатный орган партии стал идеологическим рупором политики сталинской группы.

Сам Сталин впервые изложил свое понимание "правой опасности" в специально посвящённом этой теме докладе на октябрьском пленуме МК и МКК. Сам этот форум был выбран для критики "правого уклона" далеко не случайно. Уже с начала 1928 года руководители Московского Комитета ВКП(б) во главе с Н. Углановым выступали против чрезвычайных мер и форсированных темпов индустриализации. Возникла возможность "смычки" бухаринской группы с руководством Московской партийной организации - главным оплотом правящей фракции в борьбе с левой оппозицией.

В марте-июле 1928 года по инициативе руководства МК состоялось несколько его встреч со Сталиным, на которых Угланов и его приверженцы расценивали положение в стране как критическое и высказывали обеспокоенность новым экономическим курсом ЦК. Ещё более резко эти вопросы ставились руководителями Московской организации на Пленумах МК. Осенью 1928 года Сталин перешёл в контрнаступление. На сентябрьском пленуме МК и МКК руководство столичной организации было обвинено в "замазывании правой опасности", вслед за чем в Москве прошла волна партийных собраний и партактивов, посвящённых борьбе с "правой опасностью".

Одновременно Сталин проводил личные встречи с руководителями МК и МКК, первыми секретарями райкомов партии столицы, которых он старался привлечь на свою сторону. Об остроте этих бесед говорит свидетельство дочери М. Н. Рютина, члена бюро МК и первого секретаря Краснопресненского райкома. По её словам, после встречи со Сталиным Рютин пришёл домой раздражённым, взволнованным и несколько раз повторил одну и ту же фразу: "Откуда он взялся? Действительно, этот повар будет готовить очень острые блюда"¹. Эта характеристика Сталина, высказанная Лениным в узком кругу после избрания Сталина генсеком, была хорошо известна в партии, поскольку она часто приводилась Троцким в ходе внутрипартийной борьбы 1926-27 годов.

¹ Мартемьян Рютин. На колени не встану. М., 1992. с. 15.

Путём закулисных интриг Сталин инспирировал слухи об Угланове и других руководителях Московской парторганизации как "правых", ведущих борьбу против ЦК. Своего рода ответом на эти слухи стало выступление Углanova в "Правде" с письмом "Ко всем членам Московской организации ВКП(б) о ближайших задачах". В этом письме, наряду с требованиями усилить борьбу против "остатков троцкистской оппозиции" и правых элементов, не видящих кулацкой опасности, содержалось требование свободы внутрипартийной критики и ликвидации методов, при которых "самостоятельная мысль и всякое критическое замечание заранее отбрасываются как "уклон", "бузотерство" и т. д."¹.

Это письмо Углanova, единогласно одобренное на бюро МК, послужило поводом для созыва нескольких совещаний в МК, на которых Угланов и поддерживавшие его руководители районных партийных организаций Москвы были обвинены в "примиренчестве" к правому уклону. Вслед за этим 18-19 октября был созван внеочередной пленум МК и МКК. В начале его работы Угланов заявил, что попытка "изобразить нас, старых большевиков, ... оппортунистами, политическими банкротами, - это, товарищи, не пройдёт". Признавая важность вопроса о правой опасности, он подчеркнул, что ещё важнее "дать программу и ясно осветить задачи нашего хозяйственного строительства" и сосредоточить внимание на развертывании внутрипартийной демократии².

На следующий день Сталин прибыл на пленум и выступил на нем с обширным докладом, в котором назвал основные признаки "правого уклона": выступление против борьбы с кулаком и за снижение темпов индустриализации. При этом он представлял дело таким образом, что опасность заключается в самой этой идеологии, а не в конкретных её выразителях.

Касаясь требований делегатов пленума назвать носителей "правой опасности", он заявил, что такие "носители" были выявлены в низовых партийных организациях во время хлебозаготовительного кризиса и тогда же вычищены из партии. Однако их ещё можно найти, "если покопаться хорошенько в советском и кооперативном аппарате", в уездных и губернских партийных организациях. Что же касается ЦК, то, по словам Сталина, в нем имелись лишь "некоторые, правда, самые незначительные, элементы примиренческого отношения к правой опасности", а "в Политбюро нет у нас ни правых, ни "левых", ни примиренцев с ними". На основании этого утверждения Сталин "со всей категоричностью" потребовал "бросить слетни, распространяемые недоброжелателями партии и всякого рода оппозиционерами, о наличии правого уклона или примиренческого отношения к нему в Политбюро нашего ЦК"³.

По логике доклада Сталина получалось, что правые "колебания и шатания" сильнее всего проявляются в "верхушке" Московской организации. В этой связи Сталин поддержал "самокритику снизу" районных организаций Москвы, которые, по его словам, потребовали преодоления этих "шатаний". В соответствии с такой установкой некоторые руководящие работники МК вынуждены

¹ Правда. 1928. 3 октября.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. с. 121-122.

³ Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 235-236.

были выступить на пленуме с признанием своих "ошибок". В постановлении пленума руководство МК обвинялось в "неясной постановке вопроса о правой опасности, недостаточном отпоре правому уклону и примиренчеству с ним".

Несколько руководителей московской организации были освобождены от обязанностей членов бюро МК. Спустя месяц очередь дошла до Угланова и второго секретаря МК Котова, которые были заменены Молотовым и Бауманом. Были смещены со своих постов и секретари нескольких московских райкомов.

Вся эта чистка происходила в условиях, когда среди московских коммунистов продолжали ходить слухи о разногласиях в партийных верхах. В конце 1928 года докладчикам на партийных собраниях часто присылались записки с вопросами: "Скажите, какие имеются разногласия в Политбюро и как они отражаются на решении сложных вопросов в политике партии?" "Скажите, как серьезно на пленуме был спор между Сталиным и Бухариным и из-за чего он произошёл?"¹.

Все попытки наиболее радикально настроенных "правых" из московской организации привлечь своих "вождей" к сопротивлению сталинской чистке не увенчались успехом. Когда Рютин в сентябре 1928 года заявил Томскому о необходимости партийной дискуссии, тот не дал ему никакого ответа, отделавшись шуткой: "Единственного вижу из головки Московской организации, который не потерял голову". Спустя некоторое время Рютин, Угланов и Куликов посетили больного Бухарина, которого они застали в состоянии полной деморализации. В ответ на просьбу посоветовать, как действовать дальше, Бухарин, по словам Рютина, "расплакался и очень отрицательно отозвался о политике Сталина. "Я сейчас чувствую себя буквально обмазанным с головы до ног говном", - сказал он и снова расплакался ... Так мы не получили никакого совета от т. Бухарина"².

Успешно проведенная сталинцами чистка московского аппарата - главной опоры бухаринской группы - предшествовала ноябрьскому пленуму ЦК, на который был вынесен вопрос о контрольных цифрах на 1928/29 хозяйственный год. В ходе подготовки этого вопроса в комиссии Политбюро Бухарин, Рыков и Томский подали в отставку, но вскоре отказались от неё и согласились с максимальным налоговым обложением кулака и с планированием высоких темпов развития промышленности. После того, как выдвинутое впервые Бухариным обвинение большинства Политбюро в политике военно-феодалной эксплуатации крестьянства было "отвергнуто при общем хохоте членов комиссии", Сталин добился единогласного принятия резолюции о контрольных цифрах и решения о том, чтобы "все члены Политбюро декларировали как на ноябрьском пленуме ЦК, так и вне его единство и отсутствие разногласий внутри Политбюро"³. Таким образом, ноябрьский пленум ЦК, в отличие от предшествующего, июльского пленума прошёл в "мирной" обстанов-

¹ Вопросы истории КПСС. 1990. № 6. с. 71.

² Мартемьян Рютин. На колени не встану. с. 281-282.

³ Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 320-321.

ке, рядовые члены ЦК не узнали о продолжающемся обострении разногласий в Политбюро.

Незадолго до пленума вопрос о темпах индустриализации обсуждался на заседании Совнаркома, на котором Рыков пытался отстоять тезис о сохранении рыночного равновесия. В ответ на это председатель ВСНХ Куйбышев заявил, что "несоответствие между спросом и предложением толкает промышленность на быстрое развитие, оно свидетельствует о росте благосостояния являясь стимулирующим моментом для индустриализации"¹. Таким образом, Куйбышев использовал для полемики с Рыковым один из главных тезисов бухаринской статьи "Заметки экономиста".

Ноябрьский пленум заслушал доклады Рыкова, Кржижановского и Куйбышева, в которых закреплялась установка на резкое увеличение капиталовложений в тяжёлую индустрию. Эта установка, равно как и объяснение экономических трудностей "бешеным сопротивлением" кулака и нэпмана были поддержаны всеми участниками пленума.

Сталин выступил на пленуме с речью "Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)", опубликованной 24 ноября в "Правде". В этой речи он утверждал, что правый уклон "нельзя пока ещё рассматривать как нечто оформившееся и выкристаллизовавшееся, хотя он и усиливается в партии. Он только оформляется и кристаллизуется". Сталин заявил, что "основным методом борьбы с правым уклоном должен быть у нас на данной стадии метод развернутой идеологической борьбы", и осудил некоторых членов ЦК за то, что у них "имеется неудержимое желание поскорей снять с постов тех или иных выразителей правого уклона. Но это не решение вопроса, дорогие товарищи"².

Следуя уже хорошо отработанной им тактике: скрывать от рядовых членов ЦК разногласия в Политбюро вплоть до наиболее выгодного для него момента - Сталин заявил на пленуме об абсолютной ложности "тех слухов, которые то и дело распространяются в наших рядах всякими недоброжелателями, противниками и врагами нашей партии. Я имею в виду слухи о том, что будто бы у нас, в Политбюро, имеются правый уклон, "левый" уклон, примиренчество и черт знает ещё что". Сославшись на единогласное принятие тезисов о контрольных цифрах, Сталин патетически воскликнул: "Пусть эти тезисы послужат ещё одним, сотым или сто первым доказательством того, что мы все в Политбюро едины"³.

Основной мишенью для характеристики "физиономии" правого уклона Сталин избрал Фрумкина, направившего в ноябре новое письмо в ЦК, в котором говорилось о неизбежной деградации сельского хозяйства при сохранении существующей политики в деревне. Объектом сталинской критики стали положения Фрумкина о том, что "деревня, за исключением небольшой части бедноты, настроена против нас", что "установка, взятая в последнее время, привела основные массы середняка к беспросветности, к бесперспективности",

¹ История СССР. 1990. № 4. с. 12.

² Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 287-288.

³ Там же. с. 290.

что не следует "вести расширение совхозов в ударном и сверхударном порядке", что "мы не должны мешать производству и кулацких хозяйств, борясь одновременно с их кабальной эксплуатацией"¹. Хотя эти положения обнаруживали явную связь с идеями "Заметок экономиста", Сталин не только молчал о своем отношении к этой бухаринской статье, но даже заявил: "Фрумкин любит вообще хватать за фалды тех или иных членов Политбюро для обоснования своей точки зрения. Вполне возможно, что он и в данном случае постарается схватить за фалды Бухарина, чтобы доказать, что Бухарин говорит "то же самое" в своей статье "Заметки экономиста". Но Бухарин говорит далеко не "то же самое". Бухарин поставил в своей статье отвлеченный, теоретический вопрос о возможности или об опасности деградации. Говоря отвлеченно, такая постановка вопроса вполне возможна и закономерна. А что делает Фрумкин? Он превращает абстрактный вопрос о возможности деградации в *факт* деградации сельского хозяйства"².

По-прежнему используя свою излюбленную тактику "борьбы на два фронта", Сталин, наряду с критикой "правой опасности", упомянул на пленуме и об опасности тенденций к "сверхиндустриализации" и превращению чрезвычайных мер в постоянный курс партии, естественно, приписав эти тенденции "троцкизму"^{3*}. В этой части своей речи Сталин, по существу, опроверг свои многочисленные прежние заявления о "ничтожности троцкистских сил", основанные на фальсифицированных данных о голосовании в дискуссии перед XV съездом. Назвав официальную цифру, согласно которой против платформы ЦК голосовало менее четырех тысяч человек, и выслушав реплику из зала "десять тысяч", Сталин не только согласился с этой поправкой, но и добавил: "Я думаю, что если десять тысяч голосовало против, то дважды десять тысяч сочувствующих троцкизму членов партии не голосовало вовсе, так как не пришли на собрания. Это те самые троцкистские элементы, которые не вышли из партии и которые, надо полагать, не освободились ещё от троцкистской идеологии. Кроме того, я думаю, что часть троцкистов, оторвавшаяся потом от троцкистской организации и вернувшаяся в партию, не успела ещё распространиться с троцкистской идеологией и тоже, должно быть, не прочь распространять свои взгляды среди членов партии. Наконец, мы имеем факт некоторого возрождения троцкистской идеологии в некоторых организациях нашей партии. Соеди-

¹ Там же. с. 271-275.

² Там же. с. 260.

³ По поводу этой и дальнейших попыток Сталина списать все неудачи своей политики на носителей "троцкистской идеологии", Троцкий язвительно писал: "Со Сталиным произошло в отношении рынка и нэпа то, что обычно бывает с эмпириками... Эмпиризм чаще всего служит предпосылкой субъективизма, а если это эмпиризм бюрократический, то он неизбежно становится предпосылкой периодических "перегибов". Искусство "генерального" руководства состоит в таком случае в размене перегибов на перегибчики и в уравнительном распределении их среди илотов, именуемых исполнителями. Если в довершение генеральный перегиб подкинуть "троцкизму", то задача решена". (Бюллетень оппозиции. 1930. № 14. с. 29).

ните всё это вместе, и вы получите все необходимые элементы для того, чтобы иметь в партии уклон к троцкизму"¹.

Вопреки введённому в партийный обиход тезису о правой опасности как главной на данном этапе, Сталин превосходно понимал, что реально основную опасность для него продолжают представлять "троцкисты", в значительной своей части не склонные с такой лёгкостью, как "правые", идти на "гнилые компромиссы". Хотя Сталин и заявил на пленуме: "Одно дело - кадры троцкистов арестовать или исключить из партии. Другое дело - с идеологией троцкизма покончить. Это будет труднее"², он отнюдь не собирался идти по второму, "трудному" пути - борьбы с "троцкизмом" идейными средствами. В свою очередь большинство "троцкистов", несмотря на все ужесточившиеся полицейские репрессии, не обнаруживали склонности к капитуляции перед Сталиным.

¹ Там же. с. 277-278.

² Там же. с. 278.

IX

Почему не возник блок между "правыми" и левой оппозицией

На XVI съезде Орджоникидзе сообщил, что с XV съезда до 1 февраля 1930 года контрольными комиссиями было привлечено к ответственности за троцкизм 7300 человек¹. Перед "привлечёнными" по-прежнему ставилась жёсткая альтернатива: либо объявить не только о прекращении "фракционной деятельности", но и об отречении от своих взглядов, либо оказаться исключёнными из партии, что означало, как правило, последующее лишение работы и передачу исключённого из рук Контрольной комиссии в руки ГПУ.

Уже в 1928 году среди части оппозиционеров возникли колебания в связи с шумными заявлениями Сталина о борьбе с кулаком и "правым уклоном". Многие рядовые троцкисты восприняли всерьёз сталинскую демагогию о том, что именно он защищает теперь подлинно левую, ленинскую линию в борьбе с "правыми". Об этом свидетельствует, в частности, письмо двух рабочих-оппозиционеров Троцкому, в котором говорится о "пагубности" мнения, что основная опасность по-прежнему идёт от сталинцев, а "левый" поворот представляет лишь очередную сталинскую авантюру. Авторы письма, дезориентированные сталинской пропагандой, трубившей о росте "правой опасности", писали, что "размежевка сил произошла со значительным перевесом вправо", что якобы сталинцы на июльском и ноябрьском пленумах ЦК потерпели поражение, а "рыковцы уже поставили в повестку дня снятие Сталина с руководства ВКП(б) и разгром сталинцев". "Если правые работают на контрреволюцию - сталинцы работают сегодня на революцию, - говорилось в письме, - ... Сталин борется за индустриализацию против её врагов, тем самым он становится на нашу сторону баррикады". Из этого делался вывод, что левой оппозиции следует выступить с заявлением о поддержке сталинской фракции как "теперешнего левого крыла внутри партии"².

Среди лидеров оппозиции такие настроения разделяли прежде всего Радек и Преображенский, утверждавшие, что в случае сохранения оппозицией своего враждебного отношения к Сталину, последний займет место левого крыла в партии. Ещё в июне 1928 года Радек писал Тер-Ваганяну: "Центр, возглавляемый Сталиным, взял инициативу реформы в свои руки ... Не исключено, что центр не будет в состоянии просто перед ними (правыми) капитулировать, что, поставленный перед выбором: неонэп или борьба, он будет принуждён драться и искать нашей помощи. Тогда мы вернемся в партию не в борьбе с ним, а при его помощи. Будет ли Сталин возглавлять тогда центр, или другой - это не

¹ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. М., 1930. с. 323.

² Минувшее. Исторический альманах. 7. М., 1992. с. 310-311.

имеет решающего значения ... в то время как блок наш с правыми исключён, - с центром он исторически возможен¹.

Наиболее проницательные оппозиционеры выступали против таких схематических построений, абстрагирующихся от личности Сталина и как бы призывающих во имя "широких" политических соображений забыть о его политической беспринципности и коварстве. Отвечая Радеку на его суждения о возможности блока со сталинцами, И. Н. Смирнов писал: "Какой может быть с ними блок ... Ты здесь ошибаешься - история не знает случаев, чтобы политические деятели, отражающие интересы одних и тех же групп, посылали друг друга в тюрьму и ссылку ... Есть путь в партию - путь Зиновьева, Пятакова, Сафарова - путь подлый, ибо он основан на обмане партии и рабочего класса. Этот путь я в свое время предвидел и при одобрении вышепоименованных так определил: "Можно сохранить жизнь ценой потери смысла жизни"².

В переписке с единомышленниками Троцкий предупреждал, что предлагаемый Радеком блок левой оппозиции со сталинцами неизбежно обернется беспринципной капитуляцией оппозиционеров и поддержкой ими авантюристического сталинского ультралевого зигзага. Внимательно анализируя тщательно скрываемые партийной верхушкой, но тем не менее прорывавшиеся к нему сведения о борьбе внутри Политбюро, он подчеркивал, что обе группы, не желающие выносить разногласия на суд партии, загоняют нерешённые проблемы вглубь и сохраняют приверженность созданным ими мифам о "троцкизме", непримиримую враждебность к левой оппозиции. "Весьма вероятно, - писал Троцкий Раковскому 14 июля, - что блок Сталина с Бухариным-Рыковым сохранит ещё на этом конгрессе (Коминтерна - В. Р.) видимость единства, чтобы сделать последнюю безнадежную попытку прикрасить нас самой "окончательной" могильной плитой. Но именно это новое усилие и неизбежная его безуспешность могут чрезвычайно ускорить процесс дифференциации внутри блока, ибо на другой день после конгресса ещё обнажённое встанет вопрос: что же дальше?". В этой связи Троцкий считал вполне возможной "новую полосу ультралевизны"³.

Отвергая иллюзии о том, что Сталин способен проводить подлинно левую, большевистскую политику, Троцкий в письмах товарищам подчеркивал, что внешнее сходство новых сталинских лозунгов с лозунгами левой оппозиции не должно затушевывать того, что между политикой сталинизма и программой оппозиции сохраняется непроходимая пропасть. Он призывал при оценке нового сталинского курса помнить, что "в политике решают не только *что*, но и *как* и *кто*"⁴. О ложности сталинского курса свидетельствует то, что он проводится бюрократическим аппаратом ("кто") и методами административного нажима, грубого принуждения и насилия над массами ("как").

Пока Троцкий находился в СССР и имел возможность письменного общения со своими единомышленниками, большинство из них не допускало и мыс-

¹ Там же. с. 290-291.

² Там же. с. 301.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. с. 526-527.

⁴ Там же. с. 524.

ли о капитуляции перед Сталиным. "Каменев и Зиновьев, слабые и "не совсем храбрые", сдрейфили и "на брюхе поползли в партию" (буквальная фраза Зиновьева), - писал Троцкому в июне 1928 года Муралов. - Как помните, мы с вами отказались от столь непривлекательного, не эстетичного, не привычного, не гигиеничного способа вхождения в революционную большевистскую партию. Мы видели в этом зиновьевском способе оскорбление партии, Ленина, нас ... Писать покаяние - *умирать буду, а не напишу*, четвертовать будут - не напишу. *Один останусь - не напишу*"¹.

Описывая в книге "Технология власти" политическую обстановку 1928 года, А. Авторханов писал: "Троцкисты, несмотря на разгром и ссылку их руководителей, продолжали непримиримую борьбу против "эпигонов Октября" и "сталинской реакции". Мужество, бесстрашие и готовность на личные жертвы выгодно отличали троцкистов от зиновьевцев. В этом отношении троцкисты как союзники ("правых" - В. Р.) были бы весьма реальной силой. Но идеологическая пропасть между "левыми" и "правыми" была той мертвой зоной, куда не осмеливались вступить ни доктринёры-бухаринцы, ни идеалисты-троцкисты. Редкие лица из обеих групп поднимались выше обеих доктрин в смысле понимания исторических перспектив"². Здесь историк допускает явную передержку. Действительно, блокировавшиеся со Сталиным лидеры правящих фракций ставили, подобно Сталину, интересы борьбы за власть над политическими принципами. Однако такое поведение было отнюдь не характерно для левой оппозиции и прежде всего для Троцкого, четко понимавшего, что его борьба со Сталиным и сталинизмом представляет собой борьбу за принципы большевизма, безжалостно растаптываемые сталинской реакцией. Троцкий относился с сугубой непримиримостью к беспринципным политическим комбинациям и поэтому проявлял особую осторожность в сближении со своими недавними принципиальными противниками.

Авторханов прав в том, что в 1928 году расхождения между левой оппозицией и "правыми" несколько ослабились. Это определялось прежде всего тем, что бухаринцы, хотя и с запозданием на несколько лет, пришли к тем же выводам о характере установившегося в партии режима, которые "троцкисты" сделали в 1923 году. Ещё до того, как Бухарин в программных документах начала 1929 года прямо обвинил сталинскую группу в насаждении бюрократизма, он в своих статьях писал о далеко зашедшей бюрократизации аппарата, т. е. о той тенденции, которую он вместе со Сталиным упорно отрицал на всём протяжении борьбы с "троцкизмом". В "Заметках экономиста" он утверждал, что "в порах нашего гигантского аппарата гнездятся тоже элементы бюрократического перерождения с их полным равнодушием к интересам масс, их быту, их жизни, их материальным и культурным интересам"³.

В статье "Ленин и задачи науки в социалистическом строительстве" Бухарин обращал внимание на отрицательные последствия чрезмерной централизации и бюрократизации власти: при огромной концентрации средств произ-

¹ Бюллетень оппозиции. 1929. № 6. с. 32-33.

² Авторханов А. Технология власти. с. 111.

³ Бухарин Н. И. Избранные произведения. с. 417.

водства и финансов в руках государства любая ошибка в руководстве экономикой обнаруживается в гигантских общественных масштабах, а отсутствие научного руководства хозяйственными процессами оборачивается более тяжёлыми последствиями, чем последствия анархии производства при капитализме¹.

Наконец, Бухарин выступил на траурном собрании, посвящённом пятой годовщине со дня смерти Ленина, с докладом "Политическое завещание Ленина". Сам этот заголовок должен был вызвать недовольство Сталина, так как он включал запретное в партии слово "завещание", напоминавшее о ленинском "Письме к съезду". Хотя Бухарин ограничился в этом докладе приведением обширных цитат из опубликованных к тому времени последних работ Ленина и комментариями к этим цитатам, он акцентировал внимание на ленинских идеях партийной демократии, борьбы с бюрократизмом и т. д., что означало косвенную атаку на Сталина. Несколько позже, в период жестокой травли Бухарина, этот доклад был объявлен "бернштейнианским"².

Существовала и ещё одна объективная основа сближения между бухаринцами и левой оппозицией - их общая обеспокоенность сталинскими попытками выйти из кризиса путём применения авантюристических чрезвычайных мер.

Единоголосно принятые резолюции ноябрьского (1928 год) пленума ЦК отражали компромисс между двумя группами в Политбюро. В вопросах индустриализации победила сталинская линия на форсирование темпов, а в вопросах аграрной политики - бухаринская линия на развитие мелкотоварного индивидуального хозяйства и отмену чрезвычайных мер. Однако последняя линия сразу же после пленума оказалась поставленной под угрозу. Страна оказалась перед лицом нового хлебного кризиса. Хотя урожай 1928 года превосходил прошлогодний, провести заготовки зерна "нормальным" путём вновь не удалось. Стало очевидно, что хлебозаготовительная компания сталкивается с не меньшими трудностями, чем в предыдущем году.

В конце 1928 года обнаружилось значительное сокращение посевов озимых - одна из реакций крестьянства на чрезвычайные меры. Трудности снабжения городов хлебом приняли такие масштабы, что вынудили ввести "заборные книжки" (карточки) на хлеб. Вскоре карточная система оказалась распространённой на все основные продовольственные и промышленные товары. Ухудшение продовольственного снабжения вызвало протесты рабочих на собраниях и стихийных митингах. Во время собрания рабочих и служащих Подольского механического завода, на которое приехал Калинин, многие выступавшие говорили, что при царизме жилось лучше. Один из рабочих заявил: "Примите экстренные меры, т. Калинин, а то вам по шапке попадет". Коммунистам, пытавшимся защищать официальную политику, не давали говорить³.

Планы государственных заготовок зерна оказались не выполненными, в результате чего пришлось пойти на уменьшение хлебного экспорта и тем са-

¹ Правда. 1929. 20 января.

² Правда. 1929. 24 августа.

³ Знамя. 1990. № 3. с. 151.

мым - на сокращение импорта промышленного оборудования, что поставило под угрозу производственные программы.

Для обеспечения снабжения городов хлебом Бухарин и Рыков предложили пойти на закупку зерна за границей. Но это потребовало бы затраты значительных валютных средств, предназначенных на покупку машин. Уже сам факт, что аграрная страна впервые нуждается в экспорте хлеба, свидетельствовал о том, что "традиционный" нэп перестает работать. Предложением о ввозе хлеба сталинская фракция противопоставила требование возвратиться к чрезвычайным мерам.

На новый всплеск разногласий Бухарин реагировал тем методом, которым он единственно владел, - печатным словом. В конце 1928 года - начале 1929 года он выступил в "Правде" с несколькими статьями, в которых вступил в косвенную полемику со Сталиным. В докладе "Текущий момент и задачи печати" он подчеркивал, что только "сумасшедшие" могут предлагать "строить сейчас вдвое больше, чем мы это делаем", ибо это значит обречь страну на промтоварный и хлебный голод. Он упоминал, что "кулак схватился местами за ружье" и давал понять, что это произошло потому, что недовольство политикой партии скопилось во всех слоях деревни¹.

Однако Бухарин и его союзники по-прежнему не решались апеллировать к партийным массам и встать на путь открытой внутрипартийной борьбы. Они уклонялись от вынесения даже на Политбюро своей оформленной программы - из-за боязни стать жертвой изобретённого ими вместе со Сталиным в предшествующие годы жупела "фракционности". В то время, как троцкисты даже в условиях перехода к подпольным методам борьбы сохраняли свою фракцию, бухаринская тройка проявляла нерешительность в деле организационного объединения своих единомышленников. Её политическое воображение не поднималось выше попыток создания верхушечных блоков и борьбы за изменение состава Политбюро путём закулисных комбинаций.

Невозможность союза между троцкистами и правыми определялась и доктринёрской приверженностью последних к созданным ими самими мифам о "троцкизме". Считая эти мифы наиболее эффективным идеологическим оружием, они использовали их в целях критики нового курса Сталина. Именно усилиями бухаринской группы был рождён в 1928-29 годах и новый, доживший до нынешних дней миф о том, что Сталин при проведении своей ультралевой политики взял на вооружение "троцкистские" идеи.

Со своей стороны, троцкисты хорошо помнили о политической беспринципности бухаринцев, выступавших в 1926-27 годах ударной идеологической силой в борьбе против левой оппозиции и поддерживавших самые грязные провокации, к которым прибегал в этой борьбе Сталин. Даже Авторханов, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к "троцкизму", признает: "Когда ... Сталин пользовался в борьбе с "левой оппозицией" (Троцкого) и "новой оппозицией" (Зиновьева) методами самой очевидной фальсификации и сознательной провокации, бухаринцы лишь восхищались высоким классом изобретательности Сталина. Он прибегал при молчаливом согласии бухаринцев к са-

¹ Бухарин Н. И. Путь к социализму. Новосибирск. 1990. с. 377-379.

мым виртуозным номерам политической дрейфусиады в отношении организатора октябрьского переворота Троцкого и троцкистов в таком масштабе и формах, которых Ленин не применял даже в отношении своих политических врагов. И это сходило ему с рук без звука протеста со стороны бухаринцев"¹.

В 1923-26 годах Троцкий обращался к Бухарину чаще, чем к кому-либо другому из лидеров правящей фракции, пытаясь апеллировать к его политической честности и порядочности. Троцкий, разумеется, понимал и то, что по своей образованности и теоретической культуре Бухарин стоит неизмеримо выше Сталина. Однако череда "антитроцкистских" выступлений Бухарина, в которых теоретическая добросовестность приносилась в жертву политическому интриганству, вызвала у Троцкого растущее разочарование в Бухарине, которого он всё чаще называл "Колей Балаболкиным". Со своей стороны, Бухарин, продолжавший закулисные контакты с капитулянтами из числа бывших лидеров левой оппозиции, ни политически, ни психологически не был готов к восстановлению контактов с Троцким, которого он не переставал публично "изобличать".

Столь же политически ущербным было поведение Зиновьева и Каменева, которые после июльской беседы с Бухариным, по-видимому, некоторое время надеялись на то, что Сталин призовет их на руководящие посты. Однако вскоре обнаружилось, что слухи об этом, распространявшиеся Сталиным, были рассчитаны исключительно на запугивание бухаринцев. Капитулировавшие лидеры "новой оппозиции" получили весьма скромные назначения: Каменев - председателя главконцесскома, а Зиновьев - ректора Казанского университета. После этого они продолжали встречаться с членами Политбюро из сталинской группы, зондируя вопрос о своем переходе на более высокие должности (Каменев, например, претендовал на возвращение к руководству институтом Ленина). Члены Политбюро не только не уклонялись от этих встреч, но даже делились с вчерашними противниками своими политическими сомнениями. Так, Калинин, придя к Зиновьеву, чтобы сообщить о готовящейся высылке Троцкого, попутно заявил: "Он (Сталин) болтает о левых делах, но в очень скором времени он вынужден будет проводить мою (т. е. "правую" - В. Р.) политику в тройном размере, - вот почему я поддерживаю его"².

Зная о политическом разброде и шатаниях внутри сталинской группы, бухаринцы, равно как и капитулировавшие "вожди" левой оппозиции, по-видимому, надеялись на то, что остается возможность "переиграть" Сталина в дальнейших верхушечных комбинациях. Вплоть до начала 1929 года продолжались интенсивные контакты между сталинцами, бухаринцами и зиновьевцами, прощупывавшими и зондировавшими настроения друг друга. Эти контакты находились в поле зрения "троцкистов".

Осенью 1928 года Троцкий получил из Москвы письмо, сообщавшее о беседе двух его сторонников с Каменевым. В ходе этой беседы Каменев заявил, что "приходится сожалеть, что произошёл разрыв (между троцкистами и "новой оппозицией" - В. Р.) и что жизнь подтвердила все положения (левой-

¹ Авторханов А. Технология власти. с. 134.

² Бюллетень оппозиции. 1929. № 1-2. с. 16.

В. Р.) оппозиции. Диагноз, поставленный оппозицией, абсолютно верен". Каменев дал достаточно реалистический анализ последствий "нового поворота" Сталина. Главным его результатом он считал парадоксальное положение: страна после четырёх хороших урожаев переживает острый хозяйственный кризис. Итоги хлебозаготовок наглядно показали, что чрезвычайными мерами кризисного положения не изжить. Эти меры, "проведённые по-дурацки, захватили значительную часть середняцких элементов деревни и даже бедняцких". После зимней кампании чрезвычайных мер беднота, которая не получила обещанной помощи от Советской власти, весной оказалась без зерна, необходимого даже для посева. Поэтому она вновь попала в зависимость от кулака "с той лишь разницей, что этот кулак сдирал уже в два, три, пять раз больше, чем раньше". Тем не менее бедняк, всё же получивший какую-то помощь от кулака в трудную минуту, не поддержит нового применения чрезвычайных мер. Если Сталин решится прибегнуть вновь к таким мерам, "крестьянское население может перейти к нежелательным методам борьбы за хлеб". "Руководство довело страну до такого положения, - резюмировал Каменев, - когда мер хозяйственного порядка, способных вывести страну из кризиса и своими собственными средствами, уже нет"¹.

В конце 1928 года Каменев вместе с Бухариным посетил Пятакова, находившегося в больнице. На этой встрече Бухарин прочитал свою платформу, после этого нигде им не излагавшуюся. Пятаков сообщил об этом факте в ЦК, в результате чего на заседании Политбюро Бухарину пришлось оправдываться в своих продолжающихся "фракционных" контактах с "троцкистами".

В письме "Внутри право-центристского блока", посланном в "Бюллетень оппозиции", сообщалось, что в ходе этой беседы Бухарин рассказал о разногласиях в Политбюро и о том, что он сам написал одну из резолюций о борьбе с "правым уклоном", ради доказательства того, что он не принадлежит к "правым". Дальнейший ход беседы пересказывался в письме с едкими саркастическими комментариями. "В разговор вмешался Пятаков, который заявил: "Мой горячий совет не выступать против Сталина, за которым идёт большинство (большинство чиновников типа Пятакова и ещё хуже?). Опыт прошлого учит нас, что подобное выступление оканчивается плохо" (Замечательный по цинизму довод!). Бухарин на это ответил: "Это, конечно, верно, но что же делать?" (бедный Бухарин!). После ухода Бухарина Каменев спросил Пятакова: зачем он дает такие советы, только мешает развязыванию борьбы. Пятаков сказал, что он совершенно серьезно считает, что выступать против Сталина нельзя. "Сталин единственный человек, которого можно ещё слушаться (перлы, поистине, перлы: вопрос не в том, какой путь верен, а в том, кого "слушаться", чтоб не было "плохих" последствий). Бухарин и Рыков делают ошибку, когда предполагают, что вместо Сталина управлять будут они. Управлять будут Кагановичи, а Кагановичей я слушаться не хочу и не буду" (неверно: будет слушаться и Кагановича) ... Зиновьев и Каменев к концу декабря положение формулировали так: "Нужно схватиться за руль. Это можно сделать

¹ Вопросы истории. 1991. № 2-3. с. 201-203.

только поддержав Сталина, поэтому не останавливаться, чтобы платить ему полной ценой" (бедняги: сколько уж платили, а до руля всё ещё далеко)"¹.

Конечно, и Бухарин, и капитулянты из числа бывших лидеров левой оппозиции понимали, что периодически возобновляющиеся кампании чрезвычайных мер нагнетают недовольство крестьянства и обостряют хозяйственно-политический кризис. Само понятие "чрезвычайные меры" подразумевало, что они носят временный характер и что "завтра всё вернется в старую колею. Но деревня не верила хорошим словам, и была права. Насильственное изъятие хлеба отбивало у зажиточных крестьян охоту к расширению посевов. Батрак и бедняк оказывались без работы. Сельское хозяйство снова попадало в тупик, и с ним вместе государство. Нужно было во что бы то ни стало перестраивать "генеральную линию"². Такая перестройка с необходимостью потребовала бы признания допущенных ошибок, прекращения преследований левой оппозиции и восстановления партийной и советской демократии. Однако на такие шаги ни сталинская, ни бухаринская группа не были способны. Утратив качества честных и принципиальных политиков в период своего блокирования со Сталиным, бухаринцы, перейдя в оппозицию к Сталину, не могли отказаться от жупелов "фракционности" и "троцкизма", которые Сталин теперь готовился использовать против них самих. Ещё более резкую разграничительную линию между троцкистами и бухаринцами провело согласие последних с решением о высылке Троцкого за границу.

¹ Бюллетень оппозиции. 1929. № 1-2. с. 16.

² Троцкий Л. Д. Преданная революция. с. 34.

Х

Высылка Троцкого

Для того, чтобы полностью изолировать Троцкого от его единомышленников, ГПУ с октября 1928 года внезапно прервало всю его переписку с соратниками, друзьями, родственниками. Даже письмо из московской больницы от безнадежно болевшей дочери, исключённой из партии, Троцкий получил спустя 73 дня после его отправки, и ответ уже не застал её в живых.

26 ноября Политбюро, обсудив вопрос "О контрреволюционной деятельности Троцкого", поручило ОГПУ передать Троцкому ультиматум о прекращении им всякой политической деятельности. С этой целью в Алма-Ату был направлен уполномоченный секретно-политического отдела ОГПУ Волынский, зачитавший Троцкому меморандум, в котором сообщалось, что у коллегии ОГПУ имеются данные о том, что его деятельность "принимает всё более характер прямой контрреволюции" и организации "второй партии". Поэтому в случае отказа Троцкого от руководства "так называемой оппозицией" ОГПУ "будет поставлено в необходимость" изменить условия его содержания с тем, чтобы максимально изолировать его от политической жизни¹.

Троцкий ответил на этот ультиматум письмом в ЦК ВКП(б) и Президиум Исполкома Коминтерна, в котором, в частности, говорилось: "Теоретический разум и политический опыт свидетельствуют, что период исторической отдачи, отката, т. е. реакции может наступить не только после буржуазной, но и после пролетарской революции. Шесть лет мы живем в СССР в условиях нарастающей реакции против Октября, и тем самым - расчистки путей для термидора. Наиболее явным и законченным выражением этой реакции внутри партии является дикая травля и организационный разгром левого крыла ...

Угроза изменить условия моего существования и изолировать меня от политической деятельности звучит так ... как если бы фракция Сталина, непосредственным органом которой является ГПУ, не сделала всего, что может, для изоляции меня не только от политической, но и от всякой другой жизни ... В таком же и ещё худшем положении находятся тысячи безукоризненных большевиков-ленинцев, заслуги которых перед Октябрьской революцией и международным пролетариатом неизмеримо превосходят заслуги тех, которые их заточили или сослали ... Насилия, избиения, пытки, физические и нравственные, применяются к лучшим рабочим-большевикам за их верность заветам Октября. Таковы те общие условия, которые, по словам коллегии ГПУ, "не препятствуют" ныне политической деятельности оппозиции и моей в частности.

Жалкая угроза изменить для меня эти условия в сторону дальнейшей изоляции означает не что иное, как решение фракции Сталина заменить ссылку тюрьмой. Это решение, как сказано выше, для меня не ново. Намеченное в перспективе ещё в 1924 году, оно проводится в жизнь постепенно, через ряд

¹ См.: Троцкий Л. Д. Моя жизнь. с. 530.

ступеней, чтобы исподтишка приучить придавленную и обманутую партию к сталинским методам, в которых грубая нелояльность созрела ныне до отравленного бюрократического бесчестья"¹.

Реакцией на это письмо стало постановление Политбюро о высылке Троцкого за границу. Мотивируя это решение, Сталин заявил, что оно необходимо для того, чтобы развенчать Троцкого в глазах советских людей и зарубежного рабочего движения: если Троцкий будет за рубежом выступать с дальнейшими разоблачениями партийного руководства, "то мы будем его изображать, как предателя"². Это решение было принято большинством голосов. Лишь Рыков и Ворошилов голосовали за ещё более жёсткую меру - заключение Троцкого в тюрьму.

7 января 1929 года постановление Политбюро было направлено председателю ОГПУ Менжинскому. 18 января решение о высылке было оформлено Особым Совещанием при коллегии ОГПУ. Спустя два дня Волынский предъявил Троцкому постановление ОСО, в котором говорилось: "Слушали: Дело гражданина Троцкого, Льва Давыдовича, по ст. 58/10 Уголовного Кодекса по обвинению в контрреволюционной деятельности, выразившейся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооружённой борьбы против советской власти. Постановили: Гражданина Троцкого, Льва Давыдовича, выслать из пределов СССР". Таким образом, высылка Троцкого явилась актом внесудебной расправы по вымышленным обвинениям, на которые обвиняемому не давалось права ответить. После того, как Волынский предложил Троцкому расписаться в ознакомлении с этим документом, Троцкий написал: "Преступное по существу и незаконное по форме постановление ГПУ мне объявлено"³.

В служебном отчёте о выполнении своего поручения Волынский сообщал, что Троцкий сказал ему: "Перед ГПУ была дилемма - либо посадить меня в тюрьму, либо выслать за границу. Первое, конечно, менее удобно, так как вызывает шум и неизбежные волнения и агитации среди рабочих за освобождение. Поэтому Сталин решил выслать меня за границу. Я мог бы, конечно, отказаться, потому что с точки зрения внутреннего положения было бы выгоднее для меня сесть в тюрьму. Если бы я рассуждал, как Сталин, который никогда не понимал, что значит революционная эмиграция, я бы отказался ехать. Для Сталина "эмигрант" - бранное слово, и попасть в эмиграцию для него означает политическую смерть ... он своим ограниченным мозгом не в состоянии понять, что для ленинца одинаково, в какой части рабочего класса работать"⁴.

На основе директивы, полученной от Ягоды, Волынский сразу же после предъявления постановления ОСО объявил, что Троцкий и его семья находятся под домашним арестом, и предоставил им 48 часов для сборов в дорогу. По-

¹ Там же. с. 532-534.

² Бюллетень оппозиции. 1929. № 1-2. с. 3.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. с. 535.

⁴ Вечерний клуб. 1992. № 1.

сле этого они были погружены под конвоем из специально отобранных сотрудников ГПУ в вагон, маршрут следования которого им не был объявлен.

Чтобы избежать при высылке Троцкого демонстраций протеста, подобных той, которая сопровождала годом раньше его высылку в Алма-Ату, высылка происходила в обстановке строжайшей тайны. О ней, однако, была проинформирована зиновьевская группа, от которой Сталин ожидал одобрения данной акции. Когда зиновьевцы собрались для обсуждения этого известия, Бакаев предложил выступить с протестом против высылки. На это Зиновьев заявил, что "протестовать не перед кем", так как "нет хозяина". На следующий день Зиновьев посетил Крупскую, которая сообщила ему, что и она слышала о готовящейся высылке. "Что же вы собираетесь с ним делать?" - спросил её Зиновьев, имея в виду, что Крупская находится в составе Президиума ЦКК. "Во-первых, не *вы*, а *они*, - ответила Крупская, - а во-вторых, даже если бы мы и решили протестовать, кто нас слушает?"¹.

Только через несколько дней пути Троцкому было сообщено, что местом его высылки назначен Константинополь. В эти дни Советское правительство обращалось ко многим правительствам с просьбой принять Троцкого, но только Турция после долгих переговоров дала положительный ответ. Не зная об этом, Троцкий отказался добровольно следовать в Турцию и потребовал отправить его в Германию. 12 суток поезд простоял на глухом полустанке в Курской области, пока сменивший Вольнского новый уполномоченный ОГПУ Буланов не сообщил, что немецкое правительство категорически отказалось впустить Троцкого в свою страну и что получен окончательный приказ доставить его в Константинополь. В служебных донесениях Буланов, сообщая о своих беседах с Троцким в поезде, упоминал о его чрезвычайно резком тоне и выражениях "по адресу большого хозяина".

На протяжении пути конвой всё время увеличивался и Троцкому запрещалось выходить из поезда, который останавливался только на мелких станциях, чтобы набрать воды и топлива. Тем временем сотрудник ОГПУ Фокин, направленный в Одессу для организации тайной погрузки Троцкого на пароход, сообщал начальству, что им сделано всё, чтобы не допустить возможной демонстрации в городе. Была проведена тщательная проверка команды парохода "Ильич", списание с неё "ненадежных" и подготовка запасной команды, "могущей вести пароход даже при полном отказе остальной команды"².

Прибывший в Одессу вагон был подан прямо к причалу. Несмотря на глубокую ночь, пристань была оцеплена войсками ГПУ. 12 февраля "Ильич" вступил в пограничные воды, где Троцкий вручил турецкому офицеру заявление для передачи Президенту Турецкой республики Кемалю-Паше: "Милостивый государь. У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу, лишь подчиняясь насилию"³.

¹ Бюллетень оппозиции. 1929. № 1-2. с. 16-17.

² Вечерний клуб. 1992. № 1.

³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. с. 538.

Только спустя неделю после этого "Правда" поместила краткую заметку: "Л. Д. Троцкий за антисоветскую деятельность выслан из пределов СССР постановлением Особого Совещания при ОГПУ. С ним согласно его желанию выехала его семья"¹. В этом сообщении отсутствовало содержавшееся в постановлении ОСО обвинение в подготовке Троцким вооружённой борьбы против Советской власти. В одной из первых статей, опубликованных в изгнании, Троцкий писал: "Почему Сталин не решился в "Правде" повторить то, что сказано в постановлении ГПУ? Потому что он знал, что ему никто не поверит ... Но зачем же в таком случае было вносить эту явную ложь в постановление ГПУ? Не для СССР, а для Европы и для всего мира. Сталин не мог иначе объяснить высылку и бесчисленные аресты, как указанием на подготовку оппозицией вооружённой борьбы. Этой чудовищной ложью он причинял величайший вред Советской Республике. Вся буржуазная печать говорила о том, что Троцкий, Раковский, Смилга, Радек, И. Н. Смирнов, Белобородов, Муралов, Мрачковский и многие другие, которые строили Республику и защищали её, теперь готовят вооружённую борьбу против Советской власти. Ясно, до какой степени такая мысль должна ослаблять Советскую Республику в глазах всего мира!"².

Троцкий предупреждал, что после его высылки следует ожидать новых провокаций Сталина по отношению к оппозиции. "Голое провозглашение оппозиции "контрреволюционной партией" недостаточно: никто не берет этого всерьез. Чем больше оппозиционеров исключают и ссылают, тем больше их становится внутри партии. На ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) (1928 г.) это признал и Сталин. Ему остается одно: попытаться провести между официальной партией и оппозицией кровавую черту. Ему необходимо дозарезу *связать оппозицию с покушениями, подготовкой вооружённого восстания* и пр ... Отсюда план Сталина: выдвинуть обвинение в "подготовке вооружённой борьбы", как предпосылку новой полосы репрессий ... Такого рода дела - только такого рода - Сталин продумывает до конца ... Бессильная политика лавирования и вилянья, возросшие хозяйственные трудности, рост недоверия партии к руководству привели Сталина к необходимости оглушить партию инсценировкой крупного масштаба. Нужен удар, нужно потрясение, нужна катастрофа"³.

Точно распознав стратегический план Сталина, Троцкий недооценил и на этот раз тактическое мастерство "гениального дозировщика" в делах "такого рода". В конце 20-х годов Сталин осуществил лишь пробные попытки обвинить Троцкого в деятельности, направленной на свержение Советской власти. Первой такой попыткой был арест в 1928 году Бутова, ближайшего сотрудника Троцкого, и вымогательство от него показаний о "контрреволюционных приготовлениях" Троцкого. Бутов ответил на это голодовкой в тюрьме, которая длилась 50 дней и закончилась его смертью.

¹ Правда. 1929. 19 февраля.

² Бюллетень оппозиции. 1929. № 1-2. с. 3.

³ Там же. с. 2.

Первой кровавой расправой с оппозиционером стал расстрел в 1929 году бывшего сотрудника Троцкого, а затем советского разведчика Блюмкина за свидание в Турции с Троцким и доставку от него письма Радеку (последний, не вскрыв это письмо, тут же передал его в ОГПУ). Откликаясь на это событие, Троцкий писал: "Расстрелом Блюмкина Сталин хочет сказать международной оппозиции большевиков-ленинцев, что внутри страны у него есть сотни и тысячи заложников, которые будут расплачиваться своими головами за успехи подлинного большевизма на мировой арене"¹.

Однако расстрел Блюмкина оказался не только первым, но и последним случаем физического уничтожения оппозиционера вплоть до 1934 года. Окончательный удар по левой оппозиции Сталин растянул на несколько лет для того, чтобы затем нанести его в масштабах, невиданных в истории. Пока же он считал "достаточным" ужесточение репрессий по отношению к несломленным оппозиционерам.

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. с. 8.

XI

Сталин - против "троцкистов".

"Троцкисты" - против Сталина

Одновременно с решением о высылке Троцкого было принято решение провести по всей стране массовые аресты оппозиционеров, в том числе находящихся в ссылке. В центральных газетах под рубрикой "Хроника" было опубликовано сообщение: "Несколько дней назад ОГПУ была арестована за антисоветскую деятельность нелегальная троцкистская организация. Арестовано всего 150 человек ... При обыске конфискована антисоветская нелегальная литература. Арестованные, как элементы, враждебные пролетарской диктатуре, подлежат строгой изоляции"¹. Это означало, что отныне "мерой пресечения" для "неразоружившихся троцкистов" избиралась не ссылка, а тюрьма.

В тот же день Сталин опубликовал без подписи, в качестве передовой "Правды" статью под названием "Докатились". Под его именем она была напечатана лишь в 1949 году, в одиннадцатом томе собрания его сочинений - с примечанием "печатается впервые". В ней Сталин подчеркивал, что "в течение 1928 года троцкисты завершили свое превращение из подпольной антипартийной группы в подпольную антисоветскую организацию. В этом *то новое*, что заставило в течение 1928 года органы Соввласти принимать репрессивные мероприятия по отношению к деятелям этой подпольной организации ... *Подрывная* работа троцкистской организации требует со стороны органов Советской власти беспощадной борьбы по отношению к этой антисоветской организации". В статье содержались недвусмысленные угрозы в адрес троцкистов, которые "стоят на полдороге", а также требование ко всем членам партии "понять и усвоить", что "между бывшей троцкистской оппозицией внутри ВКП(б) и нынешней антисоветской троцкистской подпольной организацией вне ВКП(б) *уже легла непроходимая пропасть* ... Поэтому совершенно недопустимо то "либеральное" отношение к деятелям подпольной троцкистской организации, которое проявляется иногда отдельными членами партии"². Это был первый шаг Сталина, направленный на обвинение "троцкистов" в "подрывной" антисоветской деятельности с тем, чтобы сузить сферу официальной полемики с "троцкизмом" как идейным течением.

После появления этой статьи были инспирированы "массовые митинги" с обличениями "обнаглевших троцкистов", одобрением принятых против них репрессивных мер и требованиями немедленно выслать с территории Советского Союза "неразоружившихся" руководителей оппозиции. Однако высылка за границу большой группы оппозиционеров не входила в планы Сталина, который полагал, что изгнание Троцкого вынудит остальных лидеров оппозиции к капитуляции. Этому же была призвана способствовать новая волна арестов, прокатившаяся весной 1929 года. Сидевший в то время в Бутырской тюрьме

¹ Правда. 1929. 24 января.

² Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 313-317. Правда. 1929. 24 января.

С. Голицын вспоминал, что "большевиков-оппозиционеров ... начали арестовывать, они сидели на Лубянке, а если в Бутырках, то по одиночным камерам. Мы видели, как их выпускали на прогулку, они шли кругом, один за другим, на расстоянии двух метров, как на картине Ван Гога. В течение нескольких дней мы читали в уборной надпись химическим карандашом: "Ленинцы! В приговорах начинают давать концлагери. Держитесь крепче!"¹.

Выразительное описание поведения оппозиционеров, впервые оказавшихся в советских тюрьмах, содержится в романе А. Солженицына "В круге первом". Это описание основано на воспоминаниях Л. Копелева (выведенного в романе под именем Льва Рубина) об испытаниях, перенесённых им в 1929 году за помощь своему старшему брату-троцкисту в укрывательстве шрифты подпольной типографии. В романе Рубин вспоминает о том, как он был брошен в харьковскую внутреннюю тюрьму ГПУ, сплошь заполненную оппозиционерами.

"По тюрьме гулко разносится каждый звук. Лёвка слышит, как кого-то с грохотом волокут по лестнице, - и вдруг раздирающий вопль потрясает тюрьму:

- Товарищи! Привет из холодного карцера! Долой сталинских палачей!

Его бьют (этот особенный звук ударов по мягкому!), ему зажимают рот, вошь делается прерывистым и смолкает - но триста узников в трёхстах одиночках бросаются к своим дверям, колотят и истошно кричат:

- Долой кровавых псов!

- Рабочей крови захотелось?

- Опять царя на шею?

- Да здравствует ленинизм!..

И вдруг в каких-то камерах исступленные голоса начинают:

Вставай, проклятьем заклеймённый ...

И вот уже вся незримая гуща арестантов гремит до самозабвения:

Это есть наш последний
И решительный бой! ...

Не видно, но у многих поющих, как и у Лёвки, должны быть слезы восторга на глазах.

Тюрьма гудит разбережённым ульем. Кучка тюремщиков с ключами затаилась на лестницах в ужасе перед бессмертным пролетарским гимном ...².

Не менее мужественно вели себя оставшиеся на воле оппозиционеры, отвечавшие на ужесточение репрессий против своих товарищей активизацией своей нелегальной деятельности. Через два дня после принятия решения ОГПУ о высылке Троцкого московские оппозиционеры выпустили "бомбу" против Политбюро, продиктовавшего это решение, - прокламацию под названием "К партийным конференциям. Партию с завязанными глазами ведут к катастро-

¹ Голицын С. Записки уцелевшего. Дружба народов. 1990. № 3. с. 119.

² Новый мир. 1990. № 4. с. 89.

фе". Эта листовка содержала запись беседы между Бухариным и Каменевым с предисловием, написанным А. Воронским^{1*}. Запись проникла также за границу и в марте 1929 года была в извлечениях опубликована германской газетой "Volkswille", близкой к левой оппозиции. Этот текст вскоре был опубликован в обратном переводе эмигрантской меньшевистской газетой "Социалистический вестник", а ещё через две недели - французской коммунистической оппозиционной газетой "Contre le Courant". 4 мая "Социалистический вестник" дал описание листовки, вышедшей в СССР, и перепечатал из неё фрагменты, отсутствовавшие в немецкой публикации.

В апреле 1929 года в другой оппозиционной листовке, распространявшейся в Москве и Московской области, сообщалось, что "волна арестов, прокатившихся над Москвой с 26 по 30 марта, ... вырвала из наших рядов ещё 200 активных товарищей". Эти аресты объяснялись мстостью сталинцев тем, кто предупреждал о неминуемом банкротстве их политики. В листовке напоминалось, что ещё недавно партийная верхушка утверждала, "что нет никаких опасностей, что классовому врагу податься некуда и т. д. Оппозиция разбита, сослана, разгромлена. И вдруг ... какой-то кулак не хочет дать хлеба, какие-то члены партии не хотят видеть кулака, не хотят с ним ссориться, какие-то правые (откуда они при монолитном единстве "ленинского" ЦК и "ленинской" партии?) требуют уступок капиталистическим элементам, срываются планы, приходится увеличивать цены на хлеб и т. д. Как это не похоже на хвастливые дискуссионные заявления большинства. Всякому, кто серьезно задумывался над вчерашним днем нашей партии, становилось ясно, что между словами сталинцев и делами и способностями - громадная пропасть, что нужно менять руководство ... Брожение растёт. Массы поговаривают о смене руководства. Глуховские ткачи, киевские арсенальцы, днепропетровские металлисты заявляют, что партия оторвалась от масс"². В ответ правящая фракция делает всё, чтобы лишить рабочих подлинно революционного авангарда путём всё более широких и свирепых репрессий.

В других листовках, подписанных анонимно ("группа большевиков-ленинцев", "группа рабочих-большевиков" и т. д.), назывались имена арестованных рабочих разных заводов, сообщалось о смертельной голодовке, объявленной группой оппозиционеров в Тобольской тюрьме, и других формах сопротивления тюремщикам. "Не позор ли, - говорилось в одной из листовок, - что вместо усиления позиций пролетариата - носителя власти в стране - бюрократическое руководство всемерно ослабляет его, поощряя пассивность, нажимая на его мускулы, уплотняя рабочий день, снижая зарплату, преследуя, арестовывая и ссылая рабочих-передовиков"³.

¹ О настроениях самого Воронского этого периода свидетельствует предпосланный к его воспоминаниям о большевистском подполье, написанным в 1928 году, эпиграф из Лермонтова: "И маршалы зова не слышат: иные погибли в бою, другие ему изменили и продали шпагу свою" (Новый мир, 1928. № 9. с. 154).

² История СССР. 1991. № 5. с. 111.

³ Там же. с. 116.

Требования оппозиции были поддержаны на рабочих собраниях ряда заводов Москвы и Московской области. О характере этих требований говорят "Дополнения большевиков-ленинцев (оппозиции) к наказу Моссовету": возобновить прекращённую в сентябре 1927 года публикацию данных о движении реальной заработной платы; сократить расходы на аппарат не менее чем на 25 %; провести жёсткое сокращение аппарата, понизить ставки высокооплачиваемых категорий; добиваться полного прекращения продажи водки во всех рабочих центрах; в целях приостановки инфляции требовать полного прекращения выпуска бумажных денег¹.

Поведение троцкистов как на воле, так и в тюрьмах и ссылках доказывало, что, несмотря на возрастающий гнёт полицейских преследований, они остаются наиболее опасной для Сталина политической силой. Вместе с тем высылка Троцкого и массовые аресты оппозиционеров развязали Сталину руки для более решительного наступления против "правых", сдававших ему одну позицию за другой.

¹ Там же. с. 113-114.

ХII

Поражение "правых"

Уже в 1928 году, когда четко обозначился раскол в Политбюро, Сталин вернулся к методам фракционной конспирации против его меньшинства, которые были с успехом использованы правящими фракциями в борьбе с левой оппозицией. Сталинская группа в Политбюро стала собираться по понедельникам для предварительного обсуждения вопросов без участия Рыкова, Бухарина и Томского, а по четвергам заранее предрешённые на этих фракционных совещаниях решения формально утверждались большинством голосов на официальном заседании Политбюро. В свою очередь сразу же после заседаний Политбюро Бухарин встречался со своими учениками (единственным фракционным образованием, которое он решил сохранить) и информировал их о происходившем на этих заседаниях.

Однако силы двух верхушечных фракций были чересчур неравны. По команде фракционного штаба Сталина, державшего в своих руках весь партийный аппарат, во второй половине 1928 года все партийные организации страны стали выносить резолюции с осуждением "правого уклона" как главной опасности, не называя пока по имени его носителей. Голосовавшие за эти резолюции члены партии по-прежнему ничего не знали о разногласиях внутри Политбюро. Те же, кто были близки к лидерам "правых", невольно вспоминали оценку Троцким "единодушия" подобных собраний. Рассказывая об этом этапе борьбы против "правого уклона", А. Авторханов писал: "Пущенная в ход Агитпропом ЦК успокаивающая формула гласила лишь: "Голосуйте за Сталина - не ошибетесь". Наиболее ретивые из нас отвечали на это формулой Троцкого: "не партия, а голосующее стадо Сталина"¹.

В последние месяцы 1928 года Сталин нанёс по "правым" несколько новых ударов, направленных на подрыв влияния Бухарина в Коминтерне и Томского в ВЦСПС. 19 декабря впервые после VI конгресса Коминтерна в работе Президиума ИККИ приняли участие Сталин и Молотов. Сталин выступил с речью, в которой заявил, что недопустимо "терпеть дальше такие "порядки", когда правые отравляют атмосферу социал-демократическим идейным хламом ... а примиренцы льют воду на мельницу правых"². В качестве "примиренцев" на заседании Президиума были осуждены наиболее близкие к Бухарину деятели Коминтерна: Эмбер-Дро и Серра (А. Таска). Этим была открыта полоса новых расколов и исключений "правых" из западных коммунистических партий.

Наиболее принципиальные и дальновидные зарубежные коммунисты, пришедшие к выводу, что Сталин разрушает Коминтерн, пытались предостеречь руководство своих партий от беспрекословного послушания сталинскому диктату. В январе 1929 года, после выезда из Москвы, Таска, работавший представителем Итальянской компартии в Коминтерне, направил в ЦК своей

¹ Авторханов А. Технология власти. с. 93.

² Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 302.

партии письмо, в котором говорилось, что "Коминтерна не существует", поскольку он "у Сталина в кулаке". "Сталин - "учитель и хозяин", который руководит всем, - писал Таска. - Находится ли он на высоте положения? По плечу ли ему такая ответственность? Я отвечаю прямо: Сталин неизмеримо ниже. Посмотрите на всё, что он совершил, вы не найдете в этом ни одной его мысли. Он переваривает чужие идеи, которые крадет и потом представляет в схематической форме, производящей впечатление силы мысли, какой в действительности нет. Для него идеи - пешки, которыми он пользуется, чтобы выиграть партию за партией ... Сталин занимается плагиатом, ибо он не может ничего другого, он интеллектуально посредствен и бесплоден, поэтому он втайне ненавидит интеллектуальное превосходство Троцкого, Бухарина и др., не может им его простить, использует их идеи от случая к случаю сообразно обстановке и, присвоив их, переходит в наступление против обворованных, потому что ему важны не принципы, а монополия власти ... Он ликвидатор (покуда у него развязаны руки) самого духа Октябрьской революции. Между Лениным и Сталиным лежит пропасть не количественная, а качественная. Я считаю, что самое большое несчастье, которое могло постигнуть Советскую Россию после смерти Ленина, - это сосредоточение власти в руках Сталина. И русская партия, и все мы очень дорого заплатим за то, что не учли ясные указания Ленина на его счёт"¹.

После этого письма Таска был исключён из ИКП. Руководство Итальянской компартией перешло к Тольятти, который всё более проявлял себя верным сталинцем. Ещё в 1926 году Тольятти не выполнил поручения Грамши, который передал ему адресованное Центральному Комитету ВКП(б) письмо, осуждавшее методы борьбы правящей фракции против левой оппозиции. Тольятти показал это письмо лишь Бухарину и последовал совету последнего не передавать его официально в ЦК, поскольку, по словам Бухарина, это вызвало бы необходимость ответа и привело бы к ухудшению отношений между ИКП и ВКП(б). Поддержав по ряду вопросов Бухарина на VI конгрессе, Тольятти в ближайшие месяцы, когда Бухарин был подвергнут ожесточённой травле, присоединился к ней, осуществив, по словам Л. Лонго, "перемещение"².

Добившись фактически полного подрыва позиций Бухарина в Коминтерне, сталинская фракция перешла в наступление на Томского. На VIII съезде профсоюзов, проходившем в конце декабря 1928 года, Каганович предложил коммунистической фракции съезда признать работу руководства ВЦСПС неудовлетворительной, что означало бы переизбрание Томского с поста председателя ВЦСПС. Хотя это предложение было отвергнуто и Томский был переизбран на этот пост, в президиум ВЦСПС был введён Каганович^{3*}. Расценив этот факт

¹ История и сталинизм. М., 1991. с. 170-171.

² Там же. с. 171.

³ О реакции профсоюзных работников на эти события свидетельствует дневниковая запись старого большевика Б. Козелева, в которой говорилось, что кулацкие дворцы труда (так называлось тогда здание, в котором размещался ВЦСПС) "гудят от возмущения" тем, что Сталин растоптал профсоюзную демократию. Один из знакомых Козелева, обнаруживший эту запись, выкрал дневник и передал его в ЦКК, после чего Козелева исключили из партии. Записи Козелева были процитированы на XVI

как создание в ВЦСПС "двоецентриа", Томский подал в отставку. Одновременно в знак протеста против назначения "политкомиссаров" в "Правду" и ИККИ подал в отставку со своих постов в этих органах и Бухарин.

Тем не менее "тройка", хорошо помнившая о горьком опыте прошлых оппозиций, по-прежнему уклонялась от вступления в открытый бой со Сталиным. Впервые выступить со своими программными документами она решилась, лишь будучи спровоцирована Сталиным на такой шаг. Для вынесения разногласий на рассмотрение партийной верхушки Сталин выбрал выгодный для него момент появления "троцкистской" листовки с "Записью Каменева". Сразу же после этого Бухарин и Каменев были вызваны в ЦКК, где с оговорками признали правильность содержания "Записи" и назвали листовку "троцкистской интригой".

Только тогда Сталин, давно уже знавший о содержании беседы Бухарина с Каменевым, созвал объединённое заседание Политбюро и Президиума ЦКК, где впервые выложил этот свой козырь. На этом заседании, состоявшемся 30 января, он сфокусировал внимание на том, что, вопреки неоднократному подписанию совместных заявлений об отсутствии в Политбюро разногласий, Бухарин при поддержке Рыкова и Томского вёл закулисные переговоры с группой Каменева об изменении хозяйственной политики и состава Политбюро.

В этих крайне неблагоприятных для них условиях Бухарин, Рыков и Томский сделали попытку перейти в контрнаступление, обвинив сталинскую группу в продолжении авантюристического курса в экономике, насаждении бюрократизма в партии и разложении Коминтерна. Особенно острый характер носило выступление Бухарина, который зачитал заявление, констатировавшее, что сталинцы нарушили решения июльского и ноябрьского пленумов о прекращении чрезвычайных мер и поддержке индивидуального бедняцко-средняцкого хозяйства. Хотя и не предвидя осуществления "сплошной коллективизации" (о которой пока Сталин не вёл речи), Бухарин подчеркнул, что "страна терпит недостаток в хлебе не благодаря развитию колхозов, а несмотря на это развитие; этот недостаток хлеба будет обостряться, если все успехи нашей политики в деревне на ближайшие годы мы свяжем только и исключительно с успехами колхозного движения, которое, конечно, нужно всячески и всемерно поддерживать. Простой арифметический расчёт показывает нам, что в ближайшие годы они (колхозы и совхозы) не смогут быть основным источником хлеба. Основным источником будут ещё долгое время индивидуальные хозяйства крестьян"¹.

В своем заявлении Бухарин впервые связал накопление хозяйственных ошибок, ввергших страну в крайне тяжёлое экономическое положение, с невыносимым партийным режимом, при котором коренные хозяйственные вопросы "держатся под спудом. Вот почему вся партия их обсуждает, но "про себя", по два, по три человека. Вот почему у членов партии создалась тоже двойная линия: один счёт - "для души", другой - "для себя". Посещение собра-

съезде ВКП(б) в качестве доказательства "фракционной" работы Томского и его сторонников в профсоюзном движении.

¹ Цит. по: Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. с. 97.

ний, единодушное голосование, принятые официальные формулы становятся ритуалом, необходимой партийной церемонией¹. Утвердившийся в ВКП(б) командный стиль руководства господствует и в Коминтерне, где к братским партиям вместо убеждения применяются методы окрика, ведущие к отколам инакомыслящих. Все эти обвинения Бухарина сталинцы встречали возгласами: "Где ты это списал, у кого? У Троцкого!"²

Действительно, Бухарин незаметно для себя почти дословно повторял "троцкистскую" критику партийного и коминтерновского режима. Однако при этом он настойчиво твердил, что никто не загонит его на путь фракции, что он выступает лишь за прекращение борьбы и нахождение общего языка в Политбюро, возвращение от "маленькой политики" к большой политике, которая в кризисные ситуации "говорит рабочему классу *правду о положении*, ставит ставку на массы ..."³.

Сложность ситуации, в которой оказался Бухарин, усугублялась тем, что ему пришлось давать объяснения в связи с главным обвинением в его адрес - в попытке организации "блока с троцкистами против партии и её ЦК". После "обмена мнениями" на заседании Политбюро и Президиума ЦКК была создана комиссия во главе с Орджоникидзе для рассмотрения заявления Бухарина и вопроса о его переговорах с Каменевым. Комиссия предложила "компромисс": Бухарин должен был осудить свои переговоры с Каменевым и признать, что его обвинения в адрес большинства Политбюро "сказаны им сгоряча, в пылу полемики"; в обмен на это все документы, связанные с "Записью" Каменева, и стенограммы речей, сказанных на заседании, будут "изъяты из употребления", а Бухарину будут обеспечены "все те условия, которые необходимы для его нормальной работы на постах ответственного редактора "Правды" и секретаря ИККИ"⁴. Это предложение Бухарин, Рыков и Томский отклонили, заявив, что не могут изменить свои взгляды, а поэтому прекращают борьбу и подают в отставку.

На следующем заседании Политбюро и Президиума ЦКК, состоявшемся 9 февраля, "тройка" представила свое совместное заявление. В ней она расценивала подготовленный комиссией проект резолюции, воспроизводящий сталинские оценки её взглядов и поведения, как попытку отсечь её от руководства и политически уничтожить. Отвергая обвинение в фракционности, Бухарин, Рыков и Томский заявляли, что никогда не выступали против решений ЦК, а боролись лишь против искажения сталинской группой этих решений в духе "чрезвычайщины". Они протестовали против того, чтобы "единолично решались вопросы партийного руководства", чтобы Сталин и партия рассматривались как "равновеликие величины", а любая критика Сталина расценивалась как выступление против партии и ЦК.

Таким образом, и в вопросе о Сталине тройка теперь повторяла то, что говорила левая оппозиция. Однако, в отличие от последней, она не решалась

¹ Там же. с. 95.

² Бюллетень оппозиции. 1929. № 1-2. с. 17.

³ Цит. по: Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. с. 95.

⁴ Сталин И. В. Соч. т. 12. с. 6-7.

требовать смещения Сталина с поста генсека. "Мы думаем лишь, - говорилось в февральском заявлении, - что тов. Сталину нужно учесть совет (очень мудрый), данный Лениным, и не отступать от коллективности в руководстве. Мы считаем, что тов. Сталина, как и каждого другого члена Политбюро, можно и должно поправлять, не рискуя за это быть превращённым во "врага партии". Обеспечить подобные элементарные условия для работы членов Политбюро - вот задача ЦК и ЦКК"¹.

В своем заявлении "тройка" выражала беспокойство по поводу того, что "вся страна мучается над вопросами хлеба и снабжения, а конференции пролетарской партии молчат". В то же время распространяется "град слухов об уклонах (в одних и тех же словах ... миллионы слухов и слухков о правых - Рыкове, Бухарине, Томском и т. д.)". Учиняемое над ними судилище представляет настоящую "дрейфусиаду", "прямое издевательство над элементарными правилами ведения дел" в партии².

Новое заявление тройки возлагало на сталинскую фракцию ответственность за тяжёлое экономическое и финансовое положение страны, выражающееся в полуголоде в ряде районов, остром недостатке сырья и промтоваров, признаках инфляции и трудной ситуации с валютными средствами. Критикуя сталинскую теорию "дани", заявление указывало, что "дань есть категория эксплуататорского хозяйства. Если крестьянин платит дань, значит, он данник, эксплуатируемый, угнетённый, значит, он, с точки зрения государства, не гражданин, а подданный". Лозунг "дани" представляет идеологическое увековечение чрезвычайных мер и "основание для перехода от наступления на кулачество к наступлению на мелкое и мельчайшее крестьянское производство"³.

Выступление "тройки" с программным заявлением Сталин расценил как свидетельство наличия "особой группы Бухарина в составе Бухарина, Рыкова и Томского", которую якобы её члены раньше скрывали от партии, а теперь решили легализовать, чтобы обеспечить себе свободу фракционной деятельности.

Если всего два месяца назад Сталин говорил о принципиальном отличии "Заметок экономиста" от позиции Фрумкина, то теперь он высказался прямо противоположным образом, назвав "Заметки экономиста" "антипартийной эклектической статьёй, рассчитанной на замедление темпа развития индустрии и изменение нашей политики в деревне в духе известного письма Фрумкина". Тезис о "военно-феодальной эксплуатации деревни" Сталин объявил "смехотворным", понадобившимся Бухарину для того, чтобы "взять под свою защиту кулаков, смешав при этом и свалив в одну кучу трудовое крестьянство и кулачество"⁴.

Заявив, что угрозой отставки "группа Бухарина требует, чтобы партия коренным образом изменила свою политику в духе платформы этой группы", Сталин "присоединился" к требованию "большинства товарищей" о решитель-

¹ Цит. по: Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. с. 98.

² XVI съезд ВКП(б). Стенотчёт. с. 325.

³ Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990. с. 115-116.

⁴ Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 319-320.

ном отклонении отставки. Поскольку Рыков отказался от отставки, Сталин сосредоточил удар на Бухарине и Томском, заявив об их "нынешних преступлениях", выражающихся в попытке создать новую оппозиционную платформу. Назвав "тройку" "правоуклонистской, капитулянтской группой, ратующей не за ликвидацию капиталистических элементов города и деревни, а за их свободное развитие", Сталин утверждал, что "мы, большинство ЦК, ведем себя в отношении бухаринцев слишком либерально и терпимо, что мы тем самым, может быть, поощряем невольно их фракционную, антипартийную "работу"¹.

Как было указано в резолюции апрельского пленума ЦК, "объединённое заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК не имело возможности оценить заявление Бухарина, Томского и Рыкова от 9 февраля 1929 года, представляющее собой фракционную платформу"². На основании этого можно сделать вывод, что сталинская группа отказалась обсуждать это заявление, а просто проштемпелевала резолюцию, подготовленную комиссией Орджоникидзе. В первом её разделе "Закулисные попытки т. Бухарина к организации фракционного блока против ЦК" беседа с Каменевым именовалась "фракционным актом" Бухарина и Сокольникова, а поведение Рыкова и Томского, "скрывших от ЦК и ЦКК о факте известных им закулисных переговоров т. Бухарина с т. Каменевым", объявлялось "совершенно недопустимым".

Во втором разделе "Куда растёт фракционная деятельность т. Бухарина" утверждения о бюрократизации партии, отсутствии внутрипартийной демократии и т. д. квалифицировались как переход на позицию Троцкого, демонстрирующий "всю глубину падения т. Бухарина"³.

Резолюцию "По внутрипартийным делам" было решено передать на рассмотрение предстоящего пленума ЦК и разослать в республиканские и губернские партийные комитеты. После принятия этой резолюции Бухарин и Томский вновь заявили о своей отставке, что дало спустя несколько месяцев основание апрельскому пленуму ЦК обвинить их в нежелании подчиниться решениям Политбюро, требовавшим от них отказа от политики отставок.

"Тройка" оказалась обречённой на то, чтобы ждать своего окончательного "разгрома" на очередном пленуме ЦК, в преддверии которого развернулась новая кампания по критике "правого уклона". Если раньше эта критика носила безличный характер, то теперь местные партийные конференции стали выносить решения с резким осуждением Бухарина, Рыкова и Томского (пока ещё без публикации этих решений в печати).

Удар персонально по Бухарину был дополнен решением Президиума ИККИ от 9 марта, в котором ему выражалось политическое недоверие и содержалась просьба к Политбюро ЦК ВКП(б) об освобождении его от работы в Коминтерне.

О создании гнетущей атмосферы вокруг бухаринской группы свидетельствует заявление члена ЦКК М. И. Ульяновой, направленное апрельскому пленуму ЦК и ЦКК. Ульянова, не имевшая возможности из-за болезни присут-

¹ Там же. с. 324-325.

² КПСС в резолюциях и решениях. т. 4. с. 429.

³ Там же. с. 437, 441.

ствовать на пленуме, напоминала в этом письме о ленинском Завещании и со-державшейся в нем мысли о том, что "не одна из личностей, а только коллеги-альная работа может обеспечить правильное руководство и единство партии". Ульянова подчеркивала, что дискредитация трёх крупнейших деятелей партии, которая приведет раньше или позже к их выводу из Политбюро, "является угрозой этому коллективному руководству". Напоминая предупреждения Ле-нина о "возможностях раскола сверху", она замечала, что в случае "проработ-ки" и отсечения трёх членов Политбюро "в партии неизбежно сократятся воз-можности для проявления критической мысли: слишком легко всякая само-критика и критика партийных органов и должностных лиц превращается в "уклоны". Наконец, Ульянова обращала внимание на несоответствие между официальной оптимистической информацией о положении в стране и тревож-ными письмами с мест, сообщавшими о нарушениях законности в деревне, ухудшающемся продовольственном положении в городах и т. д. "Я считаю за-слугой т.т. Рыкова, Томского и Бухарина, что они ставят перед партией эти большие вопросы, а не замалчивают их, - писала Ульянова. - Поэтому ... я прошу довести до сведения Пленума, что я голосую против вывода этих троих товарищей или кого-либо из них порознь из Политбюро, против их осуждения и дискредитации"¹. Однако это письмо на пленуме не было оглашено, а было возвращено Ульяновой председательствующим Рудзутаком под предлогом то-го, что в проекте резолюции пленума не содержалось предложений о выводе Рыкова, Бухарина и Томского из Политбюро.

Объединённый пленум ЦК и ЦКК открылся 16 апреля. Тон беззащитной травле "правых" был задан докладом "О внутрипартийных разногласиях", с которым выступил главный помощник Сталина по "борьбе с оппозициями" Ярославский. Этот тон был с особым рвением поддержан молодыми, рвущи-мися к власти сталинцами, например, Ждановым, который недвусмысленно предупреждал бухаринцев: "Мы разделились с троцкистами, партия в целом разделяется с вами, если вы не подчинитесь и не признаете ошибки"².

Однако Бухарин, Рыков и Томский отказались от публичного покаяния. Они вновь протестовали против обвинений во фракционности, напоминая, что даже в ответ на развернутую против них травлю они ни разу публично не вы-ступали против линии большинства Политбюро. Апеллируя к элементарным принципам внутрипартийной демократии, Рыков доказывал, что борьба мнен-ий в ЦК и Политбюро отнюдь не противоречит единству партии. В речи, произнесённой непосредственно перед голосованием резолюции, он говорил: "Я забочусь отнюдь не о себе: никаких элементов какой-либо самозащиты ни у меня, ни у Бухарина, ни у Томского нет. Принимаемая по отношению к нам установка может навредить нам, нас убить политически: партия может и имеет право это сделать. Я боюсь, однако, что она может чрезвычайно навредить всей партии, став исходным пунктом для совершенно нового этапа в организа-ции руководства и жизни всей партии"³.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. с. 126-127.

² Правда. 1989. 3 февраля.

³ Там же.

Одним из самых решительных оппозиционных выступлений на пленуме была речь Угланова, который критиковал сталинцев за нежелание признать свои ошибки в руководстве экономикой и проведении хлебозаготовок. Угланов говорил о чувстве "непогрешимости", возникшем у "отдельных членов Политбюро", и резко возражал С. Косиору, заявившему, что "нельзя допустить, чтобы у нас в Политбюро были свободные критики". С особым возмущением Угланов осуждал прозвучавшие на пленуме требования вывести "тройку" из Политбюро. "Храбрый товарищ Постышев, - заявил Угланов, - выступил и говорил: "возьмем и выгоним трёх вождей, партия и без вождей теперь управится с руководством страной" ... Отсечение Рыкова, Томского и Бухарина поведет несомненно к ослаблению руководства нашей страной и международной революцией. Удар по этим товарищам приведет к оскудению теоретической мысли в нашей партии"¹.

Наиболее заострённым выступлением против сталинской фракции была речь Бухарина, продолжавшаяся несколько часов. В этой речи в последний раз была развернуто изложена позиция бухаринской группы.

Бухарин сравнивал методы, применявшиеся против "тройки", со средневековой "гражданской казнью", когда "человека выставляли у позорного столба и под барабанную дробь говорили про него самые клеветнические вещи, запрещая ему в то же время произносить хотя бы одно слово". Как бы отсекая напрашивающуюся параллель с точно такими же методами, использовавшимися против левой оппозиции, Бухарин упирал на то, что его группа перед лицом "широко развернутого обстрела" отмалчивалась, не желая дать повода к обвинению в "навязывании" внутрипартийной дискуссии. Подчеркивая, что он и его сторонники оказались в положении, при котором их "ещё больше бы травили, если бы они попытались объясниться", Бухарин настойчиво говорил о нежелании "тройки" стать "оппозиционной" группой, которая вновь должна пройти примерно те же стадии, какие проходили прежние оппозиции. "Вы новой оппозиции не получите! Вы её иметь не будете! И ни один из нас никакой "новой" или "новой" оппозиции возглавлять не будет"², - заявил Бухарин пленуму ЦК. Он констатировал, что несмотря на отказ "тройки" от публичных "оппозиционных" выступлений, большинство Политбюро ЦК стремились её "замарать, запачкать, дискредитировать, растоптать" с тем, чтобы далее речь шла уже не об удовлетворении просьбы об отставке, а о снятии за саботаж. "Игра здесь абсолютно ясная"³.

Излагая свои теоретические разногласия со сталинской группой, Бухарин подверг критике формулу о "дани", не оспаривая, впрочем, её по существу, а лишь заявив, что слово "дань" в применении к крестьянству выбрано неудачно. Более определённо он высказался по поводу сталинской "теории" об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, обратив внимание прежде всего на её логическую несуразность: "По этой странной теории выходит, что, чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к соци-

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. с. 123-124.

² Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. с. 253-254.

³ Там же. с. 306.

ализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костями"¹.

Эту же мысль Бухарин повторил, критикуя Куйбышева, "развившего" сталинский тезис следующим образом: "Отмирание классов - конечный результат всего нашего развития - должно и будет, конечно, протекать в обстановке обостряющейся борьбы классов". Бухарин саркастически заявил, что, согласно этому теоретическому "открытию", "чем быстрее будут отмирать классы, тем больше будет обостряться классовая борьба, которая, очевидно, разгорится самым ярким пламенем как раз тогда, когда никаких классов уже не будет!"².

В теоретической части речи Бухарин прояснил свою позицию по поводу рыночных отношений. Подчеркивая, что "форма рыночной связи долгие годы будет решающей формой экономической связи", он оговаривался, что не является сторонником "вольного", "свободного" рынка, которого в чистом виде не существует уже при современном монополистическом капитализме с его гигантской централизацией и концентрацией производства. Тем более "свободной игры экономических сил" не может быть в советском хозяйстве, где для регулирования рыночных отношений используется "концентрированная мощь нашего государственно-хозяйственного аппарата"³.

Бухарин подчеркивал, что у его группы не существует разногласий с большинством Политбюро в вопросах экономической стратегии. "Сколько раз нужно сказать, что мы *за* индустриализацию, что мы *за* взятые темпы, что мы *за* представленный план? Сколько раз мы об этом заявляли! ... Сколько раз нужно сказать, что мы *за* колхозы, что мы *за* совхозы, что мы *за* великую реконструкцию, что мы *за* решительную борьбу против кулака, чтобы перестали на нас возводить поклёпы?"⁴.

Главным предметом действительных разногласий внутри Политбюро Бухарин считал вопрос о систематическом применении чрезвычайных мер. В этой связи он заявил, что в середине 20-х годов вложения в промышленность осуществлялись за счёт траты валюты и денежной эмиссии. Когда же запасы валюты и возможности эмиссии иссякли, а положение в зерновом хозяйстве обострилось, пришлось втянуться в первый тур чрезвычайных мер. За то, что "чрезвычайные меры ... были в первом своем туре вынужденными и сложились на основе предыдущих ошибок", а наступление хозяйственного кризиса не было своевременно предвидено, Бухарин возлагал ответственность на политическое руководство страны, включая себя и своих единомышленников⁵.

Серьезной ошибкой, осуществлённой большинством Политбюро уже вопреки сопротивлению его группы, Бухарин называл повторное применение чрезвычайных мер в начале 1929 года. В этой связи он сослался на выступление Молотова летом 1928 года, где говорилось о решительном отказе от чрез-

¹ Там же. с. 263-264.

² Там же. с. 264.

³ Там же. с. 281, 293-294.

⁴ Там же. с. 273.

⁵ Там же. с. 275-276.

вычайных мер, поскольку их применение как длительного или постоянного курса в деревне означало бы политику насилия над средним крестьянством.

Напомнив о заявлениях Сталина и Молотова на XV съезде, что идея принудительного займа у зажиточных крестьян "срывает нэп", Бухарин утверждал, что "теперь у нас "чрезвычайщина" (куда более худшая, чем заём у кулака для экспорта!) входит в обычай", а "тройка" шельмуется за требование "не забывать нэпа"¹.

Приведя выдержку из резолюции Политбюро, принятой в феврале 1929 года: "Партии удалось обойтись в этом году без применения чрезвычайных мер, ... удалось сохранить в общем неплохой для СССР темп хлебозаготовок", Бухарин напомнил, что уже через несколько недель эти "замечательные предсказания были опровергнуты жизнью"².

Бухарин подчеркивал, что систематическое применение чрезвычайных мер означает, по существу, отмену нэпа, т. е. "отношений через рынок". Усиление прямого административного нажима на крестьянство ведёт к сокращению крестьянами посевов и тем самым - к уменьшению поступлений хлеба. Поскольку же экспорт хлеба необходим для импорта машин и оборудования, приходится сокращать внутреннее потребление.

Ликвидация рыночной связи между государством и мелкими производителями, превращение продавца хлеба в "сдатчика", а продажи - в государственную повинность порождает и другие неблагоприятные последствия. Чрезвычайно возрастают "издержки по выкачке хлеба" - расходы на содержание уполномоченных, их разъезды и т. д. Частая смена законодательных норм и отсутствие их элементарной устойчивости становятся одной из главных причин бюрократического произвола. Ответом крестьянства на командование и административный нажим стало возникновение нелегальных хлебных рынков, продажа хлеба из-под полы, что ведёт к сокращению регулируемого государством товарооборота.

Какую же альтернативу политике чрезвычайных мер предлагал Бухарин? Рассматривая перспективу на долгие годы, он высказывался за сочетание колхозного и совхозного строительства с подъёмом индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств. Но такой курс в то время не оспаривался в принципе Сталиным и идущими за ним членами Политбюро. Что же касается текущих мер по преодолению продовольственного кризиса, то Бухарин предлагал разработать более гибкую политику закупочных цен, сделать их не жёстко фиксированными, а дифференцированными в зависимости от местности и от времени года. Признавая, что такая политика даст известные выгоды зажиточным слоям деревни, Бухарин полагал, что образующиеся у них излишки можно будет отобрать с помощью повышенного налогового обложения, которое позволит "довести кулака до ручки". Бухарин протестовал лишь против определяемого административным путём индивидуального обложения, поскольку оно открывает простор произволу местной власти. Он считал возможным заменить индивидуальное обложение даже более высоким налогом, но "по закону".

¹ Там же. с. 262-263.

² Там же. с. 258.

Все эти предложения не представляли серьезной альтернативы сталинской политике. Так же обстояло дело с предложением Бухарина и Рыкова осуществить в качестве временной меры закупку хлеба за рубежом в кредит. Бухарин признавал, что такая "пожарная мера" потребует сокращения импортных затрат на индустриализацию. Но дело было не только в этом. Ни чрезвычайные меры, ни импорт зерна не давали возможности выйти из хозяйственного кризиса. По поводу чрезвычайных мер Бухарин задавал вопрос сталинцам: "Сегодня мы заготовили всеми способами нажима хлеб на один день, а завтра, послезавтра что будет? Что будет дальше? Нельзя же определять политику только на один день! Какой у вас длительный выход из положения?"¹. В свою очередь Орджоникидзе говорил Бухарину, что и его установка на ввоз хлеба тоже не может выдерживаться длительное время: "Ты в этом году разрешаешь затруднения - ввозом хлеба, а в будущем году чем ты разрешишь?"².

Таким образом, экономическая часть программы Бухарина не была достаточно убедительной, а политическая часть этой программы (критика аппаратного бюрократизма и требование восстановления внутрипартийной демократии) не была вынесена Бухариным на пленум, очевидно, из-за боязни быть в очередной раз обвиненным в "повторении троцкистской клеветы на партию". Как справедливо замечает С. Коэн, Бухарин, фактически воспринявший в то время "троцкистские" взгляды на внутрипартийный режим, "в отличие от Троцкого, сам санкционировал создание этого режима и был потому его узником. Его оппозиционность в 1928-29 гг. и сопровождающие её призывы терпимо относиться к чужой критике регулярно получали отпор в виде цитат из его же собственных прежних филиппик против "фракционности" левых"³.

Считая на основании предшествующего опыта внутрипартийной борьбы обвинение в "троцкизме" наиболее удачным полемическим доводом, своего рода беспроигрышной картой, Бухарин попытался переадресовать это обвинение большинству Политбюро, которое, по его словам, пришло к "полной политической капитуляции перед троцкистами". "Воздействие оппозиционной троцкистской идеологии", "залежавшаяся в троцкистском мусоре клевета", "повторение по троцкистским шпаргалкам лживых выпадов против меня", "подозрительное духовное сходство троцкистской платформы с каталогом обвинений, предъявленных мне теперь", - таков далеко не полный перечень филиппик, адресованных Бухариным Сталину и его союзникам. "Капитуляцию перед троцкистами" Бухарин усматривал даже в том, что в резолюцию о пятилетнем плане не была внесена предложенная им ритуальная формула о борьбе с "троцкистской опасностью".

Сталин же, не отреагировав ни единым словом на эти обвинения, сконцентрировал внимание пленума на более "очевидном" проявлении "троцкистского падения" Бухарина, обвинив его в том, что он "конспирировал с вчерашними троцкистами" и пытался заключить с ними фракционный блок против ЦК.

¹ Там же. с. 282.

² Там же. с. 289.

³ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. М., 1988. с. 390.

Положение Бухарина было отягчено тем обстоятельством, что участникам пленума был роздан только что вышедший номер "Социалистического вестника" с публикацией "Записи Каменева". По словам самого Бухарина, ему приходилось слышать на пленуме со всех сторон: "До чего он пал, Бухарин, даже "Социалистический вестник" торжествует победу и печатает его клеветнические измышления о Сталине"¹.

Поставленный в состояние обороны многочисленными требованиями дать объяснения пленуму по поводу переговоров с Каменевым, Бухарин в очередной раз признал эти переговоры своей политической ошибкой и сводил их смысл к просьбе, чтобы зиновьевцы "не прикладывали ещё своей руки к той травле, которой я подвергался"².

Разумеется, членам ЦК было ясно, что "травля" со стороны зиновьевцев, совсем недавно "вышибленных" из партии и только что вернувшихся в неё с покаяниями в собственных "ошибках", не могла сколько-нибудь серьезно ослабить позиции Бухарина. Поэтому Бухарин, сознавая неубедительность этих своих объяснений, сделал попытку перейти в контрнаступление, заявив, что обвинения в попытке организации им блока со "вчерашними троцкистами", имеют целью "перекрыть намечающийся другой" блок, который сейчас заключается некоторыми товарищами из Политбюро с некоторыми бывшими троцкистами"^{3*}. Этот намек Бухарин попытался подкрепить выдержками из перехваченного ГПУ письма Преображенского, где говорилось о том, что "у нас чрезвычайно уменьшились разногласия (со сталинцами - В. Р.) по ряду капитальнейших вопросов экономической политики"⁴.

Выслушав аргументацию Бухарина и его сторонников, Сталин выступил с обширной речью, которую, как и в прежние наиболее острые моменты борьбы с оппозициями, начал с того, что не намерен "касаться тех намеков и скрытых обвинений личного порядка, которыми были пересыпаны речи товарищей из бухаринской оппозиции"⁵. В противовес бухаринцам, говорившим о наличии у спорящих сторон лишь отдельных оттенков в трактовке политики партии, Сталин заявил о существовании двух принципиально различных политических линий: линии большинства Политбюро и линии бухаринской группы.

Направляя свой главный удар непосредственно против Бухарина, Сталин попытался прежде всего развенчать его репутацию как ведущего марксистского теоретика. Цитируя положения его работ, начиная с 1924 года, он сконструировал из них "антимарксистскую и антиленинскую теорию". Не смущаясь тем, что именно эта теория составляла в 1925-27 годах идейное кредо правящей фракции, Сталин утверждал, что она якобы раньше "лежала под спудом" и поэтому "можно было не обращать на неё внимания". Зато теперь её надо

¹ Знамя. 1988. № 11. с. 123.

² Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. с. 303.

³ Высмеивая фракционные маневры бывших дуумвиров, Троцкий 14 июля 1929 года писал: "В борьбе между Сталиным и Бухариным обе стороны, как клоуны в цирке, перебрасывают друг другу обвинение в троцкизме" (Бюллетень оппозиции. 1929. № 1-2. с. 15).

⁴ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. с. 302-303.

⁵ Сталин И. В. Соч. т. 12. с. 2.

"расколотить как теорию неправильную и вредную", поскольку-де "мелкобуржуазная стихия, разыгравшаяся в последние годы, стала одухотворять эту антимарксистскую теорию, придавая ей актуальный характер"¹.

Пользуясь тем, что Бухарин не был готов проявить такую стойкость и последовательность в отстаивании своих взглядов, какую проявляли прежние оппозиции, Сталин бросил ему такие резкие обвинения, какие прежде не бросал даже "троцкистам". Так, он заявил, что Бухарин взял тезис о военно-феодальной эксплуатации крестьянства "из арсенала лидеров кадетов Милюкова ... Бухарин подпевает господам Милюковым, плетется в хвосте за врагами народа"².

Впервые введя в партийную лексику понятие "враг народа" и косвенно направив его против одного из лидеров партии, Сталин попутно сделал ещё одно злое заявление, подобного которому не выдвигалось даже в самые острые моменты борьбы с прежними оппозициями. Он использовал признание, которое Бухарин выпалил в разгаре борьбы с оппозицией 1923 года ради доказательства "опасности" фракционных образований в партии - о том, что в 1918 году левые эсеры предложили ему как лидеру "левых коммунистов" сформировать коалиционное правительство без участия Ленина, чтобы объявить войну Германии. Основываясь на этом признании, Сталин заявил: "История нашей партии знает примеры, как Бухарин в период Брестского мира, при Ленине, оставшись в меньшинстве по вопросу о мире, бегал к левым эсерам, к врагам нашей партии, вёл с ними закулисные переговоры, пытался заключить с ними блок против Ленина и ЦК. *О чём он сговаривался с левыми эсерами, нам это, к сожалению, ещё неизвестно.* Но нам известно, что левые эсеры намеревались тогда арестовать Ленина и произвести антисоветский переворот"³ (Курсив мой - В. Р.). Так "гениальный дозировщик" ещё в то время, когда Бухарин находился в составе Политбюро, проложил мостик к прозвучавшей спустя девять лет на процессе "право-троцкистского блока" версии о "сговоре" Бухарина с левыми эсерами об аресте и убийстве Ленина.

За всем этим Сталин уделил сравнительно мало внимания обоснованию своей стратегической линии в области экономической политики. Он категорически отверг предложение Рыкова и Бухарина об импорте хлеба за счёт кредитов капиталистических стран, мотивируя это как необходимостью сохранить валюту для ввоза промышленного оборудования, так и политическими соображениями: необходимостью проявить "должную стойкость и выдержку, не поддаваться на лживые обещания насчёт отпуска хлеба в кредит и показать капиталистическому миру, что мы обойдемся без ввоза хлеба"⁴. Если бы Политбюро согласилось на это предложение "правых", утверждал Сталин, страна не получила бы кредитов на финансирование промышленных заказов.

Объясняя придерживание хлеба, сокращение посевов и т. д. усилением кулака и его политической враждебностью к Советской власти, Сталин настаивал

¹ Там же. с. 33-34.

² Там же. с. 56.

³ Там же. с. 100-101.

⁴ Там же. с. 94.

вал на применении чрезвычайных мер и в будущем, поскольку "кулак не будет сдавать достаточное количество хлеба добровольно, в порядке самотека"¹. Нагнетая представления об "усилении сопротивления всех и всяческих классовых врагов", Сталин заявил, что вредители-"шахтинцы" сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выявлены, но далеко ещё не все выявлены². "Подрывную работу" вредителей и сопротивление крестьянства чрезвычайным мерам Сталин рассматривал как звенья одной цепи, как доказательство того, что "капиталистические элементы не хотят добровольно уходить со сцены: они сопротивляются и будут сопротивляться социализму, ибо видят, что наступают последние дни их существования"³. В дальнейшем, ссылаясь на "материалы" всё новых сфабрикованных дел и процессов, Сталин будет вновь и вновь вытаскивать на свет тезис о фатальном обострении классовой борьбы с тем, чтобы в конечном счёте использовать его для уничтожения подавляющего большинства партии.

При всём этом на пленуме Сталин не высказал и намека на возможность "сплошной коллективизации". Подчеркивая постепенный характер объединения крестьянских хозяйств в колхозы, он заявил, что "индивидуальное бедняцко-средняцкое хозяйство в деле снабжения промышленности продовольствием и сырьём играет и будет ещё играть в ближайшем будущем преобладающую роль"⁴.

В решениях апрельского пленума установка на ускорение темпов индустриализации сочеталась с установкой на умеренные темпы коллективизации. Эта установка была закреплена в решениях открывшейся через несколько дней после пленума XVI конференции ВКП(б), где указывалось, что мелкое крестьянское хозяйство далеко ещё не исчерпало и не скоро исчерпает имеющиеся у него возможности, что оно в ближайшие годы даже при максимально возможном развитии совхозов и колхозов будет давать основной прирост сельскохозяйственной продукции. "Развитие крупного общественного хозяйства в Советской стране, - подчеркивалось в резолюции конференции, - происходит не путём пожирания, разрушения, уничтожения и разорения мелких и мельчайших хозяйств, не путём борьбы с ними, а путём экономического подъёма, роста, подтягивания их к высшему уровню техники, культуры и организации. Крупное общественное хозяйство не противопоставляется индивидуальным бедняцким и средняцким хозяйствам, как враждебная им сила, а смыкается с ними, как источник помощи им, как пример преимущества крупного хозяйства, как организатор содействия им в деле постепенного объединения их в крупное хозяйство"⁵.

С докладом о пятилетнем плане на конференции выступил Рыков, который представил разработанные Госпланом два варианта пятилетки: отправной или минимальный и оптимальный, который по основным показателям был при-

¹ Там же. с. 61.

² Там же. с. 14.

³ Там же. с. 37.

⁴ Там же. с. 59.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях. т. 4. с. 458.

мерно на 20 % выше первого. Оба варианта включали вполне достижимые, реалистические показатели индустриализации и колхозного строительства.

Составители плана трезво оценивали технико-экономическую отсталость Советской России, отмечая, что по национальному доходу и мощности капитала она находится на уровне, достигнутом Соединёнными Штатами 50 лет назад. Реалистически характеризовались и кризисные явления в городах, где реальная заработная плата рабочих практически не росла, а безработица не сокращалась, продолжая держаться на уровне 1,5 млн. чел. Принятый конференцией оптимальный вариант пятилетнего плана ставил задачей переломить эти неблагоприятные тенденции. Он предусматривал ежегодный рост промышленного производства на 21-25 %, т. е. несколько более высоким темпом, чем прогнозировал в 1925 году Троцкий, обвинённый тогда за это правящей фракцией в "сверхиндустриализаторстве".

Согласно утверждённым конференцией контрольным цифрам, удельный вес колхозов и совхозов в валовой продукции сельского хозяйства должен был в 1932-33 годах составить 15 %. Иными словами, на всём протяжении первой пятилетки основная масса крестьянских хозяйств должна была по-прежнему быть сосредоточена в индивидуальном секторе. Выдвинутое некоторыми делегатами конференции предложение перейти к раскулачиванию было отвергнуто. Таким образом, решения XVI конференции отнюдь не предвещали скорого наступления "великого перелома".

Вместе с тем апрельский пленум и XVI конференция объективно открыли дорогу новым ультралевым зигзагам Сталина, поскольку их резолюции "по внутрипартийным делам" полностью блокировали сопротивление бухаринской группы, до того времени выступавшей хотя неустойчивой, но весомой преградой сталинскому авантюристическому курсу. В резолюции пленума (опубликованной вместе с приложенным к ней постановлением Политбюро и Президиума ЦКК от 9 февраля лишь в 1933 году) Бухарин, Рыков и Томский были объявлены лидерами "правого уклона", за борьбу с которым они голосовали на предыдущем пленуме ЦК.

Если в резолюции ноябрьского пленума 1928 года констатировалось, что в партии лишь "всплывает правый (откровенно оппортунистический) уклон"¹, носители которого не были поимённо названы, то апрельский пленум 1929 года уже прямо квалифицировал взгляды группы Бухарина как "несовместимые с генеральной линией партии" и указывал, что она "от колебаний между линией партии и линией правого уклона в основных вопросах нашей политики фактически перешла к защите позиций правого уклона"².

Из почти 250 человек, участвовавших в работе пленума, против этой резолюции голосовало лишь 10 человек, воздержалось трое.

Апрельский пленум окончательно подтвердил правильность прогноза Троцкого, который ещё в 1926-27 годах предупреждал, что "отсечение нынешней (левой - В. Р.) оппозиции означало бы неизбежное фактическое превраще-

¹ Там же. с. 381.

² Там же. с. 432, 435.

ние в оппозицию остатков старой группы в ЦК"¹, что тот, "кто вчера по приказу "крыл" Троцкого, сегодня Зиновьева, завтра будет крыть Бухарина и Рыкова"².

Многие делегаты пленума настаивали на исключении Бухарина и Томского из состава Политбюро. В этой обстановке Сталин, как и в прежние наиболее острые моменты борьбы с оппозициями, выступил в роли "миротворца", считающего, что "можно обойтись в настоящее время без такой крайней меры", и выступающего за наиболее мягкие из организационных мер, которые предлагалось осуществить по отношению к лидерам ошельмованной "правой оппозиции". Пленум принял предложение, которое Сталин назвал "достаточным": "снять Бухарина и Томского с занимаемых ими постов ... и предупредить их, что в случае малейшей попытки с их стороны нарушить постановления ЦК и его органов они будут немедленно выведены из состава Политбюро, как разрушители партийной дисциплины"³.

Во исполнение этого решения Томский был снят с поста Председателя ВЦСПС, а Бухарин - с поста главного редактора "Правды". (Рыков продержался на посту Председателя Совнаркома до декабря 1930 года). Освободившиеся посты были заполнены верными и послушными сталинцами. Редактором "Правды" стал Мехлис, а председателем ВЦСПС - Шверник. Наиболее серьезные организационные выводы были сделаны по отношению к Угланову, которого Пленум снял с постов кандидата в члены Политбюро, члена Оргбюро и секретаря ЦК.

В резолюции апрельского пленума особо подчеркивалась необходимость "установить специальные меры - вплоть до исключения из ЦК и из партии, - могущие гарантировать секретность решений ЦК и Политбюро ЦК и исключаящие возможность информирования троцкистов о делах ЦК и Политбюро"⁴. Принятие этого пункта объяснялось не только тем, что левая оппозиция и после высылки Троцкого рассматривалась обеими фракциями Политбюро как серьезная политическая сила, но и тем, что в полемике между этими фракциями большую роль играли взаимные обвинения в троцкизме или "полутроцкизме".

¹ Коммунистическая оппозиция в СССР. т. 2. М., 1990. с. 80.

² Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. с. 143.

³ КПСС в резолюциях и решениях. т. 4. с. 436.

⁴ Там же.

ХІІІ

1929 год: альтернатива левой оппозиции

Вопреки утверждениям Бухарина о "намечающемся блоке" сталинистов с "троцкистами", сталинская фракция уделяла борьбе с левой оппозицией отнюдь не меньшее внимание, чем борьбе с "правыми". Главной мишенью этой борьбы продолжал оставаться, разумеется, Троцкий.

Сразу же после высылки Троцкого в зарубежной печати стала распространяться версия, согласно которой действительная цель этой акции - не наказание за оппозиционность, а внедрение Троцкого в революционное движение Запада для инициирования его нового подъёма. Д. Волкогонов считает, что эта версия была запущена Сталиным, чтобы усилить враждебность белой эмиграции и правящих кругов капиталистических стран к Троцкому¹. Во всяком случае, на протяжении нескольких лет после изгнания Троцкому и его зарубежным друзьям не удалось добиться ни от одного из европейских правительств разрешения впустить его в свою страну.

Находясь на турецком острове Принкипо, Троцкий немедленно возобновил свою литературно-политическую деятельность. Сам факт его выступлений в зарубежной печати был использован сталинцами для вымогательства от его сторонников новой волны отречений.

Первыми среди сосланных лидеров оппозиции капитулировали Радек, Преображенский и Смилга. После того, как в руки ГПУ попала их переписка, свидетельствующая об усилении их политических колебаний, они были вызваны в Москву для переговоров. Во время возвращения Радека в Москву на одной из железнодорожных станций произошла его встреча с молодым оппозиционером, в беседе с которым Радек так охарактеризовал свое нынешнее политическое настроение: "Положение в ЦК катастрофическое. Правые с центристами готовят друг другу аресты. Право-центристский блок распался, и с правыми ведётся ожесточённая борьба. Правые сильны. Их 16 голосов (очевидно, на апрельском пленуме - В. Р.) могут удвоиться и утроиться. Хлеба в Москве нет. Растёт недовольство рабочих масс, могущее превратиться в возмущение против Соввласти. Мы накануне крестьянских восстаний. Это положение заставляет нас идти в партию какой угодно ценой... С Л. Д. окончательно порвал. Отныне мы с ним политические враги"². Таким образом, Радек объяснял свою капитуляцию необходимостью "помочь" Сталину в его борьбе против "правых".

И. Я. Врачёв, по совету Радека и Смилги присоединившийся к капитулянтскому "заявлению трёх", опубликованному в "Правде", рассказывает, что этому заявлению предшествовали долгие "горги" в ЦКК по поводу отдельных формулировок. "Всеми этими переговорами со сталинской стороны заправлял

¹ Волкогонов Д. А. Троцкий. т. II. М., 1992. с. 123.

² Бюллетень оппозиции. 1929. № 6. с. 25.

Емельян Ярославский. Сталин не утруждал себя подобными беседами. Конечно, заставили что-то признать вопреки действительности"¹.

Более длительный характер носили переговоры с И. Н. Смирновым, который в июле 1929 года разослал ссыльным оппозиционерам письмо, в котором, в частности, говорилось: "Большая часть партаппаратчиков, приложивших руки к нашим высылкам, будет зверски сопротивляться нашему вхождению в партию. Я знаю, что многие партсановники будут настаивать на самооплевывании нашем". Смирнов считал нужным подать заявление, в котором выступления Троцкого в зарубежной печати признавались бы ошибкой, но одновременно было бы указано, что Троцкий, "поставленный в ужасные, небывалые условия изгнания", остается верным коммунизму².

Тогда же Смирновым был представлен проект заявления в ЦКК, в котором говорилось: "Система репрессий в отношении оппозиции до крайности обострила внутривнутрипартийную борьбу и затруднила изживание разногласий. В интересах скорейшего укрепления партии я считаю своей обязанностью сказать руководству, что отмена 58 статьи, ссылок и изоляторов является крайне неотложным и крайне важным актом, облегчающим задачу объединения ... Я не сомневаюсь, что партия найдет путь к возвращению в свои ряды всей оппозиции от рядового работника до т. Л. Д. Троцкого, судьба которого неразрывно связана с судьбой рабочего класса"³.

Ознакомившись с этим заявлением, Ярославский назвал его неудовлетворительным, вслед за чем документ был переработан и подписан Смирновым и Богуславским. После ознакомления с этим вариантом Сталина и других членов Политбюро, Ярославский предложил внести в него новые изменения. В результате в окончательном тексте заявления, датированном 27 октября, появилось добавление, коренным образом меняющее его первоначальный смысл: "Решительно осуждая деятельность Л. Д. Троцкого, выражающуюся в его выступлениях в буржуазной печати и попытках создать особую организацию заграничных групп оппозиции, мы заявляем, что порываем с ним, так как считаем, что его деятельность наносит вред нашей партии и советскому государству"⁴.

К этому заявлению присоединилась значительная часть отбывавших ссылку оппозиционеров, причем сбор подписей происходил под тайным контролем ЦКК и ОГПУ, засылавших в среду троцкистов многочисленных информаторов и провокаторов.

Многие оппозиционеры, подобно радековской группе, мотивировали свою капитуляцию тем, что разногласия между ними и партийным руководством сглаживаются, поскольку последнее перешло к борьбе с "правыми" и кулаками. За этой мотивировкой часто стояли более прозаические мотивы: стремление возвратиться из тяжёлых условий ссылки в ряды бюрократии, чтобы вновь приобрести право на "положенные" ей привилегии. В этой связи Троцкий впо-

¹ Сообщение И. Я. Врачева автору этой книги.

² Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. с. 74.

³ Там же. с. 75.

⁴ Там же. с. 76.

следствии вспоминал слова жены Крестинского: "Надо бросить оппозицию, надо пользоваться жизнью"¹.

Другие оппозиционеры сознательно шли на неискренние покаяния, чтобы, возвратившись в партию, вернуться к продолжению оппозиционной деятельности. Такие капитулянты, по словам Троцкого, "пытались играть в прятки с историческим процессом, притворяться единомышленниками Сталина, выждать в покровительственной окраске более благоприятного момента и затем выступить открыто. Эти действия в корне фальшивые, с точки зрения революционной политики, потому что капитуляция есть не секретный конспиративный прием военной хитрости, а открытый политический акт, который влечет за собой немедленно политические последствия, именно укрепление позиций Сталина и ослабление оппозиции"².

Используя всю мощь партийного и репрессивного аппаратов, Сталин не только добивался капитуляций от ещё не сдавшихся оппозиционеров, но и вынуждал капитулянтов "первого призыва" к новым заявлениям об их враждебности "троцкизму" и верности "генеральной линии". В ходе чистки 1929 года Каменев "очень скверно" отзывался о "правом уклоне" и заявил, что Троцкий за границей ведёт "контрреволюционную работу". В конце 1929 года Каменев и Зиновьев направили в ЦК и ЦКК заявления, содержавшие заверения в том, что после XV съезда у них "не было ничего общего ни с Троцким, ни с троцкистами". Тем не менее 31 декабря 1929 г. ЦКК вынесла выговор Каменеву за то, что он встречался с "троцкистами" (хотя Каменев, не отрицая факта такой единственной встречи, заявил, что в её ходе он высказал отрицательное отношение к троцкистам)³.

Ужесточение наказаний по малейшему подозрению в поддержке Троцкого было вызвано тем, что в своих работах, неуклонно просачивающихся в СССР, он поддерживал стойкость своих единомышленников, предостерегал их от иллюзий относительно характера "левой" сталинской политики, насаждавшихся капитулянтами. Конечно, для Троцкого было большим личным ударом сообщение об отречении его недавних соратников, особенно Смилги, на которого он призывал "равняться" других оппозиционеров перед ссылкой в Алма-Ату. Однако, получив это сообщение, он немедленно выступил против попыток сталинской пропаганды использовать новую волну отречений в качестве "выигрышной карты", доказательства "распада троцкистской оппозиции" и "сумерек троцкизма". В этой связи он напоминал, что уже три-четыре года назад сталинцы поспешили констатировать "смерть троцкизма. После того последовал его разгром. Затем, по бессмертному выражению Молотова - "гроб" и "крышка" троцкизму. Теперь опять начинаются сумерки троцкизма и его распад. Это после смерти, после гроба, после крышки! Есть старое народное поверье: кого хоронят заживо, тот долго живёт. Поверье - в самый раз"⁴.

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. т. II. с. 267.

² Там же. с. 262.

³ Вопросы истории КПСС. 1990. № 4. с. 103; Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. с. 66.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1929. № 3-4. с. 5.

Одну из важнейших политических задач Троцкий видел в разоблачении суждений "правых" о том, что Сталин взял на вооружение платформу левой оппозиции и тем самым доказал на практике её несостоятельность. Он подчеркивал, что нынешнее стремление Сталина ускорить индустриализацию и коллективизацию сближает его с оппозицией только внешне. "Верно то, - писал он, - что Сталин испугался, наткнувшись эмпирически лбом на последствия "фермерского" (кулацкого) курса, который он столь слепо насаждал в 1924-27 гг. Верно то, что сделав скачок влево, Сталин пользовался осколками оппозиционной платформы". Однако, левая оппозиция всегда исходила из того, что "социалистическая индустриализация предполагает большой, всесторонне продуманный план, где направление внутреннего развития тесно связано со всё возрастающим использованием мирового рынка"¹. Не обладая таким стратегическим планом, Сталин способен проводить лишь политику эмпирических зигзагов, которая только ухудшает экономическое и политическое положение страны.

Столь же определённо Троцкий высказывался по поводу иллюзий некоторых оппозиционеров о том, что утверждение пятилетнего плана свидетельствует о принятии партийным руководством содержащихся в оппозиционной платформе требований об усилении плановых начал в управлении народным хозяйством. Не оспаривая достижимости контрольных цифр пятилетки, Троцкий подчеркивал, что её успешная реализация требует политических условий, которые в стране по-прежнему отсутствуют: самостоятельности партии и свободы внутрипартийной критики, распространяющейся и на действия Центрального Комитета. "Мы до сих пор считали, - писал он, - что всякие пятилетки имеют вес и цену постольку, поскольку корни их заложены в правильных методах хозяйственного руководства, особенно же политического руководства партии и Коминтерна. Поэтому для марксиста решающим является принципиальная установка партии и методы партийной политики, а не "конкретные цифры пятилетки", судьба которых ещё целиком впереди". Между тем сталинская верхушка, приняв "бюрократическую пятилетку", по-прежнему высвобождает себя от какой-либо критики со стороны партийных масс, в результате чего "генеральная" линия превращается в линию генерального секретариата"².

Характеризуя режим, сложившийся в партии и Коминтерне, Троцкий возвращался к принципиальному вопросу о легализации фракций внутри партии. Теперь он со всей определённостью формулировал свою позицию по этому вопросу, опираясь на весь опыт развития ВКП(б) и Коминтерна, доказавший, что увековечивание запрета фракций приводит к полному удушению идейной жизни коммунистических партий. Он напоминал, что X съезд партии принял решение о запрещении фракций в экстремальных экономических и политических условиях, имея при этом в виду, что "достаточно свободный внутрипартийный режим, при дружных усилиях всех ответственных элементов партии, позволит свести к минимуму фракционность, которая в известных пределах

¹ Бюллетень оппозиции. 1929. № 1-2. с. 22.

² Бюллетень оппозиции. 1929. № 3-4. с. 6, 7.

неизбежно связана с жизнью и развитием партии. Что же сделали жалкие эпигоны? Они превратили запрещение фракций в абсолют, распространили его на все партии Коминтерна, т. е. и на те, которые делают только первые шаги, вознесли руководство Коминтерном над критикой и поставили каждого коммуниста перед альтернативой: пресмыкаться перед любым Ярославским ... или оказаться вне партии"¹. Результатом такого режима стало исключение под флагом "борьбы с троцкизмом" из Коминтерна большинства его основателей, пионеров, соратников Ленина во всех партиях. Всё это привело к удручающему ослаблению международного коммунистического движения, уменьшению численности и влияния коммунистических партий на Западе.

Идеи Троцкого находили отклик и дальнейшее развитие в работах тех оппозиционеров, которые упорно отказывались от капитуляции перед Сталиным. Эти работы, подписанные их собственными именами, распространялись по стране, переправлялись к Троцкому и появлялись на страницах "Бюллетеня оппозиции". Особенно активной была теоретическая деятельность Х. Г. Раковского. В его статье "Оценка положения", написанной в апреле 1929 года, подчеркивалось, что обвинения левой оппозиции в фракционности "являются издевательством над партией теперь, когда определённо признано, что в партии имеется ряд фракционных делений, что партия крошится на многочисленные уклоны". Эта скрытая фракционная расщеплённость является уродливым детищем сталинского партийного режима, результатом сосредоточения политической власти в руках узкой партийной верхушки, её недоверия к партийной массе и тем классовым силам, которые призваны служить социальной опорой партии. "Истинным сторонником монолитности партии, нелицемерным врагом фракционности является тот, который борется против неправильной линии руководства, против аппаратного абсолютизма за партийную демократию, за разрешение и соблюдение тех гарантий, которые партийный устав предоставляет каждому члену партии"².

Раковский называл признаки глубочайшего кризиса в стране, обнаружившегося между XV съездом и XVI конференцией: неоднократный срыв хлебозаготовок и возвращение к чрезвычайным мерам; снижение реальной заработной платы рабочих; возрастающие трудности со снабжением городов хлебом и промышленности топливом; введение карточек (заборных книжек) и "хвосты" за предметами первой необходимости; усиление административного нажима директоров предприятий на рабочих и т. д. Объяснение сталинцами этих кризисных явлений влиянием капиталистического окружения и сопротивлением классовых врагов внутри страны Раковский расценивал как трусливую попытку снять с партийного руководства ответственность за совершённые им непростительные ошибки. Он подчеркивал, что страна знала несравненно более трудную международную и внутреннюю обстановку, но она впервые оказалась "перед лицом такого острого кризиса в партии и государстве и перед таким жгучим сознанием создавшегося тупика"³.

¹ Там же. с. 7.

² Там же. с. 14.

³ Там же. с. 12.

Раковский отмечал, что левая оппозиция своевременно сигнализировала о назревании этого кризиса, точно определяла этапы его развития и указывала на пути выхода из него. Однако лишь оказавшись перед угрозой голода, партийное руководство было вынуждено признать наличие кулацкой опасности, чудовищное развитие бюрократизма и загнивание целых звеньев партийного, советского и профсоюзного аппаратов. Оно вынуждено было повторять вслед за левой оппозицией, что сокращение темпа индустриализации не устраняет противоречий между развитием частного капитализма в деревне и социалистического сектора в промышленности, а означает воспроизводство этих противоречий на расширенной основе. Но даже после жестоких уроков срыва хлебозаготовок оно продолжало упорно отрицать свои ошибки и вместо честной попытки привлечь партию и рабочий класс к обсуждению своей политической линии "усилило и укрепило аппаратный нажим, прибегая уже открыто к помощи органов ГПУ". Всем этим оно превратило коммунистов "в великих молчаливников, которым разрешается говорить лишь постольку, поскольку они повторяют софизмы центристского руководства"¹.

Раковский подчеркивал, что "мнимо-ленинская генеральная линия партии на деле сводится к беспомощному метанию справа налево". Эти метания выразились, с одной стороны, в повышении закупочных цен на хлеб, которое усилило инфляцию и вызвало дополнительный приток денежных знаков в деревню, следствием чего стал новый катастрофический срыв хлебозаготовок. С другой стороны, продолжалось применение чрезвычайных мер, воспроизводящих "худшую сторону военного коммунизма"². Административный нажим обрушился не только на кулака, но и на всю середняцкую и отчасти бедняцкую часть деревни.

Критический анализ сталинской политики и разработка альтернативной программы были продолжены в Заявлении в ЦК и ЦКК Раковского, В. Косиора и М. Окуджавы, датированном 22 августа 1929 года. К этому заявлению, написанному в саратовской ссылке, только до середины сентября присоединилось около 500 оппозиционеров, находившихся в 95 ссылных колониях и политизоляторах. Одновременно с "Заявлением" Раковский, Окуджава и В. Косиор разработали тезисы о положении в партии и стране.

В этих документах подчеркивалось, что принятие первого пятилетнего плана может открыть важную веху в развертывании социалистического строительства в СССР. Однако следует отдавать полный отчет в том, что осуществление первой и последующих пятилеток неизбежно будет наталкиваться на серьезные объективные трудности. Проведение индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства потребует громадных финансовых средств, часть из которых (например, ассигнования на совхозное строительство, пока оно не станет рентабельным) на протяжении некоторого времени будет представлять собой чистую форму государственных субсидий. Для приобретения заграничного оборудования, без которого невозможна ускоренная индустриализация, окажется необходимым максимальное развитие экс-

¹ Там же. с. 13-14.

² Там же.

порта, часто в ущерб внутреннему потреблению. Всё это вызовет рост налогов, ложащихся на рабочий класс и крестьянские массы, либо увеличение государственной эмиссии, неизбежно порождающей инфляцию. Как первый, так и второй вариант приведут к росту дороговизны и снижению реальной заработной платы. Подтверждением этого явились результаты первого года пятилетки, когда предусмотренные контрольными цифрами темпы повышения жизненного уровня рабочих оказались опрокинутыми ростом цен на предметы первой необходимости и увеличением прямых и косвенных налогов.

В Заявлении и тезисах фиксировалось объективное противоречие между двумя задачами: улучшением материального положения рабочих и крестьян - необходимого условия их активного участия в социалистическом строительстве - и мобилизацией на нужды производственного накопления огромных ресурсов, которые смогут дать отдачу только через несколько лет. Смягчение этого противоречия авторы видели в реформировании политической системы, призванном уменьшить огромные накладные расходы бесконтрольного бюрократического управления. Первым шагом такой реформы должно стать резкое снижение расходов на содержание гигантского государственного и профсоюзного аппаратов, что позволит оздоровить не только экономическую, но и социально-политическую обстановку в стране.

Советская конституция "предусматривает для рабочего класса и трудящихся масс права, которые не знала ни одна государственная форма в истории, исключая Парижскую Коммуну"¹. Однако эти права могут стать реальными только при условии, если власть будет выборной, сменяемой, находящейся под постоянным контролем и свободной критикой масс. Только при такой организации власти можно преодолеть бюрократизм, превратившийся в подлинное национальное бедствие, ликвидировать "рвачество и бесхозяйственность, удваивающие и утраивающие стоимость строительства; безответственность, самодурство и произвол аппаратов, оборотной стороной которых является забитость, приниженность и бесправие трудящихся масс"². Таким образом, в документах левой оппозиции назывались своим настоящим именем причины политического удушения и экономических бедствий народных масс, действовавшие и на всех последующих этапах развития страны.

Считая оправдавшимся на практике прогноз, выдвинутый левой оппозицией ещё в 1923 году, Раковский, В. Косиор и Окуджава констатировали, что "враг пролез через бюрократическое окно". Создание демократической системы управления, за которую боролся Ленин, возможно лишь при условии, если партия "сумеет обуздать разнузданный и самодурствующий аппарат, злоупотребления, бесхозяйственность, неспособность которого стоят сотни и сотни миллионов рублей"³.

Социальной базой бюрократического центризма является растущий слой функционеров ("управленцев"), партийная и советская бюрократия, "стремящаяся к несменяемости и к потомственности... Вместо того, чтобы бороться с

¹ Бюллетень оппозиции. 1929. № 6. с. 9.

² Там же. с. 6.

³ Бюллетень оппозиции. 1929. № 7. с. 9-10.

бюрократизмом, центризм развернул его в систему управления, перенёс его с советского аппарата на партийный и придал последнему формы и размеры, совершенно неслыханные, совершенно не оправдываемые той ролью политического руководства, которую должна играть партия. Сверх того, центристское руководство возвело в коммунистические догматы ... методы командования и принуждения, утончив и обработав их до редко достигнутой в истории бюрократической виртуозности. Именно с помощью этих деморализующих методов, превращающих мыслящих коммунистов в машины, убивающих волю, характер, человеческое достоинство, - центристская верхушка успела превратиться в несменяемую и неприкосновенную олигархию, подменившую собою класс и партию ... Всякому позволено критиковать самого себя, но главные и ответственные виновники, они не только себя не критикуют, но и не могут допустить, чтобы их критиковала партия. Они одарены божественным атрибутом непогрешимости¹.

При поверхностном чтении этих слов может показаться, что они полностью совпадают с современной либеральной критикой бюрократизма и партократии. Однако историческая истина всегда конкретна. Одно дело - обличать "аппарат" в период, когда полностью обнаружилось его окончательное загнивание и беспомощность, когда он полностью утратил доверие масс. Совсем другое дело - выступать с такой критикой в условиях, когда аппарат обладал возможностями широкого манипулирования партийными массами и рабочим классом. Одно дело - выводить господство бюрократии из принципов Октябрьской революции, и совсем другое - видеть в этом господстве грандиозную бюрократическую реакцию на Октябрьскую революцию.

Исходя из общей характеристики бюрократического центризма, авторы оценивали его линию по отношению к правой и левой оппозициям. Используя сосредоточенную в её руках гигантскую власть, сталинская группа "выпирает правых из ВЦСПС и Коминтерна, советских и партийных учреждений, но только для того, чтобы заменить правых подхалимов - центристскими". Одновременно она непрерывно ужесточает репрессии против левой оппозиции, "обогащая с каждым днем свой арсенал всё новыми орудиями принуждения. Самое замечательное изобретение в этом отношении, ... воскрешающее в советском государстве клерикальные методы средневековья - это вынуждение всеми средствами у оппозиционеров коммунистической партии отказа от их коммунистических взглядов"².

Авторы подчеркивали, что поворот сталинского руководства к индустриализации и колхозному строительству осуществляется порочными аппаратно-бюрократическими методами, в условиях, когда самостоятельность партии и трудящихся масс полностью подавлена. Между тем, развитие партийной и советской демократии, как всегда указывала левая оппозиция, является пробным камнем подлинно левого курса в экономике. Поскольку в историческом процессе экономика и политика, как причина и следствие, всё время меняются местами, сохранение существующего политического режима может привести к

¹ Там же. с. 6, 9-10.

² Там же. с. 7.

тому, что индустриализация и колхозное строительство дадут результаты, противоположные ожидаемым.

Развивая констатации, содержащиеся в прежних документах левой оппозиции, авторы характеризовали политику сталинской группы как бюрократически-центристскую, основными чертами которой являются: высокомерное и презрительное отношение к трудящимся, особенно к неквалифицированным рабочим и батракам; стремление представлять всё в розовом цвете (всё идёт от лучшего к лучшему); боязнь реального участия масс в политической жизни. Нетрудно увидеть, что все эти характеристики в полной мере относятся не только к сталинскому, но и к послесталинскому руководству в СССР.

Анализ левой оппозицией социально-политической сущности бюрократического центризма позволяет понять причины чудовищных издержек и деформаций социалистического строительства в СССР на протяжении последующих шести десятилетий. Все дальнейшие попытки налаживания "коллективного руководства" в рамках аппаратно-бюрократической системы неизменно завершались установлением режима личной власти, выделением единовластного авторитарного правителя, который в главном и решающем сохранял верность бюрократически-центристскому политическому курсу. И тоталитарный диктатор Сталин, и суетливый реформатор Хрущёв, и не приемлющий никакие реформы Брежнев, и крикливый провозвестник "судьбоносных преобразований" Горбачёв - все они сохраняли в неприкосновенности бюрократические деформации планового хозяйства и государственной собственности. Все они упорно препятствовали подлинно демократическому реформированию политической системы общества и внутренней жизни партии.

Основы бюрократически-центристского политического режима, ограждавшего себя от любых попыток социалистического обновления, были заложены в борьбе правящих фракций против левой оппозиции. В 1929 году лидеры последней с полным основанием констатировали завершившееся перерождение политической системы советского общества: замену пролетарской диктатуры диктатурой аппаратной бюрократии.

XIV

От чрезвычайных мер - к насильственной коллективизации

Сразу же после XVI конференции обнаружилось, что все предыдущие меры, принятые под давлением бухаринской группы (повышение закупочных цен на хлеб, увеличение товарной массы, направляемой в деревню, сокращение экспорта хлеба и т. д.), не позволяют провести очередную хлебозаготовительную кампанию "мирным путём". Началось ещё более активное возвращение к чрезвычайным мерам. Если в первом туре чрезвычайных мер число осуждённых по 107 статье в целом по стране составляло менее 10 тысяч человек, то при проведении заготовок из урожая 1928 года только на Украине было отдано под суд 33 тыс., в Среднем Поволжье - 17 тыс. человек.

Одновременно были приняты меры, направленные на "правовое обеспечение" всех форм "нажима на кулака". Поскольку до этого времени признаки, по которым хозяйства относились к кулацким, были достаточно произвольными, в мае 1929 года было принято постановление СНК СССР, специально посвящённое определению этих признаков. К кулацким были отнесены те хозяйства, которые обладали хотя бы одним из следующих признаков: систематическое применение наёмного труда; владение мельницей, маслобойней или иным предприятием, либо сложной машиной с механическим двигателем; систематическая сдача в наём сложных сельскохозяйственных машин или помещений; занятие торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или извлечение других нетрудовых доходов. В июне 1930 года специальным постановлением ЦИК и СНК к этим признакам было добавлено наличие промышленного предприятия, сдаваемого в аренду, и аренда земли на кабальных для сдатчика условиях.

К одному из этих признаков можно было отнести каждый зажиточный крестьянский двор, втянутый в торговый оборот. Однако постановления СНК открывали возможность ещё более расширительного толкования понятия "кулацкое хозяйство", поскольку они предоставляли республиканским совнаркомам, краевым и областным исполкомам право вводить дополнительные признаки отнесения крестьянских хозяйств к кулацким. Хозяйствам, признанным кулацкими, устанавливались повышенные твёрдые задания по сдаче хлебных излишков. Сельсоветы получили право отдавать "твёрдозаданцев", не выполнивших эти задания, под суд.

Усиление налогового пресса на кулацкие хозяйства (в 1928 году они заплатили по индивидуальному налогообложению 10,8 % всей суммы сельхозналога, а в 1929 году - уже 28 %) было дополнено запрещением принимать их в колхозы, выдавать им кредиты и снабжать орудиями производства, принудительным выкупом у них тракторов и других сельскохозяйственных машин и т. д. Все эти меры вызывали свертывание производства в зажиточных хозяйствах, распродажу ими скота и инвентаря. Многие зажиточные крестьянские

семьи из-за боязни репрессий переселялись в города, уезжали на промышленные стройки.

По данным ЦСУ, доля кулацких хозяйств в РСФСР сократилась с 3,9 % в 1927 году до 2,2 % в 1929 году, на Украине - соответственно с 3,8 до 1,4 %. По более точным подсчётам современных историков, суммарный удельный вес этих хозяйств составил к осени 1929 года 2,5 - 3 % в общем числе крестьянских хозяйств страны, а численность - 500-600 тысяч. Вместе с тем за 1928-29 годы доля кулацких хозяйств в общем объёме посевных площадей сократилась всего на 6 %, в валовом производстве зерна - на 4,4 %.

Сокращение числа кулацких хозяйств привело к уменьшению производства товарного зерна, которое не компенсировалось колхозным производством, поскольку число колхозов оставалось сравнительно небольшим. Несмотря на рост государственной помощи колхозам в форме кредитования, налоговых льгот, снабжения сельскохозяйственными машинами и орудиями, передачи лучших земель, число колхозов увеличилось с 14,8 тыс. в июне 1927 года до 57 тыс. в июне 1929 года, а удельный вес объединяемых ими крестьянских хозяйств - соответственно с 0,8 до 3,7 %.

Поэтому репрессивные меры, применяемые для выкачки хлеба (обыски, аресты, конфискация хлебных запасов, скота, строений, другого имущества), всё чаще обрушивались на среднюю часть деревни. Только в трёх округах Казахстана в 1928-30 годах в ходе хлебозаготовительных компаний свыше 34 тыс. чел. были осуждены и более 22 тыс. чел. подвергнуты административной ответственности. При этом, даже по официальным данным, среди крестьян, подвергнутых судебным и административным репрессиям, кулаки составляли немногим более половины.

В результате систематического применения чрезвычайных мер перекачка средств из деревни в город стала осуществляться в крайне значительных масштабах. Троцкий отмечал, что в 1929 году, когда сельское хозяйство составляло источник существования трёх четвертей населения страны, крестьяне получили всего одну восьмую часть национального дохода¹.

Сопутствовавшие чрезвычайным мерам многочисленные нарушения законности, закрытие базаров, восстановление заградительных отрядов и т. д. вызывали растущее сопротивление крестьян, вплоть до организации вооружённых выступлений.

Об остроте, которую приняло это сопротивление на Дону, свидетельствует письмо Шолохова члену партии с 1903 года Е. Г. Левицкой^{2*}. В этом письме, написанном 18 июля 1929 года, приводя многочисленные примеры насилия при хлебозаготовках, Шолохов писал: "Когда читаешь в газетах короткие и розовые сообщения о том, что беднота и середнячество нажимают на кулака и

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. т. II. с. 277.

² Через одного из секретарей МК партии Левицкая передала Сталину копию этого письма без последнего наиболее резкого абзаца: "Верно говорит Артём (писатель А. Весёлый - В. Р.): "Взять бы их на густые решета ... " Я тоже подписываюсь: надо на густые решета взять всех, вплоть до Калинина; всех, кто лицемерно, по-фарисейски вопит о союзе с середняком и одновременно душил этого середняка" (Знамя, 1987. № 10. с. 181, 183).

тот хлеб везет - невольно приходит на ум не очень лестное сопоставление! Некогда, в годы гражданской войны, белые газеты столь же радостно вещали о "победах" на всех фронтах, о тесном союзе с "освобождённым казачеством" ... А Вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает, имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хопёрском округе у самого истого середняка, зачастую даже маломощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится". Шолохов вспоминал, что во время гражданской войны, участвуя в продразвёрсточных кампаниях, он "шибко комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти, а вот таких "делов" даже тогда не слышал, чтобы делали". В подтверждение этих слов писатель рассказывал о встрече с казаком, ушедшим в гражданскую войну добровольцем в Красную Армию и прослужившим в ней 6 лет: "У него продали всё, вплоть до семенного зерна и курей. Забрали тягло, одежду, самовар, оставили только стены дома. Он приезжал ко мне ещё с двумя красноармейцами. В телеграмме Калинин у них прямо сказали: "Нас разорили хуже, чем нас разоряли в 1919 году белые". И в разговоре со мною горько улыбался. "Те, - говорит, - хоть брали только хлеб да лошадей, а своя родимая власть забрала до нитки".

Такие методы "хлебозаготовок" привели к появлению антисоветских банд, в том числе конных, численностью в несколько десятков сабель. "Вновь возвращается 1921 г., и если дело будет идти таким ходом и дальше, то к осени край будет наводнён этими мелкими летучими отрядами. Горючего материала много. Об этом свидетельствует и наш авторитетный орган, выславший отряд по борьбе с бандитизмом, что же это такое, братцы? Дожили до ручки? В 29-м году - и банда. Ужасно нелепо и дико". В следующем письме Левицкой (от 31 июля) Шолохов сообщал о том, что "ГПУ выдергивает казаков и ссылет пачками. Милостью её (ГПУ) тишина и благодать"¹.

В 1929 году было зарегистрировано около 1300 крестьянских мятежей. Страна стояла перед угрозой новой гражданской войны.

В этих условиях среди "правых" возникло течение "активистов", требовавших от своих лидеров перейти от "пустых деклараций к более действенным формам борьбы" для спасения революции и страны. По свидетельству А. Авторханова, "активисты" предлагали для свержения сталинского руководства использовать метод, предусмотренный уставом партии: обратиться в ЦК с требованием о проведении партийного референдума или созыва экстренного съезда партии для всестороннего обсуждения её политики². Эта идея, однако, была отвергнута лидерами "правых", по-прежнему не принимавшими никаких мер для консолидации своих единомышленников и даже для распространения своих программных документов, объявленных апрельским пленумом "секретными".

¹ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. М., 1989. с. 233-234.

² Авторханов А. Технология власти. с. 182.

"Тройка" молчаливо сносила все новые удары со стороны Сталина, успешно добивавшегося всё большей её покорности и деморализации. Узнав о том, что в сентябре 1929 года Рыков выступил на Московском областном съезде Советов с речью, в которой отсутствовало ритуальное осуждение "правого уклона", Сталин направил Молотову, Ворошилову и Орджоникидзе письмо, в котором потребовал "поставить впредь Рыкова перед альтернативой: либо отмежеваться открыто и честно от правых и примиренцев, либо лишиться права выступать от имени ЦК и СНК"¹. Спустя несколько дней Политбюро приняло соответствующее решение с осуждением Рыкова.

Ещё более серьезные меры были приняты по отношению к Бухарину, который решением X пленума Исполкома Коминтерна (июль 1929 г.) был выведен из состава Президиума ИККИ. В резолюции пленума "О т. Бухарине" указывалось, что "ещё до VI конгресса Коммунистического Интернационала у т. Бухарина наметились расхождения с генеральной политической линией ВКП(б), оформившиеся в процессе борьбы Бухарина и его единомышленников против политики партии в особую оппортунистическую платформу, по существу в платформу правого уклона"².

В последующие месяцы Бухарин, формально оставаясь в составе Политбюро, фактически не принимал участия в его работе. Во всяком случае, в протоколах заседаний Политбюро за второе полугодие 1929 года его фамилия не встречается.

Одновременно с целью дальнейшей политической компрометации Бухарина и его учеников были предприняты провокации. На специальное подразделение ОГПУ, занимавшееся слежкой за меньшевиками и "троцкистами", в 1928 году было возложено также проведение агентурной работы среди "правых" (программа под кодовым названием "Противники"). Один из секретных агентов собрал на своей даче учеников Бухарина для обсуждения положения в партии и стране. Эти и другие беседы с участием нескольких человек "оформлялись" чекистами как "фракционные конференции". Самого Бухарина посетил некий комсомолец Платонов, спровоцировавший его на политический разговор, запись о котором была передана Сталину и разослана последним членам Политбюро. С помощью подобных агентурных сообщений, а также фабрикуемых ГПУ документов о сочувствии "правым" со стороны "вредителей" из среды научной и технической интеллигенции Сталин оказывал давление на колеблющихся членов Политбюро, например, на Орджоникидзе.

Особенно последовательно Сталин проводил кампанию по изгнанию своих противников из партийных научно-исследовательских и учебных учреждений, где были сконцентрированы лучшие интеллектуальные силы партии. Неудивительно, что большинство из них было настроено в "троцкистском" или "правом" духе. Убедившись в том, что их взгляды на новую экономическую политику Сталина и на внутривнутрипартийный режим совпадают, они перешли к установлению контактов между собой. По свидетельству А. Авторханова, такие контакты завязались в Институте красной профессуры между троцкистской

¹ Коммунист. 1990. № 11. с. 102.

² Коммунистический Интернационал в документах. с. 911.

группой во главе с философом Каревым и группой "правых", возглавляемой членом ЦКК Стэнном. "Таким образом, то, что не удалось Бухарину сверху, в беседе с Каменевым, легко удалось лидерам местных групп снизу"¹. Однако деятельность таких групп не получила широкого развития, поскольку сталинцы, осведомляемые многочисленными провокаторами об оппозиционных настроениях в ИКП, Комакадемии и других научных и учебных партийных центрах, проводили там непрерывные чистки. Около 10 % лиц, окончивших ИКП в 1927/28 учебном году, были исключены из партии за "активную троцкистскую деятельность". Вслед за этим расправа была перенесена на "красных профессоров", поддерживавших Бухарина. В январе 1929 года было принято специальное решение ЦК о внутрипартийной борьбе в ИКП, после чего из этого института были отчислены лица, входившие в "бухаринскую школу" или примыкавшие к ней.

Летом 1929 года с ещё большей силой была запущена мощная пропагандистская машина, выбрасывавшая сотни книг и брошюр, тысячи статей, направленных против "правого уклона". В ходе этой политико-идеологической кампании в центральной печати впервые появилась фамилия Ежова, который в соавторстве с Мехлисом и Поспеловым опубликовал статью "Правый уклон в практической работе и партийное болото"².

Впервые на страницах "Правды" Бухарин был подвергнут критике 21 августа 1929 года, после чего вся партийная печать стала называть его "лидером и вдохновителем правых уклонистов". Попытки учеников Бухарина ослабить удары по нему клеймились как "фракционные вылазки". Так было квалифицировано, в частности, выступление А. Слепкова (переведённого к тому времени на работу в Самарский сельскохозяйственный институт), в котором говорилось о его несогласии с организационными мерами по отношению к Бухарину и с политической мотивировкой этих мер, о том, что "ЦК отбрасывает лучших людей, руководство мельчает"³. После этого выступления Слепков получил большинство голосов на партийном собрании, вслед за чем была поднята шумная кампания в центральной печати, в результате которой Бухарин заявил своим ученикам, чтобы они перестали выступать в его защиту и "согласились называть меня как угодно"⁴.

В 1929 году многие ученики Бухарина подверглись партийным взысканиям, были смещены со своих постов и переведены на работу на периферию. Часть из них выступила в партийной печати с отречением от своих взглядов.

Все эти мероприятия служили идеологической подготовкой к ноябрьскому пленуму ЦК, который стал партийным форумом, завершившим политический разгром бухаринской группы. Заключительный аккорд в подготовку пленума внесла статья Сталина "Год великого перелома", где говорилось, что "утверждения правых оппортунистов (группа Бухарина)" "рухнули и рассеялись в прах, как старый буржуазно-либеральный хлам". В статье были выдвинуты со-

¹ Авторханов А. Технология власти. с. 116.

² Большевик. 1929. № 16.

³ Правда. 1929. 20 октября.

⁴ Вопросы истории. 1992. № 2-3. с. 31-32.

вершенно неожиданные для партии утверждения о том, что осенью 1929 года среди середняков произошёл решительный перелом в отношении к колхозам, что крестьяне якобы пошли в колхозы "целыми селами, волостями, районами", а быстрый темп развития колхозов и совхозов не оставляет сомнений в том, что "наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире"¹. Между тем, ко времени появления этих хвастливых заверений было коллективизировано лишь 7,6 % крестьянских хозяйств, а колхозы занимали всего 3,6 % посевных площадей страны.

Положения, содержащиеся в сталинской статье, были закреплены в решениях ноябрьского пленума, где констатировался "гигантский", "небывалый" темп коллективизации, превосходящий "самые оптимистические проекторки". В подтверждение этих радужных суждений приводились лишь данные о том, что удельный вес колхозов во всей товарной продукции сельского хозяйства возрос с 1,4 % в 1927/28 году до 4,9 % в 1928/29 году.

О том, что даже среди этих колхозов многие оказывались "бумажными", свидетельствовали некоторые выступления участников пленума. Так, секретарь ЦК Компартии Украины Косиор рассказывал о том, что "у нас были истории, когда организовывали совхозы, а крестьяне под трактор ложились и не давали пахать землю ... У нас было несколько историй, когда переходили в коллектив целые села, а потом они быстро разваливались, и нас выгоняли отсюда с барабанным боем. Мы имели сплошную коллективизацию на территории десятков сел, а потом оказывалось, что всё это дутое, искусственно созданное и население в этом не участвует и ничего не знает"².

На пленуме было зачитано письмо инструктора Колхозцентра СССР Баранова о том, какими методами проводилась коллективизация в Хопёрском округе, объявленном первым округом сплошной коллективизации. Баранов писал, что "на местах директивы округа иногда преломляются в лозунг: "Кто не идёт в колхоз, тот враг Советской власти" ... Имели место случаи широкого обещания тракторов и кредитов: "Всё дадут - идите в колхоз ... " Баранов предупреждал, что созданные таким образом колхозы скоро начнут разваливаться. Однако на это письмо Сталин отреагировал раздражённой репликой: "Что же вы хотите, всё предварительно организовать?"³.

Под влиянием подобных установок руководители некоторых губернских и краевых организаций стали давать обязательства по завершению коллективизации к лету 1931 года. Однако и эти сроки были признаны недостаточными. Молотов выдвинул установку, согласно которой сплошная коллективизация должна быть завершена в основном летом 1930 года на Северном Кавказе, а осенью того же года - и в ряде других регионов. "В теперешних условиях, - заявил он, - заниматься разговорами о пятилетке коллективизации, значит заниматься ненужным делом. Для основных сельскохозяйственных районов и об-

¹ Сталин И. В. Соч. т. 12. с. 130, 132.

² Документы свидетельствуют. с. 288-289.

³ Там же. с. 264, 289-290.

ластей ... надо думать сейчас не о пятилетке, а о ближайшем годе"¹. Под влиянием этой авантюристической установки многие руководители местных организаций, вернувшись с пленума, провозгласили лозунг "бешеных темпов коллективизации".

В резолюции пленума "Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства" был провозглашен курс "на решительную борьбу с кулаком, на выкорчевывание корней капитализма в сельском хозяйстве, на быстрейшее объединение индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств в крупные коллективные хозяйства"². Пленум пересмотрел утверждённые всего полгода назад контрольные цифры на 1929/30 год в сторону резкого увеличения темпов коллективизации. За год посевные площади колхозов планировалось увеличить в 3,5 раза, а совхозов - почти в 2 раза. В результате этого предполагалось "получить от обобществлённого сектора из урожая 1930 г. свыше 50 % товарного хлеба внедеревенского оборота (против 43 % товарного хлеба, намечавшегося пятилетним планом для урожая 1933 г.), что ... должно означать изжитие хлебных затруднений и разрешение в основном зерновой проблемы"³.

Главной задачей Сталина на пленуме было добиться полной капитуляции тех членов ЦК, которые на предыдущем, апрельском пленуме голосовали против резолюции, осуждавшей бухаринскую группу, и тем самым обречь "тройку" на полную изоляцию. Эта задача приобрела особую актуальность после подачи 12 ноября "тройкой" заявления пленуму.

Это заявление показывало, что "тройка", молча воспринимавшая все выпады в свой адрес в период между пленумами, решила апеллировать к Центральному Комитету с протестом против недопустимых методов борьбы, применявшихся против неё. Авторы заявления не только не признавали приписываемых им "ошибок", но подчеркивали, что ни в коей мере не могут согласиться с характеристикой их взглядов в печати и не считают себя представителями "правого уклона". Они с возмущением писали об использовании в борьбе с ними "недостойных выпадов" и "исключительно гнусных оскорблений". С особым негодованием в заявлении говорилось об "обстреле т. Бухарина на основе цитат 1925 года". Авторы напоминали, что намного более мягкая критика ленинградской оппозицией тех же самых взглядов Бухарина была охарактеризована большинством Политбюро, включая Сталина, как "смехотворные сплетни ... формально против Бухарина, по существу против ЦК".

Напоминая, что Бухарин был "одним из инициаторов поворота на XV съезде нашей партии против кулака", "тройка" заявляла, что она солидаризуется с основными аспектами "генеральной линии", поддерживает намеченные высокие темпы индустриализации и коллективизации (включая новые контрольные цифры, которые предлагалось принять пленуму) и выступает за "беспощадную борьбу с кулачеством".

Основным своим разногласием с большинством Политбюро и ЦК "тройка" считала разногласие по вопросу о чрезвычайных мерах. Она утверждала, что

¹ Молотов В. М. О колхозном движении - Большевик. 1929. № 22. с. 12.

² КПСС в резолюциях и решениях. т. 5. с. 31.

³ Там же. с. 13.

при предлагавшихся ею на апрельском пленуме методах "проведения генеральной линии партии мы могли бы достигнуть желательных результатов менее болезненным путём". Применение чрезвычайных мер, отмечалось в заявлении, обусловило "некоторое недовыполнение плана по сельскому хозяйству" и толкнуло часть середняков "в сторону зверски сопротивлявшегося кулака". "Тройка" выражала уверенность, что рост колхозов и совхозов сделает в будущем году чрезвычайные меры излишними, в силу чего разногласия между нею и большинством Политбюро "снимаются". Не предвидя объявления "сплошной коллективизации" она заявляла, что "вопрос о необходимом подъёме индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств ещё не снят"¹.

Заявление от 12 ноября Н. К. Крупская расценила как громадный шаг "тройки" навстречу позиции большинства ЦК. Однако основная часть выступавших на пленуме, требовавшая от "правых" полной капитуляции, подвергла авторов заявления новым издевательствам. Так, Варейкис заявил, что "жалки, смехотворны потуги слепковых, айхенвальдов и им подобных спасти теоретическое знамя т. Бухарина".

В краткой резолюции пленума "О группе т. Бухарина" (опубликованной, как и все другие "партийные документы" о борьбе с бухаринцами лишь в 1933 году) заявление "тройки" квалифицировалось "как документ фракционный, как фракционный маневр политических банкротов, аналогичный "отступательным" маневрам троцкистов, не раз использовавших свои якобы примирительные заявления, как метод подготовки новых атак на партию". Резолюция указывала, что Бухарин, Рыков и Томский отказываются признать ошибочность своих взглядов, изложенных в платформах от 30 января и 9 февраля и осуждённых апрельским пленумом, "как несовместимые с генеральной линией партии". Робкие утверждения "тройки" об отрицательных последствиях чрезвычайных мер квалифицировались в резолюции как "демагогические обвинения", бросаемые партии, и подготовка "новой атаки на партию и её ЦК". Столь же сдержанное положение о том, что апрельский пленум обвинением "тройки" в правом уклоне поставил её "в неравноправное положение в составе партии и её руководящих органов" расценивалось как недопустимая попытка авторов "противопоставлять себя Политбюро, как равноправная сторона, "свободно" договаривающаяся с партией", как стремление к "легализации фракционной группировки правых уклонистов, лидерами которых они являются".

Исходя из всех этих квалификаций, пленум постановил вывести из состава Политбюро Бухарина, "как застрельщика и руководителя правых уклонистов" и предупредил Рыкова и Томского, а также Угарова (единственного члена ЦК, не отмежевавшегося на пленуме от "тройки"), что в "случае малейшей попытки с их стороны продолжить борьбу против линии и решений ИККИ и ЦК ВКП(б) партия не замедлит применить к ним соответствующие организационные меры"². Против этой резолюции голосовали лишь Бухарин, Томский и Угаров (Рыков в голосовании не участвовал).

¹ Документы свидетельствуют. с. 274-282.

² КПСС в резолюциях. т. 5. с. 48-49.

На следующий день после завершения пленума в "Правде" были опубликованы заявления членов ЦК, бывших руководителей Московской партийной организации Угланова, Котова, Михайлова и Куликова о разрыве с позицией Бухарина, Рыкова и Томского. Эти заявления, совершенно неожиданные для "тройки", были восприняты ею как "подчеркнуто враждебная демонстрация" по отношению к ней¹. В заявлении Угланова и Куликова говорилось, что, оказавшись перед выбором: "поддерживать т.т. Бухарина, Рыкова и Томского или идти в ногу со всей партией", они избирают второй путь, тем более, что "истекший хозяйственный год и результаты хлебозаготовок показали, что мы ошибались"².

Оказавшись в положении полной изоляции, Бухарин, Рыков и Томский спустя неделю после завершения пленума выступили с заявлением, прямо противоположным по своему духу тому, которое ими было представлено пленуму. В этом заявлении, опубликованном в "Правде", говорилось, что в течение полутора лет у них были разногласия с большинством ЦК по ряду политических и тактических вопросов, которые они излагали в документах и выступлениях на пленумах ЦК. "Мы считаем долгом заявить, - указывалось далее, - что в этом споре оказались правы партия и её ЦК. Наши взгляды, изложенные в известных документах, оказались ошибочными. Признавая эти свои ошибки, мы, со своей стороны, приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией вести решительную борьбу против всех уклонов от генеральной линии партии и, прежде всего, против правого уклона и примиренчества с ним"³. Одновременно было опубликовано заявление Угарова о том, что он пришёл к убеждению об ошибочности своей поддержки бухаринской "тройки" на двух последних пленумах ЦК.

Этой капитуляцией "правых" был завершён охвативший семь лет процесс ликвидации коллективного руководства в партии, соединения в Политбюро самостоятельно мыслящих людей. Отныне политические дискуссии стали невозможны даже на уровне высшего партийного руководства.

Добившись капитуляции всех оппозиционных элементов в Центральном Комитете, Сталин выступил 27 декабря 1929 года на конференции аграрников-марксистов с речью "К вопросам аграрной политики в СССР", где он сделал несколько важных "дополнений" к решениям ноябрьского пленума. Во-первых, он потребовал "насаждать в деревне крупные социалистические хозяйства в виде совхозов и колхозов", что прямо толкало партийных руководителей на принуждение крестьян к вступлению в колхозы. Во-вторых, он впервые выдвинул лозунг о переходе "от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества, как класса" и расшифровал этот лозунг термином "раскулачивание", которое на протяжении всех предшествующих лет он объявлял недопустимым. В-третьих, он сделал далеко идущее предупреждение - о том, что когда нэп "перестанет служить де-

¹ Вопросы истории. 1992. № 2-3. с. 22.

² Правда. 1929. 18 ноября.

³ Правда. 1929. 26 ноября.

ду социализма, мы её отбросим к чёрту"¹. Таким образом, сталинская речь знаменовала новую резкую переориентацию политики в направлении экономического авантюризма.

Чтобы подвести теоретическую базу под новые лозунги, Сталин резко изменил свои суждения о перспективах развития индивидуального крестьянского хозяйства. В мае 1928 года он утверждал, что при проведении разумных организационных и агротехнологических мероприятий можно за 3-4 года поднять урожайность мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств на 15-20 % и получить от них дополнительно не менее 100 млн. пудов товарного хлеба². В ноябре того же года он высказывал уверенность в том, что поднять темп развития сельского хозяйства можно, в частности, через "поднятие урожайности и расширение посевных площадей индивидуальных бедняцко-средняцких хозяйств"³. В докладе же на конференции аграрников-марксистов он заявлял, что "наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно очень редко имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство"⁴. Это утверждение понадобилось Сталину для объявления "сплошной коллективизации" единственным путём, способным обеспечить рост продукции сельского хозяйства.

Провозглашение Сталиным лозунгов сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса совпало во времени с шумной пропагандистской кампанией по поводу его 50-летия. Ранее подобные юбилейные кампании в партии не проводились. Теперь же все руководители партии выступили со статьями, содержащими безудержные панегирики Сталину. В этих статьях впервые была изменена привычная партийная лексика: традиционное понятие "вожди партии" было вытеснено прославлением единственного вождя, "стоящего во главе коммунистического движения всего мира". Ради утверждения культа Сталина его соратники прибегли к беспримечной фальсификации истории партии. В приветствии ЦК и ЦКК Сталину говорилось: "Лучший ленинец, старейший член Центрального Комитета и его Политбюро ... из непосредственных учеников и соратников Ленина, ты оказался самым стойким и последовательным до конца ленинцем. Ни разу на протяжении всей своей деятельности ты не отступил от Ленина как в своих теоретических принципиальных позициях, так и во всей практической работе"⁵.

Мысль о том, что не было ни единого случая, когда Сталин расходился в своих взглядах с Лениным, настойчиво варьировалась во всех статьях партийных лидеров, появившихся на страницах юбилейного номера "Правды" и затем сведённых в отдельный сборник. Статьи Калинина "Рулевой большевизма", Орджоникидзе "Твёрдокаменный большевик", Кагановича "Сталин и партия", Микояна "Стальной солдат большевистской партии" и многие другие как бы

¹ Сталин И. В. Соч. т. 12. с. 149, 169, 171.

² Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 91-92.

³ Там же. с. 262.

⁴ Сталин И. В. Соч. т. 12. с. 145.

⁵ Сталин. Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. М.-Л., 1930. с. 9.

соревновались друг с другом в лести и угодничестве. Но даже в ряду этих статей, где Сталин впервые именовался "дорогим вождем", "гениальным теоретиком" и т. д., особо выделялась беспримерным фальсификаторством статья Ворошилова "Сталин и Красная Армия" (переросшая впоследствии в книгу), которая положила начало версии о Сталине как творце всех побед гражданской войны. По словам Ворошилова, Сталин был "единственным человеком, которого Центральный Комитет бросал с одного фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места"¹.

Вслед за этими статьями в адрес Сталина посыпались тысячи приветствий от "масс", подготовленных услужливыми местными аппаратчиками. Как подчеркивалось впоследствии в "Рютинской платформе", "у всякого большевика, не потерявшего ещё окончательно стыд и не позабывшего старых партийных традиций, вся эта комедия "коронования" вызывала чувство отвращения и стыда за партию"².

Получив такое окружение, на которое можно было положиться в осуществлении самых авантюристических акций, Сталин открыл новую главу в истории партии и страны, официально именовавшуюся "наступлением социализма по всему фронту".

¹ Там же. с. 44.

² Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. с. 33.

XV

Первый тур коллективизации

После ноябрьского пленума Сталин не созывал новый пленум ЦК в течение восьми месяцев. На протяжении этого периода развертывался первый тур сплошной коллективизации с его авантюристическим началом и позорным завершением. Все документы, касавшиеся этой крупномасштабной политической кампании, разрабатывались и принимались узкой группой аппаратчиков без утверждения их полным составом Центрального Комитета.

В проекте первого из этих документов, подготовленном комиссией Политбюро под руководством наркома земледелия Яковлева, отмечалось, что "безнадежно пытаться разрешить "кулацкую проблему" выселением всей массы кулацкого населения в отдалённые края или тому подобными мероприятиями"¹. Более того, комиссия считала возможным принимать часть кулаков в колхозы.

Комиссия предложила завершить коллективизацию большинства крестьянских хозяйств в основных зерновых районах за 2-3 года, в потребляющей полосе - за 3-4 года, в экономически отсталых национальных республиках - во второй пятилетке. Согласно этому проекту, коллективизации подлежали лишь основные средства производства при сохранении в собственности крестьянских семей мелкого инвентаря, коров и мелкого скота, обслуживающего потребительские нужды семьи. Однако Сталин внёс существенные поправки в эти относительно "умеренные" сроки и методы коллективизации. Этими поправками определялись первые директивы, направленные на места. Так, директива Колхозцентра от 10 декабря 1929 года предлагала в районах сплошной коллективизации добиваться обобществления рабочего скота и коров на 100 %, свиней - на 80 %, овец - на 60 %.

В принятом 5 января 1930 года постановлении ЦК ВКП(б) "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству" указывалось, что в районах Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги коллективизация может быть "в основном закончена осенью 1930 г. или, во всяком случае, весной 1931 г."; в других зерновых районах - "осенью 1931 г. или, во всяком случае, весной 1932 г.". Посевная площадь, обработанная колхозами и совхозами, уже весной 1930 года должна была существенно превысить показатели, установленные пятилетним планом на 1933 год. Постановление требовало вести решительную борьбу "со всякими попытками сдерживать развитие коллективного движения из-за недостатка тракторов и сложных машин"².

Постановление ЦК от 5 января открыло серию обильных директив, направленных на форсирование коллективизации и раскулачивания. В передовой "Правды" под названием "Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня" содержался призыв "объявить войну не на жизнь, а на смерть кула-

¹ Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. с. 187.

² КПСС в резолюциях и решениях. т. 5. с. 73, 75.

ку и в конце концов смести его с лица земли"¹. Претворением этой установки стали решения, разработанные образованной 15 января комиссией Политбюро под руководством Молотова: постановление ЦК от 30 января "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации", постановления ЦИК и СНК от 1 февраля "О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством" и "О воспрещении самовольного переселения кулацких хозяйств и распродажи ими имущества". Эти решения отменяли в районах сплошной коллективизации действие законов об аренде земли и применении наёмного труда. За самовольное переселение кулацких хозяйств и распродажу ими своего имущества предусматривались жёсткие репрессивные меры.

Местные власти были наделены чрезвычайными полномочиями "вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краёв (областей)"². Порядок раскулачивания и депортации был конкретизирован в секретной инструкции ЦИК и СНК от 4 февраля и в приказе ОГПУ от 2 февраля. В этих документах предписывалось в районах сплошной коллективизации конфисковывать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, производственные и торговые предприятия, продовольственные, кормовые и семенные запасы, наличные деньги и "излишки домашнего имущества". В этом и заключалось собственно раскулачивание, которому планировалось подвергнуть в среднем 3-5 % крестьянских хозяйств.

Кулаки, подлежавшие более суровым репрессиям, разделялись на три категории. К первой категории был отнесён "контрреволюционный кулацкий актив", особенно кадры действующих повстанческих организаций, которые подлежали заключению в концлагеря или расстрелу по приговору "троек". "Изъятие первой категории", которое предполагалось закончить к началу развертывания кампании по выселению кулаков, должно было распространиться на 50-60 тыс. чел. Семьи лиц, заключённых в лагеря или приговорённых к высшей мере наказания, должны были выселяться в отдалённые районы страны вместе с семьями "второй категории", к которой были отнесены "крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступающие против коллективизации", "местные кулацкие авторитеты и весь кулацкий кадр, из которого формируется контрреволюционный актив". Только из Украины, Белоруссии, Казахстана, Сибири, Урала, Северного Кавказа, Средневолжского и Нижневолжского краёв, Центрально-Черноземной области планировалось выслать 210 тысяч семей. Остальных кулаков предполагалось выселять в отводимые за пределами колхозных хозяйств поселки в районах, где они проживали³.

На протяжении января-февраля Сталин непрерывно подхлестывал коллективизаторское исступление. В статье "К вопросу о политике ликвидации кулачества, как класса", опубликованной 21 января в "Красной звезде", он прямо

¹ Правда. 1930. 11 января.

² История СССР. 1990. № 5. с. 23-24.

³ Неизвестная Россия. XX век. с. 238-241.

заявил о полном разрыве нынешней политики партии с решениями XV съезда и XVI конференции. Указав, что с лета 1929 года произошёл "*поворот* в политике нашей партии в деревне", Сталин подчеркнул, что XV съезд исходил из того, что "кулачество, как класс, всё же должно остаться до поры до времени. На этом основании XV съезд оставил в силе закон об аренде земли, прекрасно зная, что арендаторами в своей массе являются кулаки. На этом основании XV съезд оставил в силе закон о найме труда в деревне, потребовав его точного проведения в жизнь. На этом основании была ещё раз провозглашена недопустимость раскулачивания ... Противоречат ли эти законы и эти постановления политике ликвидации кулачества, как класса? Безусловно, да! Стало быть, эти законы и эти постановления придётся теперь отложить в сторону в районах сплошной коллективизации, сфера распространения которой растёт не по дням, а по часам. Впрочем, они уже отложены в сторону самим ходом колхозного движения в районах сплошной коллективизации". Таким образом, Сталин в одночасье объявил об отмене всех партийных решений и советских законов, определявших политику в деревне. Эта отмена, по его словам, была вызвана якобы напором стихийного движения бедняков и середняков, "громящих кулачество и осуществляющих сплошную коллективизацию"¹.

В передовой "Правды", написанной по прямому указанию Сталина, планка темпов коллективизации была поднята ещё выше по сравнению с недавними официальными решениями. Здесь говорилось, что "последняя наметка коллективизации - 75 % бедняцко-середняцких хозяйств в течение 1930-31 года не является максимальной"².

В "Ответе товарищам свердловцам", опубликованном 10 февраля в "Правде", Сталин потребовал бороться против "самоликвидации" кулацких хозяйств и "растранжиривания" ими своего имущества, что перекрывало последний путь спасения зажиточным крестьянским семьям, стремившимся избежать нависшей над ними расправы³. Другое сталинское требование нацеливало на форсирование коллективизации в тех районах, где, согласно предыдущим решениям, "сплошная коллективизация" не должна была проводиться.

В обстановке неумной коллективизаторской скачки ни крестьяне, ни местные партийные работники не могли толком понять, чего добивается от них сталинское руководство. Многие губернские организации выносили решения о завершении коллективизации в течение весенней посевной кампании 1930 года. Даже в Средней Азии, где ЦК требовал завершить коллективизацию в основном весной 1932 года (а в кочевых и полукочевых регионах ещё позже), местным руководством был выдвинут лозунг "Догнать и перегнать передовые районы по темпам коллективизации!".

¹ Сталин И. В. Соч. т. 12. с. 181-183.

² Правда. 1930. 3 февраля.

³ Тем не менее из 400-450 тыс. семей "третьей категории" только за 1929-30 годы "самораскулачились", т. е. бросили или распродали свое имущество и бежали из деревни на стройки и в города 200-250 тыс. семей. Бегство крестьянских семей в города из-за боязни раскулачивания и депортации продолжалось и в последующие годы.

Коллективизация и раскулачивание воспринимались на местах как ударная кампания, о выполнении которой следует как можно скорее рапортовать. Деятельность местного аппарата расценивалась исключительно по проценту коллективизированных хозяйств. Партийные комитеты районов и округов соревновались друг с другом в победных реляциях с "колхозного фронта". В коллективизаторском рвении нередко осуществлялось максимальное обобществление собственности крестьянских хозяйств вплоть до единственной коровы, мелкого скота и птицы.

Поскольку государство не располагало материальными ресурсами для обустройства создаваемых колхозов, в неделимые фонды последних передавалось конфискованное имущество кулацких хозяйств. Непроизводительное личное имущество раскулачиваемых распределялось среди бедноты, что способствовало разжиганию в её среде низменных настроений и зачислению зажиточных середняков в списки на раскулачивание.

О горячке коллективизаторства, охватившей всю страну, свидетельствуют официальные данные, согласно которым к началу января 1930 года в колхозах числилось свыше 20 %, к началу марта - свыше 50 % крестьянских хозяйств.

Поскольку поворот к сплошной коллективизации происходил буквально в считанные дни, без какой-либо организационной и идеологической подготовки, под давлением противоречивых и панических приказов, он носил стихийный характер и выливался на практике в насилие по отношению к широчайшим массам крестьянства. На это крестьяне отвечали в основном тремя способами.

Первый способ состоял в апелляции к властям, у которых крестьяне искали защиту от творившегося на местах административного произвола. Только осенью-зимой 1929-1930 годов на имя Сталина и Калинина поступило 90 тыс. жалоб, подавляющее большинство которых, разумеется, осталось без ответа.

Второй способ - массовый убой скота, который полагалось сдавать в колхозы. Для пресечения этого в январе 1930 года были приняты постановления ЦИК и СНК "О мерах борьбы с хищническим убоем скота" и "О запрещении убоя лошадей и об ответственности за незаконный убой и хищническую эксплуатацию лошадей". Согласно этим постановлениям и постановлению ЦИК и СНК от 1 ноября 1930 года "О мерах против хищнического убоя скота", убой в кулацких хозяйствах карался полной или частичной конфискацией скота и сельскохозяйственного инвентаря и лишением свободы на срок до двух лет, а в бедняцко-середняцких - штрафом в размере, равном десятикратной стоимости забитого животного. Такой же штраф налагался и на колхозы, где из-за отсутствия общественных животноводческих построек, кормов, навыков обслуживания обобществлённого скота и т. д. часто забивали ослабленный плохим уходом скот, сведённый с крестьянских подворий в общее стадо.

Наконец, третьим способом, избираемым отчаявшимися крестьянами в качестве реакции на массовые насилия, стали антиколхозные вооружённые выступления. Об их характере и масштабах свидетельствуют данные, приводившиеся в "Рютинской платформе": в начале 1930 года в стране прошло более 500 крупных восстаний с тысячами участников в каждом; во многих случаях в

этих восстаниях участвовали коммунисты и комсомольцы, порой ими руководили члены партии, а в одном случае - даже районный уполномоченный ГПУ¹.

По данным современных советских историков, в январе-марте 1930 года прошло не менее 2200 массовых выступлений с участием почти 800 тысяч крестьян. Намного большим было число индивидуальных и групповых расправ над организаторами коллективизации и колхозными активистами.

Всё это означало, что страна фактически вступила в новую гражданскую войну. Как признавалось в секретном письме ЦК от 2 апреля 1930 года, если бы процесс насильственной коллективизации (именовавшийся "искривлением партлинии") не был приостановлен, "добрая половина наших "низовых" работников была бы перебита крестьянами" в широкой волне повстанческих выступлений².

¹ Реабилитация. с. 345.

² Документы свидетельствуют. с. 390.

Левая оппозиция о коллективизации

В некоторых публицистических работах и художественных, произведениях конца 80-х годов утверждалось, что проведение сплошной коллективизации и раскулачивания - результат восприятия и реализации Сталиным идей левой оппозиции. Доказывая фантастичность этой версии, некоторые серьезные исследователи тем не менее заявляют, что "к сожалению, никто в то время не предложил иных, более приемлемых вариантов, которые дали бы реальную возможность форсировать индустриализацию, не ссорясь с крестьянством ..."¹.

Применительно к лицам, входившим в тогдашнее руководство партией, такая оценка вполне правильна. Она применима и к Бухарину, который в самый разгар коллективизаторской гонки взял на себя миссию теоретического обоснования "новой концепции коллективизации". В статье "Великая реконструкция (о текущем периоде пролетарской революции в нашей стране)", опубликованной в феврале 1930 года в "Правде", он оценил происходящий в стране "крутой перелом" как особую форму внутриформационного скачка, к которому партия оказалась теоретически не подготовленной. По-прежнему дорожа своей репутацией теоретика, Бухарин брался исправить этот "пробел" в теории, разъясняя, что процесс перевода сельского хозяйства на социалистический путь проходит не "по "классическим" формулам педантов: *сперва* сотни тысяч тракторов, *потом* переделка крестьянского хозяйства на коллективный лад ... Более уместна формула: *сперва* переделка производственных отношений, *потом* техническая революция". Перевернувшись на 180 градусов, Бухарин писал, что особенность переживаемого страной крутого перелома состоит в том, что он связан "с чрезвычайным обострением классовой борьбы ... Экономика, политика, наука, искусство, религия, философия, быт, школа - повсюду набухли противоречия социальных сил, повсюду гораздо резче прошёл водораздел между старым и новым миром ... Но наиболее отчаянная борьба идёт именно в деревне. Здесь быстро и победоносно развивается *антикулацкая революция*, социально-экономический смысл которой и нужно в первую очередь анализировать". Результаты этого анализа сводились к утверждению, что кулачество оказывает "бешеное сопротивление социалистической реконструкции", а поэтому с ним "нужно разговаривать языком свинца"².

Для оправдания разрушительных процессов, которые проходили в деревне (массовый убой крестьянами скота и т. д.), Бухарин выдвигал абстрактный и схоластический тезис о том, что ломка старых общественных отношений всегда имеет своим следствием падение производительных сил.

Таким образом, Бухарин, вплоть до конца 1929 года выступавший против чрезвычайных мер, в начале 1930 года поддержал намного более жестокую и

¹ Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. с. 81.

² Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1990. с. 490, 494.

опасную политику в деревне, по сравнению с которой, как отмечал впоследствии Сталин, чрезвычайные меры представляли собой "пустышку"¹. Так трансформировалась "бухаринская альтернатива" в наиболее критический момент "размолвки" партии с деревней.

Объясняя внезапность перехода к "революции сверху", о недопустимости которой он говорил на протяжении многих предшествующих лет, Бухарин заявлял, что в новую фазу "мы вошли ... через ворота чрезвычайных мер и быстро развернувшийся кризис зернового хозяйства". Эта новая фаза, по словам Бухарина, "не была во всех конкретностях предвидена"².

Эти рассуждения Бухарина Троцкий критиковал с особенным сарказмом. Сопоставляя контрольные цифры пятилетнего плана, принятые в апреле 1929 года (коллективизация пятой части крестьян в течение 1929-33 годов), с результатами коллективизаторской гонки к марту 1930 года (коллективизация трёх пятых крестьянских хозяйств), он писал: "Если даже принять на веру, что этот размах коллективизации есть сплошной триумф социализма, то одновременно надо констатировать полное банкротство руководства, ибо плановое хозяйство предполагает, что руководство хоть сколько-нибудь предвидит основные хозяйственные процессы. Между тем на это нет и намека. Бухарин, новый, реконструированный, индустриализированный и сплошь коллективизированный Бухарин, признает в "Правде", что новый этап коллективизации вырос из административных мероприятий в борьбе за хлеб и что этот этап не был предвиден руководством "во всех его конкретностях". Это очень недурно сказано! Ошибка темпа в плановых расчётах составляет всего навсего около 900-1000 %. И в какой области? Не в вопросе о производстве наперстков, а в вопросе о социалистическом преобразовании всего сельского хозяйства. Ясно, что кое-каких "конкретностей" Сталин с Ярославским действительно не предвидели. Тут Бухарин прав"³.

К числу не предвиденных сталинским руководством "конкретностей" Троцкий относил прежде всего нежелание основной части крестьянства вступать в колхозы. "Мы никогда, как известно, не заподозривали нынешнее руководство в избытке проникательности, - писал он. - Но такой ошибки оно никак не могло бы сделать, если бы коллективизация действительно выросла из завоеванного на опыте убеждения крестьян в преимуществах крупного коллективного хозяйства над индивидуальным"⁴.

Троцкий напоминал, что левая оппозиция всегда указывала на два основных фактора, определяющих практические возможности и рамки коллективизации: наличие производственно-технических ресурсов для крупного земледелия и субъективную готовность крестьянства перейти к коллективному хозяйству, в конечном счёте определяемую теми же производственно-техническими факторами: привлечь крестьянина в колхозы может только выгода для них коллективного хозяйства, опирающегося на высокую технику. С этих позиций

¹ Сталин И. В. Соч. т. 13. с. 14.

² Бухарин Н. И. Избранные произведения. с. 490.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 11. с. 13.

⁴ Там же.

он высмеивал выдуманную сталинцами для оправдания "ошибочки темпа в 1000 %" "теорию" о том, что "техника есть дело десятое, и что социалистическое сельское хозяйство ("мануфактурное") можно, перекрестясь, строить при любых средствах производства. Эту мистическую теорию мы, однако, решительно отвергаем ... Более того, мы объявляем этой мифологии беспощадную войну, ибо неизбежное разочарование крестьян грозит вызвать жестокую реакцию против социализма вообще"¹.

Уже в февральско-мартовском и апрельском номерах "Бюллетеня оппозиции" были опубликованы первые отклики на сплошную коллективизацию и раскулачивание. Приведем некоторые выдержки из этих писем, свидетельствующие о том, что "неразоружившиеся" оппозиционеры, сохранявшие связь с Троцким, с самого начала решительно отвергали эту политику, которая была воспринята ими как грубейший разрыв с принципами социалистического строительства. "Административному "введению" социализма в деревне на "конной тяге" должен быть определённо положен конец ... Лозунг "раскулачивания" ... должен быть осуждён, как авантюристический". "Причины нового ультраавантюристического взлета центризма коренятся именно в факте размычки с середняком. Вместо того, чтоб этой действительности прямо посмотреть в глаза, центристы думают, что схоластически созданная в теории и административно введённая на практике "коллективизация" снимет с повестки дня основной вопрос о правильных классовых взаимоотношениях в деревне"². "То, что мы говорили о гибельности нынешней путчистской политики центризма, целиком оправдывается". "Я за отмену "сплошного" безобразия - то бишь сплошной коллективизации с помощью прокурорских "разъяснений", я против "выкорчевывания корней капитализма" на конной тяге, в порядке энтузиазма агентов ГПУ, я - против "перевода" мелкого земледелия на "социалистические" рельсы в течение 1-2 лет" "То, что сейчас происходит, вернее было бы назвать попыткой милитаризации крестьянского труда"³.

Развернутый анализ первого этапа сплошной коллективизации содержался в статье Троцкого "Экономический авантюризм и его опасности", написанной 13 февраля 1930 года. В ней подчеркивалось, что курс на сплошную коллективизацию и раскулачивание "представляет отнюдь не меньшую, в некоторых отношениях более острую опасность, чем вчерашний".

Троцкий напоминал, что в 1925-27 годах левая оппозиция предлагала другой, конструктивный путь - более решительное налоговое обложение верхних слоёв крестьянства в целях уменьшения дифференциации в деревне и ускорения индустриализации. В ответ на это правящая фракция отрицала наличие кулацких накоплений и обвиняла оппозицию в стремлении "огрбить крестьянство". "Кулак тем временем вырос в серьезную величину, повёл за собой середняка и подверг промышленность и города голодной блокаде ... Бюрократии пришлось круто менять политику. Объявлен был крестовый поход против кулака. Те меры, которые накануне предлагала оппозиция для ограничения экс-

¹ Там же. с. 14.

² Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. с. 16-17.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 10. с. 19-20.

плуататорских тенденций, оказались сразу превзойдёнными, когда началась борьба с кулаком за хлеб¹". Поскольку кулак не отделён от середняка какой-либо непроницаемой перегородкой, несогласованные административные удары посыпались не только на кулака, но и на середняка. Крутой и панический поворот политики в деревне привёл к почти полной ликвидации нэпа, т. е. рынка, без которого не может существовать крестьянин как мелкий производитель. Поскольку ворота рынка оказались на замке, крестьяне, и прежде всего их верхние слои, настроившиеся за несколько лет "либеральной" сталинско-бухаринской политики на фермерско-капиталистический лад, внезапно уперлись в тупик. Крестьянство, которое после всего опыта революции не склонно легко вступать на путь гражданской войны за рынок, стало метаться в поисках других путей и "шарахнулось в единственно открытые ворота - коллективизации"².

В момент, когда писалась статья, Троцкий не обладал достаточными сведениями как о масштабах насилия над крестьянством, так и о масштабах ответных антиколхозных выступлений крестьянских масс (все эти сведения тщательно скрывались). Тем не менее он решительно отвергал иллюзии о том, что Сталин, загнавший за несколько месяцев большинство крестьян в колхозы, одержал решающую победу над крестьянством. Троцкий подчеркивал, что форсированная коллективизация, представлявшая грубую эмпирическую попытку спастись от последствий политики 1923-27 годов, приняла эпидемический характер меры отчаяния и предстала перед крестьянством прежде всего в виде экспроприации всего его достояния. Поэтому никакие, даже самые жестокие меры не способны предотвратить социальный взрыв в деревне. Первым предвестником и выражением этого неминуемого взрыва Троцкий считал массовый убой крестьянами скота, ведущий к истощению производительных сил сельского хозяйства.

Освещая альтернативную "сплошной коллективизации" стратегию, выдвигавшуюся левой оппозицией ещё в 20-е годы, Троцкий писал, что она предполагала осуществление коллективизации и тесно сомкнутой с ней механизации сельского хозяйства планомерными и разумными методами, отвечающими материальным ресурсам и возможностям страны. При этих условиях можно было бы добиться за 10-15 лет преобразования материально-технических условий сельского хозяйства и создания тем самым производственной базы коллективизации. В противовес этой стратегии сталинское руководство навязало непосильные для страны темпы коллективизации, которые оно решило обеспечить исключительно административным нажимом на крестьянство. Такой подход чреват громадными опасностями, которые неизбежно обнаружатся уже в ближайшем будущем. Эти опасности проистекают прежде всего из игнорирования материальных, производственно-технических факторов, тесной взаимосвязи между индустриализацией и коллективизацией. "Из крестьянских сох и кляч, хотя бы и объединённых, нельзя создать крупного сельского хозяйства, как из

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. с. 2-3.

² Там же. с. 4.

суммы рыбацких лодок нельзя сделать парохода¹. Поскольку социалистическая коллективизация сельского хозяйства может быть только результатом его механизации, то допустимый размах коллективизации определяется общим объемом индустриализации страны. Даже при условии успешного выполнения пятилетнего плана промышленность сможет к концу пятилетки обеспечить тракторами и другими сельскохозяйственными машинами лишь 20-25 % крестьянских хозяйств. "Это и есть реальные рамки коллективизации. Доколе СССР остается изолированным, индустриализация (механизация, электрификация и пр.) сельского хозяйства могут мыслиться только в перспективе последовательного ряда пятилетних планов"².

Однако в политике сталинского руководства процессы индустриализации и коллективизации оказались совершенно разорванными. Как ни быстро идет развитие советской индустрии, она остается и долго еще останется чрезвычайно отсталой. Высокие темпы роста промышленности исчисляются по отношению к крайне низкому исходному уровню. Исходя из этих посылок, Троцкий резко критиковал Молотова, объяснявшего необходимость сплошной коллективизации более медленным темпом развития сельского хозяйства по сравнению с промышленностью. Называя такое сопоставление темпов экономической безграмотностью, Троцкий указывал, что разрыв между темпами развития государственной промышленности и индивидуального сельского хозяйства обусловлен тем, что промышленность слишком слаба для того, чтобы поднять сельское хозяйство до необходимого технического уровня. Коллективизация сможет привести к росту продукции сельского хозяйства лишь в том случае, если ее темпы будут согласованы с темпами технического переворота в земледелии. В свою очередь "темп такого переворота ограничивается нынешним удельным весом промышленности. С материальными ресурсами последней, отнюдь не с ее отвлеченным статистическим темпом, и должен быть сообразован темп коллективизации"³.

Подчеркивая, что сталинская бюрократия после ряда лет оппортунистической политики переживает период "острого бешенства ультраевизны", Троцкий писал, что из этого никак не следует, будто левая оппозиция "меняется с аппаратом местами" и критикует его справа. Еще более грубой ошибкой было бы считать, что сталинцы взяли на вооружение идеи оппозиции. На деле они, описав за один год дугу в 180 градусов, "упраздняют нэп, т. е. совершают то самое "преступление", в котором заведомо ложно обвиняли нас, и за которое наши друзья и сегодня заполняют тюрьмы и ссылки. Ограничение кулака они заменили административным раскулачиванием, которое они вчера злобно подкидывали нам, и от которого мы с чистой марксистской совестью открещивались"⁴.

Если раньше Сталин фактически поддерживал идеи Бухарина о том, что социализм будет строиться "черепашьим шагом", а кулак будет безболезненно

¹ Там же. с. 3.

² Там же.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 14. с. 37.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. с. 6.

вращать в социализм, то затем он эмпирически шарахнулся в противоположную крайность: "Теперь черепаший темп заменён почти авиационным. Кулак не вращает более в социализм - при таком темпе не вращёшь! - а просто ликвидируется в порядке управления"¹. Внезапно сформулированная "программа скоростной ликвидации кулачества, при помощи коллективизации крестьянских телег, сох и кляч"² представляет "ультралевую карикатуру" на курс, предлагавшийся левой оппозицией в 1925-27 годы.

Таким образом, Троцкий не отказывался от своих прежних оценок, согласно которым индустриализация потребует известной перекачки средств из деревни. Но он считал, что сплошная коллективизация, противоречащая желаниям и воле подавляющего большинства крестьянства, осуществляемая антигуманными насильственными методами, только затормозит развитие индустриализации, поскольку она неизбежно приведет к истощению производственных сил деревни, ухудшению продовольственного снабжения трудящихся города и разрушению социально-политической стабильности общества.

Анализ первого этапа сплошной коллективизации Троцкий завершал прогнозом, согласно которому "после нынешнего необеспеченного наступления последует паническое отступление, стихийное внизу, якобы "маневренное" - наверху ... Непогрешимое руководство обвинит, разумеется, исполнителей в "троцкизме". Ставя вопрос: "Сколько месяцев ещё будет нынешнее руководство подхлестывать партию на путях ультралевизны?", Троцкий отвечал: "Мы думаем, что не долго. Чем более неистовый характер имеет нынешний курс, тем острее и скорее вскроются его противоречия. Тогда, после уже оставленных позади 180 градусов руководство опишет ещё дополнительную дугу, приблизившись по окружности к точке отправления с другого конца"³.

¹ Там же. с. 4.

² Там же.

³ Там же.

XVII

Сталин отступает

Прогноз Троцкого сбылся уже спустя несколько недель. Оказавшись перед лицом многочисленных крестьянских восстаний, ЦК во второй половине февраля дал местным организациям указание ликвидировать спешку при организации колхозов и прекратить раскулачивание в тех районах, где сплошная коллективизация ещё не началась. 2 марта "Правда" опубликовала примерный устав сельскохозяйственной артели, в котором предусматривался отказ от тотального обобществления всего крестьянского скота. В том же номере "Правды" появилась статья Сталина "Головокружение от успехов", свидетельствующая о внезапном "поправении" организатора коллективизации. В статье осуждались "искривления" в проведении коллективизации, главная ответственность за которые возлагалась на местных партийных работников, обвинённых в "головотяпстве".

Убедившись, что развязанная им политическая кампания привела к фронтальному столкновению с широчайшими крестьянскими массами, Сталин осуждал попытки "насаждать колхозы силой" и заявлял, что колхозное движение должно строиться на принципах полной добровольности. Вместе с тем достигнутый к 20 февраля 50-процентный уровень коллективизации крестьянских хозяйств он объявил успехом колхозного движения, доказывающим, что "коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным". Перед местными работниками ставилась задача "закрепить достигнутые успехи и планомерно использовать их для дальнейшего продвижения вперед"¹. Противоречивые положения статьи оставляли открытым основной вопрос, вставший перед партийными организациями: следует ли менять политику в деревне или же "закреплять" её.

Основные выводы статьи получили развитие в опубликованном 15 марта постановлении ЦК "О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении". В нем осуждалось принуждение к вступлению в колхозы под угрозой раскулачивания, в результате чего в число "раскулаченных" попадала часть середняков и даже бедняков, причем в некоторых районах процент раскулаченных доходил до 15, а коллективизация за несколько дней "вырастала" с 10 до 90 %. Осуждались также факты "исключительно грубого, безобразного, преступного обращения с населением", принудительного обобществления жилых построек, мелкого скота, птицы. Постановление предписывало восстановить базары и прекратить сопутствовавшую коллективизаторским акциям "практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения"².

Более откровенно положение в деревне оценивалось в секретном письме ЦК от 2 апреля 1930 года "О задачах колхозного движения в связи с борьбой с

¹ Сталин И. В. Соч. т. 12. с. 191-193.

² КПСС в резолюциях и решениях. т. 5. с. 101-104.

искривлениями партийной линии". В нем прямо говорилось об угрожающем положении, возникшем в связи с массовым повстанческим движением крестьянства, для борьбы с которым пришлось использовать части Красной Армии.

Следствием этих решений стали карательные меры по отношению к организаторам колхозного движения и раскулачивания. Тысячи коммунистов были исключены из партии и отданы под суд фактически за то, что они по прямым указаниям сверху и под угрозой исключения из партии стремились в кратчайшие сроки "наколлективизировать" как можно более высокий процент крестьянских хозяйств. Одновременно была проведена реабилитация части раскулаченных: в некоторых округах было восстановлено больше половины раскулаченных хозяйств. В Казахстане к середине 1930 года было освобождено из заключения 4673 человека, возвращено из ссылки 1160 семей, прекращены судебные дела на 2264 человека, возвращено конфискованное имущество 9533 хозяйствам. Только в девяти районах Хопёрского округа на Дону - первого округа "сплошной коллективизации" в стране было восстановлено 3072 "неправильно раскулаченных" хозяйства бедняков и середняков.

Вспоминая о статье "Головокружение от успехов", Хрущёв писал, что её появлению предшествовала коллективизаторская горячка, подстёгиваемая из центра. "Хотя местный актив с азартом, грубо говоря, со звериным азартом проводил коллективизацию, но он всё же находился под бичом "Правды". Если взять "Правду" за тот период, то она пестрела изо дня в день цифрами (у кого в районе какой процент крестьян уже объединён в колхозы), подхлёстывавшими местные партийные организации. В 1929-1930 годах у меня не было никакого прямого соприкосновения ни с деревней, ни даже с партактивом, который проводил эту кампанию. Я питался данными лишь со страниц "Правды" и радовался ... А когда разразился гром - письмо "Головокружение от успехов", я был несколько смущен: как же так, всё было хорошо, а потом вдруг такое письмо? Но стало ясно, что это было необходимо, потому что угроза назревала или даже уже назрела. Уже вспыхивали отдельные восстания крестьян и назревали ещё более крупные". Ретроспективно оценивая смысл статьи "Головокружение от успехов", Хрущёв писал, что Сталин "лбом ударился о стену и не смог прошибить её, из-за чего вынужден был отступить. Но, отступая, свалил свою вину на других, и это очень дорого обошлось тем людям"¹.

Выводы, к которым Хрущёв пришёл лишь в 60-х годах, многими большевиками были сделаны уже по свежим следам коллективизации. В "Рютинской платформе" статья "Головокружение от успехов" расценивалась как классический пример "сталинского приема сваливания своих преступлений на других". "Общезвестно, - говорилось в этом документе, - что коллективизация примерно уже с конца 1928 года начала проводиться методами прямого и косвенного принуждения, а в дальнейшем - 1929-1930 гг. - и прямого насилия ... Официальные постановления ЦК о "добровольном вступлении в колхозы" стали только обычным фарисейским, лицемерным прикрытием для прямо противоположной практики коллективизации". В платформе подчеркивалось, что Сталин обладал достаточной информацией о методах, которыми осуществля-

¹ Вопросы истории. 1990. № 3. с. 60.

лась коллективизация. Но он продолжал "играть "ва-банк" и самым бесстыдным образом фальсифицировать в газетах, прежде всего в "Правде" - его личном непосредственном рупоре - фактическое положение вещей". Когда же весной 1930 года по всей стране прошла волна невиданных в истории крестьянских восстаний и он почувствовал, что почва под его ногами горит, то вместо честного признания провала своей политики и изменения курса "он пошёл на трюк. Этим трюком и явилась его статья "Головокружение от успехов" ... В результате этой статьи ... местные работники были брошены в жертву обозлённым массам деревни, для того чтобы отвлечь внимание от действительного виновника, а Сталин выступил перед мужиками в роли спасителя от "местных головотяпов"¹.

Как и следовало ожидать, сразу же после появления статьи "Головокружение от успехов" массовый прилив в колхозы сменился столь же массовым отливом. В результате того, что поспешно организованные колхозы распускались весной, когда начинался сев, уже летом 1930 года во многих сельских местностях возник голод. Вспоминая это время, Хрущёв писал, что он был послан в подшефный Промакадемии колхоз для передачи ему денег на покупку сельхозинвентаря. Только в ходе этой поездки он узнал о действительном положении на селе. "Раньше я себе его практически не представлял, потому что жили мы в Промышленной академии изолированно и чем дышала деревня не знали. Приехали мы туда и встретили буквально голод. Люди от недоедания передвигались, как осенние мухи ... Они все в один голос просили нас, чтобы мы им дали хлеба, а машины произвели на них мало впечатления: люди буквально голодали, я такое впервые увидел"².

После появления статьи "Головокружение от успехов" в ЦК и лично Сталину стали направляться многочисленные письма с вопросами о том, какова теперь ориентация политики в области колхозного движения. 3 апреля Сталин опубликовал статью "Ответ товарищам колхозникам", в которой пространно рассуждал о том, что новые установки нельзя рассматривать как отступление партии, и вновь возлагал ответственность за "перегибы" на местных партийных работников, заявляя, что "трудно остановить во время бешеного бега и повернуть на правильный путь людей, несущихся стрелой к пропасти"³.

Для возвращения крестьян в колхозы Сталин прибегнул к новому, на этот раз "экономическому" маневру. Он сообщил, что "на днях" принято решение на два года освободить от налогового обложения скот и пшеницу, находящиеся в индивидуальном владении колхозников, снять все наложенные на них штрафы и судебные взыскания и отсрочить уплату ими задолженности по кредитам. Однако ушедшие из колхозов крестьяне всех этих льгот не получают, а приобретут право на них только после возвращения в колхозы⁴.

Новые сталинские маневры были немедленно разоблачены на страницах "Бюллетеня оппозиции". В письме группы оппозиционеров подчеркивалось,

¹ Реабилитация. с. 346-347.

² Вопросы истории. 1990. № 2. с. 96.

³ Сталин И. В. Соч. т. 12. с. 213.

⁴ См. там же. с. 222-223.

что "жизнь скоро доказала банкротство политики авантюры. Вчерашняя генеральная линия на скорейшую коллективизацию объявлена левым загибом головоотяпов. Поворот очень туманный, поэтому оценить его пока ещё трудно. Во всяком случае: 1) Банкротство не признается. 2) Лозунг сплошной коллективизации и ликвидации кулака оставлен ... Пока ясно только, что последние статьи Сталина и решение ЦК о перегибах внесли в партию ещё больше дезорганизации"¹.

В других письмах описывались разрушительные последствия, к которым привели несколько месяцев коллективизаторского иступления: "Сплошная коллективизация не только не повысила товарность сельскохозяйственных продуктов, но ударила по ней так, что от неё ничего не осталось. Города сидят без масла, мяса, яиц, картошки и даже столицы перешли на микроскопический паек". Ещё более тяжкие страдания выпали на долю деревни. "То, что пишут о происходящих в ряде мест искривлениях деревенской политики, есть на деле общее правило. Обезьяна не узнает себя в зеркале. Наш округ сплошной коллективизации не отличается от других. Здесь обобществили всё до последнего цыпленка, раскулачивали вплоть до валенок, которые стаскивали с ног малых детишек"².

Один из оппозиционеров выразительно описывал свою беседу с коммунистом, который до того времени никогда не решался критиковать "генеральную линию" даже в личных разговорах:

"- Как живёте, - спрашиваю я его. - Вы плохо выглядите, у Вас усталый вид.

- Ещё бы. Вы бы тоже плохо выглядели, если б побывали, как я, в течение ряда месяцев в деревне ... Скажу Вам напрямик: если б буржуазия нас послала в качестве вредителей, она бы действовала не лучше Сталина. Можно подумать что мы находимся перед колоссальной провокацией ...

И он начал рассказывать мне о подвигах, совершенных в течение знаменитого периода "головокружений". Я этого не повторяю, потому что картина была одна и та же повсюду"³.

Ещё в одном письме описывались методы, которые применялись к крестьянам, отказывавшимся вступать в колхозы: одновременное взимание всех платежей, ранее выплачивавшихся в течение ряда месяцев; обложение разорительными штрафами за пустяковые провинности; устройство неоднократных изнурительных ночных собраний с записью в колхоз, на которых у дверей ставилась охрана; опись имущества у многих середняков, что означало угрозу "раскулачивания". "Это были не "перегибы", - подчеркивал автор письма, - а повсеместно официально освященные методы коллективизации". Столь же резко оценивалась в письме организация и оплата труда в только что организованных колхозах, воспринимаемая крестьянами как "новая барщина" и вызывающая у них "лютую ненависть к такому подневольному, неоплачиваемому труду ... такие условия труда являются правилом, а не исключением, и вся-

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 11. с. 33.

² Там же.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 17-18. с. 38.

кий протест против них объявляется кулацкой вылазкой. Создается впечатление, точно кто-то обдуманно, последовательно проводит целую систему мероприятий, чтоб раз навсегда дискредитировать самую идею колхозов в глазах крестьян. Мне кажется, что это уже в значительной степени достигнуто. Неудивительно, что с появлением статьи Сталина "Головокружение", воспроизводящей классическую практику: отыгрываться на "стрелочнике", начался распад колхозов ... В отношении выходов из колхозов впереди прочих групп идут бедняки и маломощные середняки, которые не могут долго выдержать практику неоплаченного труда. Зажиточные середняки не спешат с выходом, смотря на колхоз, как на страховку от непосильных налогов и опасаясь нового нажима на верхи деревни"¹.

В присланной из сибирской ссылки статьи Ф. Дингельштедта, члена партии с 1910 года, обзор сталинской политики в деревне заканчивался выводом: "Сплошная коллективизация, проводившаяся методами Пришибеевых, ввергла народное хозяйство в состояние давно не бывалой разрухи: точно прокатилась трёхлетняя война, захватившая целые села, районы и округа"².

Развернутый анализ и оценка принудительной коллективизации содержались в "Обращении оппозиции большевиков-ленинцев в ЦК, ЦКК ВКП(б) и ко всем членам ВКП(б)" (апрель 1930 года). В этом документе, подписанном Раковским, В. Косиором, Мураловым и Каспаровой, указывалось, что в 1928-29 годах оппозиция неизменно выступала против применения чрезвычайных мер. "Правильность этой критики нашла новое подтверждение в том хозяйственном и политическом кризисе, последствия которого ещё впереди и который был вызван политикой сплошной коллективизации и её шумным и печальным провалом ... Как только в печать проникли сведения о сплошной коллективизации, мы - большевики-ленинцы и в том числе Л. Д. Троцкий указывали ещё в декабре и январе на гнилость и вредность этого лозунга ... События и здесь оправдали наш прогноз, и скорее, чем мы могли ожидать".

Авторы "Обращения" отмечали, что сама директива о сплошной коллективизации, "безразлично, назначается ли для этого срок в 15 лет, как это было в начале, или в 1 год, как сделали потом", - является грубейшим отклонением от социализма и величайшей экономической нелепостью. Такой же нелепостью они называли "декретное упразднение кулака, как класса, и упразднение нэпа"³.

В "Обращении" подчеркивалось, что попытка взвалить провал сплошной коллективизации на беспринципность и политическое убожество местных аппаратчиков представляет фактическое признание провала партийного руководства, поскольку именно на нем лежит ответственность за качество аппарата. ЦК имел все возможности предупредить насилие в деревне. Однако он не обмолвился ни словом об этой опасности ни в резолюции ноябрьского пленума 1929 года о колхозном строительстве, ни тогда, когда отовсюду стали по-

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 11. с. 32.

² Бюллетень оппозиции. 1930. № 12-13. с. 18.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 17-18. с. 12-13.

ступать сообщения о безобразиях, творящихся на селе. "Перегибы" были осуждены лишь тогда, когда наметился срыв посевной кампании.

Расценивая постановление ЦК от 15 марта как фактическое признание поражения, грозящего перерасти в катастрофу, авторы "Обращения" подчеркивали, что "партия и коммунизм за это поражение не несут никакой ответственности, ибо *сплошная* коллективизация была предпринята в нарушение программы партии, в нарушение самых элементарных принципов марксизма, в пренебрежение к самым элементарным предостережениям Ленина в вопросе о коллективизации, и о середнячестве, и о нэпе. Тем не менее и партия, и коммунизм получили жесточайший урок в результате центристской ультралевизны"¹. Этот ультралевый курс был продиктован корыстными интересами правящего слоя, поскольку сплошная коллективизация, неизбежно увеличивающая число "надсмотрщиков" над крестьянами, "расширила бы армию бюрократии, увеличила бы её долю в национальном доходе, укрепила бы её власть над массами"².

В "Обращении" указывалось, что фактический срыв коллективизации обусловлен бюрократической системой управления, при которой власть рабочего класса и партии оказалась узурпированной "чиновниками, превратившимися в обособленное правящее сословие". Этот срыв выразился прежде всего в изменении отношения крестьян к партии, олицетворяемой в их глазах аппаратом, "из уст которого сыплется угроз больше, чем слов, который действует при помощи насилия и произвола, и по поводу которого ещё Ленин говорил, что он унижает советских граждан. Вместо того примера, о котором говорил Ленин, и о котором говорит программа партии, - живого примера, который должен был бы убедить середняка в выгодности колхоза, ему преподносят мышеловку. На такую коллективизацию он ответил своими обычными способами: забастовкой, активной и пассивной или же вхождением в колхоз, чтобы взорвать его изнутри техническим саморазрушением (уничтожение скота и пр.)"³.

Восстановление доверия крестьянства к партии может быть достигнуто только на путях восстановления законности, советской и партийной демократии, без которых "всякие исправления неизбежно превратятся в искривления. Лишь революционный контроль масс в состоянии держать в подчинении аппарат"⁴.

Приведённые выше документы позволяют понять, почему Сталина в период проведения принудительной коллективизации беспокоили в первую очередь не "правые", ещё остававшиеся в составе ЦК, но уже полностью сломленные и неспособные к какому-либо сопротивлению, а интернированный на Принцевых островах Троцкий и томившиеся в ссылке и политизоляторах его единомышленники, продолжавшие политическую деятельность с помощью единственно сохранявшихся в их распоряжении идейных методов. "Бюллетень оппозиции" неведомыми для ГПУ путями переправлялся в СССР и читался

¹ Там же. с. 12.

² Там же. с. 16.

³ Там же. с. 12, 18.

⁴ Там же. с. 19.

многими коммунистами. Его приходилось рассылать партийной верхушке, прежде всего членам Политбюро, из которых ещё не все были готовы беспрекословно следовать за Сталиным в его авантюристических поворотах. Поэтому Сталин был вынужден сохранять видимость идейной борьбы с "троцкизмом", допускать публикацию в официальной советской печати выдержек из работ Троцкого и других лидеров левой оппозиции, разумеется, в сопровождении грубо тенденциозных комментариев. Правда, сам Сталин, как правило, уклонялся от прямой полемики с Троцким и его единомышленниками. Эту работу он возложил на своих многочисленных идеологических помощников, среди которых ведущую роль играл Е. Ярославский.

30 марта в "Правде" была опубликована статья Ярославского "Слева направо", в которой критика Троцким сплошной коллективизации трактовалась как переход на позиции социал-демократии. На эту статью Троцкий ответил статьей "Скрип в аппарате" (написана 13 апреля 1930 г.), в которой он давал оценку вынужденному отступлению Сталина, приведшему к тому времени к снижению доли коллективизированных крестьянских хозяйств с 60 до 40 процентов. "Мы нисколько не сомневаемся, - писал Троцкий, - что ему придётся - всегда в хвосте реального процесса - отступить ещё на солидное количество процентов^{1*}. В предвидении этого мы, уже несколько месяцев тому назад, т. е. в самый разгар коллективизаторского исступления, предупреждали против последствий бюрократического авантюризма. Если бы партия читала наши предупреждения в подлинном виде, а не в запоздалых извращениях Ярославского, многие ошибки были бы если не избегнуты, то чрезвычайно смягчены"².

В статье "Скрип в аппарате" Троцкий развивал свой тезис, расценённый Ярославским как "сплошное ренегатство", - о том, что среднее крестьянство колеблется между коллективизацией и гражданской войной. Ссылаясь на сообщения советской печати о массовом уничтожении и распродаже крестьянами своего скота и сельскохозяйственного инвентаря, он характеризовал этот процесс как закономерную реакцию на упразднение нэпа и принудительную коллективизацию, как "тихую, саботажную форму гражданской войны. В этом острота положения и его опасность, которая удесятрывается, если её своевременно не понять"³.

Опираясь на анализ первых уроков сплошной коллективизации, Троцкий вновь характеризовал свое отношение к крестьянству. Непосредственным поводом для этого послужило утверждение Ярославского о том, что Троцкий, якобы всегда считавший крестьянство враждебной социализму силой, не может представить его иначе, как быдло, как скот, который "шарахается" в открытые ворота коллективизации. "Крестьянство со скотом я не сравнивал, - отвечал на это Троцкий. - ... Крестьянство враждебной силой я не считал никогда. Но не считал его и сознательной социалистической силой". Такого взгляда на крестьянство придерживались Маркс и Энгельс, писавшие об идиотизме

¹ В конце 1930 года в колхозах осталось немногим более одной пятой крестьянских хозяйств.

² Бюллетень оппозиции. 1930. № 11. с. 14.

³ Там же. с. 13.

деревенской жизни. Из этих слов народники в свое время выводили мнимую враждебность марксистов к крестьянству. На деле же эти слова лишь фиксировали отличительные признаки крестьянства (каким оно было в Европе в XIX веке и каким оно сохранилось в СССР к началу коллективизации): ужасающую раздробленность и страшно сильную зависимость от природной стихии. Из этих черт вытекает противоречивость социального положения и психологии крестьянства. "Насколько крестьянин реалист в вопросах своего окружения, настолько он становится жертвой слепого инстинкта в больших вопросах. Вся история крестьянства состоит в том, что оно, после десятилетий или столетий тяжелой неподвижности, шарахалось то в одну, то в другую сторону ... Чтобы освободить крестьянина от давящих его сознание стихийных сил, нужно его раскрестьянить. В этом и есть задача социализма. Но разрешается она не формальной коллективизацией, а революцией сельскохозяйственной техники"¹.

В приведённых положениях особого внимания заслуживает тезис о "раскрестьянивании". В последние годы многие публицисты широко использовали это понятие, понимая под ним утрату крестьянином чувства хозяина земли и производимой им продукции.

У Троцкого понятие "раскрестьянивания" имело принципиально иной смысл. Под "раскрестьяниванием" он понимал освобождение крестьянства от социальной беспомощности перед лицом стихийных сил природы. В этом смысле "раскрестьянивание" ныне уже произошло в передовых капиталистических странах. Современный капиталистический фермер, обладающий образованием, как правило, не ниже среднего специального, использующий новейшую технику и высшие достижения биотехнологической революции, вовлечённый в многообразные кооперативные связи, поддерживаемый государственными субсидиями, окружённый развитой производственной и социальной инфраструктурой, - такой фермер разительно отличается своим социальным обликом, образом жизни и характером труда от западноевропейского крестьянина XIX века или русского крестьянина 20-х годов, живших, по выражению Г. Успенского, "под властью земли". Процессу "раскрестьянивания", сопровождавшемуся неуклонным уменьшением численности и доли лиц, занятых в сельском хозяйстве (до 3-5 % в настоящее время в передовых капиталистических странах), при капитализме сопутствовали пауперизация и разорение множества крестьянских хозяйств. Троцкий считал, что в условиях социалистического строительства этот процесс может принять намного менее болезненные для миллионов крестьян формы. Причину прямо противоположного эффекта сталинской коллективизации он усматривал в том, что вместо добровольной и постепенной коллективизации, неразрывно сомкнутой с индустриализацией сельского хозяйства, бюрократия избрала утопически-реакционный путь скоропалительного и принудительного создания "крупных коллективных хозяйств без той технической основы, которая только и могла бы обеспечить их перевес над мелкими". Неизбежные на этом пути "крутые повороты, затрагивающие основы жизни 25 миллионов крестьянских хозяйств и бессмысленно

¹ Там же. с. 17.

дергающие их на протяжении года влево и вправо, не могут пройти бесследно для партии. Центристское короткомыслие и бюрократический авантюризм выйдут из этого опыта глубоко скомпрометированными¹.

Уже в начале 30-х годов Троцкий предвидел, что даже при "успешном" завершении сплошной коллективизации труд в колхозах на протяжении длительного времени будет менее производительным и эффективным, чем труд в мелкотоварном крестьянском хозяйстве. Опасность коллективизации, подстегиваемой "тремя кнутаами бюрократии", состоит в том, что "при искусственном, т. е. преждевременном создании больших колхозов, где труд отдельного крестьянина утопает в труде десятков и сотен других крестьян, применяющих тот же индивидуальный инвентарь, обработка земли, вследствие утраты личного стимула, может оказаться ниже, чем даже в индивидуальных крестьянских хозяйствах". Эта опасность усугубляется тем, что "колхоз, не оправдываемый своей технической базой, неизбежно создает паразитарную хозяйственную бюрократию, худшую из всех. Крестьянин, который являлся в истории не раз пассивной опорой всяких видов бюрократизма в области государственного управления, совершенно не выносит бюрократизма в непосредственно хозяйственной области. Этого не надо забывать².

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 10. с. 3-4.

² Бюллетень оппозиции. 1930. № 11. с. 6-7.

XVIII

XVI Съезд.

"Добивание" "правых"

В июле 1930 года в обстановке массового отлива крестьян из колхозов, крайнего напряжения народного хозяйства и резкого падения жизненного уровня в городе и деревне открылся XVI съезд партии.

В преддверии съезда в среде "правых" вынашивалась мысль об осуществлении "дворцового переворота" против Сталина, но их лидеры на нелегальных фракционных совещаниях решительно отвергли этот путь. По свидетельству Авторханова, накануне съезда собралась группа "активистов", давно уже требовавших от своих вождей энергичных действий по свержению Сталина. Ссылаясь на банкротство сталинской политики и крестьянские бунты, они прямо поставили перед приглашённым на собрание Бухариным вопрос: "Когда жизнь подтвердила ваши самые мрачные прогнозы во всех отраслях внутренней политики, а крестьяне, доведённые до отчаяния, проголосовали за вас своей кровью, неужели после всего этого вы собираетесь на XVI съезде голосовать за Сталина?". Бухарин уклончиво ответил, что атаки против сталинцев сверху не увенчались успехом, поэтому линия партии может быть выправлена только снизу. Один из "активистов" на это заявил, что против аппарата бессильны членские билеты низов, следовательно, в арсенале средств борьбы остается только "хирургия". В ответ Бухарин стал пространно рассуждать, что идеалы социализма и социальной справедливости, во имя которых была совершена революция, не могут быть принесены в жертву межгрупповой борьбе в верхах партии. Закончил же он свое выступление софизмом: "Неумелое управление великолепной машиной вовсе не говорит о пороках самой машины. Нелепо разбивать эту машину, лишь бы убраться водителю"¹.

Несмотря на фактический отход "тройки" от политической борьбы, Сталину не удалось избежать предсъездовской дискуссии, которая в некоторых партийных организациях переросла в поддержку "правых". Так было, например, в Промакадемии, где партийная ячейка возглавлялась представителями "старой гвардии", занимавшими антисталинскую позицию². Этой группе противостояла находившаяся в меньшинстве группа молодых партийцев, "стоявших на позициях Центрального Комитета", к которой принадлежал Хрущёв. Острота борьбы выразилась, в частности, в том, что Хрущёва несколько раз проваливали на выборах в президиум партийных собраний и в бюро партийной ячейки. Несмотря на ряд выступлений "Правды" о "засилии правых" в Промакадемии, на её партийном собрании делегатами на районную конференцию наряду со

¹ Авторханов А. Технология власти. с. 180-181.

² В 1933 году Угланов в заявлении, направленном в ЦКК, писал: "Весь 1929 г. мы пытаемся организовывать кадры своих сторонников и производить выступления против ЦК. Особенно усиленно мы напирали на закрепление правой оппозиции в Промакадемии" (Неизвестная Россия. XX век. М. 1992. с. 61).

Сталиным были избраны Бухарин и Рыков. После этого Мехлис вызвал Хрущёва в "Правду" и предложил ему подписать подготовленную в редакции статью с критикой "нездоровой обстановки" в парторганизацию Промакадемии. На следующий день после выхода статьи состоялось новое партийное собрание, на котором были отозваны все избранные ранее делегаты, кроме Сталина, а на районную конференцию были избраны "сторонники генеральной линии", в том числе Хрущёв, ставший секретарем партийной организации академии. На районной конференции Хрущёв заявил, что "избрание "правых"- улровка бывшего партийного руководства академии, которое сочувствовало "правым", а теперь лишено доверия и переизбрано"¹. Эти события определили дальнейшую судьбу Хрущёва. Уже в январе 1931 года он был избран секретарем Бауманского райкома партии, вслед за чем началось его быстрое восхождение по ступеням партийной иерархии.

Хрущёв вспоминал также о том, что предсъездовская Бауманская районная конференция проходила очень бурно. На ней выступила Н. К. Крупская, чья речь прозвучала "не в такт генеральной линии партии", за что конференция осудила её выступление².

Немало писем с осуждением Сталина приходило в редакцию "Правды". Большинство из них, разумеется, клалось под сукно. Однако отдельные письма с протестом против возложения вины за "перегибы" на "стрелочников" всё же появились на страницах "Правды". Так, в статье Мамаева говорилось: "У кого же закружилась голова?.. Постановляем одно, а на деле проводим другое. Так нечего наводить тень на ясный день. Надо сказать о своих собственных прострелах и не учить этому низовую партийную массу ... Выходит, "царь хорош, а чиновники на местах негодные ... " Надо под ленинским микроскопом проверить причины перегибов и не карать за них покорных исполнителей - сельских коммунистов"³.

Однако такого рода настроения не нашли отражения на самом съезде, который, как это будет свойственно и всем последующим партийным съездам, отличался крайне мажорной тональностью. В такой тональности было выдержано, в частности, выступление старейшего партийного историка М. Покровского, который расценивал форсированную индустриализацию и коллективизацию как показатель "вступления страны в социализм". "В 1921 году приходилось слышать прогноз: "О, ещё на 25 лет нам хватит промежуточного положения, ещё через 25 лет будем строить социализм", - говорил он. - Тогда думалось: нам до этого не дожить. Дожили ... Не знаю, имею ли я на это достаточно полномочий, но я хотел бы от лица всего моего поколения выразить благодарность всем, кто строит социализм (Кржижановский: Можете, можете! Продолжительные бурные аплодисменты)"⁴.

¹ Вопросы истории. 1990. № 2. с. 98.

² Там же.

³ Правда. 1930. 9 июня.

⁴ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1930. с. 248.

В отчётном докладе Сталина говорилось о "гигантских успехах" индустриализации и коллективизации, о правильности и победе "генеральной линии партии". При этом, как указывалось в "Рютинской платформе", Сталин умалчивал о двух решающих фактах, сводящих на нет все его парадные реляции. Во-первых, он "скрыл от партии, что в это время вся текстильная промышленность с 600 тыс. рабочих из-за отсутствия сырья стояла целиком 4 месяца, ряд других отраслей лёгкой промышленности, а также сотни предприятий тяжёлой работали на 2/3 и даже на половину"¹. Во-вторых, он не обмолвился ни словом о только что прошедшей по всей стране волне невиданных доселе крестьянских восстаний.

По накалённости критики оппозиции XVI съезд крайне походил на предыдущий съезд, с той лишь разницей, что теперь шла речь не о "добывании" оформленной оппозиции, продолжавшей отстаивать свои взгляды, а о добывании "уклонистов", из которых ни один не произнёс ни слова в защиту своих взглядов и тем более - не посмел критиковать авантюристический сталинский курс, принявший особенно опасные формы и масштабы после капитуляции бухаринской группы.

При обсуждении политического отчёта ЦК главное внимание уделялось не анализу чрезвычайно обострившихся экономических и социально-политических проблем, а безудержным нападкам на лидеров "правой оппозиции". Киров требовал, чтобы они признали свою платформу "кулацкой программой", ведущей к гибели социалистического строительства, и заявлял, что "каждый лишний процент темпа в нашей индустриализации, каждый лишний колхоз - всё это было достигнуто не только в борьбе с кулаком и прочими контрреволюционными элементами в нашей стране, это было достигнуто в борьбе против гг. Бухарина, Рыкова, Томского и Угланова"². "Нельзя, товарищи, без содрогания подумать о том, что было бы с пролетарской революцией, с рабочим классом, если бы линия правых победила"³, - патетически восклицал Косарев. "Вы покаялись на ноябрьском пленуме, покаялись вчера, а сверх того ничего больше вами не было сделано", - упрекал "правых" Рудзутак. Он же впервые публично сообщил на съезде о переговорах между Бухариным и Каменевым, охарактеризовав их как "заговор против ЦК"⁴.

Вконец деморализованные "правые" как бы соревновались друг с другом в признании своих "ошибок", пытаясь опровергнуть лишь наиболее одиозные обвинения. Отрицая наличие "фракции" у правых, Томский тем не менее признавал, что их деятельность несла в себе "зародыши фракционности": "Как же иначе?.. Совместные документы со своей особой линией, совместные формулировки, совместные совещания по кругу определённых вопросов, - конечно, тут уже есть налицо элементы фракционности". В ответ на требование покаяться Томский заявил, что "покаяние" - не большевистский термин, и с горечью произнес: "Трудновато быть в роли непрерывно кающегося человека. У

¹ Реабилитация. с. 345.

² XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). с. 159.

³ Там же. с. 194.

⁴ Там же. с. 203.

некоторых товарищей есть такие настроения - кайся, кайся без конца и только кайся ... Дайте же немного поработать"¹.

Лидерам "правой оппозиции" пришлось в полной мере ощутить на себе те приемы, которые они вместе со Сталиным использовали против прежних оппозиций. Для доказательства их "фракционной деятельности" приводились сведения, полученные путём доносов. Бывший член МК М. Пеньков подробно рассказал о "фракционной работе" в Московской организации, утверждая, что "вожди правой оппозиции нас подталкивали, чтобы мы поскорее развернули свою работу, поскорее мобилизовали партийные организации, партийные и рабочие массы. Отдельных товарищей направляли для обработки к т. Бухарину с тем, чтобы эта оппозиционная работа была более плодотворной"².

В орготчёте ЦК Каганович заявил, что "Угланов до сих пор ещё работает против ЦК ... до сих пор ещё обрабатывает людей тишком, тайком, против ЦК партии"³. В ответ на это обвинение Угланов на следующий день "совершенно откровенно" признал, что за последние месяцы у него вновь возникли серьезные сомнения в правильности политики в деревне, которыми он поделился с некоторыми товарищами. Поскольку Угланов умолчал о наиболее "криминальном" моменте этих бесед, на него посыпались новые обвинения в недоговорённости его признаний. После этого Угланов направил заявление в Президиум съезда, в котором говорилось: "В борьбе против линии партии я пытался в разговорах со многими членами партии представить главным виновником создавшегося положения в партии т. Сталина. Я считаю это своей тяжёлой ошибкой. Тов. Сталин показал в своем руководстве партией, что он заслуженно является вождем партии"⁴.

Если на XV съезде реплики с мест во время выступлений оппозиционеров преследовали цель помешать им высказать свои аргументы, то теперь такие реплики бросались с целью добиться от "правых" ещё большего унижения. Так происходило не только во время речей Рыкова, Томского и Угланова (Бухарин отсутствовал на съезде по болезни), но и во время речи Крупской, которую не раз прерывали выкриками: "Насчёт Рыкова и Томского", "Мало, скажите точнее", "Не ясно", "Крайне недостаточно"⁵.

Ближайшие соратники Сталина не раз варьировали в своих выступлениях мысль Микояна о том, что правых "мало били"⁶. Ворошилов говорил даже об "ангельском терпении, проявленном всеми членами Политбюро в отношении Бухарина, Томского и Рыкова", которое "впрямую не пошло", и уверял, что "Ленин имел в сотни раз большую жёсткость и крепость руки, чем Сталин, которого сплошь и рядом обвиняют в жёсткости"⁷.

¹ Там же. с. 144, 148.

² Там же. с. 363.

³ Там же. с. 90.

⁴ Там же. с. 745.

⁵ Там же. с. 213.

⁶ Там же. с. 256.

⁷ Там же. с. 288.

Поскольку "правые" под угрозой ещё более свирепой травли не могли ответить по существу ни на одно обвинение в свой адрес, им приходилось молча выслушивать самые фантастические и противоречащие друг другу версии по поводу эволюции их взглядов. Так, Ворошилов объяснял их "грехопадение" не протестом против разрыва сталинской группы с прежней политикой, проводимой совместно с бухаринцами, а тем, что "дерясь с Троцким-Зиновьевым, правые думали, что вся ленинская партия приняла открыто правую программу, что она после разгрома "левых" оппортунистов пойдет по новому - правому пути ... Буквально на второй день после XV съезда Рыков, Томский и Бухарин показали свое истинное лицо, начали на наших глазах праветь и выступать против политики ЦК (особенно по вопросу хлебозаготовок)"¹.

В противоположность этой версии о "поправении" бухаринской группы Покровский заявлял, что "правый уклон - это есть мировоззрение, которое мы можем проследить даже в нашей литературе очень глубоко". Он упрекал Бухарина и его учеников в том, что с 1924 года они доказывали, будто "нашему крестьянину не свойственно чувство собственности, что он никогда не владел землей, что он, кратко говоря, без пяти минут социалист, к чему тогда коллективизация, он сам вращет"². Маститый историк не считал нужным объяснить, почему в этом случае подобные взгляды на протяжении пяти лет, предшествовавших "великому перелому", составляли теоретическое кредо руководства партии, а "бухаринская школа" находилась под его защитой от критики со стороны левой оппозиции

В целом выступавшие на XVI съезде мало заботились о логической непротиворечивости аргументов. Любой аргумент оказывался пригодным, если с его помощью можно было больнее ударить по уже капитулировавшей оппозиции. Абсолютное единство проявлялось лишь в "защите" Сталина от обвинений, которые распространялись в среде "правых".

Ярославский обличал Бухарина и его сторонников в том, что они "систематически изо дня в день дискредитируют т. Сталина"³. Впервые обнародовав положение из февральской декларации "тройки", содержащее протест против того, чтобы "контроль со стороны коллектива заменялся контролем со стороны лица, хотя бы и авторитетного", Рудзутак заявлял, что в этом положении "имеется не только протест против существующего в партии режима, но имеется ... прямая клевета на т. Сталина, против которого пытаются выдвинуть обвинение в попытках единоличного руководства нашей партией. Я, как член ЦК, попутно должен сказать здесь, что за всё время нашей совместной с т. Сталиным работы в ЦК мы не можем привести ни одного примера, ни одного случая, чтобы он свою волю и свое мнение пытался противопоставить мнению большинства ЦК, мнению коллектива"⁴.

В критике правыми Сталина усматривалось свидетельство их перехода на позиции Троцкого. "Вы помните, - говорил Орджоникидзе, - как Троцкий тра-

¹ Там же. с. 288-289.

² Там же. с. 246.

³ Там же. с. 254.

⁴ Там же. с. 202.

вил Сталина. Буквально всё сводилось к тому, что во всех разногласиях, во всей борьбе виноват Сталин ... Что продельвали правые в этом отношении? Я не буду приводить цитат, но скажу - буквально так же, в тех же самых словах, - они обрушивались на т. Сталина, как в свое время обрушивался Троцкий". "Наша партия и рабочий класс, - продолжал Орджоникидзе, - вполне правильно отождествляют т. Сталина с генеральной линией нашей партии, ведущей СССР от победы к победам. Именно за это партия с таким воодушевлением и восторгом встречает т. Сталина (Аплодисменты). Это не понимают ни Троцкий, ни Бухарин, ни Рыков и ни Томский"¹.

Напомним, что Зиновьев и Каменев "начали с обвинений ЦК и т. Сталина в полутроцкизме, а окончили амнистией, блоком с Троцким для борьбы против партии, против ЦК", Постышев высказал предположение, "не означает ли молчание правых по вопросу о капитулянтской платформе Троцкого по сути дела своеобразную амнистию Троцкому для заключения блока с ним?"². В этих и подобных им выступлениях критика Сталина отождествлялась с критикой ЦК и "генеральной линии партии" и одновременно закреплялся концентрированный "образ врага" - Троцкого и "троцкизма", к которым подверстывались все оппозиционные элементы партии. Отработанная уже в 20-е годы тактика создания этого "образа врага" позволяла скрывать реальные социально-экономические проблемы за грубой политической бранью.

Хотя на XVI съезде выступления не завершались здравицами в честь Сталина (это произойдет на следующем съезде), но большинство приветствий и рапортов съезду, составленных услужливыми аппаратчиками, включали не применявшуюся на предыдущих съездах формулу о Сталине как "вожде партии".

Еще одной новацией, опробованной на XVI съезде, явилась раздача делегатам добытых ГПУ признательных показаний арестованных "вредителей" из числа беспартийных ученых и инженеров. Эти показания цитировались в ряде выступлений для доказательства того, что "все специалисты жадно прислушивались ко всяким разногласиям в партии и независимо от того, какой уклон имела оппозиция, всегда желали ей успеха".

На XVI съезде ярко проступила линия на "закручивание гаек" по всему "идеологическому фронту". Так, Каганович высказывал возмущение по поводу публикации семи книг "философа-мракобеса" Лосева и особенно "последней книги этого реакционера и черносотенца" "Диалектика мифа"³ (К этому времени Лосев уже находился в Соловецком лагере). Обвинение Лосева в "откровенно черносотенных монархических высказываниях" было повторено писателем Киршоном. Он же обвинил литературную группировку "Перевал" в том, что она "в ответ на лозунг ликвидации кулачества как класса выдвигает лозунг гуманизма и человеколюбия"⁴.

¹ Там же. с. 325.

² Там же. с. 109.

³ Там же. с. 326.

⁴ Там же. с. 75, 279.

Политический смысл XVI съезда был раскрыт в статье Х. Раковского "На съезде и в стране", написанной в июле-августе 1930 года. "Задача XVI съезда, - писал Раковский, - заключалась в том, чтобы своим авторитетом закрепить организованные "достижения" сталинской фракции, закрепить аппарат над партией, сталинскую группу над аппаратом и самого Сталина, как признанного вождя, который венчает всю аппаратную махину, удобно обосновавшуюся на шее партии ... Этот съезд явился одним из важнейших этапов по пути дальнейшей (если это только возможно) бонапартизации партии. От решения политических вопросов устранена уже не только партия, но оно не доверяется уже и тщательно профильтрованному и подобранному съезду. Безоговорочное одобрение задним числом лишённой всякого конкретного содержания генеральной линии не может означать ничего иного, как столь же безоговорочного одобрения наперед любой политики, любого поворота в любую сторону"¹. Как показал весь последующий опыт развития страны, подобное слепое одобрение общих "линий" ("построения коммунизма в 20 лет" при Хрущёве, "совершенствования развитого социализма" при Брежнев, горбачевской "перестройки" или ельцинского "курса на реформы") выступало социально-психологическим механизмом утверждения авторитарной власти, имеющей тенденцию к перерастанию в тоталитаризм, диктаторские формы правления.

Раковский отмечал, что для будущего историка лучшей иллюстрацией нравов "эпохи реконструкции" станут протоколы XVI съезда. В них запечатлён "достойный символ всего современного режима" - "дикая картина распоясавшихся бюрократов и аппаратчиков, соревнующихся в улюлюканиях и издевательствах над прижатым к стене и сдавшим оружие противником (правыми) ... Самое отвратительное здесь в том, что это состязание в гнусностях по отношению к ползающему на брюхе грешнику является ценой, уплачиваемой чиновниками за свое собственное благополучие: за кем нет грешков, кто гарантирован от того, что завтра его не сделают искупительной жертвой в угоду сохранения престижа генеральной линии? Трудно сказать, в ком больше утеряно чувство собственного достоинства, - в тех ли, кто под свист и улюлюкание покорно склонял голову и пропускал мимо ушей оскорбления в надежде на лучшее будущее, или же в тех, кто тоже в надежде на лучшее будущее наносил эти оскорбления, зная наперед, что противник будет отступать. Ещё на XV съезде аппаратчики не могли себе этого позволить. Над XV съездом чувствовалось дыхание истории, чувствовалось, что происходит что-то серьезное, что партия переживает какую-то трагедию. Теперь попытались это же повторить по отношению к правым, но второй раз получился, как это всегда бывает, пошлый фарс"². Коренное отличие между XV и XVI съездами состояло в том, что первый из них подавлял оформленную оппозицию, продолжавшую отстаивать свои взгляды, а второй - оппозицию, отказавшуюся от организационного оформления, уже сломленную и неспособную к какому-либо сопротивлению.

Резолюция съезда увенчала разгром бухаринской группы, указав, что последняя противопоставила генеральной линии партии "откровенно-

¹ Бюллетень оппозиции. 1931. № 25-26. с. 9-10.

² Там же с. 10.

оппортунистическую линию", которая "ведёт к капитуляции перед кулацко-капиталистическими элементами страны". "Правые уклонисты" были объявлены "объективно агентурой кулачества". Резолюция утверждала, что "оппортунисты всех мастей, особенно правые, применяют новый маневр, выражающийся в формальном признании своих ошибок и в формальном согласии с генеральной линией партии, не подтверждая свое признание работой и борьбой за генеральную линию, что на деле означает только переход от открытой борьбы против партии к скрытой или выжидание более благоприятного момента для возобновления атаки на партию". Требуя "объявить самую беспощадную войну такого рода двурушничеству и обману", резолюция предупреждала, что признающие свои ошибки должны доказать искренность этих признаний "активной защитой генеральной линии партии ... Неисполнение этого требования должно влечь за собой самые решительные организационные меры"¹.

Всё это означало недвусмысленное указание "правым", что их малейшее несогласие с любой будущей акцией сталинского руководства приведет к их полному изгнанию с политической арены. Только под этим условием Бухарин, Рыков и Томский были оставлены на XVI съезде в составе ЦК. Единственный член "тройки", сохранивший свой пост и место в Политбюро, Рыков спустя полгода после съезда был выведен из Политбюро и заменён на посту председателя Совнаркома Молотовым.

¹ КПСС в резолюциях и решениях. т. 5. с. 131-132.

XIX

Сталинская "борьба на два фронта"

На XVI съезде Сталин уделил значительное внимание критике "троцкизма", не смущаясь противоречиями в своей трактовке "троцкистской опасности". С одной стороны, он заявил, что "троцкистскую группу, как оппозицию, мы давно уже разгромили и выкинули вон", и теперь речь идёт о борьбе лишь "с остатками троцкизма в партии, с пережитками троцкистской теории". С другой стороны, он утверждал, что троцкизм не только живёт, но и свои "атаки против правых уклонистов ... обычно увенчивает блоком с ними, как с капитулянтами без маски"¹.

С одной стороны, Сталин расценил "левые загибы" в колхозном движении как "некоторую, правда бессознательную, попытку возродить у нас традиции троцкизма на практике, возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству"². (Именно эта сталинская версия в недавние годы была подхвачена многими публицистами и литераторами). С другой стороны, он объявил в присутствии ему тоне, что в условиях реконструктивного периода "троцкисты, с точки зрения темпов, являются самыми крайними минималистами и самыми поганенькими капитулянтами"³.

Для обоснования последнего тезиса Сталин сопоставлял показатели прироста промышленной продукции в 1927-30 годах с прогнозными наметками, сделанными Троцким в 1925 году. Эти наметки, названные Сталиным "троцкистской теорией потухающей кривой", представляли вывод из соображений Троцкого о снижении темпов развития советской промышленности после завершения восстановления народного хозяйства и перехода к расширенному воспроизводству на основе социалистических накоплений. Однако вслед за этим Троцкий утверждал, что в условиях планомерной индустриализации советская промышленность сможет добиться темпов, недоступных при капитализме. Показатели прироста промышленности в 1930 году (22 %) и в 1931 году (20 %) совпали с выдвинутыми пятилетием ранее прогнозными коэффициентами Троцкого.

К рассуждениям о "крохоборческой мудрости" "троцкистов" Сталин прибег в связи со своим предложением поднять темп развития промышленности до 32 % в 1929/30 и 47 % в 1930/31 хозяйственном году⁴.

После съезда сталинский пропагандистский аппарат продолжал извергать ожесточённую брань против Троцкого, неизменно встречавшую отповедь изгнанника с Принцевых островов. Более действенными, разумеется, были дальнейшие атаки на "правых", особенно на Бухарина, которого Сталин и его приспешники продолжали обвинять в "двурушничестве". На эти обвинения Буха-

¹ Сталин И. В. Соч. т. 12. с. 354, 357.

² Там же. с. 357.

³ Там же. с. 349.

⁴ Там же. с. 351.

рин отвечал жалобами Сталину на "неслыханные издевательства" и "клевету", которой его подвергают. 14 октября 1930 года он писал: "Коба. Я после разговора по телефону ушёл тотчас же со службы в состоянии отчаяния. Не потому, что ты меня "напугал" - ты меня не напугаешь и не запугаешь. А потому, что те чудовищные обвинения, которые ты мне бросил, ясно указывают на существование какой-то дьявольской, гнусной и низкой провокации, которой ты веришь, на которой строишь свою политику и которая до добра не доведет, хотя бы ты и уничтожил меня физически так же успешно, как ты уничтожаешь меня политически".

Тщетно пытаясь убедить Сталина в своей верности и при этом сохранить остатки человеческого достоинства, Бухарин продолжал: "Я считаю твои обвинения чудовищной, безумной клеветой, дикой и, в конечном счёте, неумной ... *Правда то*, что, несмотря на все наветы на меня, я стою плечо к плечу со всеми, хотя каждый божий день меня выталкивают ... Или то, что я не лижу тебе зада и не пишу тебе статей а la Пятаков¹, - или это делает меня "проповедником террора"? Тогда так и говорите! Боже, что за адово сумасшествие происходит сейчас! И ты, вместо объяснения, истекаешь злобой против человека, который исполнен *одной* мыслью: чем-нибудь помогать, тащить со всеми телегу, но не превращаться в подхалима, которых много и которые нас губят"².

Разумеется, такого рода жалобы, свидетельствовавшие о крайней деморализации Бухарина, не могли вызвать у Сталина ничего, кроме чувства удовлетворения и желания добиваться от деморализованного Бухарина дальнейших унижений. 20 ноября Бухарин выступил в "Правде" с новым покаянным заявлением, в редактировании которого принимал участие Каганович. В этом заявлении Бухарин в очередной раз признавал свои ошибки, выражал полное согласие со всеми партийными решениями, клеймящими "правый уклон", и осуждал любые попытки "скрытой борьбы" с партийным руководством. На следующий день в газетах "Труд" и "За индустриализацию" появились статьи, в которых это заявление квалифицировалось как "акт двурушничества". Лишь после этого Сталин решил выступить в роли доброжелательного и беспристрастного арбитра. 22 ноября было опубликовано специальное постановление ЦК, осудившее выступления этих газет против Бухарина и положительно оценивавшее его заявление.

Поскольку послушно каявшихся лидеров "правых" нельзя было, подобно "троцкистам", изгнать из партии, Сталин сосредоточил свои усилия на том, чтобы изолировать их от ближайших помощников и сотрудников. 22 сентября 1930 года он писал Молотову: "Нужно освободить Рыкова и Шмидта и разогнать весь их бюрократический консультантско-секретарский аппарат ... тебе придётся заменить Рыкова на посту ПредСНК и ПредСТО. Всё это пока *между нами*"³. Реализация этого плана в декабре 1930 года способствовала выпол-

¹ Очевидно, Бухарин имел в виду крайне сервильную статью Пятакова, написанную к пятидесятилетию Сталина.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. с. 70.

³ Коммунист. 1990. № 11. с. 105.

нению параллельного замысла Сталина - окончательной ликвидации всякой самостоятельности руководящих государственных органов.

С самого начала публичной травли "правых" Троцкий оценивал её как непристойный фарс, подрывающий авторитет партии. В статье "Уроки капитуляций (некрологические размышления)" он обращал особое внимание на то, что открытые нападки на "тройку" развернулись после её "разгрома". "Партия мимоходом, уже в момент развязки, узнает, что глава Коминтерна, глава правительства и глава профсоюзов в течение полутора лет "играли судьбою партии и революции" (буквально!), "спекулировали на катастрофе" (буквально!) - всё это где-то в бюрократическом подполье ... Лишь после того, как Рыков ритуально капитулировал, - что, казалось бы, вообще исключало необходимость дальнейшей борьбы, - только с этого момента Рыков, и с ним вся тройка, предаются особенно разнузданному публичному поруганию пред лицом партии, населения страны и всего вообще человечества. Партия совершенно не нужна была для борьбы против "заговора" Рыкова, Бухарина и Томского. Партию уверяли, что никакой борьбы вообще нет. Но после закулисной победы над правыми, партии показали три политических скальпа: смотрите, вот как поступает и будет поступать генеральный секретариат со всеми теми, кто встанет на его пути"¹.

Упомянув о тезисе, выдвинутом Сталиным на XVI съезде: "теперь троцкистская группа представляет антипролетарскую и антисоветскую контрреволюционную группу, старательно осведомляющую буржуазию о делах нашей партии"², Троцкий писал: "В какой ещё информации, спросим мы со своей стороны, нуждается мировая буржуазия, сверх того материала, который дает ей официальная сталинская агентура и сам Сталин, прежде всего? О председателе Совнаркома говорят на съезде, как о саботажнике; вчерашнего руководителя Коминтерна клеймят, как агента буржуазии. На потеху малым ребятам выводят вчерашнего вожда профессиональных союзов и вчерашнего руководителя московской организации, очищавшего её в течение нескольких лет от "троцкизма"³.

Расправу над "правыми" Троцкий расценивал как показатель того, что "система бюрократизма стала системой непрерывных дворцовых переворотов, при помощи которых она ныне только и может поддерживаться"⁴. Сталинская группа не может допустить малейшего оппонирования своим решениям даже внутри ЦК и Политбюро. "Всякое расхождение с руководством, т. е. с милитаризованной сталинской фракцией, всякая попытка критики, всякое предложение, непредусмотренное верхушкой, ведёт к немедленному организационному погрому, который совершается безмолвно, как пантомима, после чего следует "теоретическая" ликвидация, похожая скорее на ритуальное отпевание, совершаемое ленивыми дьячками и псаломщиками из красных профессоров"⁵. Лик-

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. с. 13.

² Сталин И. В. Соч. т. 12. с. 354.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 14. с. 4.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1930. № 12-13. с. 2.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1930. № 11. с. 8.

видация всякой критики, даже внутри правящей верхушки, свидетельствует о том, что "бюрократический режим благополучно докатился до принципа непогрешимости руководства, который является необходимым дополнением его фактической безответственности". При этом под руководством уже нельзя понимать ни ЦК, ни даже Политбюро. Лишь по традиции говорится о непогрешимости ЦК, который перестал представлять какой-либо устойчивый коллектив. Из него непрерывно выбрасывают всех тех, кто осмелился высказать собственное мнение и тем более оспорить какое-либо суждение Сталина. Что же касается членов Политбюро, то их "никто особенно не берет всерьез, как, впрочем, и они сами себя". Когда говорят о партийном руководстве, имеют в виду исключительно Сталина. "Это нисколько и не скрывается, наоборот, всемерно подчеркивается. 1929 год был годом его официального коронования, в качестве непогрешимого и безответственного вождя"¹. XVI съезд партии окончательно завершил этот процесс.

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 12-13. с. 3.

XX

"Право-левацкий блок"

Несмотря на кажущееся всемогущество Сталина, его всевластие наталкивалось на ощутимые преграды со стороны как рабочих масс, так и старых и новых внутрипартийных оппозиций. Одной из попыток организованного выступления против этого всевластия стало собрание подольских рабочих совместно с представителями крупнейших московских заводов, состоявшееся 19 сентября 1930 года. В резолюции собрания, направленной Калинин, Рыкову и Ворошилову, в которых рабочие ещё видели людей, способных противостоять "бесконтрольно-самодержавному управлению Сталина", указывалось, что это управление привело страну к положению, намного худшему, чем в разгар гражданской войны. Рабочие требовали "для сохранения власти пролетариата ... немедленно отстранить Сталина от участия в делах управления страной ... предания его государственному суду за неисчислимые преступления, совершённые им против пролетарских масс". В резолюции содержалось предупреждение о возможности "нежелательных волнений, при нашем непосредственном обращении к массам", если не произойдёт "немедленного изменения политики в духе настоящего, не сталинского ленинизма"¹.

Отражением подобных настроений, захвативших и значительные слои партийного и государственного аппарата, стало возникновение новой оппозиционной группировки, возглавляемой кандидатом в члены Политбюро, председателем Совнаркома РСФСР С. Сырцовым и первым секретарем Закавказского крайкома партии В. Ломинадзе. К Сырцову примыкала группа работников центральных государственных учреждений, к Ломинадзе - некоторые организаторы и руководители комсомола, работавшие ранее под его руководством в Коммунистическом Интернационале Молодежи (Шацкий, Чемоданов, Чаплин и др.).

Некоторое представление о позиции Сырцова можно получить из его доклада на партийном собрании Института красной профессуры, опубликованного в журнале "Большевик". В нем резко осуждались эмпиризм в политике (этот термин широко употреблялся Троцким для характеристики бессистемности и бесплановости сталинской "генеральной линии") и казённый оптимизм, "предпочитающий на всё смотреть сквозь розовые очки и втирать их другим". "Есть у части наших работников, - говорил Сырцов, - тенденция подменять регулирование сложных экономических отношений самыми грубыми административными наскоками, вытекающими из привычки каждый вопрос решать эмпирически: "попробуем, что из этого выйдет, а если жизнь ударит по лбу, то убедимся, что надо было сделать иначе" ... Ведь если долго возиться с крестьянином да убеждать его, да прорабатывать с ним практические вопросы, тебя глядишь и обскочит соседний район, не теряющий времени на эти "пустяки". Так зачем же долго возиться с крестьянином? Намекни ему насчёт Соловков,

¹ Огонёк. 1989. № 23. с. 11.

на счёт того, что его со снабжения снимут, или заставь голосовать по принципу: "кто за коллективизацию, тот за советскую власть, кто против коллективизации - тот против советской власти" ... Мы неправильно понимали бы задачи руководства, если бы теперь терпимо относились к перегибам, а потом навалились бы на низовых работников и их сделали бы ответственными за все ошибки. Задним умом в фактах головотяпства каждый разберется, надо уметь головотяпство предупредить"¹.

В отличие от Сырцова, занимавшего позицию, близкую к "правым", Ломинадзе ещё в 20-ые годы выступал с "левыми" идеями, пытаясь, по словам Орджоникидзе, вместе со своими друзьями играть "особую роль в партии: подталкивателей"². В 1929 году за отстаивание права коммунистов критически относиться к спускаемым сверху директивам Ломинадзе и Шацкин получили партийные взыскания и были направлены на низовую работу в провинцию. Однако вскоре Ломинадзе, пользовавшийся поддержкой Орджоникидзе, был утверждён руководителем Закавказской партийной организации и на XVI съезде ВКП(б) был избран в состав ЦК.

Лишь в годы "большого террора" Сталин получил данные о том, что Ломинадзе неоднократно делился своими оппозиционными взглядами с Орджоникидзе. В речи на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года Сталин сообщил, что ещё в 1926-28 годах Орджоникидзе знал об ошибках Ломинадзе "больше, чем любой из нас". В подтверждение этого Сталин заявил, что "Серго получил одно очень нехорошее, неприятное и непартийное письмо от Ломинадзе". Как следовало из слов Сталина, Орджоникидзе рассказал ему об этом письме "антипартийного характера", сообщив, что дал Ломинадзе слово не передавать его содержание. После этого Сталин заявил Орджоникидзе "Если же ты эту штуку спрячешь от ЦК и будешь отстаивать, Ломинадзе и впредь будет надеяться, что можно и впредь некоторые ошибки против ЦК допускать ... но потом он может попасться на большем, и если он на большем попадетсся, мы его разгромим вдребезги, пыли от него не останется"³.

Хрущёв рассказывал в своих мемуарах, что Сталин не раз возвращался к этому эпизоду, возмущаясь тем, что Орджоникидзе дал честное слово Ломинадзе не сообщать о его взглядах⁴.

О том, что Ломинадзе в присутствии Орджоникидзе и других грузинских коммунистов резко критиковал Сталина, рассказывал в 1937 году в своих показаниях на следствии один из старейших грузинских большевиков М. Орахелашвили. "На квартире у Серго Орджоникидзе, - записано в его показаниях (разумеется, в сопровождении ритуальных "криминальных" эпитетов, вписывавшихся следователями), - Бесо Ломинадзе, в моем присутствии после ряда контрреволюционных выпадов по адресу партийного руководства допустил в отношении Сталина исключительно оскорбительный и хулиганский выпад. К моему удивлению, в ответ на эту контрреволюционную наглость Ло-

¹ Большевик. 1930. № 5. с. 44-45, 50-51, 54.

² Коммунист. 1991. № 13. с. 57.

³ Там же. с. 56-57.

⁴ Знамя. 1989. № 9. с. 134.

минадзе Орджоникидзе с улыбкой, обращаясь ко мне, сказал: "Посмотри ты на него!" - продолжая вести после этого в мирных тонах беседу с Ломинадзе"¹.

По-видимому, Ломинадзе убедился, что Орджоникидзе ограничивается пассивным восприятием критики сталинского руководства, но не выражает готовности к активной борьбе со Сталиным. Такую готовность Ломинадзе встретил со стороны Сырцова, называвшего Сталина "тупоголовым человеком, который ведёт страну к гибели"². Так сформировался блок, участники которого готовились осенью 1930 года выступить на очередном пленуме ЦК с критикой сталинской экономической политики и партийного режима^{3*}. Эти вопросы обсуждались в ходе встреч Сырцова и Ломинадзе со своими единомышленниками. Получив информацию об этих встречах, Сталин на заседании Политбюро обвинил Сырцова во "фракционной деятельности" и добился передачи "дела Сырцова-Ломинадзе" в ЦКК. В октябре-ноябре были исключены из партии и арестованы лица из ближайшего окружения Сырцова. 1 декабря было принято постановление ЦК и ЦКК "О фракционной работе Сырцова, Ломинадзе и др." В нем сообщалось о "клеветнических приемах", состоявших в том, что Сырцов называл сообщения "об успехах социалистического строительства" очковтирательством, а Ломинадзе утверждал, что в аппарате царит "барско-феодалное отношение к нуждам рабочих и крестьян"⁴.

Сырцов, Ломинадзе и Шацкий, объявленные организаторами "праволевого блока", были исключены из центральных партийных органов. Такое решение было впервые принято в нарушение Устава партии, без рассмотрения их дела на пленуме ЦК и ЦКК.

Сырцов был направлен в провинцию на хозяйственную работу и в 1937 году разделил участь всех бывших оппозиционеров.

Ломинадзе был назначен парторгом московского авиационного завода и в 1933 году в числе других работников авиационной промышленности был даже награждён орденом Ленина. В период пребывания в Москве он принимал участие в организации блока всех антисталинских группировок (см. гл. XLII). Хотя эта сторона его деятельности осталась скрытой от ЦКК и ОГПУ, его продолжали травить как бывшего оппозиционера. В связи с этим Орджоникидзе обратился к Хрущёву как секретарю Московского Комитета с просьбой, чтобы Ломинадзе "меньше терзали". Хрущёв, как истый сталинец, выдвинувшийся на преследовании оппозиций, ответил: "Товарищ Серго, ведь Вы знаете, что Ломинадзе - это активнейший оппозиционер и, собственно, даже организатор оппозиции. Сейчас от него требуют четких выступлений, а он выступает распылчато и сам дает повод для критики"⁵.

¹ Берия: Конец карьеры. М., 1991. с. 378.

² Они не молчали. М., 1991. с. 134.

³ По сведениям, имевшимся у корреспондентов "Бюллетеня оппозиции", Ломинадзе пытался также сколотить группу своих единомышленников в Закавказье, чтобы на ближайшей партийной конференции выступить целой делегацией против Сталина.

⁴ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1936. с. 668-669.

⁵ Вопросы истории. 1990. № 4. с. 80.

По-видимому, при поддержке Орджоникидзе Ломинадзе был переведён на пост секретаря Магнитогорского комитета партии, оказавшись, таким образом, одним из немногих бывших оппозиционеров, которые были возвращены на руководящую партийную работу. В начале 1935 года, когда наступила "кировская" волна репрессий и близкие соратники Ломинадзе оказались арестованными, он в преддверии неминуемого ареста покончил жизнь самоубийством.

Социально-классовый смысл "великого перелома"

Переход на рубеже 30-х годов (а также и в последующие годы) многих старых большевиков, никогда не принадлежавших к оппозициям, к попыткам борьбы со Сталиным был обусловлен прежде всего резкими изменениями в словах и делах самого Сталина. Мыслящим членам партии было ясно, что всё, что Сталин говорил и писал в 1923-1927 годах, разительно противоречило тому, что он говорил и делал в последующие годы. Из этого многие участники событий тех лет делали вывод, что до 1928 года Сталин проводил "правильную" политику, а затем внезапно сменил её на "неправильную". Этот поверхностный вывод разделяется и многими современными историками. Однако серьёзный анализ социально-классовых отношений 20-30-х годов показывает внутреннюю логику сталинской политики или шире - внутреннюю логику советского термидора.

После введения нэпа понятие "термидор" широко использовалось в эмигрантской печати. Эсеровские и меньшевистские идеологи понимали под термидором реставрацию капиталистических отношений, прологом которой, по их мнению, является нэп. В 1923-27 годах они считали, что правящая фракция проводит реальную политику приспособления к интересам крепкого хозяйственного мужика, за спиной которого стоит возрождающаяся нэповская буржуазия, и тем самым прокладывает дорогу неотвратимому капиталистическому развитию страны. Сходных взглядов придерживалось и более правое эмигрантское течение сменовеховцев во главе с Н. В. Устряловым, одобрявшее политику, проводимую Сталиным и Бухариным в борьбе с левой оппозицией.

В книге "Сталин" Троцкий подчеркивал, что само по себе введение нэпа отнюдь не предвещало фатального наступления термидора; но "нэп подготовил, несомненно, серьезные элементы будущего термидора. Он возродил и оживил мелкую буржуазию города и деревни, повысил её аппетиты и её требовательность"¹.

Как большевистская партия, так и её противники однозначно воспринимали нэп как известное возрождение капиталистических отношений. Однако и те и другие отдавали себе отчёт в том, что политическая власть осталась в тех же руках, которые осуществили Октябрьскую революцию. Эта власть ограничивала развитие капиталистических отношений теми пределами, которые не подрывали социально-экономических основ нового общественного строя: национализацию земли, промышленности и банковского дела, монополию внешней торговли и плановое начало в управлении экономикой. Поэтому нэп не означал полной либерализации экономической жизни, которая возможна "в том случае, если продукты свободно обмениваются на рынке и государству не приходится вторгаться в основную сферу человеческих отношений"². Недо-

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. т. II. с. 233.

² Там же. с. 231.

пущение свободной игры рыночных сил, неизбежно влекущей рост стихийного социального расслоения, объяснялось не только целями, которые ставила перед собой большевистская партия. Ограничения рыночной свободы были осуществлены в годы первой мировой войны и после неё во всех воюющих странах. В условиях, когда обнаруживается резкое снижение производства и, следовательно, потребления, государство вынуждено вторгаться со своей регламентацией в экономические отношения и даже применять силу, чтобы подвергнуть субъектов рынка ограничениям, направленным против их интересов. Результатом этого процесса становится усиление роли бюрократии как органа, управляющего распределительными отношениями. В молодой советской республике этот процесс приостановил сопутствующее подлинно социалистическому развитию общества отмирание государства и выдвинул на авансцену политической жизни бюрократию как самостоятельную силу, регулирующую отношения между классами. Эта сила стала главным субъектом советского термидора, в результате чего он развернулся не в направлении реставрации капиталистической системы, а в направлении бюрократически-тоталитарного перерождения политического режима.

Совпадение во времени нэпа и подавления левой оппозиции, открывшего дорогу утверждению сталинизма, разумеется, далеко не случайно. Нэп не был социально бесконфликтной главой в истории советского общества. Но причины советского термидора коренились не в возникновении социальной дифференциации, предусмотренной большевистской стратегией новой экономической политики. Более опасной и долговременной оказалась дифференциация, материальной базой которой стали привилегии бюрократии, последовательно насаждавшиеся Сталиным и его тогдашними союзниками.

Предпосылкой советского термидора, т. е. социального перерождения партии и советского государства, стала кристаллизация нового слоя профессионалов власти, проходившая под руководством Сталина. Обладавший непревзойдённой способностью играть на "низших" струнах человеческой природы, Сталин безошибочно почувствовал, что смена бивуачного быта гражданской войны оседлым и уравновешенным образом жизни порождает в среде бюрократии тягу к материальным благам жизни, удобствам и комфорту. Сам продолжая жить относительно скромно, по крайней мере с внешней стороны (многочисленные дачи, расточительные банкеты и попойки станут непременным атрибутом сталинского образа жизни лишь в 30-е годы), Сталин поощрял своекорыстные стремления бюрократии "сбросить с себя спартанские ограничения первого периода революции"¹. Он распределял наиболее привлекательные посты и определял размеры материальных выгод, которые бюрократ мог получить от обладания своим постом. Всю эту бюрократическую механику он подчинял задаче создания привилегированной касты, всё более отчуждавшейся от народа и стремившейся удержать массы в повиновении своей власти. Политическое и бытовое перерождение правящего слоя изменило его нравы и менталитет (образ мышления) и позволило Сталину обретать всё большую уверенность и проявлять всё большую беспощадность в борьбе со своими про-

¹ Там же. с. 221.

тивниками. "Сталин систематически развращал аппарат. В ответ аппарат раз-
нуждывал своего вождя"¹.

Реакцией на эти процессы стало расслоение в рядах правящего слоя, выде-
ление из него значительной части, боровшейся с перерождением в своей соб-
ственной среде. Левая оппозиция возглавлялась представителями "той же при-
вилегированной бюрократии, которые покидают (её) ряды для того, чтобы свя-
зать свою судьбу с судьбою санкюлотов, обездоленных пролетариев, деревен-
ской бедноты"².

Основой социальной программы бюрократии в её непримиримой борьбе с
левой оппозицией стало отвержение стержневой социалистической идеи - со-
циального равенства ради защиты собственных своекорыстных интересов.
Успех в этой борьбе облегчался тем, что она происходила в условиях нэпа, ко-
торый по своей природе предполагал возникновение глубоких социально-
имущественных различий. Линия бюрократии на увековечивание своего суще-
ствования, закрепление и оправдание своей монополии на власть и своих рас-
тущих материальных привилегий первоначально сочеталась с её серьезными
уступками верхушечным слоям деревни. Принятые в 1925 году законы, лега-
лизовавшие аренду земли и наём рабочей силы в сельском хозяйстве, способ-
ствовали либерализации экономических отношений в значительно большей
степени, чем предусматривалось первоначальными замыслами нэпа.

Такое расширение нэпа усиливало противоречие между двумя сосуще-
ствующими укладами хозяйства: социалистическим, воплощённым в национа-
лизированной промышленности и государственной монополии внешней тор-
говли, и капиталистическим, носителями которого выступала новая буржуа-
зия - нэпманы в городе и кулаки в деревне. "По условиям своей жизни, по сво-
ему консерватизму, по своим политическим симпатиям, бюрократия в огром-
ной массе тяготела к новой мелкой буржуазии"³.

Борьба против равенства составляла социальную основу негласного союза
между бюрократией и верхами нэповской мелкой буржуазии. Этот союз мас-
кировался лозунгами защиты интересов крестьян как свободных товаропроиз-
водителей и продавцов своей продукции, под которыми шло в 1925-27 годах
наступление правящей фракции на левую оппозицию. Такие лозунги встреча-
ли поддержку со стороны элементов, стремившихся к полной реставрации ка-
питалистических отношений, но понимавших, что в этом они не могут достичь
непосредственных успехов и поэтому им "необходимо пройти через период
защиты крестьянства"^{4,5*}.

Курс на усиление имущественных различий, прикрываемый демагогиче-
скими нападками на "уравниловку", стал осью социальной программы бюро-

¹ Там же. с. 201.

² Там же. с. 222.

³ Там же. с. 242.

⁴ Там же. с. 235.

⁵ Через аналогичный "период защиты крестьянства" прошли прокапиталистические си-
лы в СССР в первые годы "перестройки", когда они ещё не решались открыто высту-
пать за реставрацию частной собственности и других атрибутов капиталистического
строения.

кратии. Наиболее четко этот курс получил идеологическое обоснование в заключительном слове Сталина на XIV съезде партии¹ и в работе Бухарина "Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз"².

Раскрывая влияние "бешеной и неистовой борьбы против уравнения" на разные слои советского общества, Троцкий ссылался на пьесу А. Афиногенова "Страх", где один из персонажей - учёный, изучающий стимулы человеческого поведения, говорил, что "общим стимулом поведения 80 % всех обследуемых является страх". Остальные 20 % являются выдвиненцами, им нечего бояться. Отмечая, что обвинение оппозиции в стремлении ввести немедленное равенство явилось "самым могущественным орудием в руках Сталина", Троцкий писал, что "20 % выдвиненцев услышали в нем голос своего вождя, а 80 % испуганных не посмели поднять голос"³. По оценке Троцкого, это был "мастерский маневр" Сталина, привлёкший на его сторону основную часть бюрократии.

Однако действие законов частного товарного производства, укрепление позиций мелкой буржуазии должно было с неизбежностью поставить сформулированный Лениным вопрос: кто кого? Первоначально бюрократия не хотела ущемлять социальные интересы тех слоёв, которые в ускоренном темпе начали осуществлять первоначальное капиталистическое накопление. Однако очень скоро обнаружилось, что кулак, мелкий торговец и мелкий промышленник стремятся к полной реставрации капитализма, т. е. к ликвидации социальных основ, заложенных Октябрьской революцией, - национализации средств производства, банков и земли.

Это стремление всё более обнаруживало противоположность социальных интересов нэповской буржуазии и бюрократии. Либеральный экономический режим на основах частной собственности ведёт к стихийному сосредоточению богатств в руках буржуазии. Привилегии же бюрократии не вытекают из автоматического действия рыночных отношений. "Бюрократия присваивает себе ту часть национального дохода, которую может обеспечить своей силой, или своим авторитетом, или своим прямым вторжением в экономические отношения. По отношению к прибавочному продукту нации бюрократия и мелкая буржуазия являются прямыми конкурентами... Обладание прибавочным продуктом открывает дорогу к власти, потому бюрократия вдвойне должна была глядеть ревнивым оком за процессом обогащения верхних слоёв деревни и городской мелкой буржуазии"⁴.

В силу этих причин уступки новой буржуазии со стороны бюрократии сохранились на протяжении гораздо меньшего времени, чем предполагали их инициаторы и прежде всего Сталин. Дальнейшая либерализация экономических отношений угрожала не только социалистическим основам советского общества, но и социальному фундаменту самой бюрократии. Охрана новых отношений собственности представляла для бюрократии "закон жизни и смер-

¹ Сталин И. В. Соч. т. 7. с. 375-376.

² Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. с. 210-217.

³ Троцкий Л. Д., Сталин. т. II. с. 237.

⁴ Там же. с. 221.

ти, ибо это социальные источники её господствующей роли"¹. Поэтому бюрократия вынуждена была вступить в борьбу с мелкой буржуазией ради закрепления своего монопольного права распоряжаться всей властью и всеми богатствами страны.

Левая оппозиция в 1926-27 годах подчеркивала, что сущность термидора, угрожавшего смести завоевания Октябрьской революции, носит социальный характер. Этой сущностью была кристаллизация "новых привилегированных слоёв, создание нового субстрата для экономически господствующего класса. Претендентов на такую роль было два: мелкая буржуазия и сама бюрократия"².

Опасаясь, что рост экономической мощи мелкой буржуазии может привести к термидору в форме прямой реставрации капиталистических отношений, левая оппозиция в этот период выдвигала лозунг борьбы "против нэпмана, кулака и бюрократа". Она считала, что два первых классовых элемента могут "подмять" ещё сравнительно немногочисленный рабочий класс и захватить классовое господство в советском обществе. Это объективное противоречие по-своему уловил А. Авторханов, который писал, что "Россия, став нэповской, собиралась совершить ещё один шаг - сделаться капиталистической. Тут на пути встал Троцкий"³. Хотя Авторханов безосновательно приписывает "всей России" стремления её новобуржуазных слоёв, социальный смысл борьбы между правящей фракцией и левой оппозицией передан им верно. Разумеется, лидеры правых, субъективно стоявшие на позициях социалистического выбора, не оценивали развертывавшиеся в стране социально-классовые процессы в духе Авторханова. Лишь в преддверии "перестроечной" капиталистической реставрации аргументация последнего была взята на вооружение т. н. "демократами", утверждавшими, что единственной альтернативой сталинизму могла быть реставрация капиталистических порядков и отношений.

Судьбы советского термидора сложились, однако, по-иному, чем это первоначально предполагала левая оппозиция. Окрепшая бюрократия, почувствовав угрозу своему господству со стороны растущих новобуржуазных элементов города и деревни, круто повернула фронт. "Совершенно очевидно, что бюрократия не для того разгромила пролетарский авангард, порвала сети международной революции и провозгласила философию неравенства, чтоб капитулировать перед буржуазией и превратиться в её слугу или просто быть отброшенной от государственного кормила. Бюрократия смертельно испугалась последствий своей шестилетней политики. Так возник резкий поворот против кулака, против нэпмана"⁴. Этим был открыт т. н. "третий период" (после двух первых - военного коммунизма и нэпа), названный Сталиным "развернутым наступлением социализма по всему фронту", Бухариным - "чрезвычайщиной", а Троцким - ультралевым авантюристическим курсом сталинского руководства.

¹ Там же. с. 224.

² Там же. с. 223-224.

³ Авторханов А. Технология власти. с. 197.

⁴ Троцкий Л. Д., Сталин. т. II. с. 244.

Диаметрально поменяв свои лозунги, правящая фракция провозгласила борьбу против "правых" в партии, кулачества в деревне и нэпманства в городе. Эти лозунги прикрывали непримиримую борьбу между недавними союзниками - новой буржуазией и бюрократией - за прибавочный продукт национального труда. "Кто распоряжается прибавочным продуктом, тот и распоряжается государственной властью. Таким образом, между мелкой буржуазией ... и между бюрократией, которая помогла мелкой буржуазии подняться над массами деревни, открылась прямая борьба за власть и доходы"¹.

Сравнительно легко бюрократии удалось расправиться с капиталистическими элементами города. В период нэпа "частные предприятия, несомненно, проявили немало энергии в деле развращения советского аппарата при помощи подкупов и всяких других поблажек. Но всё же не это было главной причиной раздражения бюрократии против частных предпринимателей, в частности концессионеров". Некоторые частные, акционерные и концессионные предприятия работали лучше, чем государственные, проявляли большую инициативу и добивались более высокого качества товаров. Даже государственные предприятия предпочитали покупать продукцию у акционерных обществ. Цель, которую ставил Ленин при введении концессий, "состояла именно в том, чтобы не дать государственным монополиям затмить сознание своей неприкосновенности. Но именно этого ленивая бюрократия не хотела. Под видом непримиримой борьбы за социалистическую промышленность она на самом деле боролась за свое монопольное право безмятежно, без помех и конкуренции распоряжаться государственным хозяйством"².

Поэтому, хотя и постепенно, но достаточно быстро были ликвидированы концессии, смешанные общества и другие частные предприятия, которые при условии разумного государственного регулирования могли бы ещё выполнять полезную роль в советском хозяйстве. Уже в 1929 году была почти полностью ликвидирована частная торговля и национализированы последние частные фабрики. Сталин явился руководителем этой далеко не всегда экономически оправданной политики, уничтожив "городской" нэп во имя укрепления позиций бюрократии.

Намного более длительно и остро складывалась борьба между бюрократией и буржуазией в деревне, где кулак обрел экономическую мощь, несоизмеримую с его численностью, и подчинил своему влиянию значительные крестьянские слои. Однако в руках Советского государства были мощные рычаги, позволявшие действительно противостоять попыткам капиталистической реставрации, не прибегая к тотальной экспроприации кулачества и тем более к его депортации - экстремальной мере, которую большевики не применяли после Октябрьской революции даже по отношению к крупной буржуазии. Для эффективной борьбы с кулачеством экономическими методами (через политику налогов, цен и кредитов) требовалось возрождение партийной и советской демократии. Однако бюрократия, ликвидировавшая демократические механизмы в партии и стране ради сохранения своей монопольной власти и привилегий,

¹ Там же. с. 243-244.

² Там же. с. 242.

оказалась способной лишь на непрерывное ужесточение административного нажима на кулака, что неминуемо вылилось в ожесточённую борьбу против большинства крестьянства.

Оказавшись лицом к лицу с враждебно настроенной деревней, бюрократия испугалась своей изолированности. "Одними своими силами раздавить кулака, вообще мелкую буржуазию, выросшую и продолжавшую расти на основах нэпа, бюрократия не могла, ей необходима была помощь пролетариата. Отсюда её напряжённая попытка выдать свою борьбу с мелкой буржуазией за прибавочный продукт и за власть как борьбу пролетариата против попыток капиталистических реставраций"¹.

Троцкий отмечал, что "в глазах простаков, теория и практика "третьего периода" как бы опровергала теорию о термидорианском периоде русской революции. На самом деле она подтверждала её"². Сталин и его окружение, стремившиеся к укреплению позиций бюрократии, всячески маскировали эту социальную сущность своей политики, чтобы добиться поддержки рабочего класса и крестьянской бедноты в борьбе с кулаком. Доказательством того, что они сумели обрести эту поддержку, явилась их относительно лёгкая победа над "правым уклоном". Для характеристики причин этой победы Троцкий приводил слова большевика Бармина, в 1937 году порвавшего со Сталиным, о том, что последний сумел "использовать с выгодой недовольство (в партии - В. Р.), вызванное исключениями и арестами (левой оппозиции - В. Р.). Исключение троцкистов приняли только против воли, неохотно; кампания, сперва открытая против правых, была хорошо принята партией"³.

Обманутым сталинским маневром рабочим и партийным массам, в том числе многим участникам левой оппозиции, официальные лозунги "третьего периода" - борьба с кулаком, "правым уклоном" и оппортунизмом представлялись возрождением Диктатуры Пролетариата и Социалистической Революции. "Мы тогда же предупреждали: вопрос идёт не только о том, что делается, но и о том, кто делает, - напоминал Троцкий. - При наличии советской демократии, т. е. самоуправления трудящихся, борьба с кулаком никогда не приняла бы столь конвульсивных, панических и зверских форм и привела бы к общему подъёму хозяйственного и культурного уровня масс"⁴.

Бюрократия же, не доверявшая массам и боявшаяся их, вступила в противоборство с кулаком "на спине трудящихся", вследствие чего эта борьба приняла крайне жестокий и кровавый характер и переросла в гражданскую войну со значительной частью крестьянства. Благодаря поддержке пролетариата, бюрократия одержала победу в этой борьбе, завершившейся утверждением её абсолютной власти в стране. Над социалистическими основами советской экономики выросла политическая надстройка в виде диктатуры бюрократии, политически узурпировавшей рабочий класс.

¹ Там же. с. 224.

² Там же. с. 223.

³ Там же. с. 246.

⁴ Там же. с. 224.

Таким образом, руководствуясь своекорыстными интересами, бюрократия избрала свои, антинародные методы осуществления социальных преобразований в деревне, которые неизбежно вызвали деформацию этой исторически прогрессивной цели.

Столь же разительный поворот, как в аграрной политике, Сталин совершил и в вопросах индустриализации. До 1928 года он утверждал, что извне Советскому Союзу угрожает только военная интервенция. Левая оппозиция заявляла, что кроме этой угрозы, существует опасность интервенции дешевых цен и поэтому для преодоления ножиц между ценами на отечественные и импортные товары и упрочения положения страны на мировом рынке необходима ускоренная индустриализация. За такую постановку вопроса сталинско-бухаринская фракция в 1925-27 годах обвиняла оппозицию в "сверхиндустриализаторстве". Однако с 1928 года Сталин стал требовать форсированной индустриализации, уверяя, что "либо мы этого добьемся, либо нас сомнут". Навязанный Сталиным авантюристический темп развития промышленности "вырос не в порядке правильного предвидения и понимания динамики нашего хозяйственного строительства, а эмпирически, под кнутом рынка, критики оппозиции и кризисов, из которых добрая половина порождена ограниченностью и хвостизмом руководства"¹.

После первых успехов индустриализации Сталин и сталинцы, ранее высмеивавшие прогнозные коэффициенты Троцкого как "фантастическую музыку будущего", многократно изменяли показатели пятилетнего плана по промышленности в сторону резкого увеличения. Последний пересмотр контрольных цифр, принятых XVI конференцией, произошёл на XVI съезде, на котором Сталин потребовал поднять к концу пятилетки производство чугуна до 17 млн. тонн вместо запланированных 10 млн., производство тракторов до 170 тыс. штук вместо 55 тыс., автомашин - до 200 тыс. штук вместо 100 тыс. Контрольные цифры в области цветной металлургии и сельскохозяйственного машиностроения он предложил увеличить более чем вдвое².

Новым контрольным цифрам сопутствовали и новые лозунги. К выдвинутому XVI конференцией лозунгу "догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны" был добавлен лозунг "выполнить пятилетку в четыре года".

Критикуя эти лозунги как выражение самого безответственного авантюризма, Троцкий предвидел, что такая критика может породить ложное представление, будто оппозиция "меняется с аппаратом местами", поскольку теперь она обвиняет аппарат в сверхиндустриализации. "Все такие рассуждения, сближения, сопоставления можно предвидеть заранее и даже заранее можно написать статьи и речи, которые будут на эту тему произнесены. Не очень трудно, однако, вскрыть легкомыслие этих рассуждений"³.

Троцкий напоминал, что оппозиция, оценивавшая вплоть до 1928 года возможности индустриализации неизмеримо шире и смелее, чем правящая фрак-

¹ Там же. с. 245.

² Сталин И. В. Соч. т. 12. с. 345-346, 348.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. с. 6.

ция, никогда не выдвигала утопической задачи "в кратчайший срок" догнать и перегнать капиталистический мир. "Мы никогда не считали ресурсы индустриализации безграничными, и темп её - зависящим только от кнута бюрократии"¹.

Действительные изменения претерпела не программа оппозиции, а политика правящей фракции. Борьба между нею и оппозицией приняла особенно острый характер как раз к тому моменту, когда правота оппозиции подтвердилась по всем решающим пунктам разногласий. Сталинское руководство отказалось от минималистского плана пятилетки, подготовленного к XV съезду, и заменило его новым, намного более смелым, который был принят XVI конференцией. Когда же первый год пятилетки подтвердил осуществимость высоких темпов развития индустрии, потрясённые этим фактом эмпирики "решили, что отныне всё возможно. Оппортунизм, как это не раз бывало в истории, превратился в свою противоположность: авантюризм"².

Уже в начале этого зигзага Троцкий предупреждал: "Если в 1923-28 гг. Политбюро, не понимая громадных возможностей, заложенных в национализированной промышленности и плановых методах хозяйства, готово было мириться с 4 или с 9 % годового роста, то теперь оно, в силу непонимания материальных пределов индустриализации, легко перескакивает с 20 % на 30 %, авантюристически пытаясь каждое частное и временное достижение превратить в норму и совершенно теряя при этом из виду взаимообусловленность разных сторон хозяйственного процесса"³.

Как и в вопросах коллективизации, сталинское руководство в вопросах развития промышленности описало дугу в 180 градусов, превращая социалистическую индустриализацию в азартную бюрократическую сверхиндустриализацию. "Теперь лозунг один: без оглядки вперед! План пересматривается непрерывно в сторону увеличения ... Ссылка хозяйственника или рабочего на объективные препятствия - плохое оборудование, недостаток сырья или его плохое качество - приравнивается к измене революции. Сверху требуются: размах, ударность, наступление! Всё остальное - от лукавого"⁴. Особое внимание Троцкий обращал на то, что "во имя авантюристических темпов, меняющихся на ходу, несогласованных, непроверенных, и нередко подкапывающихся друг под друга, совершается величайший нажим на рабочую силу в то время, как уровень жизни трудящихся явно снижается"⁵. Между тем устойчивые темпы экономического роста могут быть достигнуты только при условии систематического повышения материального и культурного уровня народных масс.

¹ Там же.

² Троцкий Л. Д. Преданная революция. с. 32-33.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 11. с. 12.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. с. 2.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1930. № 10. с. 3.

1930 год: Альтернатива левой оппозиции

В 1930 году Троцкий неоднократно подчеркивал, что для успешного выполнения пятилетнего плана необходимы сопряжённость темпов индустриализации и коллективизации, соблюдение пропорций между преобразованиями в промышленности и в сельском хозяйстве. Между тем, "темп коллективизации уже взорвал пятилетний план... Предполагать, что все остальные элементы плана - промышленность, транспорт, финансы - могут развиваться по ранее намеченным масштабам, в то время, как сельское хозяйство проделывает совершенно непредусмотренные скачки, значило бы видеть в хозяйственном плане не органическое целое, а простую сумму ведомственных приказов"¹.

Не меньшие опасности несла скачка индустриальных темпов, обгонявшая материальные возможности страны. Во-первых, она вела к ухудшению качества продукции, что тяжело било по потребителю и подрывало дальнейшее здоровое развитие промышленности. Во-вторых, она приводила к созданию мнимых ресурсов там, где нет действительных, т. е. порождала денежно-бумажную инфляцию, выступавшую симптомом грозного хозяйственного кризиса. Прежде чем этот кризис "развернется в взрывчатой форме, он тяжело сказывается на повседневной жизни масс, повышая цены или препятствуя их снижению"².

Сегодня, когда обнаружены пласты скрывавшейся сталинистами статистики, мы можем в полной мере оценить справедливость этих предостережений Троцкого. Уже в 1930 году денежная масса увеличилась на 45 % по сравнению с предшествующим годом, а темп её роста в 2,7 раза превысил темп роста розничного товарооборота. Именно с этого времени стала действовать специфическая "советская" форма инфляции, являющаяся результатом безудержной государственной эмиссии, - сочетание прямого и скрытого повышения цен с товарным голодом.

Требую приостановить инфляцию, представляющую самый жестокий налог, накладываемый на трудящихся, Троцкий писал: "Сейчас властно и неотложно навязывается во всяком случае одна мера: жесточайшая финансовая дисциплина... Финансовая дисциплина должна стать первым шагом общей хозяйственной дисциплины. Если не преградить сейчас дорогу раздутым и непосильным начинаниям, если не ввести темпы в пределы реальности, то инфляция может придать им в дальнейшем гибельный размах и привести к последствиям, от которых пострадает не только фальшивая репутация невежественного руководства, целиком основанная на моральной инфляции, но и реальные ценности неизмеримо большего значения - пострадает Октябрьская революция"³.

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 10. с. 11.

² Там же. с. 3.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. с. 7.

Призывая перейти от формальной погони за количеством продукции к реальному улучшению её качества, поступиться частью накоплений в пользу сегодняшнего потребления трудящихся, Троцкий писал: "Когда мы требуем, прежде, чем узаконить 30 % годового роста, серьезно проверить взаимоотношения всех отраслей промышленности и народного хозяйства в целом, с точки зрения производительности труда и себестоимости продукции - значит ли это, что мы зовем к отступлению на вчерашние позиции Сталина?"¹.

Уже в первой четверти 1929/30 хозяйственного года, несмотря на крупное продвижение вперед (около 26 % роста промышленной продукции по сравнению с первым кварталом предшествующего года), произошла первая осечка. Темпы роста промышленности, особенно тяжёлой, впервые отстали от плановых заданий. Чтобы уменьшить это отставание и выполнить валовые показатели, предприятия ухудшали качество продукции. Резко повысился брак. Всё это, как подчеркивал Троцкий, являлось свидетельством того, что, "как можно было предвидеть и теоретически, разгон взят не по силам. Индустриализация всё больше держится на административном кнуте. Оборудование и рабочая сила форсируются. Несоответствия между различными областями промышленности накаплиются"².

Сегодня не трудно увидеть, что зафиксированные Троцким последствия бюрократического планирования характеризовали не только тенденции сталинского "большого скачка" начала 30-х годов, но и постоянные болезни, сопровождавшие всё развитие советской экономики, - нарушение пропорциональности между различными отраслями народного хозяйства, упор на чисто количественные показатели при невнимании к качеству продукции, упор на всё новые капиталовложения в ущерб текущему потреблению населения.

В преддверии XVI съезда партии Троцкий выступил за планомерное снижение непосильных для страны темпов индустриализации и коллективизации. "Мы, левая оппозиция, не боимся крикнуть на этот раз зарвавшейся бюрократии: *назад!*" - писал он, - "Надо прекратить призовые скачки индустриализации, пересмотреть темпы на основе опыта и теоретического предвиденья, согласовать коллективизацию с техническими и прочими ресурсами, подчинить политику по отношению к кулаку реальным возможностям коллективизации, - словом, после периодов *хвостизма* и *авантюризма* надо встать на путь *марксистского реализма*"³.

Более конкретно альтернатива левой оппозиции была изложена в статье Раковского "На съезде и в стране" и в статье Троцкого "Открытое письмо членам ВКП(б)".

Раковский предлагал в области сельского хозяйства - отказаться от сплошной коллективизации и ликвидации кулачества; в области промышленности резко уменьшить количество строительных объектов и сконцентрировать ресурсы на наиболее важных стройках; в области финансов привести расходы в соответствие с реальными материальными ресурсами и резко сократить эмис-

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 11. с. 12.

² Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. с. 2.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 10. с. 11.

сию; в рабочем вопросе - выделить средства для незамедлительного ощутимого улучшения жизненного уровня рабочего класса и повысить его роль в управлении производством¹.

Аналогичные идеи включала программа Троцкого, требовавшего сократить масштабы промышленного строительства и направить освободившиеся ресурсы на повышение жизненного уровня трудящихся и улучшение качества продукции, в равной степени необходимое для производителей и потребителей. Он призывал приостановить сплошную коллективизацию и административное раскулачивание, заменив их осторожным отбором жизнеспособных колхозов, созданных на основе действительной добровольности. Руководящим принципом политики по отношению к кулаку он предлагал сделать контрактацию, т. е. заключение договоров с кулацкими хозяйствами, обязывающих последние продавать определённое число продуктов по назначенным государством ценам. Таким образом, в самый разгар коллективизации Троцкий признавал необходимым сохранение кулацких хозяйств ещё на годы при условии применения экономических мер для ограничения их накоплений.

В выдвижении этой программы сталинисты усматривали "капитулянтство" Троцкого и сближение его с "правыми". Рудзутак на XVI съезде обвинял "правых" в том, что они "говорили в значительной степени то, о чём говорят сейчас троцкисты и Троцкий, а именно, что мы наши темпы индустриализации проводим на основе обнищания всей страны"².

Прочитав некоторые из названных выше предложений Троцкого, Орджоникидзе заявил: "Ишь ты! Троцкий, который кричал о темпах, который произносил "левые" фразы, в момент величайшего наступления пролетариата на капиталистические элементы нашей страны ... ничего другого не находит, как бросить лозунг: "Отступайте от авантюризма" ... Нет, извините, наша партия не только не будет отступать, но она будет всё больше и больше наступать ... Ишь ты, какой левый!.. Помните, сколько он болтал о кулаке, сколько он упрекал нас за то, что мы, мол, не так деремся с кулаком. А теперь, когда большевистская партия, подготовившись заранее, как следует взяла этого кулака за глотку, он говорит: не трогай, приостанавливай раскулачивание. Вот это называется "левизна"! ... Вот это называется "левый" Троцкий!"³

Втянувшись в сверхиндустриализацию, осуществлявшуюся за счёт не только крестьянства, но и городского пролетариата, и столкнувшись с растущим сопротивлением масс административному произволу и насилию, сталинское руководство уже не было способно скорректировать свою социально-экономическую политику и тем более - адекватно воспринимать критические замечания и предостережения. Отсюда вытекала неизбежная агрессия и грубая брань против всех оппонентов "генеральной линии" и прежде всего против Троцкого, продолжавшего даже в изгнании оставаться лидером наиболее последовательных оппозиционных элементов в партии.

¹ Бюллетень оппозиции. 1931. № 25-26. с. 31-32.

² XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). с. 201.

³ Там же. с. 323-324.

XXIII

Экономика и политика.

Партийный режим

В начале 30-х годов Троцкий подчеркивал, что советская экономика "мчит-ся к кризису прежде всего по причине чудовищно-бюрократических методов составления плана"¹. Непомерно разросшийся бюрократизм "имеет не бесплотный характер. Его носителем является многочисленная, сплочённая бюрократия с целым миром самодовлеющих интересов"². Монополизировав решение всех вопросов планирования, она препятствует согласованию противоречивых интересов различных социальных групп, предохраняющему от перерастания противоборства этих интересов в социальный конфликт. Она относится к плану как к заранее заданной догме, тогда как его следует рассматривать в качестве рабочей гипотезы, которая должна проходить коллективную проверку в процессе выполнения плана.

Элементами такой проверки являются "не только цифры бухгалтерии, но и мускулы и нервы рабочих и политическое самочувствие крестьян. Прощупывать, проверять, суммировать, обобщать всё это может только активная, самостоятельная, уверенная в себе партия"³.

Раскрывая организационные механизмы выработки и корректировки планов, Троцкий подчеркивал, что центральную ось планирования составляют вопросы распределения национального дохода между накоплением и потреблением, между фондом капитального строительства и фондом заработной платы, между городом и деревней и различными слоями трудящихся. Эта ось должна перемещаться под непосредственным воздействием борьбы жизненных социальных интересов. Такая борьба, которая должна получать гласное выражение на арене советской демократии, призвана выступать в качестве основного фактора социалистического планирования. Подлинный подъём социалистического хозяйства связан не с ликвидацией дискуссий, а, напротив, с их развертыванием на новой основе. Наряду с фракциями, отстаивающими интересы различных социальных групп, в этих дискуссиях должны выступать "фракции" "электрификаторов", "нефтяников", "трактористов" и т. д., борющиеся за долю своих отраслей в народном хозяйстве. Такая борьба хозяйственных группировок, являющаяся выражением "промышленной демократии", призвана обеспечить достижение оптимальных народнохозяйственных пропорций.

Чтобы эта борьба не приняла узковедомственный характер, в ней должны принимать участие не только хозяйственные руководители, но и трудящиеся массы, формирующие и развивающие в дискуссиях свою политическую культуру. Участие масс особенно необходимо при обсуждении такого важнейшего элемента плана, как "вопрос о том, что рабочие и крестьяне хотят и могут по-

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. с. 7.

² Там же. с. 15.

³ Бюллетень оппозиции. 1931. № 20. с. 9.

требить сейчас, а что они могут сберечь и накопить" ради экономических успехов в ближайшем и отдалённом будущем. Поэтому советская демократия становится "делом хозяйственной необходимости"¹.

Если же борьба идейных группировок и хозяйственных предложений подменяется безапелляционными приказами бюрократии, а план предписывается трудящимся в порядке канцелярской директивы, то издержки таких методов хозяйственного руководства неизбежно окажутся более серьезными, чем издержки стихийной игры рыночных сил при капитализме. Навязывание предприятиям призовых скачек индустриализации не только снимает все препятствия на пути экономического ажиотажа, но и "помножает его на всю силу государственного принуждения и поощрения"².

Гигантские преимущества планового хозяйства - при условии постоянной проверки всего хозяйственного опыта - могут способствовать предупреждению или ослаблению частичных периодических конъюнктурных кризисов. Но эти же преимущества при бюрократическом характере руководства, полностью высвобождающего свою волю от критики и контроля со стороны масс, неизбежно превращаются в свою противоположность. В этих условиях централизованное управление экономикой может "привести к такому накоплению кризисов и противоречий, перед которым любой капиталистический кризис покажется детской забавой"³.

Это положение Троцкого было подтверждено всем опытом экономического и социального развития СССР в начале 30-х годов. В те годы хозяйственный кризис не выступил в форме всеобщего снижения производства, характерной для наиболее разрушительных капиталистических кризисов (такое обвальное падение производства впервые произошло на территории СССР после его распада и отката его бывших республик к отсталому полукOLONIALному капитализму). Хозяйственно-политический кризис, достигший своего пика к концу первой пятилетки, выразился в истощении производительных сил в деревне, обнищании подавляющей части населения, взрыве социальных антагонизмов, нарушении гражданского мира в стране, подрыве притягательности социалистических идей в сознании значительной части трудящихся. Глубинные последствия этих разрушительных процессов ощущались в СССР на протяжении многих десятилетий.

Окончательно завершившийся в начале 30-х годов процесс перерождения партийной и советской демократии в режим личной бонапартистской диктатуры, опирающейся на безличный аппарат, явился основной причиной воспроизводства хозяйственных диспропорций, сопровождавших всё развитие бюрократически деформированной плановой экономики в СССР.

Определяя политическую систему, сложившуюся в этот период, понятием "бюрократический абсолютизм", Троцкий видел его главный признак в удущении внутренней жизни партии, в её фактической замене бесконтрольным бюрократическим аппаратом, выродившимся в замкнутую касту. Эта транс-

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. с. 7.

² Бюллетень оппозиции. 1930. № 10. с. 17.

³ Там же.

формация партийного режима устранила единственно возможный механизм подлинно социалистического строительства - коллективный творческий поиск и свободное обсуждение его путей и методов.

Развивая ленинское понимание социализма как живого творчества масс, Троцкий подчеркивал, что "социализм не есть готовая система, которая может выйти в законченном виде из отдельной головы, будь это самая гениальная голова. Задачи правильного распределения производительных сил и средств могут быть разрешаемы только путём постоянной критики, проверки, идейной борьбы различных группировок"¹.

С этих позиций Троцкий критиковал бюрократическую "социологию", следующую за аппаратной практикой и задним числом "обосновывающую" её. С помощью основного догмата этой "социологии" - тезиса о "монолитности" партии, бюрократия упразднила "саму партию как живую силу, которая изо дня в день ориентируется в обстановке, критикует, мыслит, резюмирует политически происходящие процессы, предупреждает руководство об опасности, обновляет руководство, вносит необходимые изменения в намеченный курс, обеспечивает своевременность политического маневра, сознает себя стержнем страны". Запретив партийные дискуссии, сталинское руководство лишило себя возможности следить за процессами, которые разворачиваются внутри партии. "Центральный комитет не знает партии, потому что партия сама себя не знает, потому что наблюдение над партией через секретных осведомителей ни с какой стороны не заменяет свободного высказывания партией своих мыслей, наконец, и прежде всего, потому что страх центрального комитета перед партией дополняется страхом партии перед центральным комитетом"². Страхом руководства перед партией объясняется усиление политической слежки за коммунистами, которые постоянно находятся под гнётом страха высказать "крамольную" мысль или невольно совершить поступок, который может быть истолкован как отклонение от "генеральной линии".

Неизбежным следствием подмены партии всемогущим аппаратом, всецело озабоченным сохранением собственной власти и престижа, стало накопление всё новых экономических ошибок и диспропорций.

¹ Бюллетень оппозиции. 1931. № 23. с. 8.

² Бюллетень оппозиции. 1930. № 7. с. 39-40.

Методы сталинской индустриализации

Во второй половине 1930 года сообщения советских газет, напоминавшие военные сводки, всё чаще говорили о "прорывах" на "трудовом фронте". Это вызвало резкое раздражение Сталина, который в сентябре приказал Молотову одернуть центральные газеты за сообщения о падении темпов и катастрофической текучести рабочих из-за плохого снабжения: "Уйми, ради бога, печать с её мышинным визгом о "сплошных прорывах", "нескончаемых провалах", "срывах" и т. п. брехне. Это - истерический троцкистско-правоуклонистский тон ..."¹.

Тяжёлые последствия исключительного напряжения, которое переживала страна, обнаружились уже в конце 1930 года. До этого времени хозяйственный год начинался в октябре. Оказавшись перед фактом невыполнения плановых заданий на 1929-30 хозяйственный год, правительство ввело так называемый особый квартал 1930 года (октябрь-декабрь), к концу которого предполагалось достичь показателей, намеченных планом на сентябрь.

Анализируя статистические данные о результатах особого квартала, Троцкий приходил к выводу, что его темпы сами по себе высоки и являются несомненным показателем преимуществ, заложенных в плановом хозяйстве. "При правильном руководстве, считающемся с реальными экономическими процессами и вносящем необходимые изменения в план в процессе его выполнения, рабочие могли бы испытывать законное чувство гордости достигнутыми успехами. Теперь же получается прямо противоположный результат". Руководствуясь соображениями бюрократического престижа, центр по-прежнему требует от предприятий выполнения нереальных повышенных заданий. "Хозяйственники и рабочие сплошь да рядом видят невыполнимость планов, но не смеют сказать вслух, работают под нажимом, затаив обиду, честные и дельные администраторы не смеют глядеть в глаза рабочим. Все недовольны. Отчётность подгоняется искусственно под задания, качество изделий подгоняется под отчётность, - все хозяйственные процессы окутаны дымкой фальши"².

Введение особого квартала не могло спасти от снижения темпов промышленного роста и ухудшения всех других экономических показателей, оказавшихся в 1931 году намного ниже плановых заданий. Главными причинами этого явились непрерывное увеличение вложений в тяжёлую промышленность и начатых строек, несоответствие между огромными инвестициями в строительство предприятий и реальными возможностями поставок сырья и оборудования, отставание развития производственной инфраструктуры, прежде всего транспорта и энергетики, и тем более социальной инфраструктуры (жилье и

¹ Коммунист. 1990. № 11. с. 104.

² Бюллетень оппозиции. 1931. № 19. с. 13.

социально-культурные учреждения,^{1*} Внутрипроизводственные накопления оказались намного ниже запланированных. С 1931 года промышленность, в которой всевозрастающую роль занимал сектор "А", стала нерентабельной и оставалась таковой до конца 30-х годов. Строительство многочисленных предприятий затягивалось. Невыносимые условия труда и существования рабочих порождали текучесть, прогулы, небрежную работу, поломки машин, высокий процент брака, снижение темпов роста производительности труда.

Если сам поворот к индустриализации и коллективизации происходил в обстановке административной паники, то дальнейшее развитие этих процессов возрождало атмосферу военного времени. Об этом свидетельствовала терминология советских газет, в которых трудовые процессы описывались языком формул и лозунгов гражданской войны: фронт, мобилизация, прорывы, кавалерия и т. д. Такая терминология отражала фактическую замену предусмотрительного, делового и гибкого планирования волонтаристским, при котором корректировка планов осуществлялась недискуссионным образом, а трудящимся отводилась лишь роль объектов непрерывного подхлестывания. Результатом всего этого становилось накопление народнохозяйственных диспропорций - в скрытой и поэтому особенно опасной форме, чреватой кризисными взрывами.

В речи "О задачах хозяйственников", произнесённой 4 февраля 1931 года, Сталин признал, что в 1930 году прирост промышленной продукции составил 25 % вместо 32 % по годовому плану. Тем не менее он по-прежнему призывал обеспечить в 1931 году 45 % прироста и добиться выполнения пятилетки за 4 года, а в основных, решающих отраслях промышленности - за 3 года².

Превращение пятилетки в четырёхлетку Троцкий расценивал как легкомысленную авантюру, ставящую под удар основной план. Он предупреждал, что "не только задача "догнать и перегнать" не будет разрешена при самом счастливом выполнении пятилетки, но и сама пятилетка не может быть выполнена в четыре года при самом чудовищном напряжении. Более того, административный авантюризм руководства делает всё менее вероятным выполнение плана и в пять лет"³.

Столь же определённо Троцкий выступал против выдвинутого Сталиным на XVI съезде тезиса о "вступлении страны в социализм". По поводу этого тезиса, повторявшегося в бесчисленных официальных статьях и речах, он писал: "Не чудовищно ли: страна не выходит из товарного голода, перебои снабжения на каждом шагу, детям не хватает молока - а официальные филистеры провозглашают: "страна вступила в период социализма". Разве можно более злостно компрометировать социализм? ... Сказать рабочим-строителям, которые карабкаются по лесам с кирпичами и цементом, часто полуголодные и не-

¹ Доля социально-культурных объектов в общем объёме основных фондов составила в 1930 году 4,9 %, в 1931 году - 6 %.

² Сталин И. В. Соч. т. 13. с. 29-31.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 17-18. с. 8.

редко срываются вниз, что они уже могут обосноваться в здании, - "вступили в социализм!" - значит издеваться над строителями и над социализмом"¹.

Тезис о "вступлении в социализм" представлял переходную формулу между "теорией" о возможности победы социализма в одной стране и выдвинутым Сталиным в 1936 году тезисом о построении социализма в СССР. Действительные критерии победы социализма - достижение более высокой производительности труда и более высокого материального и культурного уровня жизни, чем в передовых капиталистических странах, - подменялись чисто количественными критериями: числом коллективизированных крестьянских хозяйств, построенных заводов, электростанций, железных дорог и т. д. При этом подразумевалось, что "вступление страны в социализм" уже в ближайшие годы приведет к крутому подъему благосостояния трудящихся. Обманывая трудящихся радужными, но нереальными обещаниями, бюрократия жестоко эксплуатировала энтузиазм их передовой части, увлеченной идеей социалистического строительства.

Энтузиазм и самоотверженность миллионов людей в годы первой пятилетки - не выдумка сталинской пропаганды, а несомненная реальность того времени. Свидетельства атмосферы массового трудового воодушевления мы находим не только в художественной литературе 30-х годов, но и во многих "человеческих документах". Так, А. М. Исаев, будущий ведущий конструктор космических кораблей, отправившийся в конце 1930 года добровольцем на Магнитогорский комбинат, писал оттуда родителям: "Недавно нам в силу образовавшегося прорыва хотели поднести рогожное знамя (одна из форм моральных санкций, применявшихся в те годы на предприятиях и стройках - В. Р.). Так знайте, что многие горняки плакали на собрании и поклялись не допустить позора! Я никогда не думал, что рабочий (конечно, постоянный, а не сезонник) выглядит так, как он на самом деле выглядит. Если нужно, рабочий работает не 9, а 12-16 часов, а иногда и 36 часов подряд - только бы не пострадало производство! По всему строительству ежедневно совершаются тысячи случаев подлинного героизма"².

Официальная пропаганда всячески рекламировала факты трудового героизма, даже в тех случаях, когда он оплачивался прямым истощением и инвалидностью рабочих. В докладе на XII пленуме ИККИ Куусинен с гордостью приводил следующий пример: "На стройке Сталинградского тракторного завода надо было при 40-градусном морозе застеклить крышу. Эту работу добровольно взяла на себя бригада стекольщиков-комсомольцев. Многих из них пришлось с отмороженными руками и лицами свезти в больницу. Крыша была застеклена к установленному сроку (Аплодисменты)"³.

О трудовом энтузиазме как важном факторе успехов индустриализации неоднократно упоминали корреспонденты "Бюллетеня оппозиции". "На каждом шагу, - говорилось в одном из писем, - наталкиваешься на беззаветно преданных рабочих, старых и молодых, отдающих себя целиком тому делу, которое

¹ Там же. с. 5-6.

² Правда. 1988. 28 октября.

³ XII пленум ИККИ. Стенографический отчет. т. 1. М., 1933. с. 9.

составляет содержание их жизни. Квалифицированные рабочие, особенно коммунисты, работают нередко 10 и 12 часов в день, стремясь заткнуть собою все дыры и выгнать необходимые проценты"¹. Вместе с тем в письмах из СССР подчеркивалось, что рабочие, проявляющие такую самоотверженность, всё сильнее изматываются тяжёлым продовольственным положением, крайне скверными жилищными условиями и беспрерывным бюрократическим дерганьем. "Даже в передовых ударных отрядах пролетариата чувствуется глубокая усталость"².

Способом подхлестывания трудового энтузиазма стало "социалистическое соревнование", организуемое административными методами. Характеризуя его как средство достижения высоких темпов "в огромной степени за счёт человеческих мускулов и нервов", Троцкий писал: "Мы ни на минуту не сомневаемся в том, что известная прослойка рабочих, особенно коммунистов, вносит в работу неподдельный энтузиазм, как в том, что более широкая масса рабочих в отдельные моменты или периоды, на отдельных предприятиях, захватывается этим энтузиазмом. Но нужно было бы ничего не понимать в человеческой психологии и даже физиологии, чтобы допустить возможность массового трудового "энтузиазма" в течение ряда лет"³.

Возвращаясь к этой теме, Троцкий подчеркивал несостоятельность ставки на энтузиазм как на долговременный фактор социалистического строительства. "Героический энтузиазм может охватывать массы в течение сравнительно *коротких* исторических периодов. Небольшое *меньшинство* способно проявлять энтузиазм в течение целой исторической эпохи: на этом основана идея революционной партии, как отбора лучших элементов класса". Однако энтузиазм значительных слоёв трудящихся не может сохраняться годами в условиях непрекращающихся материальных тягот, нехваток и лишений. Между тем "социалистическое строительство есть задача десятилетий. Обеспечить её разрешение можно только систематическим повышением материального и культурного уровня масс. Это есть главное условие, более важное, чем срочный успех Днепростроя, Турксиба, Кузбасса и пр. Ибо при упадке физической и моральной энергии пролетариата все гигантские начинания могут оказаться не доведёнными до конца"⁴.

Ограниченность материальных стимулов к труду бюрократия пыталась компенсировать мерами "морального поощрения", учредив несколько орденов, вручавшихся за "ударный труд". Хотя в то время награждение орденами ещё не приняло такие масштабы и формально-бюрократические формы, как в последующие годы, Троцкий весьма скептически оценивал данную новацию, способствующую утверждению тщеславия и помпезности. Он напоминал, что даже в ужасающих условиях гражданской войны Ленин лишь после долгих колебаний согласился на учреждение ордена Красного Знамени, как на вре-

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 29-30. с. 14.

² Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. с. 24.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 17-18. с. 2.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1931. № 23. с. 6.

менную меру, тогда как на тринадцатом году революции бюрократия ввела "четыре или сколько там орденов"¹.

При всём этом главным методом, используемым бюрократией для форсирования индустриализации, оставался грубый административный нажим на рабочих с целью усиления интенсивности их труда и сокращения текучести рабочей силы. Этот нажим выразился, в частности, в введении непрерывной рабочей недели и трудовых книжек, прикрепляющих рабочих к предприятиям. Рабочему, перешедшему на новый завод, запрещалось платить больше той суммы, которую он получал на прежнем месте (сумма заработка проставлялась в трудовой книжке). Решительно осуждая такого рода меры, Троцкий подчеркивал, что они могут "вызвать в массах реакцию, несравненно более грозную, чем та, которая обнаружилась в конце гражданской войны"².

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 17-18. с. 3.

² Там же. с. 8.

Расправа с беспартийной интеллигенцией

Ощущая нараставшее в стране массовое недовольство, Сталин стремился переключить его на "классовых врагов", объясняя их "происками" провалы и неудачи своей социально-экономической политики. В этих целях была осуществлена серия судебных и внесудебных подлогов, ставивших целью направить "ярость масс" на "вредителей" из числа беспартийных специалистов.

В 1930 году были проведены аресты трёх групп специалистов. Первая включала инженеров, учёных и плановиков (Рамзин, Ларичев, Очкин и др.), вторая - известных аграрников, служивших в Наркомфине и Наркомземе (Кондратьев, Чайнов, Юровский, Макаров и др.), третья - бывших меньшевиков, работавших в хозяйственных и научных учреждениях (Громан, Суханов, Базаров и др.). Соответственно ОГПУ сконструировало три антисоветские подпольные партии: "Промпартию", "Трудовую крестьянскую партию" и "Союзное бюро" меньшевиков.

Как свидетельствуют недавно опубликованные письма Сталина, он регулярно получал сведения о ходе следствия над участниками этих "партий" и диктовал, каких показаний от них следует добиваться.

Во-первых, он требовал "обнаружить" связи этих партий между собой и с эмигрантскими организациями - ЦК меньшевистской партии и Торгово-промышленным Союзом ("Торгпром"), объединявшим бывших крупных русских капиталистов.

Во-вторых, Сталин требовал от председателя ОГПУ Менжинского "сделать одним из самых важных, узловых пунктов новых (будущих) показаний верхушки ТКП, "Промпартии" и особенно Рамзина вопрос об интервенции", якобы намечавшейся иностранными державами и белой эмиграцией на 1930 год. Он диктовал причины того, почему эта интервенция не состоялась (неготовность к ней Польши, Румынии и других стран) и ставил задачу "провести сквозь строй г. г. Кондратьева, Юровского, Чайнова и т. д., хитро уваливающих от "тенденции к интервенции", но являющихся (бесспорно!) интервенционистами"¹.

Названные Сталиным лица составляли, по версии ГПУ, руководящее ядро "Трудовой крестьянской партии". Само это название было взято следователями из вышедшей в начале 20-х годов фантастической повести А. В. Чайнова "Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии". В этой книге описывалась Россия будущего, в которой у власти находится трудовая крестьянская партия, сохраняющая традиционное общинное устройство русской деревни, модернизированное в духе автономных крестьянских коммун.

В-третьих, Сталин требовал рассылать полученные на следствии показания партийной верхушке и добиваться от арестованных признаний в "связях" с видными деятелями партии. Утверждая, что кондратьевцам и меньшевикам

¹ Коммунист. 1990. № 11. с. 100.

"бесспорно помогали" Рыков и Калинин, Сталин писал Молотову: "Не сомневаюсь, что вскрыется прямая связь (через Сокольников и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бухарин, Рыков, Томский)"¹.

Судя по письмам, Сталин уже тогда вынашивал мысль о фабрикации блоков бывших оппозиционеров. Он требовал "тщательно следить за Пятаковым, этим поистине правым троцкистом (второй Сокольников), представляющим сейчас наиболее вредный элемент в составе блока Рыков-Пятаков"².

Признательные показания "вредителей" Сталин собирался использовать для шантажа и запугивания не только бывших оппозиционеров, но и проявлявших колебания членов Политбюро. "Что Калинин грешен - в этом не может быть сомнения, - диктовал он Молотову. - Всё, что сообщено о Калинин в показаниях, - сущая правда. Обо всём этом надо обязательно осведомить ЦК, чтобы Калинин впрямь не повадно было путаться с пройдохами".

Первоначально Сталин собирался осуществить скорую кровавую расправу над арестованными: "Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять". Спустя несколько дней его решение изменилось. Он стал планировать организацию публичных процессов, намечая нужную ему линию поведения подсудимых. "Не думают ли г. г. обвиняемые признать свои *ошибки* и порядочно оплевать себя политически, признав одновременно прочность Сов. власти и правильность метода коллективизации? Было бы недурно"³, - прямо подсказывал он Молотову (а через последнего, по-видимому, непосредственным организаторам процессов). Таким образом, уже в то время Сталин рассматривал показательные процессы как средство признания устами подсудимых правильности его политики. Спустя некоторое время, очевидно, убедившись, что показания "кондратьевцев" не соответствуют его ожиданиям, Сталин дал новую директиву: "Подождите с делом передачи в суд кондратьевского "дела". Это не совсем безопасно. В половине октября решим этот вопрос совместно. У меня есть некоторые соображения *против*"⁴. Пока же он ограничился указанием ОГПУ и РКИ провести "проверочно-мордобойную работу" в Госплане и Наркомфине.

Стремясь посеять в народе версию о том, что растущие продовольственные трудности являются результатом "вредительства", Сталин приказал "все показания вредителей по мясу, рыбе, консервам и овощам опубликовать немедленно ... Надо бы их опубликовать с сообщением, что ЦИК или СНК передал это дело на усмотрение коллегии ОГПУ (она у нас представляет что-то вроде трибунала), а через неделю дать извещение от ОГПУ, что *все* эти мерзавцы расстреляны. Их всех надо расстрелять"⁵.

Согласно этому указанию, 25 сентября центральные газеты опубликовали сообщение о расстреле 48 работников продовольственных и торговых организаций как "вредителей рабочего снабжения".

¹ Там же. с. 103.

² Там же. с. 104.

³ Там же. с. 103.

⁴ Там же. с. 105.

⁵ Там же. с. 104.

В случае с "Трудовой крестьянской партией" сталинский замысел организации публичного процесса (по-видимому, из-за упорства обвиняемых, отказавшихся подтвердить требуемые от них признания) не воплотился в жизнь. Суд над ТКП прошёл при закрытых дверях, вслед за чем в 1931, 1932 и 1935 годах решениями Особого Совещания члены "кулацко-эсеровских" групп, которыми якобы руководила ТКП, были репрессированы. В 1937 году большинство осуждённых по этим делам было расстреляно. Лишь в 1987 году Верховный Суд СССР отменил все приговоры по делу "Трудовой крестьянской партии", которой, как установила проверка, не существовало вообще.

Более "удачно" были подготовлены дела "Промпартии" и "Союзного бюро" меньшевиков, по которым прошли открытые политические процессы. В обвинительном заключении по делу "Промпартии" указывалось, что она представляла шпионско-диверсионную организацию, осуществлявшую помощь западным державам в подготовке интервенции. Главой "Промпартии" был объявлен профессор Рамзин - директор Теплотехнического института, член Госплана и ВСНХ. Основные пункты обвинения строились на его признательных показаниях во время следствия и суда.

Из восьми подсудимых этого процесса пятеро, включая Рамзина, были приговорены к расстрелу, заменённому по решению В ЦИК десятью годами тюремного заключения. Кроме того, коллегия ОГПУ осудила за участие в "Промпартии" около 50 человек. Часть осуждённых по этому делу (но не участники открытого процесса) была реабилитирована в 1959-60 годах.

Лица, осуждённые по делу "Промпартии", после приговора суда работали в режимных условиях по специальности. Многие из них вскоре были освобождены по амнистии. Рамзин был амнистирован в 1936 году, а в 1943 году за выдающиеся научные изобретения ему особым постановлением Совнаркома была присуждена Сталинская премия первой степени. По указанию Сталина была выделена вакансия для избрания Рамзина членом-корреспондентом Академии наук. В ответ на опасение своего заместителя, что этому избранию может мешать былое участие в "Промпартии", Рамзин сказал: "Это был сценарий Лубянки и хозяин это знает ... Хозяин помнит обо мне. Я благодарен ему за высокую оценку моей деятельности"¹. Однако при выборах академики и членкоры почти единодушно забаллотировали Рамзина.

Фальсификаторский характер процессов 1930-31 годов был ясен многим старым большевикам. Как вспоминала Г. Серебрякова, Сокольников, находившийся в то время на дипломатической работе в Лондоне, прочитав газетные отчёты о процессе "Промпартии", сказал ей: "Полицейский процесс, они не виновны"².

В "Письме товарища" из СССР, опубликованном в 1936 году в "Бюллетене оппозиции", говорилось о том, что "к громким процессам 1931 г. наша оппозиционная публика в Москве и Ленинграде относилась с настороженным скептицизмом. Вскоре до нас дошёл и ряд фактов, указывающих на комедийный характер, провокацию и изобретательность следователей в этих делах". При-

¹ Огонёк. 1989. № 12. с. 29.

² Известия. 1989. 30 января.

ведя несколько таких фактов, автор письма добавлял, что ему лично "пришлось познакомиться с тем, как выпытываются и диктуются необходимые показания, так что гнусная стряпня этих процессов для меня теперь - и уже довольно давно - совершенно ясна"¹.

В письме сообщалось об информации, поступившей из Верхнеуральского изолятора, где содержались осуждённые по процессу "Союзного центра". Всем заключённым изолятора было известно, что этот центр не существовал, а был изобретён следователями ГПУ.

По словам автора письма, признания на этом процессе, с психологической точки зрения, носили чисто бредовый характер, а с политической точки зрения были результатом какой-то сложной игры, в которой доминирующую роль играла провокация. Спустя несколько лет после процесса один из главных обвиняемых на нем, Суханов, объявил борьбу за свое освобождение; он посылал многочисленные резкие заявления, распространив некоторые из них среди заключённых изолятора. Сущность этих заявлений сводилась примерно к следующему: "Вы от меня потребовали максимальной жертвы, самоклеветания и т. д. Я счел нужным на всё это пойти, будучи убежден, что это соответствовало высшим интересам СССР. Мы с вами - со следователями - разучили роли и прорепетировали комедию, которую мы потом разыграли в качестве процесса. Было обещано и само собой подразумевалось, что и приговор будет условным или формальным. Но, заставив нас лгать и клеветать на себя, вы теперь держите нас за решеткой". Не получив ответа на свои заявления, "этот уставший, постаревший и измученный человек, вовсе не расположенный к личному героизму, стал голодать. Голодовка длилась 30-40 дней, после чего его увезли из Верхнеуральска - неизвестно куда"².

В "Бюллетене" была помещена также статья югославского коммуниста Цициги, находившегося несколько лет в сталинских тюрьмах и сумевшего в 1934 году вырваться из СССР. Рассказывая о методах организации "вредительских" процессов, Цицига писал, что ГПУ добивалось от обвиняемых ложных признаний для того, чтобы свалить ответственность за неудачи выполнения пятилетки с правительства на инженеров.

В период проведения процессов Троцкий, зная об изначально враждебном отношении части интеллигенции к Советской власти, поверил, что обвинения на этих процессах имеют какую-то реальную основу. Получив сообщения от своих единомышленников о переходе сталинской клики к прямым судебным подлогам, он решительно заявил об этой своей ошибке. Публикация "Письма товарища" сопровождалась следующим примечанием: "Редакция "Бюллетеня" должна признать, что в период меньшевистского процесса она далеко недооценила степень бесстыдства сталинской юстиции и в виду этого брала слишком всерьез признания бывших меньшевиков"³.

¹ Бюллетень оппозиции. 1936. № 51. с. 15.

² Там же. с. 14-15.

³ Там же. с. 15.

XXVI

1931 год: альтернатива левой оппозиции

Неослабевающий административный нажим и усиление политических репрессий не избавляли народное хозяйство от постоянных сбоев. Наиболее серьезные провалы сталинских планов обнаружились в росте себестоимости промышленной продукции. В 1931 году вместо запланированного снижения на 11 % она выросла на 6,8 %. На 1932 год было запланировано более скромное снижение себестоимости - 1 %. Тем не менее рост её оказался выше, чем в предыдущем году, составив 8,1 %. Это свидетельствовало о падении темпов роста производительности труда и усилении инфляционных процессов.

В условиях ухудшения работы промышленности Сталин выступил 23 июня 1931 года с речью на совещании хозяйственников "Новая обстановка - новые задачи хозяйственного строительства". В ней была изложена новая экономическая программа, ставшая известной под названием "шести условий товарища Сталина". На эту речь Троцкий откликнулся статьей "Новый зигзаг и новые опасности". Сопоставление этих двух документов позволяет представить содержание альтернативы сталинской политике, выдвинутой левой оппозицией в 1931 году.

В своей речи Сталин констатировал, что на большинстве промышленных предприятий наблюдается "отсутствие чувства ответственности за работу, небрежное отношение к механизмам, массовая поломка станков и отсутствие стимула к поднятию производительности труда". Для характеристики причин такого удручающего положения он приводил слова рабочих: "Мы подняли бы производительность труда, но кто нас оценит, когда никто ни за что не отвечает?". Возлагая за всё это ответственность, как обычно, на местных руководителей, в данном случае - хозяйственных, Сталин заявлял: "Не может быть сомнения, что наши хозяйственники достаточно хорошо понимают всё это. Но они молчат. Почему? Потому, очевидно, что боятся правды. Но с каких пор большевики стали бояться правды?"¹.

Комментируя эти слова, Троцкий писал: "Убийственное признание. Вернее: самоубийственное признание. "Никто ни за что не отвечает". Это всегда так бывает, когда один хочет отвечать за всех"². Главной причиной бесхозяйственности и безответственности на производстве является установленный в стране политический режим, о котором Сталин не говорит ни слова. Однако слова о "боязни правды" раскрывают существо этого режима, независимо от его желания, со всей полнотой. "С каких пор большевики стали бояться правды?". С тех пор, как тупой, бездушный, безидейный сталинский аппарат задушил фракцию большевиков-ленинцев ... Разгромив левую оппозицию, сталинская бюрократия задушила партию ... внутри самого аппарата страх низшего агента перед высшим достиг такого напряжения, когда никто уже не смеет

¹ Сталин И. В. Соч. т. 13. с. 62-63.

² Бюллетень оппозиции. 1931. № 23. с. 7.

глядеть открыто на факты и передавать наверх то, что подметил. Низшие звенья подпевают и поддакивают высшим, а высшие звенья воспринимают это поддакивание и подпевание за голос самой жизни¹. Чтобы большевики перестали бояться говорить правду, необходимо возродить партийную и советскую демократию, поставить проблемы хозяйства в полном объёме на обсуждение партии и профессиональных союзов.

Касаясь собственно экономических проблем, Троцкий обращал внимание на слова Сталина о том, что "принципы хозрасчёта оказались совершенно подорванными.., в ряде предприятий и хозяйственных организаций давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов"². В этих словах Троцкий усматривал фактическое признание негодности административно-бюрократической системы управления экономикой. "Калькуляция, которая не была идеальной и ранее, ибо советское государство только начинало учиться производить расчёты в общегосударственном масштабе, - писал Троцкий, - оказалась вовсе отброшена с того времени, как бюрократическое руководство подменило марксистский анализ хозяйства и гибкое регулирование голым административным подстёгиванием. Коэффициенты роста стали вопросом бюрократического престижа. До калькуляции ли тут? Героем оказывался тот директор или председатель треста, который "выполнил и перевыполнил" план, ограбив бюджет и подложив мину, в виде плохого качества продукции, смежным отраслям хозяйства. Наоборот, хозяйственник, который старался правильно сочетать все элементы производства, но не выгонял священных бюрократических рекордов, попадал сплошь да рядом в разряд штрафных"³.

Далее Троцкий останавливался на проблеме текучести рабочей силы, о масштабах которой свидетельствовало признание Сталина в том, что на большинстве предприятий состав рабочих на протяжении полугода или даже квартала меняется по крайней мере на 30-40 %. Советский рабочий, как заявил Сталин, "чувствует себя "дачником" на производстве, работающим лишь временно для того, чтобы "подработать" немного и потом уйти куда-нибудь в другое место "искать счастья"⁴. Комментируя эти вынужденные признания, Троцкий раскрывал их действительный смысл: всеобщее передвижение рабочей массы с предприятия на предприятие означает, что "положение рабочих - надо это сказать честно, ясно, открыто, - чрезвычайно ухудшилось за последний период"⁵. Текучесть представляет собой анархическую реакцию на избыток административного нажима при полной невозможности рабочих улучшить свое положение на предприятии нормальным путём, т. е. через посредство профессиональных союзов. Она означает громадное расхищение творческих сил, бессмысленную потерю рабочего времени как на переход с завода на завод, из города в город, так и на болезненный процесс приспособления к новым

¹ Там же.

² Сталин И. В. Соч. т. 13. с. 74-75.

³ Бюллетень оппозиции. 1931. № 23. с. 4.

⁴ Сталин И. В. Соч. т. 13. с. 55-57.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1931. № 23. с. 5.

условиям труда. "Такова одна из главных причин низкой производительности труда и высокой себестоимости. Но самая главная опасность текучести - в поисках счастья! - состоит в моральном изнашивании пролетариата"¹.

Объявив основной причиной текучести "уровнировку" в заработной плате, Сталин заявил, что "экономить на организации зарплаты, которая воздает должное квалификации работника", "значит совершить преступление, идти против интересов нашей социалистической индустрии"².

Отмечая, что новая экономическая программа Сталина на 90 % сводится к восстановлению сдельной заработной платы, Троцкий писал, что утвердившиеся в первые годы пятилетки методы распределения были плохи во всех отношениях. Отменив нэп, бюрократия поставила на места гибкой дифференцированной оценки труда натуральное "премирование", по своей сути означавшее бюрократический произвол. Торговый оборот был заменён "закрытыми распределителями". В сочетании с полным хаосом в области цен, произвольно устанавливаемых в разных распределительных системах, это ликвидировало всякое соответствие между индивидуальным трудом и индивидуальной зарплатой и тем самым убивало личную заинтересованность производителя. В этих условиях выдвигавшиеся и ранее самые строгие требования о проведении хозрасчёта, повышении производительности труда и качества продукции, снижении себестоимости повисали в воздухе. Поэтому было бы доктринёрством возражать в принципе против восстановления слишком рано отменённой сдельной заработной платы.

Однако упование исключительно на сдельщину не решит экономических проблем, но породит новые проблемы социального характера. Ближайшим следствием новой политики в области заработной платы станет возникновение рабочей аристократии. Однако "традиция большевизма есть традиция борьбы против аристократических каст в рабочем классе ... Программа сталинской бюрократии фатально ведёт её к необходимости опираться на всё более привилегированную рабочую аристократию"³.

Троцкий обращал внимание на то, что новая система заработной платы так же, как прежняя, провозглашена в порядке "единоличного откровения". Между тем жизненная, прогрессивная система заработной платы может быть выработана лишь при участии самих трудящихся. Однако это участие подменено участием профсоюзной бюрократии, которая несколько не лучше всякой другой. Инструменты организации заработной платы - коллективные договоры и тарифные сетки, ранее служившие предметом обсуждения между рабочими и администрацией предприятий, теперь вырабатываются в канцеляриях и навязываются рабочим. Поэтому разумная организация заработной платы с необходимостью требует возрождения рабочего самоуправления и профсоюзной демократии.

Оценивая пресловутые "шесть условий Сталина" в целом, Троцкий пришёл к выводу, что сталинские зигзаги, неизменно сводящиеся к попыткам

¹ Там же. с. 7.

² Сталин И. В. Соч. т. 13. с. 58.

³ Бюллетень оппозиции. 1931. № 23. с. 6.

строить социализм бюрократическим путём, "обходятся дорого и с каждым разом - всё дороже ... Новый зигзаг Сталина, независимо от того, как он развернется в ближайшее время, неизбежно приведет к новым и ещё более острым противоречиям на ближайшем же этапе"¹.

Не менее серьезные противоречия назревали и в сельском хозяйстве, в связи с переходом от отступления 1930 года ко второму, завершающему туру насильственной коллективизации.

¹ Там же. с. 8.

XXVII

Второй тур коллективизации и её итоги

После статьи "Головокружение от успехов", лицемерно провозгласившей отказ от насильственной коллективизации, были приняты постановления о сельскохозяйственном налоге, резко дифференцирующие налоги на колхозы, колхозников и единоличников с целью на этот раз "экономическим путём" загнать последних в колхозы.

В 1931 году для единоличников был отменён необлагаемый минимум, т. е. минимальный размер годового дохода, дающий право на освобождение от налога. Таким образом, даже беднейшие крестьяне, отказывавшиеся вступать в колхоз, должны были уплачивать сельскохозяйственный налог. В том же году был введён новый налог - на ранее не учитываемые доходы единоличников от продажи своей продукции на рынке. Тогда же была ликвидирована законодательная регламентация индивидуального обложения; установление признаков кулацких хозяйств, подлежащих такому обложению, было возложено на республиканские и областные органы власти, что открывало широкую дорогу произволу при начислении налогов.

В 1931 году размер обложения кулацкого двора был повышен по сравнению с предыдущим годом более чем вдвое. В этом году в расчёте на один двор единоличник платил налог в 10 раз больший, чем колхозник, а кулак - в 140 раз больший. В итоге колхозы и колхозники, составлявшие 58,6 % крестьянских хозяйств, уплатили 24,6 % общей суммы сельхозналога, единоличники (40,5 % хозяйств) - 60 % этой суммы, а менее 1 % хозяйств, отнесённых к кулацким и подвергнутых индивидуальному обложению, - 15,3 %.

Наряду с этим был дан новый толчок административной коллективизации. Директивное письмо ЦК "О коллективизации", разосланное в сентябре 1930 года, требовало "добиться нового мощного подъёма колхозного движения". Декабрьский пленум ЦК и ЦКК 1930 года утвердил контрольные цифры, согласно которым в 1931 году должно было быть коллективизировано не менее половины крестьянских хозяйств.

С осени 1930 года возобновилось выселение раскулаченных крестьян. В марте 1931 года была образована комиссия под председательством Андреева для координации крупномасштабных операций по депортации "кулаков". В мае она приняла решение о переселении в Казахстан 60 тысяч и на Северный Урал - 50 тысяч семей. Вслед за этим было принято секретное постановление ЦИК и СНК об организации специальных поселков (спецпоселений) для кулацких семей "в местностях, где ощущается недостаток в рабочей силе для лесозаготовительных работ, работ по освоению неиспользованных земель и по разработке недр, для рыбных промыслов и т. п."¹. В этих поселениях депортированные находились под строгим административным надзором. Управление спецпоселениями было возложено на ГУЛАГ ОГПУ.

¹ Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. с. 257-258.

В 1931 году масштабы депортации семей, подведённых под категорию кулацких, резко увеличились по сравнению с предыдущим годом. Если в 1930 году численность семей, выселенных в отдалённые районы, составила 115,2 тыс., то в 1931 году - 266 тыс. Всего за 1930-1931 годы было раскулачено 569 тыс. семей, из них 381 тыс. была выселена в отдалённые районы. Массовое выселение раскулаченных было прекращено весной 1932 года. К началу 1933 года в спецпоселениях находилось 1317 тыс. чел.

К началу второго тура раскулачивания в деревне уже не осталось кулаков как социальной группы, эксплуатирующей чужой труд. Поэтому для оправдания репрессивной политики Сталин ввёл в партийный лексикон крайне растяжимые понятия "кулацко-зажиточная верхушка деревни" и "подкудачник". Политическая цель введения последнего термина состояла в том, чтобы любой протест против насилия и произвола в деревне мог быть квалифицирован как вылазка "агента кулака". Одновременно развернулись новые репрессии, обрушившиеся на местных партийных и советских работников, не обнаруживших в своих районах спущенного им сверху процента хозяйств, подлежащих раскулачиванию.

Новая волна насилий по отношению к крестьянству вызвала ответную вспышку активной антиколхозной борьбы. В 1931 году было зафиксировано огромное количество случаев нападений на колхозные обозы с хлебом, поджогов зерна, отравления скота и порчи машин в колхозах, террористических актов против колхозного актива и хлебозаготовителей. Вновь вспыхнуло большое число мятежей. Оживилось басмаческое движение в Средней Азии, поддержанное вторжением вооружённых отрядов из-за рубежа.

Налоговый режим и карательные меры привели к перевыполнению намеченных рубежей коллективизации. В сентябре 1931 года в колхозах числилось почти 60 % крестьянских хозяйств. Однако даже официальная печать признавала, что многие колхозы являются "дутыми", "бумажными", "лжеколхозами".

Оценивая итоги сплошной коллективизации, левая оппозиция видела их прежде всего в полном разрушении экономической "смычки" между городом и деревней, налаживание которой Ленин считал основной задачей нэпа. "Теоретическая формула смычки очень проста, - писал Троцкий. - Национализированная промышленность должна доставлять крестьянству необходимые ему продукты в таком количестве, такого качества и по таким ценам, чтобы из взаимоотношений государства с основной массой крестьянства совершенно устранить или свести к минимуму фактор внеэкономического принуждения, то есть административного изъятия продуктов крестьянского труда". Установление добровольного взаимовыгодного товарного обмена между промышленностью и сельским хозяйством, эквивалентных цен на их продукцию обеспечило бы социально-политическую стабильность советского общества и создало бы экономический фундамент, на котором можно было уверенно вести вперед хозяйственную работу. "Обеспечены ли при "сплошной коллективизации" такие взаимоотношения города и деревни, при которых внеэкономическое принуждение, если не сошло на нет, то явно сходит на нет? В этом весь вопрос. И на этот коренной вопрос приходится пока дать отрицательный ответ. Сплошное

коллективизирование явилось не как увенчание и развитие достигнутой смычки, а как административное прикрытие её отсутствия"¹.

Проблема смычки в свете опыта насильственной коллективизации получила освещение в статье "На новом повороте", присланной в "Бюллетень" группой оппозиционеров из Москвы и Ленинграда. В ней отмечалось, что сталинское руководство стремится выгравить из памяти партии ленинское понимание смычки, суть которого состоит в том, что "крестьянин должен получать в обмен на свой хлеб продукты промышленности на условиях, не худших, чем те, какие были при капитализме: таков низший предел смычки. Разумеется, смычка будет гораздо прочнее и надежнее, если (когда) советская промышленность начнет доставлять крестьянину в обмен на хлеб и пр. свои продукты на условиях более выгодных, чем не только условия дореволюционной России, но и нынешние условия мирового рынка". Именно так всегда понимала проблему смычки левая оппозиция. Поэтому она выдвигала на первый план проблему ножиц промышленных и сельскохозяйственных цен. "В растворе ножиц мы видели важнейший критерий успехов и неудач советского хозяйства ... Задача в том, чтобы крестьянству было выгодно производить как можно больше и как можно больше сберегать из своих продуктов, чтоб иметь возможность продавать их, т. е. обменивать на изделия государственной промышленности"².

Решение этой задачи автоматически улучшило бы продовольственное положение городов, не говоря уже о самой деревне. Однако бюрократия объявила, что задача смычки разрешена самим фактом коллективизации большинства крестьянских хозяйств и поэтому данную тему больше вообще не следует поднимать. Под прикрытием этой демагогии происходило принудительное изъятие продуктов из колхозов и подрывались основы планомерного развития всего народного хозяйства.

Автор статьи "Похмелье от экономического Октября", выступавший под псевдонимом "Тонов", писал, что "в бюрократической голове основной вопрос нашей революции разрешался очень просто: в 3 года ликвидировать кулачество, как класс, т. е. разорить его и загнать в тайгу, а огромную массу беднейшего и середняцкого крестьянства коллективизировать в тот же срок административно-бюрократическим способом. И проблема смычки уже разрешена: уже создано "единое более или менее гармоничное социалистическое хозяйство". Так ещё недавно рассуждало - если оно вообще рассуждало - большинство сталинских чиновников и мелкого, и среднего и крупного калибров ... Эти заманчивые иллюзии, созданные бюрократическим тупоумием, разлетелись в пух и прах"³.

Автор статьи подчеркивал, что только 15-20 % колхозов можно считать более или менее организованными хозяйствами, т. е. такими, в которых производственная организация, техника и производительность труда хотя бы немного выше, чем в индивидуальных хозяйствах, из которых они образованы. Ос-

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 28. с. 17.

² Бюллетень оппозиции. 1932. № 29-30. с. 2.

³ Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. с. 21.

новая же масса колхозов "находится в хаотическом и полухаотическом состоянии; производительность труда в этих хозяйствах ниже среднего уровня производительности труда индивидуального крестьянского хозяйства; мало того - они постепенно съедают тот скромный инвентарь, который у них ещё остался после коллективной лихорадки"¹. Такое состояние колхозов объясняется тем, что Сталин и его чиновники чудовищно переоценили роль административных мероприятий в деле реконструкции деревни. Теперь же бюрократы, "твёрдо верившие во всемогущество административной палки", пытаются возложить вину за неудачи своей политики на "мужика". "Мужик подвел! - в последнее время эта фраза часто срывается с уст вздыхающего чиновника ... "Мужик обычно не хочет идти в коллектив, он упирается; но мы его скрутим и заставим работать в коллективе!" - в этой часто повторяющейся фразе выражена вся узколобая мудрость сталинского чиновника"².

Однако никакое усиление репрессий не способно заставить крестьянина эффективно работать в колхозе, где вся организация труда основана на административном принуждении. "Мужик" оказался упрямее и устойчивее Радека и Пятакова (капитулянтов, проявивших усердие в признании своих "ошибок" - В. Р.), - завершал свой анализ автор статьи. - Под угрозой палки он не "прозрел", не понял целесообразности коллективизации, а скорее был сбиг с толку. Поэтому он потерял стимул к работе: он плохо сеет, ещё хуже убирает; при первой возможности он "утекает" из колхоза"³.

Аналогичные констатации встречались и в других письмах из СССР, опубликованных "Бюллетенем" в 1932 году. "В колхозах развивается процесс распада. Крестьяне бегут в города, на работы; в колхозах же не хватает рабочих рук"⁴. "Грандиозная утопия сплошной коллективизации крестьянства в течение двух-трёх лет потерпела столь же грандиозное поражение. Этот факт всё больше входит в сознание всей страны"⁵.

Суммируя взгляды левой оппозиции на итоги сплошной коллективизации, Троцкий писал, что деревню постигли наиболее разрушительные последствия сталинской авантюристической политики, растянувшейся на несколько лет. "Двадцать пять миллионов изолированных крестьянских эгоизмов, которые вчера ещё являлись единственными двигателями сельского хозяйства, - слабыми, как мужицкая кляча, но всё же двигателями, - бюрократия попыталась единым взмахом заменить командой двухсот тысяч колхозных правлений, лишённых технических средств, агрономических знаний и опоры в самом крестьянстве"⁶. Непосредственным результатом коллективизации стало безразличие колхозников к обобществлённому имуществу и результатам собственного труда.

¹ Там же. с. 21-22.

² Там же. с. 22.

³ Там же.

⁴ Там же. с. 23.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1932. № 28. с. 2.

⁶ Троцкий Л. Д. Преданная революция. с. 36.

XXVIII

Неравенство, нищета, спекуляция

Оказавшись перед лицом упорного сопротивления крестьянства административному нажиму, Сталин оказался вынужденным пойти на уступки крестьянам. 27 марта 1932 года было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) "О принудительном обобществлении скота". В нем всем партийным, советским и колхозным организациям вменялось в обязанность содействие колхозникам в покупке и выращивании личного скота. Теперь задача партии усматривалась в том, чтобы "у каждого колхозника были своя корова, мелкий скот, птица"¹.

Вслед за этим в мае были опубликованы постановления ЦИК и СНК, согласно которым колхозам, колхозникам и единоличникам снижался вдвое план хлебо- и скотозаготовок, а после выполнения этих планов разрешалась торговля на базарах по свободным ценам. Одновременно отменялись все ограничения на убой скота. Ещё одной серьезной уступкой крестьянам стала отмена всех республиканских и местных налогов с продажи колхозами, колхозниками и единоличниками продуктов своего производства на базарах, станциях железных дорог и т. д. Местным советам предписывалось максимально снизить ставки арендной платы за помещения, предоставляемые для такой торговли. Были отменены налоги на доходы от продажи крестьянами продуктов, а также потолки базарных цен, ущемлявшие свободную торговлю.

Не приведя к желанному умиротворению деревни, все эти меры тяжело ударили по городскому населению, вызвав резкий скачок цен на базарах. Индекс городских базарных цен на сельскохозяйственные продукты в 1932 году превысил в 6,6 раза цены 1930 года и в 13,3 раза - цены 1928 года. Эти цены существенно превышали покупательную способность рабочих. При среднем заработке рабочего, составлявшем 125 рублей (без всевозможных отчислений), пуд муки стоил на базарах 60-80 руб., 400 граммов масла - 10 руб., десяток яиц - 7 руб., литр молока - 2-3 руб.

В стремлении ослабить продовольственную нужду в городах бюрократия повела кампанию за самообеспечение рабочих продуктами питания: обзаведение огородами, коровами, курами и т. д. Печать принялась клеймить "голово-тяпов", которые "не понимают, что домашнее хозяйство привязывало раньше рабочего к капитализму, а теперь привязывает его к советскому строю"².

Ещё одной мерой, направленной на смягчение продовольственного кризиса, стало создание на предприятиях собственных продовольственных хозяйств: заводских огородов и животноводческих ферм. Хрущёв вспоминал, что в 1932 году, когда в Москве "была голодуха", Сталин распорядился, чтобы каждый завод и фабрика разводили кроликов. Предприятия стали создавать кроличьи фермы там, "где возможно и, к сожалению, где было невозможно". В этих же

¹ КПСС в резолюциях и решениях. т. 5. с. 406.

² Правда. 1932. 3 октября.

целях предприятия строили погреба и траншеи для выращивания шампиньонов. Эти "грибницы" в народе скоро стали называть "гробницами"¹.

Одновременно развернулась кампания по созданию на заводах-гигантах тяжёлой индустрии мелких цехов по производству товаров народного потребления. Характеризуя это новшество, авторы коллективной статьи "На новом повороте" писали: "Директора заводов, технический персонал и комячейки больше всего, пожалуй, вынуждены сейчас ломать свою голову над тем, как при данном производстве создать второе, в известном смысле, паразитическое производство. Автомобильный завод выделяет ложки и вилки, или платяные щетки, или топоры и пр."². Паразитический характер "чрезвычайного сельского хозяйства при заводах" и "второго производства при основном производстве" авторы статьи видели в том, что эти кустарные отрасли не только велись вне плана, но и подрывали его, поскольку они создавались и содержались за счёт средств и ресурсов, предназначенных по плану для профильного производства.

Ещё одним экономическим новшеством стало открытие в 1931 году коммерческих магазинов. В розничном товарообороте продовольственных и промышленных изделий удельный вес коммерческой торговли вырос с 3 % в 1931 году до 24 % в 1934 году. Остальная часть фондов розничной торговли распределялась по карточкам и через систему закрытых распределителей.

В 1932 году коммерческие цены превышали карточные (пайковые) в 7,7 раза, в 1933 году - в 12-15 раз. Килограмм хлеба в свободной продаже стоил в 20-30 раз выше, чем килограмм нормированного хлеба. Килограмм колбасы в коммерческих магазинах продавался за 25 руб., мяса - за 16-18 руб., масла - за 40-45 руб. Такая политика цен вынуждала горожан отдавать последние сбережения, чтобы приобрести недостающие продукты питания. Она особенно жестоко била по тем слоям населения, которые снимались с рационированного снабжения. Сокращение контингентов, имеющих право на получение карточек, происходило систематически.

Одновременно с коммерческими магазинами были открыты магазины Торгсина, где торговля велась на драгоценные металлы и валюту. Введение торгсиновской системы создало благоприятные условия для "предприимчивых людей", занимавшихся валютной спекуляцией. "Приезжим (иностранцам), - сообщал корреспондент "Бюллетеня", - везде и всюду предлагают рубли за "хорошую цену" от 8 до 10 рублей за доллар. Передают, будто в некоторых случаях платят и 40 рублей за доллар. Инфляция, разные уровни цен, разные системы довольствия - всё это порождает в повседневном быту явления двойственности, фальши, контрабанды и деморализации"³.

Наряду с ростом рыночных и коммерческих цен росли и нормированные цены, особенно после увеличения в 1931 году налога с оборота, взимаемого с товаров лёгкой промышленности.

¹ Знамя. 1989. № 9. с. 14-15.

² Бюллетень оппозиции. 1932. № 29-30. с. 3.

³ Там же. с. 14.

Несмотря на повсеместно ощущаемое ухудшение жизненного положения трудящихся, в "партийных документах" ситуация в области народного благосостояния по-прежнему изображалась в хвастливо-оптимистических тонах. В резолюции XVII конференции ВКП(б) (февраль 1932 года) утверждалось, что в Советском Союзе "растёт недостижимыми для капиталистических стран темпами народный доход, уничтожены безработица и нищета (пауперизм), уничтожаются "ножницы цен" и противоположность между городом и деревней, растут из года в год благосостояние и культурный уровень рабочих и трудящихся крестьян, падает смертность и быстро возрастает народонаселение СССР"¹.

Разоблачая эти радужные утверждения, "Рютинская платформа" констатировала, что строительство новых фабрик и заводов происходило за счёт экспроприации значительной части заработной платы рабочих посредством повышения цен, всякого рода займов, налогов, членских взносов и в ещё большей степени - за счёт экспроприации основных масс деревни. В "Платформе" подчеркивалось, что в 1932 году реальная заработная плата рабочего составила не более четверти реальной заработной платы 1927 года. "Рабочий целыми неделями не видит ни грамма мяса, масла, молока; за аршином ситца он вынужден простаивать в очередях многими часами; ни вилки, ни стакана, ни ложки негде купить"². Дополнительное вовлечение рабочих в производство (за счёт увеличения числа работающих в семье) не покрывало огромного падения реальных доходов рабочих семей.

Ещё более негативно "Рютинская платформа" характеризовала положение трудящихся деревни. В ней подчеркивалось, что за годы коллективизации ножницы цен на промышленные и сельскохозяйственные товары гигантски возросли. "Крестьянин за свои продукты получает по нормированным ценам заготовок жалкие гроши: 1 руб. 50 коп. - 2 руб. за пуд хлеба и платит за метр ситца также 1 руб. 50 коп... В деревне отбирается почти даром хлеб, мясо, шерсть, кожа, лен, куры, яйца и пр., всё это стягивается в голодающие города и экспортируется за полцены за границу. Деревня превращена в самый худший вид колонии. Товаров в деревне нет; в то же время домотканную одежду и обувь приготовить не из чего, ибо лен, шерсть, кожа отобраны, а скот вырезан и передох от плохого ухода и отсутствия кормов.

Лапти стали остродефицитным товаром. В результате вся деревня одевается в жалкое отрёпье. Трудодень колхозника в среднем оплачивается 15-20 коп., что в переводе на золотой рубль дает две-три копейки. Деревня в настоящее время представляет сплошное кладбище". Авантюристическая политика Сталина привела к обезлюдению деревни и к бегству здоровых и трудоспособных сельских жителей в города. В условиях неуклонного обнищания крестьянства "не только сто тысяч тракторов не смогут убедить деревню в преимуществах коммунального (т. е. общественного, колхозного - В. Р.) хозяйства, но и количество в несколько раз больше"³.

¹ КПСС в резолюциях и решениях. т. 5. с. 392.

² Реабилитация. с. 368.

³ Там же. с. 367-368.

В "Платформе" делался вывод о том, что "в действительности мы в настоящее время несравненно дальше находимся от социалистического общества, чем в 1926-1927 годах"¹.

Эти непредвзятые наблюдения убедительно опровергают излюбленный тезис современных "демократов" о том, что Сталин явился выразителем интересов сформировавшихся в годы первой пятилетки новых слоёв необразованного и деполитизированного рабочего класса, а социальной опорой сталинского режима стал "люмпен с жаждой уравниловки"². В действительности именно на новые слои советского рабочего класса, составлявшие его наименее квалифицированную часть, особенно тяжело падало бремя сталинского репрессивного трудового законодательства, непрерывно ужесточавшего санкции за "нарушения трудовой дисциплины". Постановление ЦИК и СНК от 15 ноября 1932 года предусматривало за один день неявки на работу без уважительной причины немедленное увольнение, лишение права пользоваться продовольственными и промтоварными карточками и выселение из принадлежащей предприятию квартиры. Уровень жизни неквалифицированных слоёв рабочего класса был потрясающе низок, что не могло не отражаться на их повседневном социальном самочувствии. Передавая впечатления от посещения Днепростроя, корреспондент "Бюллетеня" писал: "Лишь самая маленькая часть рабочих помещается в новых зданиях и живёт в сносных, человеческих условиях. Остальные живут в бараках. Грязь, полутьма, зимой - в холоде, на плохом питании. Лица угрюмые, чувствуется не только недовольство, но и отчаяние. Долго так существовать невозможно"³.

Автор выразительно характеризовал действительное отношение бюрократии к "отсталым" рабочим, т. е. к неквалифицированным слоям рабочего класса, пришедшим на заводы из деревень. "Думается, что нет ни одной более резкой формы неравенства, чем неравенство между просто сытым и просто голодным. Бюрократия же у нас сыта, одета, живёт в теплых и светлых помещениях. Миллионы же рабочих живут в бараках, в просто животных условиях, и это уже годами. На нужды рабочего, на его жалобу на голод, на его недовольствие, бюрократ отвечает: это не сознательный рабочий, это вчерашний крестьянин"⁴.

¹ Там же. с. 369.

² Дружба народов. 1989. № 5. с. 214.

³ Бюллетень оппозиции. 1933. № 35. с. 26.

⁴ Там же. с. 27.

XXIX

Неравенство, привилегии и роскошь

В условиях ужасающей нищеты основной массы трудящихся бюрократия настойчиво стремилась к выделению привилегированных слоёв рабочего класса и колхозного крестьянства для укрепления социальной базы своего режима. В первые годы пятилетки таким привилегированным слоем стали "ударники". Говоря об усилении неравенства не только между бюрократией и рабочим классом, но и внутри рабочего класса, корреспондент "Бюллетеня" приводил примеры привилегий ударников в натуральном снабжении. "На заводе, рядом работают два рабочих, одинаковой профессии, одинаковой квалификации и разряда, но один из них - ударник, другой - "просто" рабочий. Ударник не только получает в первую голову материалы в производстве, но и паек, притом более жирный паек. На некоторых предприятиях дошли до таких безобразий, как организация двух столовых: получше - для ударников, похуже - для "простых" рабочих"¹.

Такая практика широко пропагандировалась не только печатью, но и высшими партийными руководителями. В выступлении на совещании московского партийного актива Каганович подводил идеологическую базу под привилегии "ударников" следующим образом. Он рассказал о своей беседе с рабочим, задавшим вопрос: "Почему ударнику дали пальто, а мне, неударнику, не дают?" "А ты пойди в ударную бригаду и тебе дадут", - ответил Каганович. Приведя этот пример, Каганович с пафосом заявил: "Вы видите, как отсталый рабочий, который не интересуется ударным движением, должен был призадуматься над тем, что такое ударное движение и как он может приблизиться к нему. Это, безусловно, огромный фактор в поднятии производительности и в перевоспитании отсталых рабочих. "Что пальто является "огромным фактором", особенно зимою, в этом сомнений быть не может, - иронически комментировал эти слова автор письма, - но что назначение его не предохранять его бренное тело от стужи, а, видите ли, "перевоспитывать отсталых рабочих" - в этом можно усомниться. И куда только не заводит бюрократическое мышление"².

В первые годы пятилетки неравенство выражалось также в создании закрытых распределителей и кооперативов, прикрепление к которым крайне жёстко ранжировалось в зависимости от социального статуса. Корреспондент "Бюллетеня" сообщал, что существуют три основные категории кооперативов: для индустриальных рабочих, неиндустриальных рабочих и служащих. Помимо этого "существует ещё целый ряд закрытых распределителей: для дипломатов (неограниченно), для иностранных специалистов, для крупных бюрократов и т. д. Всё это дифференцировано соответственно чинам и постам"³.

¹ Бюллетень оппозиции. 1931. № 19. с. 37.

² Там же.

³ Бюллетень оппозиции. 1931. № 23. с. 22.

Поскольку в условиях хронического товарного голода, карточной системы и разнообразных систем закрытого снабжения деньги утрачивали свою функцию всеобщего эквивалента, при поступлении на работу, как сообщалось в одном из писем, "никто не интересуется жалованьем. Первый вопрос: "Распределитель есть? Какой?". Однако и в распределителях почти ничего нет; исключение лишь - распределители для самого узкого круга"¹.

Восстановление свободной торговли на базарах и открытие коммерческих магазинов означало "реабилитацию рубля", повышение роли заработной платы в дифференциации материального положения различных социальных слоёв. Одновременно резко возросли различия в уровне заработной платы, которые в годы нэпа сознательно сдерживались правительственной политикой. В 1926-27 годах установленный максимум годового дохода специалиста превышал в 3,5 раза средний годовой доход чернорабочего. Такой максимум имели всего 0,3 % лиц, получавших заработную плату. После появления "шести условий" Сталина ограничения в дифференциации заработной платы были ликвидированы.

В 1931 году были отменены, с одной стороны, закон, запрещавший платить занятым на сдельной работе менее двух третей среднего уровня зарплаты, и с другой стороны, закон, согласно которому рабочий, превышающий нормы выработки, мог получать сверх тарифа не более 100 % обычной нормы зарплаты.

Тогда же был аннулирован закон, согласно которому специалисты, работающие по совместительству (которое было тогда широко распространено), могли получать лишь в полтора раза больше установленного максимума зарплаты. Эта мера явилась составной частью новой сталинской политики по отношению к интеллигенции. В 1931 году Сталин в качестве одного из "шести условий" призвал создать "ядро командного состава нашей промышленности" "соответствующую обстановку, не жалея для этого денег"². Рассказывая о практическом претворении этого лозунга в жизнь, корреспондент "Бюллетеня" отмечал, что техническую интеллигенцию "превращают в высшую, привилегированную категорию, стоящую над рабочим и колхозником и приближающуюся к партбюрократии"³.

В формировании новых привилегированных групп важную роль сыграла постепенная отмена партмаксимума. В 1920 году было принято постановление ВЦИК, устанавливавшее единую фиксированную тарифную сетку зарплаты для всех коммунистов, включая партийных, советских, профсоюзных и хозяйственных руководителей. Максимальный уровень их окладов не должен был превышать зарплату высококвалифицированного рабочего. Ограничение доходов коммунистов определённым потолком сохранялось в первые годы нэпа. Так, в 1924 году директор завода - коммунист получал 187,9 руб., а такой же директор-беспартийный - 309,5 руб. Высокооплачиваемые коммунисты должны были в обязательном порядке отчислять определённую часть зарплаты в фонд взаимопомощи остро нуждающимся членам партии. Постановлением ЦК

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. с. 23.

² Сталин И. В. Соч. т. 13. с. 67-68.

³ Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. с. 24.

ВКП(б) от 7 мая 1928 года партмаксимум был определен в размере 2700 руб. в год. Это, однако, не означало, что член партии не мог зарабатывать больше этой суммы, например, в случае получения авторских гонораров. Но он был обязан сдавать в партийную кассу 20 % "с первых 2700 руб. излишка" (т. е. с суммы, превышающей партмаксимум), 30 % - с суммы излишка от 2700 до 5400 руб. и 40 % - с суммы излишка, превышающего 5400 руб.

Фактическая отмена партмаксимума произошла в конце 1929 года, а официально он был ликвидирован секретным постановлением Политбюро от 8 февраля 1932 года. Даже Е. Варга, занимавший в 20-30-е годы ответственные партийные посты, вспоминал, что ему неизвестно время отмены партмаксимума, о самом существовании которого умалчивалось во всех сталинских и послесталинских учебниках по истории партии. Однако он со всей определенностью подчеркивал, что после отмены партмаксимума в 30-е годы "началось радикальное расслоение советского общества, в зависимости от окладов. Один за другим - в соответствии с их значением для режима Сталина - выделялись привилегированные слои"¹.

При всех своих зигзагах социальная политика сталинизма продолжала использовать экономические основы, заложенные Октябрьской революцией, в интересах привилегированных групп общества. Идеологическим обоснованием этой политики служило объявление "распределения по труду" не выражением буржуазного права в переходный период от капитализма к социализму, как полагали Маркс и Ленин, а "основным принципом социализма". Характерно, что после смерти Сталина каждый последующий лидер партии, подвергая безжалостной критике политику и идеологические догмы своего предшественника, сохранял в неприкосновенности этот главный "теоретический" постулат сталинизма.

В условиях централизованно регулируемых государством пропорций в оплате труда, защита "распределения по труду" служила обеспечению повышенной оплаты тех категорий работников, которые оказывались наиболее "нужными" для стабильности и упрочения господствующего режима.

Левая оппозиция исходила из того, что после победы социалистической революции социального равенства нельзя достигнуть одним скачком. Троцкий отмечал, что неравенство в форме дифференцированной заработной платы, премий и т. д. диктуется интересами развития производственных сил и объективно выступает в переходный период "буржуазным орудием социалистического прогресса"². Само государство остается нужным после ликвидации эксплуататорских классов именно потому, что ещё продолжают действовать буржуазные нормы распределения. Органом этого распределения служит бюрократия. Это означает, что даже революционная бюрократия остается в известной степени буржуазным органом в государстве переходного периода. Решающее значение для оценки социальной природы общества является, однако, не статика, а динамика социальных отношений, т. е. основная тенденция, направ-

¹ Полис. 1991. № 2. с. 182.

² Бюллетень оппозиции. 1933. № 36-37. с. 10.

ленность социального развития общества: развивается ли оно в сторону равенства или в сторону роста привилегий.

Именно такой ход рассуждений характерен для написанного в начале 60-х годов "Завещания" Е. Варги, одного из сохранившихся в СССР мыслящих марксистов, не отравленных сталинистской социальной демагогией. Варга - в прошлом венгерский революционер, с 20-х годов находившийся в эмиграции в СССР, стал советским академиком, создателем научной школы в области изучения мировой экономики и мировой политики. Его предсмертные записки представляют размышления над причинами социального перерождения советского общества.

Рассматривая главные аргументы сторонников "основного принципа социализма", согласно которым более производительный труд должен, по Марксу, более высоко оплачиваться и что квалифицированный труд "многократно" превосходит по своему значению для общества труд неквалифицированный, Варга выдвигал два возражения против этих аргументов. Во-первых, Маркс никогда не уточнял того, сколько времени должен длиться переход от "от оплаты по труду" к коммунизму; но во всяком случае он "конечно, не думал о сроке в 46 лет, которому не видно конца". Во-вторых, Маркс оставлял открытым вопрос о допустимых разрывах в оплате труда различных категорий работников. Комментируя положения Маркса о неравной оплате за неравный труд, Ленин утверждал, что "товарищи, освобождённые от физического труда, должны получать вдвое больше квалифицированного рабочего - не более". Между тем в начале 60-х годов "рабочий совхоза зарабатывал в месяц 30-50 рублей; академик приблизительно 1000 рублей, т. е. в 20-30 раз больше"¹.

Нетрудно убедиться, что Варга, исходя из основных положений марксистско-ленинской теории, очищенной от сталинистских напластований, приближался в этом вопросе к позиции Троцкого, подчеркивавшего в 30-е годы, что "по условиям повседневной жизни, советское общество уже сейчас делится на обеспеченное и привилегированное меньшинство и прозябающее в нужде большинство, причем на крайних полюсах неравенство принимает характер вопиющих контрастов"².

Размышления Варги совпадают с положениями Троцкого и в той их части, где речь идёт о причинах, по которым в СССР не велась разработка статистики доходной и имущественной дифференциации.

Троцкий подчеркивал, что сталинская бюрократия, страшась обнажения реальной природы существующих социальных отношений, камуфлирует их понятиями, взятыми из социалистического словаря, прибегает не только к судебным, но и к статистическим подлогам.

"Казалось бы, в рабочем государстве данные о реальной заработной плате должны бы особенно тщательно изучаться; да и вся вообще статистика доходов, по категориям населения, должна бы отличаться полной прозрачностью и общедоступностью. На самом деле как раз область, затрагивающая наиболее жизненные интересы трудящихся, окутана непроницаемым покровом. Бюджет

¹ Полис. 1991. № 2. с. 177.

² Троцкий Л. Д. Преданная революция. с. 98.

рабочей семьи в Советском Союзе, как это ни невероятно, представляет для исследования несравненно более загадочную величину, чем в любой капиталистической стране. Упорное молчание на этот счёт источников и авторитетов так же красноречиво, как и их шеголянье ничего не говорящими суммарными цифрами¹. Суммарные, равно как и средние цифры заработной платы, доходов и т. д., которыми пользуется советская статистика, - это арифметические фикции, призванные замаскировать жестокое и всевозрастающее неравенство в уровне жизни. В цивилизованных странах этот метод давно оставлен, поскольку уже не способен никого обмануть.

Спустя четверть века Е. Варга также констатировал, что в Советском Союзе не существует никакой статистики, касающейся распределения доходов по различным слоям населения. Поэтому никто не знает, каковы реальные доходы тех, кто принадлежит к правящему слою - верхушке бюрократии; как велика доля национального дохода, которую получает бюрократия².

Соккрытие данных о социально-имущественной дифференциации призвано было замаскировать источники несправедливого неравенства, которые в основном сводились к следующему:

1) объём и качество труда, особенно в тех сферах, где трудно выработать критерии его объективной оценки, определялись не профсоюзами и другими органами рабочего самоуправления, а бюрократией, волевым способом устанавливающей тарифы и расценки;

2) труд приравнивался к социальному статусу, т. е. оплата в зависимости от объёма и квалификации труда подменялась произвольно устанавливаемыми статусными привилегиями.

Эти привилегии жёстко ранжировались и в среде самой бюрократии, т. е. устанавливались в соответствии с формальным рангом аппаратчика. Сообщая о значительном повышении партмаксимума, корреспондент "Бюллетеня" добавлял: "Кроме того, имеется несколько "максимумов": дифференциация самая тонкая. Например, член ЦК профсоюза получает меньшее жалованье, чем член президиума того же ЦК. Между тем оба работают рядом и на одинаково ответственной работе. То же самое с получением продуктов: здесь в среде ответственных работников устроены десятки категорий. Всё это не только углубляет неравенство, но и создает новый дополнительный стимул для продвижения вперед по бюрократической лестнице"³.

Насаждение жёстко иерархизированных привилегий призвано было вытравить из жизни нравственные принципы большевизма - ориентацию на социальное равенство, готовность бескорыстно и самоотверженно трудиться, беззаветную отдачу общему делу, личную скромность и даже своего рода аскетизм, отношение к материальным благам как второстепенному фактору по сравнению с социальными и духовными ценностями. Привычными стали повышенные оклады, пайки, распределяемые по иерархическим категориям, "специальные" санатории и лечебные учреждения, расселение новой элиты в

¹ Там же. с. 104.

² Полис. 1991. № 2. с. 183.

³ Бюллетень оппозиции. 1931. № 19. с. 20.

домах, построенных по особым проектам. Все эти привилегии нарастали, как лавина, именно в то время, когда на основную массу населения падало бремя голода или жалкого полуголодного существования. В экономических условиях, во многом сходных с условиями эпохи "военного коммунизма", возникли принципиально иные социальные отношения и принципиально иная идеология: необходимость всем членам общества разделять тяготы и лишения, порождённые экстремальным экономическим положением страны, рассматривалась как проявление "левацкой", "мелкобуржуазной уравниловки".

Описание и анализ процессов, связанных с борьбой против "уравниловки", стали одним из лейтмотивов писем, публиковавшихся в 1932 году в "Бюллетене оппозиции". В одном из номеров за этот год была опубликована специальная сводка писем под заглавием "Бюрократия и борьба с уравниловкой". В них подчеркивалось, что усиление неравенства в условиях жизни освящается особой идеологией, которая "добывает и разрушает старую идеологию". "Уравниловка" стала предметом издевательств. Уравнительная оплата именуется не иначе как "кулацкой" ... В этой теории бюрократия нашла впервые открытое и боевое оправдание своего привилегированного положения. По многим наблюдениям я полагаю, что этот побочный результат борьбы с уравниловкой имеет очень большое значение в смысле дальнейшего морального отчуждения бюрократического слоя от рабочих масс¹.

В письмах обращалось внимание и на то, что бесконтрольное командование бюрократии сочеталось со всё более откровенной коррупцией. "Бюрократия и бюрократизм не теоретические понятия, а социальные и бытовые факты. Бюрократия командует, т. е. позволяет, запрещает, приказывает, думает за всех (плохо думает). Бюрократия назначает на все должности, и назначает чаще всего "своего" человека. Непотизм, или по-русски кумовство, цветет самыми ядовитыми цветами².

Пропасть между жизненным положением новой советской элиты и основной массы народа особенно усугубилась в годы первой пятилетки, когда сталинские методы индустриализации и коллективизации привели к резкому падению уровня жизни рабочего класса и колхозного крестьянства, не говоря уже о "раскулаченных", лишённых даже самых необходимых средств существования. Именно в годы массового голода, унесшего миллионы жизней, резко возросли привилегии "верхов" новой советской иерархии. К ним относились не только верхние слои партийной, советской и хозяйственной бюрократии, командный состав армии и органов ОГПУ, но и верхушка научной, технической и творческой интеллигенции. Огромными окладами, премиями, закрытыми распределителями эти слои привязывались к сталинскому режиму. Представители этих слоёв стали жить в материально-бытовом отношении совершенно иначе, чем остальное население, на которое падало бремя неслыханных экономических трудностей, переживаемых страной.

Неуклонный рост неравенства вызывал динамичные изменения в его восприятии, особенно в привилегированных группах, испытывавших радость по

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 29-30. с. 11.

² Там же.

поводу возможности освободиться от спартанских ограничений, действовавших в первое послереволюционное десятилетие. Создание особой жизненной обстановки формировало у представителей этих групп психологию социальной исключительности, вытравляло эгалитарные настроения, характерные в прошлом для русской демократической и революционной интеллигенции. В этих условиях лишь наиболее честные и мужественные деятели культуры осознавали, что разительный отрыв покровительствуемых групп от народа по материальным условиям жизни - следствие грубого и откровенного подкупа, оплачиваемого самыми тяжкими для подлинного интеллигента жертвами: сервизмом и утратой духовной свободы. Нельзя не почувствовать первоначального прорыва к пониманию этого в словах, произнесённых Б. Пастернаком на I съезде советских писателей: "Если кому-нибудь из нас улыбнется счастье, будем зажиточными (но да минует нас опустошающее человека богатство). Не отрывайтесь от масс, - говорит в таких случаях партия ... Не жертвуйте лицом ради положения - скажу я в совершенно том же, как она, смысле"¹.

Основная часть населения воспринимала новые доходные и имущественные различия с чувством глубокого возмущения. Нельзя согласиться с современным социологом Л. Гордоном, который сглаживает остроту этого восприятия, утверждая, что "соотношения, при которых практически все инженеры и учёные получали заметно больше рабочих, а последние - больше колхозников, когда на оборонных заводах и у командного состава армии оклады были выше, чем на гражданских предприятиях или в учреждениях культуры и обслуживания, - эти соотношения воспринимались как само собой разумеющиеся. Что же касается наиболее произвольных различий в сфере распределения, имевших характер привилегий, они распространялись в те годы на очень узкий круг работников и находились по существу вне поля зрения народных масс"².

На деле эти "произвольные различия" воспринимались с негодованием рядовыми тружениками и одновременно - с "пониманием" поднимавшимися по карьерной лестнице бюрократами, купавшимися в привилегиях и щедро раздаривавшими их за государственный счёт "знатным людям", призерам многочисленных политических кампаний. Некоторые ракурсы такого полярного восприятия представлены в автобиографической повести А. Авдеенко "Я люблю", где приводится выразительный диалог между руководителем индустриального гиганта Быбочкиным и молодым рабочим, прославившимся в ходе щедро разрекламированной кампании по "призыву ударников в литературу". Быбочкин "тревожится, одет ли я и обут, как положено знатному человеку. Если б он вот этак встречал каждого рабочего!.. Облюбованному, выставочному образцу легче угождать, чем заботиться обо всех".

"Идеология" Быбочкина, с восторгом воспринимающего происходящие в стране социальные перемены, наглядно проступает в разговоре по поводу главного подарка, даруемого им "знатному человеку":

¹ Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчёт. М., 1934. с. 549.

² Социологические исследования. 1987. № 4. с. 9.

" - Приготовил я семейные апартаменты. Три комнаты со всеми причиндами. Хоть сейчас перебирайся!

- А не многовато ли это для двоих - целые апартаменты?

- Заслужил! Как аукнется, так и откликнется. Страна умеет ценить своих героев.

Вот он какой добренький за счёт народа! Интересно, чем он ещё козырнет? Спрашиваю:

- А что скажут люди, живущие в бараках и землянках, когда узнают, что я переселился в хоромы?

- Брось скромничать, потомок! Большому кораблю - большое плавание.

- А как же совесть? Равенство и братство?

- Вот куда тебя потянуло? По уравниловке затосковал? Придётся кое-что разъяснить. Было время, когда мы законно насаждали уравниловку и в производство и в быт. Партмаксимум для всех коммунистов ввели, невзирая на заслуги и способности ... и чернорабочий, и слесарь, и мастер, и директор были важными персонами ... Левацким загибом страдали. Начальство вправило нам мозги. Отменило партмаксимум. Ввело единоначалие, железные приказы, красные и черные доски, премии, награды, дополнительные пайки. Теперь мы индивидуально, а не скопом взбираемся на верхотуру¹.

Такого рода "философия" с неудержимой быстротой утверждалась в слоях, приобщаемых к официальным привилегиям. Развязывая низменные стороны человеческой натуры, Сталин превосходно сознавал, что "положенные", жёстко иерархизированные привилегии выправляют в пользующихся ими группах чувство социальной справедливости, заменяя его кастовой психологией "избранности", "особости", пренебрежительным отношением к "низам". Социальный строй, основанный на привилегиях, постоянно выделял в более низких социальных слоях людей, стремившихся беспрекословным послушанием и бездумным исполнением самых жестоких и диких акций, продиктованных сверху, заслужить "право" на доступ к власти и связанным с ней привилегиям. Широко открытые Сталиным ворота для такой "вертикальной мобильности" явились решающим условием для создания обстановки, позволившей в 1936-38 годах осуществить практически полную замену правящего слоя, среди которого сохранялось немало людей, воспитанных на идеях большевизма и отвергавших, пусть общественно безгласно, новые социальные и политические порядки. На его место пришла молодая генерация, преемственно не связанная с большевистскими традициями и воспитанная в духе сословно-иерархического мышления и безграничной личной преданности "вождю".

В той политической беспринципности, которую проявляли в период массовых репрессий даже многие старые большевики, нельзя не видеть продолжения моральной беспринципности и бытового перерождения, выразившихся в податливости к даруемым сверху подачкам, принятии их как чего-то законного и должного.

В большинстве публицистических работ конца 80-х годов, посвящённых критике сталинизма, фиксировалось внимание на его палаческой стороне, но

¹ Юность. 1967. № 3. с. 29-30.

не раскрывался его повседневно-обыденный облик, выражавшийся в разительных социальных контрастах, в существовании двух полярных образов жизни. Это связано, на мой взгляд, с тем, что всплывшие на поверхность в эти годы идеологические тенденции представляли полубессознательную ностальгию по социальным отношениям сталинизма, разумеется, с одной существенной оговоркой. Их носители желали, чтобы результатом "перестройки" стало общество со столь же сильной социальной дифференциацией, как при Сталине, но избавленное от сталинских репрессий. При этом они упорно игнорировали социальные причины этих репрессий, состоявшие в стремлении не просто обуздать, но и физически уничтожить те силы в партии и стране, которые отвергали социальные устои сталинизма: резкое имущественное неравенство.

Идейно-психологическое наследие сталинизма глубоко укоренилось в сознании тех, кто в годы застоя и "перестройки" был склонен культивировать настроения элитарности, клановости, кастовости, получившие широкое распространение в сталинское время. Носители подобных настроений обычно объясняли само стремление к социальному равенству и справедливости завистью к преимущественному положению других. За филиппиками против "психологии зависти" не обращалось внимание на психологию социальной исключительности и чванства своими привилегиями, которая выразительно описана в воспоминаниях Н. Мандельштам: "Один молодой физик ... ел бифштекс, полученный в распределителе теста, и похваливал: "Вкусно и особенно приятно, потому что у других этого нет ... " Люди гордились литерами своих пайков, прав и привилегий и скрывали полочки от низших категорий"¹.

Отличительной чертой сталинизма, жёстко стратифицировавшего советское общество, было стремление оградить завесой секретности от глаз непривлекательных образ жизни верхних слоёв, изолированные оазисы роскоши, возникающие среди пустыни народной нищеты.

Официальные привилегии, составлявшие материальную базу сталинского социального порядка, поляризовали общество на основную массу, ущемлённую в своих законных правах, и относительно немногочисленные группы "спецлюдей", допущенных к привилегиям. Над противоположными образами жизни возвышались и столь же противоположные психологические надстройки. "Народ не любит привилегий, - писала Н. Мандельштам. - ... В нашу эпоху ненависть к привилегированным особенно обострилась, потому что даже кусок хлеба всегда бывал привилегией. По крайней мере десять лет из первых сорока мы пользовались карточками, и даже на хлеб не было никакой уравниловки - одни не получали ничего, другие мало, а третьи с излишком. "У нас голод, - объяснил нам в тридцатом году, когда мы вернулись из Армении, Евгений Яковлевич (брат Н. Мандельштам). - Но сейчас всё по-новому. Всех разделили по категориям и каждый голодает или ест по своему рангу. Ему выдается ровно столько, сколько он заслуживает ... "². Оказавшись в больнице, Н. Мандельштам обнаружила, что лекарства распределяются тоже по табели о рангах: лучшие придерживаются для высоких категорий. "Однажды я пожало-

¹ Юность. 1988. № 8. с. 60.

² Там же.

ввалась на это при одном отставном сановнике: всем, мол, такие вещи нужны ... "Как так всем! - воскликнул сановник. - Вы хотите, чтобы меня лечили как всякую уборщицу?" Сановник был человек добрый и вполне порядочный, но у кого не скovyрнутся набекрень мозги от борьбы с уравниловкой ... ¹.

Борьба с "уравниловкой" ожесточённо велась и в деревне. Газеты начала 30-х годов были заполнены грозными предупреждениями: "Классовый враг в колхозах стремится провести распределение урожая исключительно по едокам, его лозунг - все одинаково хотят есть, все одинаково хотят жить". Рассказывая на XII пленуме ИККИ о борьбе против "едоцкого принципа" (т. е. распределения в колхозах с учетом числа "едоков" в семье), Мануильский заявлял: "Нарушение принципа распределения по труду - это сегодня лозунг кулацкий, рваческий, культивирующий лодырничество" ².

Опрокинув большевистские традиции равенства, Сталин и его приспешники объявили противников резких разрывов в заработной плате "сообщниками классового врага".

Несмотря на всё это, среди старых большевиков, даже далеких от левой оппозиции, нарастало возмущение бросающимися в глаза резкими социальными контрастами. Так, Б. Козелев, работавший в 1930 году на Магнитогорской стройке, в письмах семье с болью описывал, как строители толпились у крыльца столовой для иностранных специалистов. Время от времени иностранцы выходили на крыльцо и кидали рабочим объедки. "И тогда возникала свалка. Народ пытались отгонять, но получалось только хуже, позорнее". С наименьшим негодованием Козелев писал о том, что при средней зарплате рабочих комбината, составлявшей 79 руб., "бездельничающие паразиты, проедающие народные деньги" в управленческом аппарате, получали оклады в 400-500 руб. ³.

В 1931 году жена М. И. Калинина, в прошлом ткачиха, в письме мужу признавалась, что она испытывает чувство стыда по поводу привилегий того круга, "к которому я принадлежала из-за твоего положения ... Но где же тут тот идеал, к чему мы стремились, когда партию делим на общества, чуть ли не на классы" ⁴.

Обобщая такого рода настроения, Ф. Раскольников в открытом письме Сталину резко осуждал сталинскую социальную политику, породившую доходно-имущественную поляризацию общества. Он писал о том, что "рабочий класс с самоотверженным героизмом нёс тягость напряжённого труда и недоедания, голода, скудной заработной платы, жилищной тесноты и отсутствия необходимых товаров" в то время, когда Сталин создавал одну за другой привилегированные группы, осыпал их милостями, кормил подачками. При этом представители привилегированных групп, как отмечал Раскольников, оказы-

¹ Там же.

² XII пленум ИККИ. Стенографический отчёт. т. 3. М., " 1933. с. 138.

³ Молодой коммунист. 1990. № 11 с. 52, 55-56.

⁴ Вопросы истории КПСС. 1989. № 10. с. 108.

вались "калифами на час", поскольку им не были гарантированы "не только их привилегии, но даже право на жизнь"¹.

Весь период 30-х годов характеризовался непрерывным перераспределением личного богатства. Этот процесс первоначально развертывался в деревне, где борьба с кулачеством была сведена к беспощадной экспроприации всего производственного и потребительского имущества семей, зачисленных в категорию кулаков, и к их массовой депортации. В последующем перераспределение личного богатства происходило преимущественно в городах, где политические репрессии, обрушившиеся своим острием на слои, наделённые существенными материальными и статусными привилегиями, как правило, сопровождалась конфискацией личного и семейного имущества. Трагедия семей "врагов народа", вырванных из мира привилегированных и сразу же переброшенных в разряд изгоев общества, выразительно описана в произведениях детей репрессированных старых большевиков Ю. Трифонова, Б. Окуджавы и других советских писателей.

Играя на низких и низменных сторонах человеческой природы, Сталин понимал, что большевик, отрекшийся от идеи социального равенства и ставший податливым к сыплющимся на него привилегиям, окажется готовым и к выполнению самых диких и жестоких приказов. Чем ближе подступало время большого террора 1937-38 годов, тем щедрее он наделял своих сатрапов всё более роскошными благами. К. Икрамов, сын первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Акмаля Икрамова, вспоминал о "насильственном переселении" его семьи в "дом, который сам Сталин, не видев, предназначил Икрамову". "Тяжёлые, медью окованные двери, из прихожей вверх три ступеньки, а над вторыми дверями - кариатиды. Столовая с двумя коринфскими колоннами, в кабинете гнутая мебель, обтянутая голубым шёлком, да с фарфоровыми медальонами.

Отец был предельно резок в разговоре с неявно ухмылявшимся управделами. Тогда я впервые услышал слова "кариатиды", "грязетка".

- Я ведь не грязетка, чтобы была такая мебель. И потом, эти кариатиды ... Простые узбеки пугаться будут. С черного хода, что ли, людей приглашать?

Мебель сменили, кариатиды остались². В доме с кариатидами семья Икрамовых прожила ровно год, вплоть до ареста её главы. Переселение в этот дом К. Икрамов справедливо расценивал, как "знамение времени". "Стерев самую память о партмаксимуме, Сталин покупал, подкупал, разлагал своих сподвижников, коммунистов-руководителей в центре и на местах. Чем больше крови проливал он, тем важнее было ему создавать вокруг себя касту, живущую не так, как народ, а так, чтобы в эту касту рвались за всякими благами"³.

Не менее вызывающий образ жизни, чем у партийных аппаратчиков, складывался в среде руководителей ОГПУ. А. Авдеенко, входивший в писательскую бригаду, созданную для написания апологетической книги о "перековке"

¹ Неделя. 1988. № 26.

² Знамя. 1989. № 5. с. 38-39.

³ Там же. с. 38.

заклѳченных на строительстве Беломорканала, так вспоминает свои впечатления от поездки на это строительство:

"К перрону подан специальный состав из мягких вагонов, сверкающих лаком, краской и зеркальными окнами ... С той минуты, как мы стали гостями чекистов, для нас начался полный коммунизм. Едим и пьем по потребностям, ни за что не платим. Копченые колбасы. Сыры. Икра. Фрукты. Шоколад. Вина. Коньяк. И это в голодный год!

Ем, пью и с горечью вспоминаю поезд Магнитогорск-Москва. Одна за другой мелькали платформы, станции, полустанки, разъезды. И всюду вдоль полотна стояли оборванные, босоногие, истощенные дети, старики. Кожа да кости, живые мощи. И все тянут руки к проходящим мимо вагонам. И у всех на губах одно, легко угадываемое слово: хлеб, хлеб, хлеб"¹. Впрочем, эти тягостные воспоминания не помешали Авдеенко с удовольствием поглощать, подобно другим писателям, предоставленные им яства.

Щедрые куски с барского стола писатели получили и по приезде в Ленинград. "Чекисты приготовили в банкетном зале "Астории" немисливо роскошное угощение ... Ошалел от невиданного изобилия ... Тем, что есть на столе, можно накормить всю нашу ораву, а лорды в черных пиджаках и белоснежных манишках разливают по тарелкам борщ, бульон, лапшу, кто чего желает. И это называют "первым", хотя до этого было не менее двадцати блюд"². Даже спустя полвека Авдеенко понадобилась целая страница, чтобы описать все блюда, которыми кормили писателей на чекистском банкете, представлявшем своего рода пир во время чумы.

Не только партийная и чекистская верхушка, но и руководящие работники советского, хозяйственного, профсоюзного аппарата оказались охвачены процессом бытового перерождения. Все они были обеспечены высокими окладами, персональными автомашинами, лучшими курортными учреждениями, государственным дачами, великолепными квартирами, первоклассной медицинской помощью, явным и тайным снабжением. Материальный подкуп служил в руках Сталина не менее эффективным средством удержания бюрократии в повиновении, чем страх перед жестокими репрессиями за малейшую оппозиционность. Как подчеркивалось в "Рютинской платформе", лица, принадлежащие к бюрократическим верхам, в подавляющем большинстве внутренне настроены "против современной политики, ибо они не могут не видеть её гибельности. Но они так обросли жирком, они настолько связаны всеми предоставленными им привилегиями (а всякий протест против современного курса и его вдохновителя связан в результате с огромными лишениями), что значительная часть из них и дальше будет выносить любое иго, любые пинки и издевательства со стороны Сталина и партаппарата"³.

По тем же неписанным законам аппаратчики, оказавшиеся изболличенными в оппозиционных настроениях (не говоря уже о действиях), немедленно ощущали утрату своих привилегий. Для этого, по словам А. Орлова, Сталин при-

¹ Авдеенко А. Наказание без преступления. М., 1991. с. 12-13.

² Там же. с. 18-19.

³ Реабилитация. с. 425.

менял "множество испытанных средств". "Первое и самое безобидное, применявшееся к сановникам, впавшим в немилость, называлось "поставить на ноги", то есть лишить опальную персону персональной машины и личного шофера. Следующее наказание называлось "ударить по животу": нечестивца лишали права пользоваться кремлевской столовой и получать продовольствие из закрытых магазинов. Если речь шла о члене правительства, его к тому же выселяли из правительственного дома и лишали персональной охраны"¹.

Вместе с тем официальная пропаганда насаждала доживший до наших дней миф о том, что "вожди" продолжали вести скромный, едва ли не аскетический образ жизни. В подтверждение этого приводились ссылки на сравнительно небольшую заработную плату "вождей" при полном замалчивании их натуральных привилегий.

Данный миф пытался реанимировать Хрущёв в своих мемуарах, где он идеализировал эпоху 30-х годов, противопоставляя её временам своей отставки, когда, по его словам, расплодилось "масса чиновников, подхалимов и карьеристов. Получилось, что ныне членство в партии, партийный билет - это надежда лучше приспособиться в нашем социалистическом обществе". Хрущёв утверждал, что партийным руководителям 30-х годов приходилось "жертвовать многим, а не блага получать", что они жили "более, чем скромно ... Времена, о которых я вспоминаю, были времена романтиков. Сейчас, к сожалению, проник в партийную среду налет мелкобуржуазности. В то время никто и мысли не допускал, чтобы, к примеру, иметь личную дачу - мы же коммунисты! Не знаю, у кого из нас были две пары ботинок. Гимнастерка, штаны, пояс, кепка, косоворотка - вот, собственно, вся одежда"².

Действительно, "военнизированный" стиль одежды по примеру Сталина был тогда униформой партийных руководителей (хотя гимнастерки, сапоги и другие неизменные атрибуты этого стиля изготавливались для них в спецателье, из импортных материалов и лучшими мастерами). Не практиковалась в те годы и охота за богатыми интерьерами. Квартиры партийной элиты были заполнены унифицированной стандартной мебелью и утварью, на которой (вплоть до простыней и полотенец) ставились клейма или привешивались бирки, указывавшие, что эти предметы быта являются казённой собственностью. Такие реликты эпохи военного коммунизма молчаливо напоминали бюрократу, что он прочно привязан к партийно-государственной машине и всё движимое и недвижимое имущество, которым он пользуется, передано ему лишь на то время, пока он занимает номенклатурный пост, открывающий дорогу в элитарные дома.

Однако это не утяжеляло, а облегчало быт бюрократии, находившейся на полном государственном обеспечении. Его размеры не были жёстко регламентированы, а зависели от того, какое рвение тот или иной руководящий бюрократ вкладывал в самоснабжение, какие порядки он устанавливал в своей епархии. Н. П. Хрущёва в своих мемуарных записях рассказывала, как, готовясь к переезду на Украину, куда её муж был назначен первым секретарем ЦК,

¹ Огонёк. 1989. № 51. с. 22.

² Знамя. 1989. № 9. с. 15, 20.

она обратилась к жене его предшественника на этом посту Косиора за советом, какую кухонную посуду следует брать с собой. Та крайне удивилась этому вопросу и сказала, что брать ничего не нужно, поскольку в доме, который будет предоставлен Хрущёвым, всё уже имеется. "И действительно там оказалась в штате повариха и при ней столько и такой посуды, какой я никогда не видела. Так же и в столовой ... Там мы начали жить на государственном снабжении: мебель, посуда, постели - казённые, продукты привозили с базы, расплачиваться надо было один раз в месяц по счетам"¹. Так семьи бюрократов, освобождённые от малейших забот об организации собственного быта, жили по совсем иным законам, чем десятки миллионов советских людей, страдавших от бесчисленных нехваток, дефицитов и очередей.

Характеризуя социальные последствия политики насаждения привилегий, Троцкий подчеркивал, что "бюрократия располагает огромными доходами не столько в денежном, сколько в натуральном виде: прекрасные здания, автомобили, дачи, лучшие предметы потребления со всех концов страны. Верхний слой бюрократии живёт так, как крупная буржуазия капиталистических стран, провинциальная бюрократия и низшие слои столичной живут, как мелкая буржуазия. Бюрократия создает вокруг себя опору в виде рабочей аристократии; т. н. герои труда, орденосцы и пр ... пользуются привилегиями за свою верность бюрократии, центральной или местной. Все они пользуются заслуженной ненавистью народа"².

¹ Знамя. 1988. № 6. с. 96.

² Троцкий Л. Д., Сталин. т. II. с. 213.

1932 год: альтернатива левой оппозиции

В 1932 году последствия сталинской социально-экономической политики дали знать о себе растущими хозяйственными диспропорциями и снижением темпов экономического роста. Прирост промышленной продукции оказался более чем вдвое ниже показателей годового плана. Почти приостановился рост производительности труда; себестоимость вместо планируемого снижения увеличивалась; росли масштабы незавершённого строительства. В сельском хозяйстве происходило снижение урожайности, а поголовье скота уменьшилось вдвое по сравнению с 1928 годом. Сокращение розничного товарооборота привело к огромному бюджетному дефициту, который покрывался растущей эмиссией.

Приводя эти факты, скрывавшиеся или подтасовывавшиеся официальной статистикой, авторы "Бюллетеня" подчеркивали, что хозяйственный кризис достиг своего пика; продовольственная нужда "держит за горло всё хозяйство". Между тем пленумы ЦК, как обычно, подтверждают абсолютную правильность линии руководства и усматривают причину провалов хозяйственных планов в плохом исполнении директив. "Виноваты исполнители, местные работники, а не руководство и неправильная линия. О необходимости изменения режима, при котором и здоровая идея, правильная директива при осуществлении принимают чудовищно искажённые формы, при котором окончательно задушена партийная мысль, - ни слова"¹.

В статье "На новом повороте. Кризис советского хозяйства", присланной группой оппозиционеров Москвы и Ленинграда, подчеркивалось, что вместо "эмпирических поправок, отдельных затычек и паллиативов", осуществляемых сталинским руководством, требуется коренное изменение политики: восстановление нормального товарообмена между городом и деревней; открытый отказ от административной ликвидации кулачества и от принудительного сохранения нежизнеспособных колхозов.

В статье развивались выдвигавшиеся Троцким ещё в период разработки первого пятилетнего плана идеи о преодолении хозяйственной изоляции СССР и укреплении его связей с мировым рынком, который представляет "для хозяйства каждой страны, не только капиталистической, но и социалистической, практически неисчерпаемые резервы". Экономическая жизнь Советского Союза немислима без роста его связей с мировым хозяйством. Поэтому пятилетку следовало, по мнению Троцкого, рассматривать только как первый этап, от которого нужно как можно скорее "перейти к восьми-десятилетнему перспективному плану, чтобы охватить средний период обновления оборудования и тем самым, в частности, приспособиться к мировой конъюнктуре. Скольконибудь длительная стабилизация послевоенного капитализма... приведет неизбежно к возрождению товарно-промышленных циклов, нарушенных вой-

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. с. 22.

ной, и нам надо будет строить свои планы не на мнимой независимости от мировой конъюнктуры, а на разумном приспособлении к ней, т. е. так, чтобы как можно больше выигрывать от подъёма и как можно меньше терять от кризиса"¹.

В развитие этих идей авторы статьи "На новом повороте" предлагали использовать затруднения, переживаемые зарубежными странами в условиях мирового капиталистического кризиса, для преодоления наиболее острых диспропорций советского хозяйства. Они считали необходимым строить экономические отношения между СССР и капиталистическими странами не только в форме кредитов и заказов, но и в виде долгосрочного плана сотрудничества с крупными капиталистическими странами, который может быть принят правящими кругами последних ради смягчения экономического кризиса. "Как ни несовершенен наш советский опыт, но он впервые позволяет показать с цифрами и фактами в руках, те грандиозные, притом совершенно близкие и непосредственные возможности, которые открываются перед плановым хозяйством, если распространить его на передовые капиталистические страны"².

В статье указывалось, что в Советском Союзе чрезвычайно снизилась достоверность статистических данных. Ликвидация фальшивой статистики, выступающей составной частью системы бюрократической лжи, позволит "в основу второй пятилетки положить действительные, а не фальшивые результаты опыта первой пятилетки"³. Трезвый и реалистический анализ финансового положения страны должен быть направлен на решительное пресечение инфляции и введение бюджета в границы реальных хозяйственных возможностей. Только этим путём можно стабилизировать денежную единицу и вернуть ей роль орудия хозяйственного расчёта.

Более развернуто формулировал альтернативную программу левой оппозиции Троцкий в статье "Советское хозяйство в опасности". Он констатировал, что хозяйственные болезни, которые предполагалось излечить спасительными "шестью условиями" Сталина, усугубились и приняли ещё более злокачественный характер. Сообщения советских газет о продолжающемся росте текучести и невыносимых бытовых условиях рабочих отражают огромное напряжение, которого достигло недовольство рабочего класса. Непосильная тяжесть, которая взваливается на его плечи недоеданием и гонкой, способна "в кратчайший срок докопаться до оборудования и измотать самих производителей"⁴.

Ещё худшее положение сложилось в деревне, где "погоня за рекордами коллективизации, без учета технических, экономических и культурных возможностей сельского хозяйства, привела на самом деле к губительным последствиям. Она убила стимулы мелкого товаропроизводителя, задолго до того, как смогла заменить их другими, более высокими хозяйственными стимулами.

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 17-18. с. 9.

² Бюллетень оппозиции. 1932. № 29-30. с. 3.

³ Там же. с. 3-4.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. с. 6.

Административный нажим, который и в промышленности скоро исчерпывает себя, в сельском хозяйстве оказывается совершенно бессильным¹.

Коллективизация может быть жизненна лишь в той мере, в какой она сохраняет личную заинтересованность колхозников в труде, строя их отношения внутри колхоза, равно как и отношения колхоза с внешним миром, на основах хозяйственного расчёта. "Это значит, что правильная, экономически обоснованная коллективизация на данной стадии должна была вести не к упразднению нэпа, а лишь к постепенному преобразованию его методов"².

Однако бюрократия ликвидировала нэп и заменила рыночные отношения, без которых немислим хозяйственный расчёт, расширением методов принуждения. После административного удушения нэпа, т. е. системы рыночного регулирования хозяйства, она освободила планирование от контроля со стороны рынка. Между тем бесчисленные живые участники хозяйственного процесса "должны заявлять о своих нуждах и о своей относительной силе не только через статистические выкладки плановых комиссий, но и непосредственным давлением спроса и предложения. План проверяется и, в значительной мере, осуществляется через рынок"³. Только взаимодействие трёх элементов: государственного планирования, рынка и советской демократии может обеспечить правильное руководство хозяйством переходной эпохи.

Восстановление базаров Троцкий оценивал как признание несвоевременности ликвидации нэпа, но признание эмпирическое, частичное, непродуманное и противоречивое. Базарная торговля стала спекуляцией на нужде города, сводящей на нет экономическое стимулирование на государственных предприятиях. "Какое значение имеют для рабочего несколько лишних рублей в месяц, если нехватяющие жизненные продукты он вынужден покупать на базаре по удешевлённой цене?"⁴.

Анализ кризисного состояния советской экономики Троцкий завершал выводом о недопустимости попыток насиловать хозяйство путём дальнейшего административного подстёгивания. "Кризис можно смягчить, а затем и преодолеть не командованием, а мерами экономического регулирования. После авантюристического наступления необходимо как можно более продуманное плановое отступление"⁵. Такое отступление прежде всего следует осуществить в области коллективизации. "Удерживать в коллективах насильственно крестьян, которые расхищают урожай, разбазаривают семена и затем требуют их от государства, - чистейшее безумие"⁶. Следует сохранить лишь наиболее жизнеспособные колхозы, перестроив их в соответствии с опытом и желанием основной крестьянской массы.

В области промышленности следует начать с улучшения положения рабочих. "Обеспечить рабочих и их семьи пищей, жильем и одеждой. Какою угод-

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. с. 6.

² Там же. с. 9.

³ Там же. с. 8.

⁴ Там же. с. 9.

⁵ Там же. с. 10.

⁶ Там же. с. 12.

но ценою!". Для этого необходимо прежде всего "железной рукой приостановить процесс инфляции и восстановить твёрдую денежную единицу. Эта трудная и болезненная операция неосуществима без смелого сокращения капиталовложений, без пожертвования многими сотнями миллионов, нецелесообразно или несвоевременно вложенных в новые строительства, для предупреждения миллиардных потерь в будущем"^{1*},².

Троцкий считал, что вконец расстроенное состояние хозяйства исключает возможность плановой работы, рассчитанной на длительные сроки. Поэтому он предлагал в следующем, 1933 году вести работу на основе годового плана, подчинённого решению социальных задач. Высший критерий этого плана должен состоять "не в том, чтобы производить как можно больше, как можно скорее, а в том, чтобы навести порядок в хозяйстве: ... построить недостающие квартиры и столовые, доделать крыши, проложить ассенизационные трубы. Ибо, чтобы хорошо работать, люди прежде всего должны по-человечески жить, и, следовательно, удовлетворять свои человеческие потребности"³.

Для преодоления бюрократического подхода к хозяйству, вновь подчеркивал Троцкий, необходима коренная реконструкция всей политической системы и прежде всего партийного режима. "Задача задач - возродить партию. Здесь тоже нужна инвентаризация тяжёлого наследия послеленинского периода, отделение здорового от больного, годного от негодного, очистка от мусора и грязи, проветривание и дезинфекция всех помещений бюрократии"⁴.

Мысль о необходимости перестроить политическую систему и "беспощадно очистить её от накопившегося мусора" на основе свободной критики снизу доверху содержалась в обращениях Троцкого к партийному и советскому руководству, направленных в начале 1932 года. Открытое обращение было направлено Президиуму ЦИК в связи с его постановлением от 20 февраля 1932 года, которое лишало Троцкого и членов его семьи советского гражданства за "контрреволюционную деятельность"^{5*}. В этом обращении, суммируя чудовищные ошибки сталинского руководства за последние годы, Троцкий писал: "Сталин завёл вас в тупик. Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав

¹ Эти предложения, настойчиво выдвигавшиеся Троцким на всём протяжении пятилетки, после долгих колебаний были частично реализованы сталинистами. Летом 1932 года Политбюро решило уменьшить финансирование капитального строительства на 700 млн. руб. В письме Орджоникидзе, протестовавшему против этой меры, Каганович отмечал, что "наш главный друг" "счел абсолютно правильным и своевременным" осуществить сокращение капитальных вложений (Свободная мысль. 1991. № 17. с. 80).

² Там же. с. 13.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Постановлениями ВЦИК от 10 августа и 16 октября 1922 года ОГПУ было наделено правом высылки за границу лиц, причастных к антисоветской деятельности, сроком не более чем на три года, с сохранением у них советского гражданства. Правом лишения гражданства после истечения этого срока формально обладал только высший орган государства.

сталинщину ... Надо, наконец, выполнить последний настойчивый совет Ленина - *убрать Сталина*¹.

Ещё раньше (4 января) Троцкий направил в Политбюро и Президиум ЦКК ВКП(б) секретное письмо, в котором подчеркивал, что процесс подмены руководства партии и даже ЦК всевластием Сталина завершился. Советские газеты говорят исключительно о "руководстве Сталина", "предписаниях Сталина", "генеральной линии Сталина", совершенно игнорируя ЦК. Партия "доведена до такого унижения, когда невежество, органический оппортунизм и нелояльность одного лица налагает печать на великие исторические события"².

Откликаясь в этом письме на открытую в конце 1931 года новую идеологическую кампанию против "контрреволюционного троцкизма", Троцкий усматривал её истинную подоплеку в том, что Сталин пришёл к выводу об ошибочности его высылки за границу. Принимая решение о высылке, Сталин "надеялся, как это известно из его тогдашнего запротоколированного заявления в Политбюро, что без "секретариата", без средств - Троцкий станет только беспомощной жертвой организованной в международном масштабе бюрократической клеветы. Аппаратный человек просчитался. Вопреки его предвидениям оказалось, что идеи имеют собственную силу, без аппарата и без средств"³.

Троцкий заявлял, что "планы и замыслы Сталина ни в коей мере и ни с какой стороны не могут повлиять на политику левой оппозиции и на мою, в частности. Политическая судьба Сталина, развратителя партии, могильщика китайской революции, разрушителя Коминтерна, кандидата в могильщики немецкой революции, предрешена. Его политическое банкротство будет одним из самых страшных в истории. Вопрос идёт не о Сталине, а о спасении Коминтерна, пролетарской диктатуры, наследия Октябрьской революции, о возрождении партии Ленина"⁴.

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 27. с. 6.

² Троцкий Л. Д. Дневники и письма. Эрмитаж (США). 1986. с. 41.

³ Там же. с. 42.

⁴ Там же. с. 42-43.

Сталин, партия и оппозиция

На что надеялся Троцкий, обращаясь к партийному и советскому руководству с требованием "убрать Сталина"? Адекватный ответ на этот вопрос мы найдем лишь с учетом того, что к концу первой пятилетки стихийно складывающийся и формирующийся протест против сталинской политики охватил значительные слои партии, до этого не примыкавшие ни к каким оппозициям. Этот протест всё чаще находил отражение в обращениях рядовых коммунистов к руководителям партии. Так, в конце 1932 года Кировым было получено письмо от коммуниста Максимова, выражавшего надежду, что при определении политики партии будут учтены излагаемые им "настроения и взгляды низового актива и рядовых членов партии". Отмечая, что обещания партийного руководства о том, что в ближайшие годы "мы будем иметь на земле рай", обернулись предельным обнищанием трудящихся города и деревни, автор письма видел причины этого "в отступлении от *ленинских* установок в политике ... Если бы партия следовала этим указаниям, а не шла "напролом" (как этого хочет т. Сталин), если бы в практике видели проверку теории, если бы открыто признавали допущенные ошибки, тогда бы не создалось такого положения, кое мы видим сейчас"¹.

Ещё более резко эти вопросы ставились в письме, направленном в 1933 году Сталину коммунистом Н. Хрулёвым. Ясно отдавая себе отчёт в последствиях, которые может навлечь на него это письмо, представлявшее "результат долгих размышлений, многих бессонных ночей", автор замечал, что отказ от его написания "означал бы для меня потерю коммунистической совести, и я перестал бы себя уважать".

Хрулёв с возмущением писал о превращении Сталиным своего культа "в непререкаемый догмат нашей партии, в написанную программу и устав, малейшие сомнения в котором ведут к остракизму ... Эта постоянная газетная ложь, неужели от неё Вас не тошнит, или уж Вы так убеждены, что ... без Вашего культа мы не сможем просуществовать, строить?"

Обвиняя Сталина в том, что его политика потребовала миллионы жертв, Хрулёв предупреждал, что "история разберется лучше и вынесёт свой приговор: как ни велика Ваша самоуверенность и ни безгранична Ваша реальная власть - не в Ваших силах продиктовать будущему оценку наших дней и Вашей роли!.. Ваша теория, что йота отступления от Вашей линии привела бы к реставрации, будет решительно отброшена ... Ссылка на классовую борьбу и кулака не спасет"².

Хрулёв жестоко поплатился за это письмо. Он был осуждён на три года лишения свободы, а в 1938 году повторно репрессирован за "контрреволюционную агитацию".

¹ Аврора. 1989. № 10. с. 13.

² Социалистическая индустрия. 1989. 8 ноября.

О том, что письма такого рода были далеко не единичными, свидетельствует информационная сводка о политических настроениях в стране, подготовленная осенью 1932 года для узкого круга лиц из партийного руководства. Эта сводка включала 408 писем, поступивших в ЦИК СССР. Типичным в ряду этих писем было письмо, в котором говорилось: "Вы не знаете подлинного настроения масс. Вы взяли курс не на рабочую массу, а на технический персонал и руководящую бюрократическую массу, которая безоговорочно выполнит всё, что предписывалось сверху ... Это не случайное явление, а политика вождя Сталина, который выгнал лучшие силы из руководящих аппаратов, твёрдых большевиков-ленинцев, которые могли твёрдо отстаивать свои взгляды и прислушиваться к нуждам рабочего класса"¹.

Поток негодующих писем шёл и в Центральную Контрольную Комиссию, в которой многие коммунисты ещё видели орган, способный оградить партию от сталинского произвола. В письмах, поступивших в ЦКК в конце 1932 года, встречались следующие высказывания: "Необходимо говорить - да здравствует Сталин, хотя миллионы голодают, мрут с голода, голые и босые, 5 лет грабят крестьян, из года в год, из месяца в месяц голоднее" (письмо подписано: "Ленинец. Устинов", с указанием номера партбилета). "Да здравствует ленинская партия, а не сталинская!". "Рабочий класс не простит вам издевательства над вождями рабочего класса" (на этом письме наложена резолюция Ярославского: "Штамп на конверте. Установить автора. Место отправления - г. Белев")².

Все эти письма, обращённые к партийно-советской верхушке, выступают ярким свидетельством того, что партия в те годы не была столь "монолитна", как утверждала сталинская и постсталинская советская историография и как утверждают, хотя и с противоположной целью, современные антикоммунисты, возлагающие ответственность за преступления сталинской клики на всю партию. В действительности большевистские идеи продолжали жить в сознании множества коммунистов, видевших в сталинской политике жестокое поругание этих идей.

Выражения социального и политического протеста не исчерпывались индивидуальными попытками воззвать к разуму и совести руководителей. В 1932 году в ряде городов прошли выступления рабочих в связи со снижением норм карточного снабжения и нерегулярной выдачей продуктов по карточкам. Особенно внушительные забастовки и демонстрации развернулись в Ивановской области, куда для "наведения порядка" были направлены секретари ЦК Каганович и Постышев.

В письмах из СССР, публикуемых в "Бюллетене оппозиции", сообщалось об исключении из партии многих сотен рабочих за выступления против политики сталинской клики. Несмотря на это, "оппозиционные шатания" проникали не только в партийные низы, но и в среду аппаратчиков, постоянно ощущавших как давление сверху, в виде бесчисленных директив, требовавших неуклонного и безоговорочного выполнения беспощадных решений и нере-

¹ Мартемьян Рютин. На колени не встану. М., 1992. с. 31-32.

² Там же. с. 296.

альных планов, так и давление снизу, со стороны трудящихся, возмущённых этими планами и решениями.

Подспудное брожение аппарата усиливалось и в результате того, что Сталин периодически приносил в жертву всеобщему недовольству своей политикой значительную часть партийных функционеров, представляя их в глазах населения виновниками в "неправильном" исполнении "правильных" директив. Эти репрессии служили средством запугивания лояльных аппаратчиков, обеспечения их безоговорочного послушания и одновременно - средством "задабривания" народа, создания впечатления, что "центр" неуклонно наказывает "зло" на местах. Все карательные экспедиции в городе и деревне сопровождались расправой над представителями низового и даже среднего звеньев партийного и советского аппарата. Тем не менее низовой аппарат всё чаще уходил из повиновения аппаратной верхушке и переходил в фактическую оппозицию к ней.

Противоречия между верхними и низшими слоями аппарата вызывались и тем, что низовые партийные, советские и хозяйственные работники, находившиеся ближе к массам и сохранявшие с ними связь, в определённой мере отражали настроения рядовых тружеников. Как отмечалось в рукописном органе заключённых Верхнеуральского политизолятора "Воинствующий большевик", пассивное сопротивление сталинской политике выразилось в том, что низовой аппарат в промышленности "в условиях современного террора осмелился заговорить о "возмутительном отношении к бытовым нуждам рабочих", осмелился усомниться в сталинской методологии исчисления реального уровня зарплаты, осмелился заявить о том, что ощущение основных слоёв рабочего класса в этом вопросе гораздо безошибочнее многих индексов"¹.

Если в 20-е годы, в обстановке относительного благополучия в стране, большинство коммунистов голосовало за "линию ЦК", слабо разбираясь в существе внутривнутрипартийных разногласий, то в начале 30-х годов, несмотря на отсутствие легального оппозиционного движения, антисталинские настроения захватывали даже значительную часть бюрократии, считавшую Сталина виновником нараставших ошибок и преступлений. Сообщая о том, что "общее недовольство перекинулось и на аппарат", корреспондент "Бюллетеня" писал: "От иллюзий, связанных с личностью генсека и его политикой, кажется, не остается и следа. Безответственность узкой верхушки, её террор над партийным и советским аппаратом, дерганья и окрики, что "исполнители куда не годятся", только укрепляют недовольство самого аппарата. Своей спиной он расплачивается за вчерашние директивы Центра"². "Бюрократия чувствует, - говорилось в другом письме, - что ею внизу очень недовольны, и переносит свою возрастающую тревогу на Сталина ... "Гениальности" Сталина никто не верит"³.

Несмотря на нескончаемый поток славословий, публиковавшихся в печати, положение Сталина к концу первой пятилетки было, как никогда, непрочным.

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 27. с. 14.

² Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. с. 23.

³ Бюллетень оппозиции. 1932. № 28. с. 3.

Сталинская клика всё более отчуждалась не только от партийной массы, но и от рядовых аппаратчиков. В письмах из СССР сообщалось, что "в партии отсутствует какая бы то ни было информация о том, что думает ЦК, как он оценивает положение"¹, что "замкнутость партийной верхушки сейчас так велика, что сведения о её внутренней жизни почти не проникают вниз. К тому же внутренние бои разыгрываются не в официальных учреждениях, как Политбюро, ЦК и пр., а в четырёх стенах генерального секретариата, в тесном и теснейшем кругу"².

Только в недавнее время были опубликованы некоторые Документы, дающие известное представление о характере и остроте этих "внутренних боёв". Из писем 1930-33 годов Сталина к Молотову, остававшемуся в то время, по-видимому, его единственным последовательным соратником, явствует, что Сталин не находил по многим вопросам поддержки даже среди самых влиятельных членов Политбюро. Сталин предостерегал, что "нельзя надолго оставлять ПБ и СНК на Куйбышева (он может запить) и Кагановича". Особое озлобление Сталина вызвало выступление Орджоникидзе против Вышинского, требовавшего жесточайших наказаний за выпуск некомплектной продукции. Сталин назвал эту "выходку Серго насчёт Вышинского" хулиганством, антипартийным поведением, направленным на то, чтобы "опорочить практическую линию ЦК", и "имеющим своей объективной целью защиту реакционных элементов партии, против ЦК ВКП(б)". Поскольку позиция Орджоникидзе нашла поддержку у Кагановича, Сталин обвинил последнего в том, что он "против моего ожидания оказался в лагере реакционных элементов партии"³.

О том, что Сталин ощущал шаткость своего положения и избегал открытых выступлений, способных ещё больше подорвать его авторитет в партии, свидетельствует его молчание на протяжении 1932 года. За этот год он не выступил ни с одной публичной речью, опубликовал лишь две короткие статьи, два письма и несколько приветствий. Как сообщал корреспондент "Бюллетеня", "на XVII конференции Сталин не произнёс ни слова. Его молчание произвело огромное впечатление и притом убийственное ... Под конец конференции сами делегаты заволновались и стали почтительно требовать, чтобы "вождь" высказался. Но Сталин отказался наотрез. Это многих прямо-таки потрясло. Некоторые стали говорить вслух, конечно, в своем кругу: "Почему не высказывается? Потому что ему нечего сказать"⁴. Помимо конференции, в 1932 году состоялись два пленума ЦК, на которых Сталин также "не выступал, хотя и присутствовал; он ограничился выкриками с места"⁵. "Молчание Сталина и его затворничество приобретают всё более и более демонстративный характер"⁶, - замечал ещё один автор "Бюллетеня".

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. с. 23.

² Бюллетень оппозиции. 1932. № 28. с. 5.

³ Коммунист. 1990. № 11. с. 105-106.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1932. № 28. с. 4.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. с. 23.

⁶ Бюллетень оппозиции. 1932. № 29-30. с. 12.

Несмотря на кажущийся триумф Сталина, его сила ещё не была столь безграничной, чтобы оборвать все связи Троцкого с его единомышленниками в СССР и уничтожить подпольную жизнь левой оппозиции. "Несмотря на непрерывные организационные разгромы, левая оппозиция живёт", - писал один из авторов "Бюллетеня". Хотя "вряд ли где-нибудь и когда-нибудь в мире подлинно марксистскому течению было так трудно в техническом смысле вести работу, как нам теперь в Советском Союзе", тем не менее "авторитет тех оппозиционеров, которые не склонились и не сломались, страшно высок у партийной массы, в том числе и у аппаратчиков. "Вот это люди!" - говорят даже противники. Иные выражаются ещё точнее: "Настоящие большевики!"¹.

В начале 30-х годов, по данным "Бюллетеня", в тюрьмах, ссылках, под надзором находилось свыше 7 тысяч приверженцев левой оппозиции. Значительная их часть содержалась в т. н. политизоляторах, вместе с членами бывших социалистических партий: эсерами, меньшевиками, анархистами и т. д. В то время режим в политизоляторах был ещё относительно мягким. Там, как рассказывает старая большевичка З. Н. Немцова, были "удобные камеры. В них люди могли работать. Или не работать, по выбору. И географически политизоляторы находились в хороших местах. Можно было гулять. Но люди считались арестованными, то есть заключёнными. Хотя и пользовались библиотекой. Им предлагалось: изучайте. Проверьте свои знания. На подлинниках. Вернитесь к Марксу, к Ленину. Поработайте над собой. И окончательно решайте вопрос о своих убеждениях"².

Тщательно дозируя свой план истребления левой оппозиции, Сталин в начале 30-х годов видел свою задачу в том, чтобы принудить к "добровольной" капитуляции последних оппозиционных лидеров, сохранявших верность своим убеждениям.

В этих целях репрессированным оппозиционерам, отказывавшимся подать заявления о капитуляции, прибавлялись сроки заключения или ссылки, их направляли в ещё более гиблые районы. Наряду с этим некоторым из них давались определённые послабления, например, разрешалось появляться в Москве. "Недавно в Москву приезжал, по семейным делам, с особого разрешения властей, Н. И. Муралов, - сообщал корреспондент "Бюллетеня". - Возможно, что самый проезд был разрешён ему с тем, чтоб испытать его крепость. На Николая Ивановича были напущены кое-кто из более приличных капитулянтов. Те запросили у него свидания. Он ответил: "Если собираетесь уговаривать, то встречаться не к чему". Эта фраза немедленно же обошла всю Москву и ничего, кроме одобрения, не вызвала: "Молодец, Муралыч!"³.

Стойкость не сдавшихся оппозиционеров и влияние левой оппозиции в широких партийных кругах поддерживались распространением в Советском Союзе "Бюллетеня оппозиции", который издавался до марта 1931 года в Париже, а затем вплоть до прихода Гитлера к власти - в Берлине. Многие члены партии, в том числе работники посольств, возвращаясь из зарубежных коман-

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 28. с. 5.

² Огонёк. 1988. № 27. с. 5.

³ Бюллетень оппозиции. 1932. № 28. с. 5-6.

дировок, нелегально привозили номера "Бюллетеня" на родину и знакомили с ними своих друзей. Многие оппозиционеры, как находившиеся на свободе, так и содержащиеся в ссылках и тюрьмах, поддерживали регулярный контакт с Троцким, пересылали ему письма и даже рукописные газеты, издававшиеся в некоторых политизоляторах. С годами обнаружение при обыске "Бюллетеня" стало грозить всё более суровыми репрессиями, в результате чего сфера его распространения сузилась. Тем не менее многие коммунисты продолжали жадно ловить вести из "Бюллетеня". "Те, кто не решаются привезти свежий экземпляр Бюллетеня в кармане, - писал в 1932 году анонимный корреспондент, - читают его от доски до доски за границей, и ничто, конечно, не может помешать им привозить Бюллетень в головах. От них идеи Бюллетеня расходятся более широкими кругами. Кроме того, официальная печать по всем большим вопросам считает нужным дать лозунг против "контрреволюционного троцкизма"... (в ней) можно всегда натолкнуться на цитату из Бюллетеня или на пересказ той или другой статьи. Оппозиционеры под этим углом зрения раскрывают свежий номер газеты или разрезают свежую книжку журнала: нет ли там чего про нас? Цитаты, правда, почти всегда искажены, мысли перевертаны, но за эти годы мы многому научились, в том числе и чтению между строк. В 9 случаях из 10-ти мы безошибочно догадываемся о том, как вы в действительности ставите вопрос в Бюллетене"¹.

Характеризуя пестрый сектор политических настроений в партии, можно выделить несколько типов отношения к Троцкому и "троцкистам". Враждебность к ним вызывалась, во-первых, неприятием их критики всевластия бюрократии; во-вторых, принципиальным несогласием с их идейными установками (ориентация на мировую революцию, защита социального равенства, признание допустимости фракций и оппозиций в партии); в-третьих, "возмущением" по поводу открытой, "на весь мир" критики Троцким и другими авторами "Бюллетеня оппозиции" "внутренних дел" в партии и стране, даже если многое в этой критике признавалось справедливым.

Наряду с этим среди неорганизованной и нерасчленённой массы оппозиционно настроенных коммунистов симпатии к Троцкому и его сподвижникам вызывались также различными причинами: одни сознательно признавали правоту идейной и политической программы левой оппозиции; другие, не разбиравшиеся глубоко в теоретических спорах, принимали Троцкого не идейно, а политически, поскольку он оставался единственным несломленным, "работающим" вождем оппозиции; третьим импонировала его критика Сталина и сталинизма, осуществлявшаяся с последовательно большевистских позиций.

Всё большее число коммунистов, критически настроенных по отношению к господствующему режиму, понимало, что, сопротивление последнему может найти оформленный и организованный выход лишь путём установления контактов с "троцкистами", сохранявшими свою нелегальную фракцию. Поэтому ГПУ направляло всё большие усилия на вылавливание оставшихся на воле оппозиционеров. Это достигалось как путём внедрения в оппозиционное подполье прямых провокаторов, так и путём демагогического давления на членов

¹ Там же. с. 5.

партии, что-либо знавших о деятельности этого подполья. Приемы, с помощью которых вымогались сведения о прошлой или настоящей деятельности "троцкистов", выразительно описаны в романе Солженицына "В круге первом". Здесь рассказывается, как Лев Рубин, работавший редактором газеты Харьковского тракторного завода, был в 1931 году неожиданно вызван к секретарю заводского парткома, типичной сталинистке тех лет.

"... В кабинете был третий человек, нерабочий тип, в галстуке, костюме, желтых полуботинках. Он сидел в стороне, просматривая бумаги и не обращая внимания на вошедшего ...

Женщина стесненно, как-то потухло, поговорила с Лёвой о заводских делах, всегда ревностно обсуждавшихся ими. И вдруг, откинувшись, сказала твёрдо:

- Товарищ Рубин! Ты должен разоружиться перед партией!..

Теперь вежливо вмешался тот тип ... он сказал, что надо честно и до конца рассказать всё, что известно Рубину об его женатом двоюродном брате: правда ли, что тот состоял прежде активным членом подпольной троцкистской организации, а теперь скрывает это от партии?..

- Я не знаю. Никогда он троцкистом не был, - отвечал язык Лёвки, но рассудок его воспринимал, что, говоря по взрослому, без чердачной мальчишеской романтики, - заперательство было уже ненужным.

Короткие энергичные жесты секретаря парткома. Партия! Не есть ли это высшее, что мы имеем? Как можно запирается ... перед Партией?! Как можно не открыться ... Партии?! Партия не карает, она - наша совесть. Вспомни, что говорил Ленин ...

Десять pistolетных дул, уставленных в его лицо, не запугали бы Лёвку Рубина. Ни холодным карцером, ни ссылкой на Соловки из него не вырвали бы истины. Но перед партией?! - он не мог утаиться и солгать в этой чернокрасной исповедальне.

Рубин открыл - когда, где состоял брат, что делал.

И смолкла женщина-проповедник.

А вежливый гость в желтых полуботинках сказал:

- Значит, если я правильно вас понял ... - и прочел с листа записанное.

- Теперь подпишитесь. Вот здесь.

Лёвка отпрянул.

- Кто вы? Вы - не партия!

- Почему не партия? - обиделся гость. - Я тоже член партии. Я - следователь ГПУ¹.

В начале 30-х годов тысячи таких Рубиных прошли через подобную процедуру, сочетавшую апелляцию к их "партийному чувству" с угрозой неизбежного жестокого наказания за отказ "разоружиться". Полученные с помощью этих методов доносы на "троцкистов" как бы предвосхищали лаву будущих доносов 1937 года.

¹ Новый мир. 1991. № 4. с. 90-91.

Идеологическое наступление сталинизма

Сталин отлично понимал, какая опасность для его бонапартистского всемогущества заложена в идейной непреклонности Троцкого и его сторонников в Советском Союзе. Поэтому он делал одну за другой попытки перевести противоборство с оппозицией в плоскость обвинения её в контрреволюционной деятельности и тем самым избавиться от необходимости идейно полемизировать с ней. Однако ему приходилось так или иначе отвечать в советской и зарубежной коммунистической печати на выступления Троцкого. Те, кто был официально допущен к работам Троцкого ради того, чтобы давать им "идейный отпор", приводили в своих полемических статьях некоторые выдержки из этих работ. Почти все эти "критики троцкизма" были уничтожены в годы великой чистки. Пережить её и сохранить свое положение на идеологическом Олимпе удалось лишь наиболее беззастенчивым "борцам с троцкизмом", заменявшим разбор аргументов Троцкого бесстыдной и разнузданной бранью. Некоторые из них, например, Ильичёв, Поспелов, Пономарев, Митин, Юдин, Константинов сохранили и даже упрочили свое положение "ведущих теоретиков" и после смерти Сталина, будучи возведёнными в сан академиков и членов ЦК.

Все эти люди выдвинулись в ходе идеологических кампаний, проводимых Сталиным с конца 20-х годов с целью ослабить идейное влияние левой оппозиции и других враждебных ему сил в партии и изгнать с духовной арены всех инакомыслящих.

Предметом особого внимания Сталина была художественная литература. После 1927 года от участия в литературном движении был отстранён активный "троцкист" А. К. Воронский, главный редактор журнала "Красная новь", сохранивший в нем лучшие литературные силы страны. Вслед за этим Сталин решил сделать своей опорой в проведении литературной политики РАПП (Российскую ассоциацию пролетарских писателей). Об этом свидетельствует написанное им 28 февраля 1929 года "Письмо писателям-коммунистам из РАППа".

В этом письме, широко используя излюбленные им аналогии с военным делом, Сталин журил своих адресатов за то, что "РАПП, видимо, не умеет правильно построить литературный фронт и расположить силы на этом фронте таким образом, чтобы естественно получился выигрыш сражения, а значит и выигрыш войны с "классовым врагом". Плох тот военачальник, который не умеет найти подходящее место на своем фронте и для ударных и для слабых дивизий, и для кавалерии, и для артиллерии, и для регулярных частей, и для партизанских отрядов. Военачальник, не умеющий учитывать все эти особенности всех этих разнообразных частей и использовать их по-разному в интересах единого и нераздельного фронта, - какой же это, прости господи, военачальник? Боюсь, что РАПП иногда смахивает на такого именно военачальни-

ка"¹. Естественно, что эти слова побудили рапповцев к применению "военизированных" методов на "литературном фронте".

Мягко критикуя руководителей РАПП за отдельные "перегибы", Сталин не оставлял у них сомнений в том, что признает за ними роль "военачальника" в литературе и считает, что "общая линия" у них "в основном правильная". "Руководить сложнейшим фронтом советской художественной литературы, - подчеркивал Сталин, - призваны вы, и только вы ... Что касается моих отношений к РАППу, они остались такими же близкими и дружескими, какими были до сего времени. Это не значит, что я отказываюсь критиковать её ошибки, как я их понимаю"².

Эти установки Сталина были закреплены в редакционной статье "Правды", где содержался призыв "базируясь на основной пролетарской организации (ВОАПП)³ и через неё идти вперед к разрешению огромных задач, стоящих перед партией на литературном фронте"⁴. С этого времени круто изменилась роль РАПП. Из организации, хотя и влиятельной, но в общем равноправной с другими литературными группировками, она превратилась в организацию, занявшую монопольное положение в литературном движении.

В соответствии с общим духом идеологической жизни этого периода рапповская критика настаивала на резком обострении классовой борьбы в литературе, обвиняла В. Иванова, Л. Леонова, И. Сельвинского и других советских писателей в "сдвиге вправо", находила в произведениях А. Платонова, К. Федина, Н. Клюева, С. Клычкова "апологию кулака". "Правые", "буржуазные" тенденции были обнаружены в творчестве М. Булгакова, Б. Пильняка и др. Сущность ошибок целой группы поэтов (Э. Багрицкого, М. Светлова, М. Голодного и др.) усматривалась в том, что они "отдельными своими устремлениями, часто не осознанными, работают на нашего классового врага"⁵.

Извращённое понимание классового подхода к художественным явлениям было связано в рапповской критике с отвержением понятия "гуманизм". "Никакая форма гуманизма в периоды обострённых классовых боёв не может и не способна укреплять и сплачивать рабочий класс в его общественной практике"⁶, - гласила официальная рапповская установка того времени. Генеральный секретарь РАПП Л. Авербах усматривал основной порок рассказа А. Платонова "Усомнившийся Макар" в "пропаганде гуманизма", в том, что писатель отказывался считать истинно человеческим качеством "классовую ненависть"⁷. Рапповский критик Мазнин писал о мелкобуржуазной сущности творчества Шолохова на том основании, что "сладенькая водица поповски-

¹ Знамя. 1990. № 1. с. 199.

² Там же. с. 199-200.

³ ВОАПП - Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей, среди которых ведущей была РАПП.

⁴ Правда. 1929. 4 декабря.

⁵ Буржуазные тенденции в современной литературе. М., 1930. с. 135-136.

⁶ На литературном посту. 1930. № 21-22. с. 29.

⁷ На литературном посту. 1929. № 23. с. 17.

лицемерного всепрощения, гнуснейшего гуманизма является выражением явного влияния на Шолохова классово-враждебных сил"¹. Ивана Катаева обвиняли в том, что "пламенная вера в человека, ... любовь к людям стирает у него классовые грани", а "гуманизм в его творчестве ... доминирует над классовой пролетарской моралью"².

Не ограничиваясь развязыванием и поддержкой погромных кампаний на "литературном фронте", Сталин непосредственно решал судьбу отдельных художественных произведений. Так, в 1931 году на квартире Горького состоялась знаменательная беседа Сталина с Шолоховым о третьей книге "Тихого Дона", в которой описывалось Вешенское казачье восстание против Советской власти. Эту книгу журналы и издательства не решались печатать не только потому, что она противоречила принятой трактовке событий гражданской войны, но и потому, что описание Вешенского восстания могло рождать в сознании читателей ассоциации с прокатывавшимися по стране антиколхозными восстаниями.

Как вспоминал Шолохов, Сталин разговор о книге начал с вопроса о том, откуда писатель взял материалы о перегибах Донбюро ЦК РКП(б) и Реввоенсовета Южного фронта по отношению к казакам. Шолохов понял, что такой поворот разговора был не случайным; ему было известно, что одним из руководителей Донбюро в 1919 году был Сырцов, недавно подвергнутый расправе, а в РВС Южного фронта входили Сокольников и другие большевики, впоследствии ставшие оппозиционерами и уж во всяком случае не входившие в близкое окружение Сталина. Находчивый писатель сразу нашёл ответ, способный удовлетворить вождя. Он сказал, что строил концепцию третьей книги на том, что "троцкисты" обрушили массовые репрессии против казаков, открывших фронт. Казаки, люди военные, поднялись против вероломства Троцкого, а затем скатились в лагерь контрреволюции ... в этом суть трагедии народа". Этого объяснения было достаточно, чтобы Сталин, поначалу высказывавший опасения, что публикация третьего тома "доставит много удовольствия белогвардейцам", круто сменил свою позицию. Он заявил, что "изображение событий в третьей книге "Тихого Дона" работает на нас, на революцию" и поэтому "третью книгу "Тихого Дона" печатать будем"³.

Ещё более любопытна история "редактуры" Сталиным пьесы А. Афиногенова "Ложь", принятой в 1932 году к постановке несколькими московскими театрами, но не утверждённой цензурой. В этой пьесе драматург, видевший свою задачу в разоблачении "замаскированных троцкистов", тем не менее не впадал в карикатуру, а пытался объективно представить позиции противостоящих в пьесе сил и тем самым, говоря языком того времени, "предоставлял трибуну врагу". Пьеса рассказывала о нелегальных собраниях оппозиционеров, на которых обсуждалось положение в стране, раскрывала царившую в советском обществе обстановку страха, подозрительности, слежки, доносов. Один из её главных героев Накатов пытался открыть глаза окружаю-

¹ РАПП. 1931. № 1. с. 167.

² Литературная энциклопедия. т. 5. М., 1931. с. 155.

³ Новый мир. 1988. № 9. с. 267.

щим на попрание большевистских традиций и находил понимание у главной героини пьесы - молодой работницы Нины.

Считая, что пьеса в конечном счёте служит утверждению "генеральной линии", Афиногенов во время встречи со Сталиным осенью 1932 года попросил его ознакомиться с пьесой и получил на это согласие. Посылая спустя полгода Сталину доработанную рукопись, Афиногенов писал, что будет рад каждому указанию "дорогого Иосифа Виссарионовича", "каждой пометке на полях"¹. Сталин "проработал" рукопись с огромным вниманием, испещрив её не только замечаниями, но и правкой. Уже на первых страницах он отметил фразу о том, что Накатов состоял в оппозиции и за это "с больших вождей снят и направлен на проволочно-гвоздильный завод заместителем директора"². Спустя несколько страниц Сталин вычеркнул монолог Накатова, обращённый к Нине и явно свидетельствующий о его "троцкистских" взглядах: "Мы становились большевиками в непрестанной борьбе с могучими противниками ... А вы растете на готовых лозунгах. Вам предложено - либо верить на слово, либо молчать. Единственным вашим багажом становятся истины, усвоенные в порядке директивы ... Предписано считать их правдой. А что, если это не так? Что, если "правда", которой ты веришь, - есть ложь в основании своем? И ты споришь ... о конечной неправде - не видя того, что вся страна лжет и обманывает - ибо сама она обманута"³.

Далее Сталин вычеркнул большой монолог Нины, написав на полях рукописи: "К чему эта унылая и нудная тарбарщина?" Этот монолог свидетельствовал о том, что "троцкистские" идеи находили отклик у тогдашней молодежи: "У нас пыль по всей стране от известки и цемента. Строим. А пыль эта застилает глаза от жизни, не видим мы, что люди растут уродами, безъязыкими, равнодушными ко всему. Разве, когда трамвай задавит женщину, - выругаемся - вот опять задержка движения. Двойная жизнь ... Сами себя успокаиваем - такая, мол, жизнь и нужна нам, мы - новые, мы - хорошие. Хвалим себя, красивые слова пишем, портреты, ордена даем - и всё напоказ, для вывески. И все это знают, все к этому привыкли, как к бумажному рублю, на котором надпись "обязателен к приему по золотому курсу". Никто этот рубль в Торгсин не несёт. Так и все наши лозунги - на собраниях им аплодируют, а дома свою оценку дают, другую. Оттого и не стало теперь крепких убеждений - вчера был вождь, и все перед ним кадили, а завтра сняли его и никто ему руки не подаёт. Прежние большевики за каждое слово своего убеждения шли в тюрьмы, сидели на каторге, а теперешние - как их чуть затронули, сейчас письма писать и ото всей жизни отрекутся ... Мы ходим на демонстрации столько лет и вам верим много лет - но всё это не прочно. Нам сравнивать не с кем, да и не дают нам сравнивать, и не знаем мы, что будет *завтра генеральной линией - сегодня линия, завтра уклон* (выделенные слова Сталин подчеркнул - В. Р.). А я устала так жить, я хотела бы сама во всём разобраться и так понять, чтобы, если навалится на меня мучители революции, - я бы в попытках говорила о своем, оставая-

¹ Куманев В. А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. с. 270.

² Там же. с. 271.

³ Там же.

лась тверда. А теперь мы на глиняных ногах от того, что твёрдым быть сейчас легко, раз партия в стране одна и партия эта - железная сила. За её спиной мы и прячемся ... А врем мы и обманываем и подличаем и друг друга ненавидим, как сто лет назад, а, может быть, даже хуже"¹.

Особое недовольство Сталина вызвал кульминационный эпизод пьесы, в котором заместитель наркома Рядовой, давний товарищ Накатова, после спора с ним собирался информировать "органы" о его настроениях, а возмущённая этим Нина стреляла в Рядового. Третьи перечеркнув эту "террористическую" сцену, Сталин написал: "Советую переделать всё остальное и обойтись без выстрела Нины и его последствий"².

Разумеется, в пьесе Афиногенова были и филиппики "положительных героев" против Накатова, и выпендренные славословия в адрес Сталина, который "ведёт нас, сорвав маски со многих высокообразованных лидеров, имевших неограниченные возможности и обанкротившихся". Однако все они перекрывались суждениями Накатова о "системе магометанского (Сталин заменил это слово на "приказного") социализма", о "верхах", которые воспитывают "янычар, готовых броситься на любого, кто усомнится в правильности линии" и т. д.³

В "заключении" Сталина по поводу пьесы недвусмысленно резюмировалось, что "пускать пьесу в таком виде нельзя"⁴.

Посчитавший, что переделка пьесы в духе замечаний Сталина позволит ей увидеть свет, Афиногенов создал новый вариант и направил его Сталину, заодно попросив посмотреть результаты работы над пьесой в московских театрах. Уже на следующий день на этом письме появилась резолюция Сталина: "Т. Афиногенов! Пьесу во втором варианте считаю неудачной"⁵. После этого автор вынужден был обратиться к театрам с просьбой снять пьесу с постановки.

Не меньшее внимание, чем художественной литературе, Сталин уделял положению в области философии. В октябре 1930 года состоялось заседание президиума Комакадемии, на котором обсуждался вопрос "О разногласиях на философском фронте". Оно свелось к проработке академика А. М. Деборина, ответственного редактора ведущего философского журнала "Под знаменем марксизма". Особое рвение в критике Деборина и его учеников, известных философов Карева, Стэна, Лупшоло проявили наиболее рьяные сталинисты, как "старые" (Ярославский), так и "молодые" (Митин).

Вскоре к Деборину обратился заведующий культпросветотделом ЦК Стецкий, заявивший, что отныне требуется утвердить один авторитет во всех областях научного знания, в том числе в философии - авторитет Сталина. Вскоре после этого Деборина посетили молодые философы Митин, Юдин и Ральцевич и предъявили ему требование: он должен публично выступить с осуждением

¹ Там же. с. 271-272.

² Там же. с. 273.

³ Там же. с. 272.

⁴ Там же. с. 274.

⁵ Там же.

своих учеников и провозгласить Сталина великим философом. Отлично понимая, чем он рискует, Деборин категорически отказался пойти на сделку со своей научной совестью и выполнить этот ультиматум.

После этого Сталин решил сам вмешаться в философские споры. Он принял участие в заседании бюро партийной ячейки Института Красной профессуры и выступил там с речью, в которой предписал осуществить погром во всех общественных науках, "разворошить и перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании. Всё, что написано деборинской группой, - разбить. Стэна, Карева вышибить можно ... Деборин, по-моему, безнадёжный человек, однако в редакции его надо оставить, чтобы было кого бить"¹.

Эти установки Сталин закрепил в ответах на вопросы участников заседания. На вопрос: "Надо ли связывать борьбу в теории с политическими уклонами?" он ответил: "Не только можно, но и обязательно нужно". Отвечая на вопрос: "На чём следует сосредоточить свое внимание институту в философской области?" Сталин заявил: "Бить - главная проблема. Бить по всем направлениям и там, где не били. Гегель - для деборинцев - икона. Плеханова надо разоблачить. Он всегда свысока относился к Ленину. И у Энгельса не всё правильно. В его замечаниях об Эрфуртской программе есть местечко насчёт вращающегося в социализм. Это пытался использовать Бухарин. Не беда, если где-то в своей работе заденем Энгельса"².

Эти указания были закреплены организационными выводами. 26 января 1931 г. было опубликовано постановление ЦК "О журнале "Под знаменем марксизма", в которой группа Деборина обвинялась в отрыве философии от политики и в скатывании "в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевистствующего идеализма"³. В этом придуманном Сталиным определении слово "меньшевистствующий" намекало на то, что Деборин до революции был меньшевиком, а слово "идеализм" - на его позитивное отношение к гегелевской философии.

С этого времени в печати появился термин "новое философское руководство", под которым имелись в виду молодые карьеристы Митин и Юдин, чье "научное творчество" исчерпывалось многочисленными брошюрами и статьями, прославлявшими "теоретический гений" Сталина и требовавшими "выкорчевывать агентуру классового врага", "агентуру троцкизма" во всех общественных науках.

Как отмечалось в "Рютинской платформе", "разгром деборинской группы за то, что она не проявляла усердия в апологетической защите политики Сталина и в восхвалении его теоретически безграмотных и тупых статей,.. окончательно завершил теоретическое опустошение партии.

В настоящее время на теоретическом фронте подвизается всё, что есть в партии самого недобросовестного, бесчестного. Здесь работает настоящая шайка карьеристов и блюдолизов (Митин, Юдин, Ральцевич, Кольман и пр.),

¹ Октябрь. 1988. № 12. с. 69.

² Там же.

³ КПСС в резолюциях и решениях. т. 5. с. 264.

которые в теоретическом услужении Сталину показали себя подлинными про- ститутками"¹.

Нелишне добавить, что эта "шайка" (за исключением Ральцевича, попавше- го в мясорубку 1937 года) в дальнейшем сыграла ведущую роль в истреблении лучших советских философов и в объявлении "буржуазными" важнейших от- раслей современной науки: генетики, кибернетики, теории относительности и т. д.

Наибольшее внимание Сталин уделял "историческому фронту". Одним из главных идеологических средств утверждения сталинизма явилось насаждение лживых версий об истории большевизма и Октябрьской революции. Открыв- шиеся ещё в 1924 году фальсификаторские кампании приобрели к началу 30-х годов огромные масштабы и вылились в беспощадную расправу с честными марксистскими историками. Вслед за учёными, примыкавшими к оппозициям, жертвой этой расправы стал основатель и директор Института Маркса- Энгельса Д. Б. Рязанов. Обладавший огромным авторитетом в международном рабочем движении, Рязанов в 20-е годы получил от немецких социал- демократов - хранителей архива Маркса и Энгельса - фотокопии многих не- опубликованных работ из этого архива. Под его руководством были впервые изданы "Немецкая идеология", "Диалектика природы", рукописи молодого Маркса и значительная часть переписки Маркса и Энгельса. В 1930 году было торжественно отпраздновано 60-летие Рязанова. В сборнике, посвящённом этому юбилею, К. Цеткин писала: "На цоколе великолепного памятника сози- дательной научной работы советского государства неизгладимыми чертами вырезано имя "Рязанов"².

Неспособный к сделкам со своей научной совестью, Рязанов вызывал нена- висть Сталина. В упомянутой выше беседе в Институте Красной профессуры, перечисляя имена тех, кого следует "бить", Сталин особо подчеркнул: "Не за- будьте Рязанова. Вообще Институт Маркса и Энгельса у нас на отлете"³.

Для расправы с Рязановым было использовано то обстоятельство, что в его Институте работали несколько бывших меньшевиков, занимавшихся в основ- ном переводами произведений Маркса и Энгельса. В 1930 году они были аре- стованы и затем посажены на скамью подсудимых на процессе по делу "Союз- ного бюро". Некоторые из них "признались" в том, что совместно с Рязановым занимались "вредительской деятельностью на историческом фронте". В фев- рале 1931 года Рязанов был исключён из партии и направлен в администра- тивную ссылку в Саратов, где работал консультантом при библиотеке универ- ситета до 1937 года, когда он был вторично арестован и расстрелян.

В статье "Дело т. Рязанова" Троцкий раскрывал подлинные причины обви- нения старого революционера в "измене партии". "Рязанов обвиняется не больше и не меньше, как в участии в заговоре меньшевиков и эсеров, связан- ных, в свою очередь, с заговором промышленной буржуазии.., - писал Троц- кий. - Мы ни на минуту не сомневаемся в том, что т. Рязанов ни в каком заго-

¹ Реабилитация. с. 417.

² На боевом посту. Сборник к шестидесятилетию Д. Б. Рязанова. М., 1930. с. 23.

³ Политическое образование. 1989. № 13. с. 85.

воре не участвовал. Но откуда же, в таком случае, взялось обвинение? Если оно выдуманно, то кем и с какой целью?.. Кому нужен мировой скандал вокруг имени Рязанова?"¹.

Троцкий напоминал, что за последние годы Рязанов отстранился от активного участия в политической жизни. "Он разделил в этом отношении участь очень многих старых членов партии, которые с отчаянием в душе отошли от внутренней жизни партии, замкнувшись в хозяйство или культурничество. Только это самоотречение давало Рязанову возможность охранять свой Институт от разгрома в течение всего послеленинского периода". Однако удержаться даже на такой нейтральной позиции оказалось невозможным. "Жизнь партии, особенно со времени XVI съезда, превратилась в постоянный экзамен на верность единому и единственному вождю ... Но Рязанов был органически неспособен подличать, подхалимствовать, упражняться в излишней верноподданических чувств". Поэтому в его Институт была направлена группа молодых "красных профессоров", которые "обычно мало смыслят в марксизме, но зато набили себе руку в деле подвохов, кляуз и фальшивых доносов". Эта группа занялась провокационной травлей старого учёного. Конечно, "если б Рязанов где-нибудь, хотя бы в нескольких словах, намекнул на то, что Маркс и Энгельс были только предтечами Сталина, то все козны молодых негодяев сразу рассыпались бы прахом, и никакой Крыленко (обвинитель на процессе "меньшевистского центра" - В. Р.) не осмелился бы вменить Рязанову в вину его потачки по отношению к переводчикам-меньшевикам. Но на это Рязанов не пошёл. А на меньшем генеральный секретарь не мог примириться"².

В расправе над Рязановым Троцкий усматривал новый симптом того, что, "достигнув аппаратного всемогущества, Сталин чувствует себя внутренне более слабым, чем когда бы то ни было ... Ему необходимы каждодневные подтверждения его прав на роль диктатора. Так наступила очередь Рязанова ... Старый революционер сказал: "служить молча, стиснув зубы - готов; восторженным холуем быть - не могу". Вот почему Рязанов попал под партийное правосудие Ярославских. После этого Ягода сервировал улики"³.

Избавившись от последнего крупного большевистского историка (не считая Покровского, "разоблачение" которого развернулось несколько позже, после его смерти), Сталин в конце 1931 года решил выступить сам в качестве историка марксизма и международного рабочего движения. Его письмо в редакцию журнала "Пролетарская революция" "О некоторых вопросах истории большевизма" положило начало шумной идеологической кампании, направленной на окончательный запрет сколько-нибудь объективного освещения в советской и зарубежной коммунистической печати как прошлой деятельности Троцкого, так и его позиций в современной политической борьбе. Сталин требовал покончить с "гнилым либерализмом ... в отношении троцкизма, хотя бы разбитого и замаскированного". Как "головотяпство, граничащее с преступлением", он расценивал взгляд на троцкизм как на фракцию в мировом коммуни-

¹ Бюллетень оппозиции. 1931. № 21-22. с. 19-21.

² Там же. с. 21.

³ Там же.

стическом движении. "На самом деле троцкизм давно уже перестал быть фракцией коммунизма. На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР"¹. Это новая формула, прочно вошедшая в партийный лексикон, завершала пятилетнюю кампанию по отождествлению "троцкизма" с контрреволюцией и вменяла в обязанность коммунистам отношение к Троцкому и "троцкистам" не как к идейным оппонентам, а как к злейшим политическим врагам.

Сразу после публикации письма Сталина из библиотек были изъяты все работы Троцкого, изданные до его изгнания из страны, и все книги, в которых приводились ссылки на эти работы или содержались упоминания о его революционной деятельности. Обнаружение при обысках таких книг в личных библиотеках стало основанием для приобщения их в качестве вещественного доказательства к делам о "контрреволюционной троцкистской деятельности".

Статья Сталина и развивавшая её основные положения речь Кагановича на юбилейном вечере, посвящённом десятилетию Института Красной профессуры (декабрь 1931 года), дали сигнал разнузданной борьбе с "троцкистской контрабандой" не только в СССР, но и в зарубежных коммунистических партиях. Руководящие органы европейских компартий приняли специальные решения с одобрением сталинской статьи. Торез, Тольятти и другие руководители Коминтерна активно включились в переписывание истории с позиций новых сталинских установок.

Попутная цель сталинской статьи состояла в том, чтобы нанести новый удар по левому крылу социал-демократии, представив её предшественников (прежде всего Розу Люксембург) в качестве врагов ленинизма. В этой связи Троцкий выступил со статьёй "Руки прочь от Розы Люксембург!" Напоминая, что по поводу Люксембург Ленин привёл старое двустишие: "Случается орлам пониже кур спускаться, но курам никогда под облак не подняться", Троцкий писал: "Вот именно! Вот именно! По этой самой причине Сталину следовало бы осторожнее расходовать свою злобную посредственность, когда дело идёт о фигурах такого масштаба, как Роза Люксембург"².

Показывая, что в своих оценках Ленина как якобы непримиримого противника "люксембургианства" Сталин не только злобно искажает ленинские взгляды, но и противоречит собственным высказываниям предшествующих лет, Троцкий замечал: "Сталин ещё раз пойман с поличным. Пишет ли он о вопросах, в которых ничего не смыслит? Или же сознательно играет краплеными картами в основных вопросах марксизма? Такая альтернативная постановка вопроса не правильна. На самом деле есть и то, и другое. Сталинские фальсификации сознательны, поскольку продиктованы в каждый данный момент вполне отчётливым личным интересом. В то же время они полусознательны, поскольку первобытное невежество не ставит никаких препятствий его теоретическому произволу"³.

¹ Сталин И. В. Соч. т. 13. с. 98-99.

² Бюллетень оппозиции. 1932. № 28. с. 14.

³ Там же. с. 15.

Письмо Сталина "О некоторых вопросах истории большевизма" положило начало травле многих большевистских историков, включая даже такого преданного сталиниста, как Ярославский, который вскоре покаялся в том, что недостаточно осветил в своих исторических работах роль Сталина в развитии большевизма.

Развернувшаяся погромная кампания коснулась авторов всех учебников по истории партии, всех историков Октябрьской революции. Особенно сильный удар был нанесён по Шляпникову - автору книг "Революция 1905 года", "Канун семнадцатого года" и "1917 год" (последний труд состоял из четырёх томов, изданных в 1923-1931 годах). 8 января 1932 года в "Правде" появилась двухподвальная статья "1917 год в меньшевистском освещении", написанная группой "красных профессоров" во главе с Пospelовым. В этой статье работа Шляпникова именовалась "гнусным троцкистским пасквилом", "возмутительной клеветой", "чудовищной фальсификацией" и т. п. Главная причина этих обвинений заключалась в том, что Шляпников - сам активный участник февральской и Октябрьской революции - "не осветил руководящую и направляющую роль товарища Сталина в Октябрьском восстании" и даже писал об ошибках Сталина в 1917 году. Вслед за появлением этой статьи было принято решение Политбюро, в котором Шляпникову предлагалось "признать свои ошибки и отказаться от них в печати. В случае же отказа со стороны т. Шляпникова выполнить этот пункт в 5-дневный срок - исключить его из рядов ВКП(б)"¹. После этого решения Шляпников обратился в Политбюро, обещая исправить формулировки, которые "могут подать повод для неправильного толкования". Вслед за этим в "Правде" было опубликовано его заявление, в котором он признавал свои "ошибки" и заверял, что примет все меры к их исправлению².

В "Рютинской платформе" подчеркивалось, что в "историческом" письме Сталина "сила доказательства обратно пропорциональна силе окрика зазнавшегося, зарвавшегося, обнаглевшего вождя, чувствующего себя в партии и стране, как в своей вотчине, где он волен казнить и миловать всякого ... Отныне историю партии будут писать, вернее фабриковать заново ... Фальсифицировать историю партии под флагом её защиты, раздуть одни факты, умолчать о других, состряпать третьи, посредственность возвести на пьедестал "исторической фигуры" - вот в чём будет заключаться суть переработки учебников по истории партии"³.

¹ Реабилитация. с. 114.

² Правда. 1932. 9 марта.

³ Реабилитация. с. 335-336.

XXXIII

Лидеры бывших оппозиций в начале 30-х годов

В условиях обострившегося до предела хозяйственно-политического кризиса и всё большего нагромождения сталинской кликой лжи и фальсификаций, в партии нарастал мировоззренческий кризис. Как подчеркивалось в "Рютинской платформе", "этот кризис в настоящее время глубоко скрыт, он находит пока свое внешнее проявление только в отдельных редких случаях; пресс террора мешает ему вырываться наружу, но он захватил уже довольно значительный слой мыслящей части партии, имеющей действительно коммунистическое мировоззрение ... Значительная часть членов партии живёт в настоящее время просто с выпотрошенными душами, изъеденная всеобщим скептицизмом и разочарованием"¹.

Последняя характеристика относилась прежде всего ко многим лидерам бывших оппозиций, которые, пройдя через ритуальные обряды покаяний, продолжали находиться на ответственных постах. Бухарин, Рыков, Томский, Пятаков оставались членами ЦК, Догадов и Сокольников - кандидатами в члены ЦК. В партийных кругах всё острее ощущалось недоумение по поводу того, что эти люди, в прошлом отличавшиеся смелостью и независимостью суждений, теперь не решались произнести ни единого критического слова о гибельной политике сталинского руководства. "Чем же всё-таки объясняется их молчание? - задавал вопрос один из корреспондентов "Бюллетеня". - Неужели же только голым страхом за личную судьбу? Но разве можно себе представить положение, более тяжкое и более недостойное, чем то, в какое многие из бывших вождей, теоретиков и политиков поставлены сталинской бюрократией, правда, при прямом участии самих "пострадавших". Казалось бы, им нечего терять, кроме цепей унижения и бессилия. Или может быть, они просто окончательно и полностью выдохлись и ничего не сохранили за душой? Скорее всего именно так"².

По существу, о том же речь шла в дневниковых записях А. М. Коллонтай, во время приезда в Москву в июне 1932 года встречавшейся со многими "стариками". Замечая, что "стариками" всё критикуют, охаивают, высмеивают, с раздражением говорят, что так продолжаться не может, Коллонтай приводила типичное высказывание, услышанное ею: "Мы теряем верный курс. Компас испорчен". К этому Коллонтай добавляла * "Если спросить, что они предлагают, какие меры? Их нет"³.

Выработка альтернативы сталинской политике потребовала бы от бывших лидеров оппозиций перехода от бессильного брюзжания к более серьезным выводам и действиям. Искушённые опытом своих прежних унижений и судьбой "троцкистов", продолжавших томиться в тюрьмах и ссылках, эти люди

¹ Реабилитация. с. 424.

² Бюллетень оппозиции. 1932. № 29-30. с. 12.

³ Вопросы истории КПСС. 1989. № 8. с. 103.

понимали, что при переходе к каким-либо формам борьбы против Сталина они могут потерять уже не только честь и достоинство, но и личную свободу. К тому же они ещё в большей степени, чем рядовые оппозиционеры, цепью своих непрерывных покаяний и заверений в верности "генеральной линии", оказались втянутыми в режим двоедушия, установившийся в партии. "Можно смело утверждать, - писал корреспондент "Бюллетеня", - что из 10 партийцев - 8 разведено сомнениями. В частных разговорах они говорят об этом, а на ячейках и конференциях все решения принимаются ... единогласно. Почему? "А какой смысл? Если я буду погибать в Сибири, я этим тоже ничему не помогу"¹.

Именно такие суждения, по-видимому, были характерны для лидеров правой оппозиции, в конце 20-х годов остро критиковавших Сталина, а с начала 30-х годов, когда его ошибки и преступления многократно возросли, отказавшихся от какой бы то ни было борьбы с ним. Так, Бухарин, проезжавший летом 1930 года через Украину, был потрясён зрелищем распухших от голода детей, просивших на полустанках милостыню. Рассказывая об этом своему другу Ларину, Бухарин с возгласом: "Если более чем через десять лет революции можно наблюдать такое, так зачем же было её совершать!" рухнул на диван и истерически зарыдал². Однако в своих публичных выступлениях 1930 и последующих годов Бухарин не переставал бичевать собственные прошлые "ошибки" и прославлять "победы" сталинского руководства.

Даже людям, далеким от партии, было ясно, что бывшие "водители", капитулируя перед Сталиным, окончательно утрачивают собственную личность, свои волевые, нравственные и интеллектуальные качества. Так, в 1930 году М. Пришвин сделал в своем дневнике примечательную запись: "Сознают ли вполне такие люди, как Бухарин, что, отрекаясь публично от себя самих, они в то же самое время и лично кончаются". Отречения продиктованы тщетной надеждой "когда-нибудь при удобном случае вернуть человеческую душу в сохраняемый футляр от исчезнувшего себя самого"³.

Вымогательство всё новых покаяний неумолимо влекло этих людей по наклонной плоскости. О противоестественном образе жизни, который им приходилось вести, свидетельствует тот факт, что члены "бухаринской тройки" почти перестали встречаться между собой из-за боязни быть обвинёнными в продолжении "фракционной деятельности". Дочь Рыкова вспоминала, что после 1930 года в их доме почти никто не бывал. Она же рассказывала, как в начале 30-х годов ей пришлось быть свидетельницей оскорблений Рыкова со стороны сталинцев. В правительственной ложе Большого театра "Сталин ответил отцу на что-то с небрежным презрением, и тогда все остальные (члены Политбюро) как по команде набросились на Рыкова, все заговорили сразу, громко, резко, зло"⁴.

¹ Бюллетень оппозиции. 1933. № 35. с. 26.

² Знамя. 1988. № 11. с. 126.

³ Октябрь. 1989. № 7. с. 179.

⁴ Шелестов А. Время Алексея Рыкова. М., 1989. с. 283.

Непрерывное вымогательство покаяний и клятв в верности "генеральной линии" от лидеров бывших оппозиций не преследовало цель утвердить какие-либо принципы, поскольку всякие принципы утрачивали ценность в условиях бесконечных бюрократических зигзагов. Цель этих вымогательств, как подчеркивал Троцкий, сводилась к одному: "внушить партии, что какое бы то ни было противодействие или сопротивление, какая бы то ни было критика аппарата, какой бы то ни было ропот, даже шёпот против аппарата ... могут привести лишь к репрессиям или к новым идейным унижениям. "Самокритика" служит той же цели с другой стороны, ибо означает обязанность членов партии критиковать то, что "критикует" аппарат"¹.

Не все покаяния бывших оппозиционеров были от начала до конца лицемерными. В книге "Сталин" Троцкий ссылался на свидетельство большевика-невозвращенца Бармина о том, что многие сомневавшиеся, колеблющиеся или прямые противники Сталина в начале 30-х годов считали, что несмотря на все его ошибки, провалы и преступления, страна всё же движется вперед и поэтому нужно отбросить все другие соображения и работать под его руководством².

Среди оппозиционеров было немало и таких, которые выступали с покаянными заявлениями для того, чтобы возвратиться в партию и внутри неё возобновить оппозиционную подпольную деятельность. Однако очень скоро они убеждались в том, что политические условия такой деятельности неизмеримо тяжелее, чем условия нелегальной работы большевиков при царизме. Постоянно ощущая надзор ГПУ, эти люди "переживали подлинный внутренний кризис, боялись за будущее партии, многие - за свое будущее, каялись, чистосердечно возвращались на второстепенную работу и становились послушными, смертельно перепуганными и полностью преданными чиновниками"³.

Наиболее отважная часть оппозиционеров не опускала руки в ожидании лучших времён и ставила перед собой те же задачи, что в годы дореволюционного подполья: анализ развивающихся событий, сохранение сил для выступления в благоприятный момент против сталинизма, установление и поддержание связи между всеми антисталинскими силами в партии. Постепенно преодолевалась разобщённость этих сил, выступавшая следствием их прежних политических разногласий. Эти разногласия на рубеже 30-х годов объективно сгладились, поскольку оценка сталинской социально-экономической политики и внутрипартийного режима у "левых" и "правых" в основном совпадала. В сознании бухаринцев постепенно разрушалась "теория первородного греха" - "троцкизма", которую они изобрели в 20-е годы и которой они первоначально руководствовались в критике сталинского ультралевого курса. В 1936 году в "Бюллетене оппозиции" было помещено письмо ссыльного оппозиционера, в котором рассказывалось, что при встрече в 1932 году с бывшими "бухаринцами" (Слепковым, Марецким и др.) он убедился, что они "совершенно изменились и не скрывали - разумеется, в интимных кругах - свое новое отношение к

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. с. 12.

² Троцкий Л. Д. Сталин. т. II. с. 262.

³ Там же. с. 263.

Троцкому и к троцкистам"¹. Со своей стороны, троцкисты приходили к выводу о том, что во имя общих задач борьбы со сталинизмом следует отбросить воспоминания об их беспринципной травле бухаринцами.

В 1932 году стал складываться блок между участниками всех старых оппозиционных течений и новыми антисталинскими внутрипартийными группировками. Трагедия этого блока состояла в том, что он возник слишком поздно, в условиях, когда весь репрессивный сталинский аппарат был мобилизован на поиск подпольных оппозиционных групп в партии и их беспощадное преследование.

Переходя к анализу истории этого блока, следует остановиться на различных исторических версиях, отрицающих наличие внутрипартийной борьбы в 30-е годы.

¹ Бюллетень оппозиции. 1936. № 51. с. 115.

XXXIV

В русле "единой версии"

В многочисленных исторических работах самой разной идеологической ориентации мы встречаемся с тремя одинаковыми тезисами: никакой серьезной оппозиции сталинизму в партии не существовало; все признания на московских процессах были вырваны пытками, угрозами, обещаниями сохранить жизнь и не имели никакого отношения к истине; все репрессированные в 30-е годы были "невиновными", в том числе в попытках борьбы против Сталина и сталинизма.

Эти положения разделялись следующими тремя группами авторов: 1) Хрущёв и развивавшие его трактовку событий 30-х годов идеологи и историки периода "оттепели"; 2) авторы явно антикоммунистического толка типа Конквеста и Солженицына; 3) авторы многочисленных работ о сталинизме, появившихся в СССР в конце 80-х годов.

Разумеется, эти общие посылки выдвигались по совершенно разным основаниям. Начнем с причин, побудивших отстаивать эту антиисторическую версию Хрущёва и его подручных идеологов, возглавивших первую (после XX съезда) и вторую (после XXII съезда) волну разоблачений сталинизма. Все они в прошлом были ярыми сталинистами и принимали активное участие в "большом терроре" или хотя бы в его идеологическом обосновании. Это обусловило парадоксальное толкование ими истории внутрипартийной борьбы: зверства Сталина именовались "ошибками", а любые формы сопротивления сталинизму продолжали считаться "преступлениями". Единственным "законным" проявлением протеста против "культы личности" Хрущёв соглашался считать тайное голосование на XVII съезде партии, при котором против Сталина голосовала примерно четверть делегатов. Понятно, что в хрущевскую схему не укладывались никакие более серьезные формы борьбы со Сталиным и сталинизмом. Следовавшие этой схеме историки объясняли чудовищные масштабы репрессий 30-х годов лишь отрицательными чертами характера и болезненной подозрительностью Сталина. Все же остальные аспекты истории партии по-прежнему рассматривались в духе "Краткого курса истории ВКП(б)" - как цепь непрерывных побед "генеральной линии партии", одержанных в борьбе с антипартийными течениями, прежде всего с "троцкизмом". За Троцким был сохранён ярлык "злейшего врага ленинизма", который якобы утратил в 30-е годы своих сторонников внутри страны¹.

Распространение этой исторической версии облегчалось тем, что все документы, касавшиеся деятельности оппозиций, по-прежнему держались в глубокой тайне, а все активные участники оппозиционных групп были уничтожены в ходе "великой чистки". Тем же немногочисленным членам этих группировок, которым посчастливилось дожить до послесталинской реабилитации, предсто-

¹ Версия об "одиночестве" Троцкого в 30-е годы сохранилась даже в более поздних трудах Р. Медведева и Д. Волкогонова.

яла нелёгкая судьба. Даже будучи освобождены из лагерей и ссылок, они убеждались, что критика "культы личности" не отменила отношения к участию даже в легальных оппозициях 20-х годов как к достаточному основанию для уголовного преследования по обвинению в антисоветской деятельности. Поэтому, чтобы добиться собственной реабилитации и благополучно дожить оставшиеся им годы, они не решались сообщать "переследователям" 50-60-х годов всю известную им правду о деятельности нелегальных антисталинских оппозиций.

Чисто сталинистское отношение к "троцкизму" и другим антисталинским внутрипартийным течениям усугубилось в годы застоя, когда появилось немало исторических "трудов", механически воспроизводивших старые версии об "антисоветской" и "контрреволюционной" сущности всех внутрипартийных оппозиционных групп, в первую голову "троцкистской". Понятно, что в этих условиях было невозможно разорвать сталинские амальгамы: провокационное и клеветническое "наложение" обвинений в шпионаже, вредительстве и т. д. на действительные факты подпольной борьбы против сталинизма.

Безгласность периодов сталинизма и постсталинизма наложила столь сильный отпечаток на общественное сознание, что даже публикация в первой половине 60-х годов выдержек из антисталинских статей Ф. Раскольникова произвела ошеломляющее впечатление на советских интеллектуалов. "Критически мыслящим" "шестидесятникам" было трудно понять, как большевик 30-х годов мог видеть и понимать то, что им открывалось по крупицам. Впрочем, сразу же после свержения Хрущёва Раскольников был объявлен официальной пропагандой "троцкистом" и "антисоветчиком", а распространение в самиздате его "Открытого письма Сталину" стало считаться столь же преступным деянием, как распространение в 20-е годы ленинского "Завещания".

По-видимому, история нашего общества и всего коммунистического движения сложилась бы по-иному, если бы начатый Хрущёвым процесс десталинизации¹ был продолжен, и история нашего общества предстала бы в истинном свете в 50-60-е годы, когда для большинства советских людей понятия "Октябрьская революция", "социализм", "большевизм" оставались наивысшими духовными ценностями. Процесс освобождения массового сознания от стереотипов, насаждённых сталинской школой фальсификаций, повлёк бы за собой возрождение подлинно коммунистического менталитета. Духовное движение переросло бы в политическое, способствующее подлинно социалистическому обновлению общества, т. е. демократизации политического режима и ликвидации социальных привилегий. Этот процесс в свою очередь мог дать импульс экономическому и социальному подъёму стран с национализированной собственностью и плановым хозяйством, действительному выявлению исторических преимуществ социализма.

Интуитивно осознавая эту неизбежную цепочку причин и следствий, правящая бюрократия сопротивлялась этим очистительным процессам, угрожавшим смести её с исторической арены. Чувствуя взрывчатую силу, заложенную

¹ В данном случае под десталинизацией мы понимаем последовательное разоблачение сталинских преступлений и разрушение сталинистских исторических мифов.

в последовательном восстановлении исторической правды, брежневско-условское руководство сразу же после овладения рычагами власти наложило безусловное табу на дальнейшую объективную "разборку" исторического прошлого. Были вновь переписаны учебники по истории партии, откуда были изъяты наиболее резкие квалификации сталинизма, появившиеся в период "оттепели". Все иные версии советской истории отныне могли разрабатываться только в Самиздате или "Тамиздате".

Диссидентское движение, развернувшееся как негативная реакция на ресталинизацию, устремилось всецело по антикоммунистическому пути. Этот процесс имел глубокие исторические предпосылки. Сталинский террор настолько масштабно выжег все альтернативные коммунистические силы, что в советском обществе оказался утраченным сам тип большевистского сознания. Развитие официальной правящей партии показывало, что все основные атрибуты сталинизма (за исключением наиболее одиозных его проявлений, таких, как государственный террор) остаются в неприкосновенности. Последнее массовое подлинно коммунистическое движение ("Пражская весна") было подавлено советской интервенцией, проводившейся под лживым лозунгом "борьбы с контрреволюцией"¹. Эта трагическая акция дала толчок окончательному разочарованию большинства советских интеллектуалов в самой коммунистической идее, якобы принципиально неспособной к очищению от язв сталинизма.

В этих условиях сложилась ориентация диссидентского движения в СССР на капиталистический Запад. Большинству его идеологов борьба со сталинизмом во имя возрождения большевистских (ленинских, "троцкистских") принципов была столь же чужда и враждебна (хотя, разумеется, по принципиально иным основаниям), как идеологам постсталинистских режимов (включая титоизм, маоизм, кастроизм, "вожди" которых были воспитаны на идеях "борьбы с троцкизмом"). Эти люди, сделавшие свой политический выбор, не были склонны к тщательному научному изучению и переосмыслению послеоктябрьской истории. Они приняли на веру и механически репродуцировали исторические версии западной советологии времён холодной войны, согласно которым сталинистский режим закономерно вырос из революционной практики большевизма.

Поскольку "троцкизм" был по-прежнему ненавистен как прокапиталистическим, так и официальным коммунистическим силам, его история вновь выпала из сферы объективного исторического исследования. Антикоммунистическая историография, политизированная не в меньшей степени, чем сталинская школа фальсификаций, находилась во власти собственных идеологических стереотипов, упрямо не желавших считаться с историческими фактами. Достаточно сказать, что в книге Р. Конквеста "Большой террор", по которой знакомилась с отечественной историей будущие советские "демократы", иде-

¹ Характерно, что за день до вторжения советских войск в Чехословакию в статье "Правды", нагнетавшей истерию, направленную против нового политического режима в Чехословакии, одним из главных его "преступлений" была объявлена публикация в Праге книги Троцкого.

ям и деятельности Троцкого была посвящена всего лишь одна страница, на которой мы насчитали не менее десятка грубых фактических ошибок и передержек. Примерно так же обстояло дело и с книгой А. Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", подтвердившей старую истину о том, что лучшие сорта лжи готовятся из полуправды. В ней исторические факты подгонялись под априорно заданную схему, согласно которой большевистская партия изначально была отягчена стремлением к иррациональному насилию и в этом плане действительно представляла собой "монолитное целое". Ради перенесения ответственности за массовый террор со сталинской клики на всю партию, число его жертв представлялось на порядок выше, чем оно было в действительности (такого рода статистическим манипуляциям, присутствующим во всех антикоммунистических работах, благоприятствовало упорное сокрытие брежневским режимом статистики сталинских репрессий). Единственной функцией сталинистского террора объявлялось превентивное устрашение народа ради обеспечения его безропотной покорности господствующему режиму. Такая трактовка была призвана служить поддержанию традиционного антикоммунистического мифа о "сатанинстве" большевиков, их фанатической завороченности "утопической" идеей и фетишистской преданности "партийности", во имя которой якобы оправданы любые зверства. Этот миф лег в основу суждений о том, что вся старая большевистская гвардия слепо выполняла предначертания Сталина и в конечном счёте пала жертвой бессмысленного самоистребления. Закономерным дополнением этого мифа явились альтернативные "прогнозы задним числом", согласно которым в результате победы левой оппозиции над Сталиным история "коммунизма" и судьбы советской страны сложились бы таким же трагическим образом.

Казалось бы, "перестройка", первоначально освящавшаяся лозунгом "возродить в современных условиях, и возродить как можно полнее, дух ленинизма"¹, должна была привести к развенчанию этих мифов, тем более, что в её ходе, наконец, были реабилитированы не только жертвы московских процессов 1936-38 годов, но и участники коммунистических оппозиционных группировок, брошенные в тюрьмы ещё в конце 20-х - начале 30-х годов. Однако реабилитационные справки, подготовленные комиссией Политбюро в конце 80-х годов, не только не прояснили историю внутрипартийной борьбы, но ещё больше запутали её.

Во главе комиссии по дополнительному изучению материалов, связанных со сталинскими репрессиями, были поставлены сначала Соломенцев, а потом Яковлев - типичные бюрократы "последнего сталинского призыва", начавшие свою политическую карьеру в 40-х годах. Первый относился к догматически-консервативному крылу горбачевского Политбюро, а второй - к его либерально-буржуазному крылу, сперва осторожно, а затем всё более открыто подготавливавшему реставрацию капиталистических порядков в СССР. Однако общее между ними было в том, что они были воспитаны в духе беспрекословного подчинения любой очередной директиве, любому последнему слову "первого

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27-28 января 1987 г. М., 1987. с. 65.

лица". Принадлежавшие к поколению партийных карьеристов, у которых убеждения держались не дальше кончика языка, они органически не способны были представить, как можно ради принципов жертвовать своим бюрократическим благополучием и бороться перед лицом угрозы не только лишения постов и привилегий, но и жесточайших репрессий. Подобно Хрущёву и его подголоскам, им было некомфортно признать, что целые отряды большевиков вели борьбу против всемогущего "вождя", имевшего в своем распоряжении отлаженную машину сыска и террора.

Поэтому изложенная в подготовленных под их руководством реабилитационных справках историческая версия не шла намного дальше версий Хрущёва, с одной стороны, Конквеста-Солженицына, с другой. Эта версия сводилась к тому, что действительная "вина" большевиков, репрессированных в 30-е годы, ограничивалась отдельными частными беседами с выражением недовольства Сталиным и некоторыми аспектами его политики.^{1*}

¹ Поэтому при дальнейшем изложении истории внутрипартийных группировок 30-х годов мы будем использовать содержащиеся в этих справках фактические данные, но критически относиться к их выводам, основанным на поверхностном и тенденциозном изучении следственных дел, проверять и дополнять эти документы другими, более надежными фактами и свидетельствами.

Союз марксистов-ленинцев

В эту версию, однако, острым клином врезывалась история организации, названной её участниками "Союзом марксистов-ленинцев". Одно дело - Троцкий, которого "перестройщики" типа Яковлева-Волкогонова объявляли одиноким изгнанником, утратившим своих единомышленников в СССР и руководившимся в своих разоблачениях сталинизма личной ненавистью к Сталину и уязвлённым самолюбием поверженного. И совсем другое дело - группа старых большевиков, выпускавшая документы с беспощадной критикой сталинского режима и призывом к коммунистам подняться на борьбу со сталинской кликой во имя возрождения идеалов и принципов Октябрьской революции.

Однако и здесь Яковлев нашёл свое иезуитское решение. В реабилитационную справку по делу "Союза" была вмонтирована версия о неподлинности документов этой организации, обнаруженных в архивах ОГПУ. В этих целях был использован тот факт, что в материалах следствия сохранились лишь копии с оригиналов этих документов. Реабилитационная справка брала на веру слова из письменного объяснения Рютина по поводу доноса, поступившего на него в 1930 году: "О термидоре и забастовках я ни слова не говорил. Тут всё вымышлено от начала и до конца. Я не троцкист и не устряловец, чтобы гордиться такую чепуху". Руководствуясь этими словами при оценке "Рютинской платформы", относящейся к 1932 году, яковлевские "переследователи" утверждали: "А такой чепухи в этом документе оказалось много". Более того, они присовокупляли, что в обнаруженных копиях "Платформы" встречаются "явные заимствования из контрреволюционных воззваний и антисоветских листовок, белоэмигрантских документов, что вряд ли могло соответствовать настроениям М. Н. Рютина". В справке содержался и намек на то, что такие "заимствования" были включены в "Платформу" следователями ГПУ, чтобы придать группе "характер гигантского заговора внутри партии и государства". Наконец, основанием для реабилитации рютинской группы объявлялось то обстоятельство, что её участники не совершили "никаких практических действий" по реализации установок, содержащихся в её программных документах¹.

Таким образом, Яковлев, с 1990 года ставший одним из главарей истерической антикоммунистической кампании, за год до этого называл "антисоветскими" и "контрреволюционными" наиболее резкие обличения сталинизма, содержащиеся в "Рютинской платформе". Однако издание в 1990 году её текста обнаружило, что в нем не содержится ни одного слова, которое могло принадлежать перу не большевика, а антисоветчика или белоэмигранта.

После этих предварительных соображений перейдем к анализу деятельности "Союза марксистов-ленинцев" и его программных документов.

¹ Реабилитация. с. 97.

Организаторами "Союза" были М. Н. Рютин и В. Н. Каюров, люди с яркой большевистской биографией. Рютин, член партии с 1914 года, активный участник гражданской войны, в 1924-28 годах работал секретарем Краснопресненского райкома партии и в этот период поддерживал правящую фракцию в борьбе с левой оппозицией, ожесточенно выступал против последней на XIV и XV съездах партии, возглавлял бригады боевиков, разгонявших оппозиционные собрания и демонстрации. На XV съезде был избран кандидатом в члены ЦК. Подобно многим другим функционерам Московской партийной организации, Рютин в 1928 году примкнул к "правым". При снятии с партийной работы, наряду с "примиренческим отношением к правому уклону", ему вменялась ещё одна, более серьезная вина. Она состояла в том, что Рютин на закрытом заседании бюро Краснопресненского райкома, выступая "против тенденций дальнейшего отсечения руководящих товарищей от руководства", сказал: "Мы знаем, что у тов. Сталина есть свои недостатки, о которых говорил тов. Ленин". Сообщив на октябрьском пленуме МК (1928 года) об этом эпизоде, Угланов заявил, что "этого нельзя было говорить потому, что ещё раньше нам об этом говорили троцкисты"¹.

В речи на пленуме МК Рютин заявил, что он, как и многие другие члены бюро Московского комитета, испытывал "беспокойство за сплочённость руководящего органа ЦК" и считал, что низовые и районные партийные организации должны "воздействовать на руководящих товарищей, чтобы в их рядах были устранены разногласия, трения, которые возникли"².

За все эти "ошибки" Рютин отделался сравнительно мягким наказанием. После отстранения в октябре 1928 года от партийной работы он был назначен заместителем редактора газеты "Красная звезда", а в 1929 году был направлен уполномоченным ЦК по коллективизации в Восточную Сибирь. Представленная им после возвращения из этой поездки записка в Политбюро, критически оценивавшая практику коллективизации, вызвала резко отрицательную реакцию Сталина и Кагановича.

21 января 1930 года Сталин выступил в "Красной Звезде" со статьей "К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса", поводом для которой послужила написанная Рютиным передовая этой газеты. Называя эту передовую "в общем бесспорно правильной", Сталин счел нужным исправить содержащиеся в ней "неточности в формулировках". Эти неточности сводились к тому, что Рютин объявил "политику ликвидации кулачества как класса" продолжением линии XV съезда, тогда как Сталин недвусмысленно (и справедливо) называл её "новой политикой партии", поворотом от решений XV съезда³. 2 марта 1930 года Рютин последний раз подписал газету "Красная звезда". С идеологической работы он был переведён на хозяйственную, получив пост председателя Управления фотокинопромышленности.

На XVI съезде партии Сталин через Кагановича обещал Рютину, что он будет избран в ЦК, если выступит в прениях с осуждением "правого уклона" и

¹ Там же. с. 99.

² Там же.

³ Сталин И. В. Соч. с. 12. с. 178-183.

"самокритикой" по поводу своего "примиренческого" отношения к нему. Рютин, как он впоследствии признавал, "увильнул" от этого выступления. В состав ЦК он избран не был.

Более серьезные злоключения Рютина начались осенью 1930 года. Имеются сведения, что в августе он был приглашён Сталиным в Сочи, где они вели беседы в течение двух дней. А уже 13 сентября Сталин писал Молотову, что "в отношении Рютина нельзя будет ограничиться исключением. Его придётся, спустя некоторое время после исключения, выслать куда-либо подальше от Москвы. Эту контрреволюционную нечисть надо разоружить до конца"¹.

По-видимому, эта злобная установка была внушена тем, что Сталин к тому времени получил агентурные сведения о беседах, которые Рютин вёл со многими старыми большевиками во время своего пребывания на отдыхе в Ессентуках. О содержании этих бесед говорилось в поступившем 20 сентября в ЦК заявлении Немова, бывшего сослуживца Рютина по работе в Краснопресненском райкоме. Немов сообщал, что в разговорах с ним Рютин говорил о губительном для страны характере политики правящего ядра ЦК во главе со Сталиным. Банкротство этой политики Рютин усматривал в исключительно тяжёлом материальном положении рабочих, провале коллективизации, финансовом крахе и т. д. Основную задачу "правых" Рютин видел в том, чтобы "всюду и везде распространять среди рабочих, что бедой и несчастьем для страны является этот фокусник и шулер Сталин ... Когда Сталина смахнут, тогда с остальными легко будет справиться". Рютин сказал Немову, что в будущем правым придётся работать вместе с троцкистами на следующей основе: троцкисты во главе с Троцким должны будут признать ошибочность своей экономической платформы, которую, по словам Рютина, стал проводить Сталин^{2*}, а правые признают, что они безусловно ошиблись в своей критике троцкистов за их оценку внутрипартийного режима³.

Ярославский и Шкирятов ознакомили Рютина с заявлением Немова и потребовали представить письменное объяснение по поводу содержащихся в нем обвинений. В объяснительной записке Рютин утверждал, что донос Немова - это "на 99 % самая гнусная ложь" и что последний грубо передернул его слова о Сталине. Рютин писал, что считает Сталина "самым крупным вождем партии, способным проводить в жизнь ленинские принципы", а его критические высказывания в адрес Сталина носили личный характер и сводились лишь к тому, что Сталин "напрасно ошельмовал меня и ловким маневром вытряхнул с партийной работы"⁴. На очной ставке с Немовым в ЦКК Рютин повторил эти утверждения и отверг самое страшное обвинение доносчика - в стремлении "заключить блок с троцкистами". Понимая, какие аргументы могут оказаться наиболее действенными в глазах "партследователей", Рютин возвратил это обвинение Немову, назвав его скрытым троцкистом, а его заявле-

¹ Коммунист. 1990. № 11. с. 104.

² Эта мысль была сформулирована в "Рютинской платформе", как мы увидим далее, в значительно менее категоричной и более гибкой форме.

³ Мартемьян Рютин. На колени не встану. с. 317-318.

⁴ Там же. с. 319-320.

ние - попыткой троцкистов свести с ним счёты за его прошлую борьбу с ними¹.

По-видимому, Рютин в то время уже четко определил свою позицию и рассматривал "партийных прокуроров" не как товарищей по партии, а как своих потенциальных тюремщиков. Поэтому он решил не сообщать в ЦКК правду о своих взглядах, высказанных Немову с глазу на глаз, а заявил, что приписанные ему высказывания выдуманы доносчиком. Лишь в 1932 году на допросе в ГПУ по делу "Союза" Рютин признал, что в 1930 году "категорически отрицал все сообщения Немова ... Хотя это его заявление в основном мои разговоры с ним передавало верно"².

В свою очередь "парпрокуроры" не поверили объяснениям Рютина, тем более, что у них имелись сведения о том, что Рютин вёл аналогичные разговоры и с другими старыми большевиками.

Спустя три дня после поступления доноса Немова дело Рютина было заслушано на заседании Президиума ЦКК, который исключил его из партии "за предательски-двурушническое поведение в отношении партии и за попытку подпольной пропаганды право оппортунистических взглядов"³. 5 октября это решение было подтверждено Политбюро. 13 ноября Рютин был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации. Однако 17 января 1931 года коллегия ОГПУ признала это обвинение недоказанным и Рютин был освобождён из тюрьмы. После этого и вплоть до ареста по делу "Союза марксистов-ленинцев" он работал рядовым экономистом.

Вскоре после выхода из тюрьмы Рютин принял решение создать подпольную организацию, а в начале марта 1932 года начал писать её программный документ: работу "Сталин и кризис пролетарской диктатуры", получившую в дальнейшем название "Рютинской платформы". По-видимому, уже в это время он вступил в контакт с будущими членами "Союза" и познакомил их со своей работой. К. А. Замятина-Черных, одна из немногих осуждённых по "рютинскому делу", которой довелось пережить сталинский террор, сообщила в 1961 году, что уже в мае 1932 года она напечатала семь первых машинописных экземпляров рукописи Рютина, которую ей передал её муж П. М. Замятин, к тому времени уже прошедший через исключение из партии и трёхмесячный арест⁴.

Одновременно с "Платформой" было написано "Обращение ко всем членам ВКП(б)", представлявшее краткое изложение основных идей "Платформы" и именовавшееся впоследствии "Манифестом". Уже в июне 1932 года "Манифест" распространялся в Харькове, а в августе того же года в секретно-политический отдел ОГПУ поступили агентурные сведения о том, что группа харьковских активных троцкистов, поддерживавшая связь с московскими троцкистами, обсуждала обращение "Ко всем членам партии".

¹ Там же. с. 23, 329.

² Там же. с. 278.

³ Там же. с. 25.

⁴ Там же. с. 262-263, 284.

"Союз марксистов-ленинцев" был образован 21 августа на организационном собрании, в котором, помимо Рютина, принимали участие 14 коммунистов из Москвы и Харькова. Как сообщил Рютин в показаниях на следствии, каждый из присутствующих на этом собрании или, по крайней мере, большинство из них "имели за собой единомышленников, взгляды которых они ... выражали"¹. Участники собрания приняли за основу документы, представленные Рютиным, и передали их на окончательное редактирование Комитету, избранному в составе пяти человек. Сам Рютин в состав этого комитета не вошёл как беспартийный и по соображениям конспирации (после освобождения из тюрьмы за ним велась неусыпная слежка).

В состав комитета были избраны В. Н. Каюров, Иванов, Галкин, Демидов и Федоров. Среди них ведущая роль принадлежала Каюрову, старому рабочему-революционеру, члену партии с 1900 года. Каюров в июльские дни 1917 года укрывал Ленина, а после победы Октябрьской революции выполнял важные ленинские задания. Ленин характеризовал Каюрова как своего "старого знакомого, хорошо известного питерским рабочим" и в 1918 году предлагал послать на фронт питерских рабочих "вождей" несколько десятков (а la Каюров)². После публикации статьи "Как нам реорганизовать Рабкрин", в которой говорилось о необходимости более широкого привлечения рабочих к управлению, Ленин справлялся у Крупской, как на эту статью реагировал Каюров. До 1932 года Каюров находился на государственной и хозяйственной работе, часто выступал со статьями на историко-партийные темы.

Во время следствия по "рютинскому делу" Каюров брал главную вину за создание нелегальной группы на себя. Даже из ссылки он направил 1 августа 1933 года письмо в ЦК и ЦКК, в котором вновь заявлял, что считает себя "главным виновником" в организации группы, поскольку он принадлежал к "категории старых большевиков, авторитет которых окрылил более молодых партийцев, мнение которых совпадало с моим таковым считаю: Рютина, Галкина, Иванова и А. Каюрова (сын В. Н. Каюрова - В. Р.)"³.

В свою очередь Рютин во время допросов делал всё возможное, чтобы взять на себя основную вину за деятельность "Союза марксистов-ленинцев". Он заявил, что к решению начать борьбу против Сталина пришёл ещё в мае 1928 года и утверждал, что "никаких вдохновителей за мной не стояло и не стоит. Я сам был вдохновителем организации, я стоял во главе её, я один целиком писал платформу и обращение. Редактирование платформы и обращения было, конечно, коллективное, но оно никаких принципиальных изменений в оба документа не внесло"⁴.

В советской исторической литературе дебатруется вопрос о том, принадлежат ли "Платформа" и "Манифест" перу одного Рютина или же эти документы представляли продукт коллективной мысли и творчества лиц, согласно выводам следствия, только знакомившихся с этими документами. Показания, по-

¹ Там же. с. 28.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч. т. 36. с. 521; т. 50. с. 124.

³ Мартемьян Рютин. На колени не встану. с. 286.

⁴ Там же. с. 280-281.

лученные на следствии по вопросу об авторстве этих документов, весьма разноречивы. Сам Рютин показал, что оба документа он "редактировал" сам совместно с Ивановым и частично с Каюровым. Однако Иванов, которого следователи, разумеется, не знакомили с показаниями Рютина, сообщил, что Каюров обсуждал документ с участниками бывшей "рабочей оппозиции", сделавшими "довольно много поправок и дополнений". С большинством из них Рютин согласился. Иванов также сообщил, что он сам передал "большой и маленький документ" Рокхину и Стэну, причем последнему с тем, чтобы он познакомил с ними Зиновьева и Каменева. Наконец, Иванов упоминал о замечаниях Стэна, Угланова и харьковских троцкистов, которые "могли оказать влияние на документ ... при окончательной редакции", и о том, что к концу "редактирования" были учтены замечания троцкистов, правых, "рабочей оппозиции", зиновьевцев и Стэна¹. На заседании президиума ЦКК, посвященном разбору "рютинского дела", Ярославский прямо упрекал Каменева в том, что он получил от Стэна "контрреволюционную прокламацию"², имея в виду "Рютинскую платформу".

В свою очередь Рокхин, бывший профессор ИКП, исключенный из партии в конце 1931 года как "троцкистский контрабандист", показал, что Иванов сообщил ему о возникновении новой оппозиционной группы, состоявшей из старых большевиков, стремящихся к объединению всех "групп в партии и всех оппозиций" для развертывания активной борьбы с руководством партии в форме активного выступления всех вождей оппозиции против Сталина³.

В некоторых работах, основанных на изучении следственных дел не только рютинской, но и других оппозиционных групп, указывается, что в написании "Рютинской платформы" или по крайней мере во внесении в неё добавлений и поправок принимали участие некоторые члены бывшей "бухаринской школы", а также Зиновьев и Каменев⁴. Распространение и обсуждение документов "Союза" сопровождалось обсуждением планов изменения партийного руководства. Уже будучи осужденным по процессу "Московского центра", Зиновьев в письме, направленном партийному руководству из тюрьмы в 1935 году, сообщал, что в ходе таких обсуждений (очевидно, внутри его группы) речь шла о восстановлении "ленинского Политбюро", т. е. того состава Политбюро, который существовал при Ленине, с участием Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова и Томского. Рютинская же группа, по его словам, "ругала меня и Каменева, ставила ставку на новых людей, на своих "практиков", но тоже в последнем счёте не отводила этих "кандидатур"⁵.

Известно также, что А. Слепков, Д. Марецкий и П. Петровский, привлечённые по делу "Союза марксистов-ленинцев", в августе 1932 года встречались с Рютиным и вместе с ним вели работу над "Платформой"⁶. Основные

¹ Там же. с. 289.

² Там же. с. 298.

³ Там же. с. 31.

⁴ Они не молчали. М., 1991. с. 166, 171, 193.

⁵ Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. с. 76.

⁶ Они не молчали. с. 179.

положения "Платформы" обсуждались на конференции "правых", состоявшейся в конце августа - начале сентября: На заседании президиума ЦКК, посвящённом разбору "рютинского дела", Ярославский заявил, что Слепкову, по его собственным словам, удалось "100 человек совратить на сторону своих взглядов"¹.

Как мне представляется, "доработка", "уточнения" и "дополнения" со стороны ряда ведущих теоретиков партии внесли много нового в "Рютинскую платформу". Этот документ по своему теоретическому уровню намного выше опубликованных в 20-е годы публицистических статей и брошюр Рютина, по своему духу и стилю не отличавшихся от подобных работ других партийных "практиков"- "средняков", примыкавших в то время к правящей фракции. В "Рютинской платформе" обнаруживаются глубокие познания в вопросах истории и политики партии, содержится целый ряд серьезных обобщений, касающихся влияния сталинизма на экономику, социальные отношения, политическую систему, идеологию и международное коммунистическое движение. Этот документ обнаруживает глубокое знакомство с тщательно скрывавшимися партийной верхушкой событиями в партии и стране. Едва ли столь детальная информация об этих событиях могла быть известна Рютину, на протяжении двух предшествующих лет оторванному от активного участия в политической жизни.

Вместе с тем "Рютинская платформа" по своему теоретическому уровню уступает работам не только Троцкого, но и других деятелей левой оппозиции, публиковавшимся в её "Бюллетене". В "Платформе" эмоции и обилие бранных квалификаций временами перевешивают строгую логику доказательств.

Не лишне отметить, что "Платформа" обнаруживает знакомство её авторов с работами Троцкого, написанными в изгнании, и свидетельствует о глубоком переосмыслении ими уроков внутрипартийной борьбы 20-х годов. В ней встречается даже перефразировка отдельных образных выражений Троцкого, хорошо известных коммунистам со времени этой борьбы, например, "на всю страну надет намордник" (у Троцкого: "Вы и впрямь хотите намордник надеть на партию?").

В предшествующих разделах этой книги приводились некоторые конкретные констатации и оценки, содержащиеся в "Рютинской платформе". Теперь же мы попытаемся проанализировать основные принципиальные идеи этого документа.

¹ Мартемьян Рютин. На колени не встану. с. 36.

"Рютинская платформа"

Работа "Сталин и кризис пролетарской диктатуры" открывалась разделом "Случайность" и роль личности в истории". Приводя слова Маркса о роли исторических случайностей, включая "и такой "случай" как характер людей, стоящих в начале во главе движения"¹, авторы этой работы подчеркивали, что "в условиях пролетарской диктатуры, сосредоточившей в своих руках все рычаги экономики, обладающей аппаратом, в десятки раз более мощным и разветвленным, чем аппарат любого буржуазного государства, в условиях безраздельного господства в стране одной партии и гигантской централизации всего партийного руководства", такая случайность, как характер генсека, стоящего во главе партии, приобрела поистине роковую роль².

Приводя характеристику Сталина в ленинском "Завещании", авторы "Платформы" отмечали, что комментируя её, сам Сталин обычно сводил всё дело к своей грубости, отвлекая внимание от других своих отрицательных качеств, которые приобрели огромное политическое значение. Это прежде всего относится к отмеченной Лениным его недостаточной лояльности, т. е. политической честности и порядочности. Между тем именно эта черта после смерти Ленина стала определяющей в характере Сталина, который отбросил в сторону преданность и верность интересам партии, подчинив все свои действия интересам своего честолюбия и властолюбия.

Другое отмеченное Лениным негативное качество Сталина - нетерпимость к мнениям других - в сочетании с нелояльностью привело к тому, что "он, не терпя около себя людей самостоятельного, независимого партийного мнения, людей духовно, идейно, теоретически стоящих выше его, опираясь на партаппарат и ГПУ, вышиб их с руководящих постов, оклеветал, раздул их прежние ошибки и "изобрел" десятки новых, обманул партию". На место опороченных им партийных лидеров Сталин поставил лиц, "ограниченных в теоретическом отношении, невежественных и беспринципных, но ручных, покорных холуев и льстецов ..."³.

Авторы "Платформы" давали крайне негативные характеристики не только Сталину, но и его ближайшему окружению, именуемому ими "сталинской кликой". Это определение они относили прежде всего ко всему составу тогдашнего Политбюро, включавшему людей с дальнейшей трагической судьбой (Киров, Орджоникидзе) и людей, попавших под каток репрессий 1937-1938 годов (Косиор, Чубарь, Рудзутак). Более того, в двух местах платформы сохранилась особо негативная характеристика Кирова: не только за его приверженность Сталину, но и за его принадлежность в прошлом к кадетской партии.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 33. с. 175.

² Реабилитация. с. 34.

³ Там же. с. 335.

Дифференцированная оценка личности и политического поведения этих людей - дело будущего. Только тщательное изучение архивных материалов сможет показать, отличалась ли в начале 30-х годов их позиция от позиции остальных членов Политбюро (Молотова, Кагановича, Ворошилова, Андреева и др.), не только переживших террор 1937-1938 годов, но и ставших его активными организаторами. Во всяком случае, характеристика сталинского окружения тех лет как единой клики заслуживает серьезного внимания, поскольку авторы "Платформы", как следует из всего её текста, были хорошо знакомы с событиями, происходившими в партийной верхушке.

В "Платформе" отмечалось, что Сталин, опираясь на поддержку своей клики, сначала осторожно, а потом всё смелее сбрасывал с себя маску "скромного" старого большевика, которого партия "заставила" нести "тяжкое бремя генсека", и всё более открыто проявлял стремление к личной диктатуре. В борьбе с оппозициями он утверждал, что борется за коллективное руководство, и одновременно подготавливал "бескровное" 18 брюмера, отсекая от партии одну группу её руководителей за другой. "Если во время государственного переворота Луи Бонапарта население Парижа в течение нескольких дней слышало грохот пушек, то во время государственного переворота Иосифа Сталина партия в течение нескольких лет слышит "пальбу" клеветы и обмана. Результатов Сталин, как и Луи Бонапарт, добился: переворот свершен, личная диктатура, самая неприкрытая, обманная, осуществлена"¹. И здесь "Рютинской платформе" нельзя отказать в точности политического диагноза. Установление бонапартистской диктатуры Сталина действительно было осуществлено путём политической провокации и обмана партии, а не путём кровавых расправ над коммунистами. Такие расправы, правда, в невиданных в истории масштабах понадобились для закрепления этой диктатуры в борьбе с сопротивлением ей в рядах партии.

Как справедливо подчеркивалось в "Платформе", в отличие от Ленина, который был вождем, но не был диктатором, Сталин является диктатором, а не вождем. Разница между вождем и диктатором состоит в том, что подлинный народный вождь опирается на доверие и поддержку масс; диктатор же "большей частью приходит к власти или через подавление революции, или после спада волны революции, или через внутренние комбинации правящей клики, или через дворцовый переворот, опираясь на государственный или партийный аппарат, армию, полицию"². Такими путями пришли к власти все современные диктаторы: Муссолини, Пилсудский, Хорти, Чан Кай-ши и др. (Напомним, что эпоха 20-30-х годов была временем диктаторских режимов не только в Азии, но едва ли не в половине стран буржуазной Европы).

Подобным же путём утвердился и диктатура Сталина, хотя она отличается от других диктаторских режимов тем, что выросла на базе диктатуры пролетариата, способствуя её искажению и вырождению.

Всякий диктатор обманывает массы и поэтому нуждается в оправдании и возвеличивании своего господства, в своем канонизировании (т. е. в том, что

¹ Там же. с. 337.

² Там же. с. 351.

после смерти Сталина будет названо культом личности). Отмечая, что деятельность по канонизированию Сталина приобрела грандиозные размеры, "Платформа" указывала, что "теоретические статьи в журналах превратились просто в ходатайства о повышении по службе и мотивированные подписки о политической благонадежности по отношению к Сталину"¹. Партийный аппарат, окружающие Сталина карьеристы и льстецы ставят его имя рядом с именами Маркса, Энгельса и Ленина, переходя тем самым "все пределы низости" и издевательства над исторической правдой.

Разоблачая фальсификаторские оценки деятельности Сталина, авторы "Платформы" подробно освещали его многочисленные политические ошибки, начиная от полуменьшевистской позиции после февральской революции и кончая оппортунистической политикой в период Китайской революции 1926-27 годов, когда Сталин превратил Компартию Китая "в придаток, в хвост Гоминдана", а затем свалил вину за это на руководство китайской компартии, которая "даже в мелочах тогда слепо следовала директивам Коминтерна, где первую скрипку играл уже Сталин"². В этой части работы исторический анализ и оценка Сталина полностью совпадают с положениями книги Троцкого "Сталинская школа фальсификаций", вышедшей в 1932 году в Берлине.

Переходя к оценке Сталина как теоретика, "Платформа" отмечала, что вся его теоретическая деятельность дореволюционного периода сводится к написанию статьи "Марксизм и национальный вопрос", представляющей посредственную композицию ленинских положений. Та же печать посредственности, схематизма, узости кругозора и слабой эрудиции лежит на всех его последующих работах. За последние же 4-5 лет Сталин "побил все рекорды политического лицемерия и беспринципного политиканства"³. В подтверждение этого приводились многочисленные примеры изменения Сталиным своих политических принципов и оценок ради оправдания зигзагов своей политики.

Особенно подробно авторы "Платформы" останавливались на опошлении Сталиным борьбы с оппортунизмом, которую он превратил в орудие защиты своих взглядов и в бич для запугивания и подхлестывания партийных масс при проведении своих политических кампаний. Вместе с тем сталинский режим стал благоприятной почвой для развития самой характерной черты оппортунизма: беспринципного приспособления к господствующей политике. Сталинская политика, "с помощью террора вынуждающая всех признавать её ленинской, заставляющая всех ежедневно каяться в своих ошибках и под угрозами менять несколько раз свой взгляды в зависимости от требований начальства, - такая политика даже из подлинных большевиков-ленинцев вырабатывает оппортунистов"⁴.

Смена членами партии своих убеждений в зависимости от требований правящей клики обеспечивается тем, что вся печать находится в личном распоряжении Сталина и публично высказывать мнения, противоположные офици-

¹ Там же. с. 352.

² Там же. с. 355.

³ Там же. с. 337.

⁴ Там же. с. 363.

альным, никто не осмеливается. Замена "силы доказательств" "доказательством силы" происходит в ходе бешеных идеологических кампаний, в которых бесконечное количество статей в газетах и журналах, тысячи брошюр и книг, повторяющих одно и то же, служат тому, чтобы явное политическое надутьельство выдать за правду. "Ошибочное рассуждение, будучи выражено просто, не обманет и ребенка. Если же его развить в нескольких томах или сотнях статей, если его распространять в течение нескольких лет в десятках миллионов книг и брошюр, то оно может запутать миллионные массы, политически слабо развитые"¹. Этому же служат софистические приемы, используемые Сталиным, "стряпня на сталинской кухне всякого рода уклонов, загибов, заскоков, перерождений и пр. для оправдания его грязных дел"².

В качестве наиболее опасного примера извращения Сталиным марксистской теории в "Платформе" называлась его "теория" о неизбежном обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Авторы "Платформы" считали, что эта теория паразитирует на реальном противоречии между пролетарским государством и кулачеством. При правильной политике партии, при действительном повороте середняка к социализму, при материальном подъеме бедняцко-средняцких масс это противоречие не потребовало бы разрешения насильственным путём, поскольку экономическая база кулачества в этом случае была бы подорванной, а политически оно оказалось бы в изоляции. В результате действовал бы закон, прямо противоположный сталинскому: ослабление сопротивления капиталистических элементов и смягчение классовой борьбы.

Однако Сталин установил "закон", согласно которому сопротивление капиталистических элементов должно фатально возрастать на всём протяжении переходного периода и даже в самом социалистическом обществе, в начальной стадии которого, по его словам, уже находится СССР. Эта установка нашла отражение в резолюции XVII конференции, которая указывала, что во второй пятилетке капиталистические классы и даже классы вообще будут ликвидированы, но тем не менее классовая борьба "в отдельные моменты" неизбежно будет обостряться³.

Вместе с тем в "Платформе" подчеркивалось, что в Советском Союзе действительно происходит гигантское обострение классовой борьбы. В течение последних трёх лет страна кипит крестьянскими восстаниями, а её огромные районы находятся в состоянии перманентной гражданской войны. Помимо этого, "то там, то здесь, несмотря на невероятный террор по отношению к рабочему классу, вспыхивают забастовки; голод и нищета масс приняли ужасающий характер; массы членов партии, рабочих и основных слоёв деревни горят возмущением и ненавистью к Сталину и его клике"⁴.

¹ Там же. с. 348.

² Там же. с. 349.

³ КПСС в резолюциях и решениях. т. 5. с. 397.

⁴ Реабилитация. с. 375.

Все эти проявления классовой борьбы вызваны не движением к социализму, а "движением назад и в сторону от социалистического общества" в результате антинародной политики сталинской клики.

Касаясь другого ключевого сталинского лозунга - "ликвидации кулачества как класса", "Платформа" отмечала, что подлинные кулаки исчезли уже в ходе применения чрезвычайных мер, когда их подавляющая масса ликвидировала свое хозяйство и бежала в города. Лозунг ликвидации кулачества как класса, провозглашённый в конце 1929 года, фактически оказался направленным против середняков и бедняков. Постоянное расширение круга зачисляемых в кулаки привело к тому, что в некоторых районах к началу 1932 года доля раскулаченных составила 30-35 % сельского населения. Общее же количество подвергнутых за 1928-32 годы тем или иным видам репрессий (раскулачивание, аресты, расстрелы, ссылки, твёрдые задания, индивидуальное обложение и пр.) достигло не менее 40-50 % всего сельского населения страны.

Начиная с 1930 года, борьба в деревне шла уже не с кулачеством, а с середняками и бедняками, которые составляли большинство заключённых в "кулацкие" концентрационные лагеря и сосланных в отдалённые районы страны, составляли "основной объект расстрелов и всякого рода карательных экспедиций с применением артиллерии и самолетов"¹.

В "Платформе" подчеркивалось, что лозунг "ликвидации кулачества как класса" является антиленинским и в той его части, которая направлена против действительного кулачества. Подлинно ленинский путь ликвидации кулачества предполагает добровольную коллективизацию деревни и "подравнивание" кулака под середняка мерами налогового порядка (а по мере надобности и путём прямого запрещения использовать наёмный труд). "Через некоторый период такой осередняченный бывший кулак, при наличии с его стороны лояльного отношения к Советской власти и социалистическому строительству, должен, естественно, приниматься беспрепятственно в колхозы"². В противовес этому пути Сталин свёл "ликвидацию кулачества как класса" к его полной экспроприации и физическому истреблению.

Лозунг ликвидации кулачества как класса является беспочвенным и авантюристическим и потому, что он опирается на лживый тезис о повороте основной массы крестьянства к колхозам. В действительности же колхозы, созданные на основе свирепого административного принуждения, "вновь и вновь разваливаются десятками тысяч каждый месяц, а если ещё и держатся, то на величайшем зажиме, угрозах и на том, что этим колхозникам некуда "податься"³.

Сталинская "теория" о неизбежном обострении классовой борьбы в результате успехов социалистического строительства и производный от неё лозунг ликвидации кулачества как класса, подытоживалось в "Платформе", служат прикрытием того, что основная масса деревни находится в состоянии беспо-

¹ Там же. с. 376.

² Там же. с. 379.

³ Там же. с. 378.

щадной и жестокой борьбы со сталинской политикой насильственной коллективизации.

В свете исторических уроков последних лет "Платформа" давала оценку предшествующей внутрипартийной борьбе. Её соответствующий раздел отмечен серьезными противоречиями в характеристике двух основных политических сил, противостоявших сталинизму. Эти противоречия, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что некоторые положения "Платформы" явились результатом политического компромисса между представителями различных антисталинских группировок.

При характеристике левой оппозиции сохранялся выдвигавшийся "правыми" тезис об ошибочности её экономической программы 20-х годов, которую Сталин якобы с начала 1928 года начал проводить в жизнь. Однако при этом в "Платформе" содержались важные оговорки о том, что Сталин "довёл экономическую платформу троцкистов до абсурда", а "Л. Д. Троцкий и троцкисты, надо полагать, оказались бы более честными и преданными делу пролетарской революции: они сумели бы вовремя заметить свои "дискуссионные" заблуждения и круто повернуть"¹.

Принципиально иначе оценивались взгляды левой оппозиции на внутрипартийный режим и роль Сталина. "В этом решающем и важнейшем для судеб пролетарской революции вопросе Троцкий и троцкисты оказались в основном, наоборот, правы. Троцкий раньше других увидел те процессы внутри партии, которые уже в 1923 году начали развиваться. Троцкий раньше других увидел и вождения Сталина утвердить свою личную диктатуру в партии"².

Целиком оправдался и прогноз Троцкого о перерождении партии в случае сохранения сложившегося к 1923 году внутрипартийного режима. "В этом своевременном и правильном ленинском вскрытии зародышей начавшегося незаметного перерождения партии, в страстном стремлении Троцкого вернуть партию на путь внутрипартийной демократии и здорового демократического централизма заключается огромная историческая и революционная заслуга Троцкого, которую не отнимает у него никакая клевета и никакие его прошлые ошибки"³.

Столь же противоречивой, как оценка "троцкистской" идеологии, была характеристика личности Троцкого: "Не гений, а только крупный талант, универсально и европейски образованный; блестящий, острый, но неглубокий ум; не глубокий теоретик, а лишь несравненный по стилю, первый во всей мировой марксистской литературе публицист, склонный к красивой схеме, к яркой революционной фразе, заменяющей порой конкретный трезвый анализ; железная воля, переходящая, однако, порой в упрямство; яркая крупная индивидуальность; замечательный организатор, мировой трибун, искренне и глубоко преданный делу коммунизма, - таков Троцкий как вождь"⁴. Бросающиеся в глаза внутренние противоречия этой пространной характеристики (трудно по-

¹ Там же. с. 385.

² Там же.

³ Там же. с. 386.

⁴ Там же.

нять, например, как "неглубокий ум" может оказаться у "первого во всей мировой марксистской литературе публициста", "мирового трибуна"), на мой взгляд, объясняются тем, что "Рютинская платформа" создавалась в основном людьми, принимавшими в прошлом активное участие в травле Троцкого и желавшими хотя бы частично оправдать эту свою позицию.

Эта часть "Рютинской платформы" завершалась недвусмысленным патетическим утверждением о том, что "несмотря на все усилия Емельянов Иловайских"¹ вычеркнуть имя Троцкого из истории Октябрьской революции, он навсегда останется первым после Ленина её вождем и трибуном, её знаменосцем, её творцом и организатором! С именем Ленина и Троцкого навсегда будет связано торжество пролетарской революции, её невиданный подъём, её лучший героический период. С именем Сталина, в лучшем случае, будут связаны годы лихолетья пролетарской революции, годы мрачной реакции, годы величайшего опозорения учения Маркса и Ленина"².

"Рютинская платформа" расценивала объявление "троцкизма" авангардом международной контрреволюционной буржуазии как заведомо злостную ложь "бессильно обнаглевшего диктатора", состряпанную в ответ на "острые бичующие статьи Л. Д. Троцкого", в которых последний "показывает подлинное лицо Сталина"³.

Переходя к характеристике Бухарина, "Платформа" высоко оценивала его роль как марксистского теоретика и одновременно утверждала, что Бухарин как политический вождь "оказался ниже всякой критики. Умный, но не дальновидный человек, честный, но бесхарактерный, быстро впадающий в панику, растерянность и протрацию, не способный на серьезную и длительную политическую борьбу с серьезным политическим противником, легко поддающийся запугиванию; то увлекающийся массами, то разочаровывающийся в них, не умеющий организовать партийные массы и руководить ими, а наоборот, сам нуждающийся в постоянном и бдительном руководстве со стороны других - таков Бухарин как политический вождь"⁴. Правильность этой психологической характеристики подтверждена не только политическим поведением Бухарина в годы, предшествовавшие написанию "Платформы", но в ещё большей мере - его поведением в 1933-37 годы, представлявшим наиболее печальные страницы его биографии.

В целом "Рютинская платформа" весьма точно описывала размежевание внутри старой партийной гвардии и её политическую судьбу в 1932 году: "одна часть её сидит по тюрьмам и ссылкам, другая, капитулировавшая, деморализованная и оплеванная, - влачит жалкое существование в рядах партии, тре-

¹ Эта ироническая кличка (от фамилии Иловайского, историка и публициста дворянско-охранительской ориентации), встречающаяся и в других Разделах "Рютинской платформы", относилась к Е. Ярославскому.

² Там же. с. 386-387

³ Там же. с. 387, 388.

⁴ Там же. с. 389.

ть, окончательно разложившиеся, превратились в верных слуг "вождя"-диктатора"¹.

В "Платформе" справедливо отмечалось, что большинство идейных противников Сталина в конечном счёте приняло навязанные им иезуитские приемы. "История "самокритики" Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, Сырцова, Ломинадзе, Рютина, Деборина, Стэна и даже Ярославского достаточно хорошо научила членов партии пониманию природы и механики этой самокритики. Все уклонявшиеся от "критики" этих людей или высказывавшиеся против подобных методов "самокритики" были сняты с работы, исключены из партии, подвергнуты невиданной травле и, наоборот, все проявившие усердие в такой "самокритике" были повышены по службе"².

Как подчеркивалось в "Платформе", именно теперь, "когда Сталин подлинные крики о победе социализма вонзает нож в спину пролетарской революции, - больше чем когда-либо прямой обязанностью всех честных подлинных вождей партии является не презренное холуйство перед Сталиным и обман масс, чем занимаются Бухарин, Радек, и даже не молчание, как это делают Рыков, Томский, Угланов и бывшие вожди троцкистской оппозиции, а новая мужественная борьба, не останавливающаяся перед исключением из ЦК, перед исключением из партии и даже перед перспективой ссылки"³.

"Платформа" называла иллюзией представление о том, что борьбу со сталинской кликой могут возглавить лидеры бывших оппозиций. Эти люди в своем большинстве представляют "лишь отработанный пар"⁴. Они ненавидят Сталина всеми фибрами души и в случае успешного развертывания борьбы с ним включатся в неё. Но до такого поворота событий они будут продолжать лакействовать перед Сталиным. Поэтому следует рассчитывать на новых лидеров и организаторов масс, которые неизбежно выдвинутся в ходе борьбы за свержение сталинской диктатуры.

Эта мысль в ходе обсуждения "Платформы" отстаивалась прежде всего самим Рютиным, который скептически отнесся к предложению своих товарищей о привлечении бывших лидеров оппозиций к деятельности "Союза". На допросе в ОГПУ Рютин говорил: "Я считал, что вожди и бывшей троцкистской и бывшей правой и зиновьевской оппозиции настолько деморализованы, настолько впали в духовную идейную прострацию, что на настоящей стадии внутрипартийного положения они не способны к... активной борьбе против данного руководства партии. Я считал, что они примут участие только тогда, когда будут поставлены перед фактом достаточно широко развернутой подпольной работы, которая будет открывать известные перспективы, создавать известные шансы на успех"⁵.

В "Платформе" содержался призыв к объединению всех оппозиционных сил партии, которые должны отбросить разобщающие их прежние фракцион-

¹ Там же. с. 337.

² Там же. с. 421.

³ Там же. с. 389-390.

⁴ Там же. с. 439.

⁵ Мартемьян Рютин. На колени не встану. с. 290.

ные разногласия. "Старые группировки и фракционные образования в настоящее время безнадежно устарели, изжили себя и побледнели перед новым решающим водоразделом - за пролетарскую диктатуру и ленинскую ВКП(б) или за Сталина и гибель всех завоеваний рабочего класса и его партии"¹.

Трагический опыт последних лет, указывалось в "Платформе", требует пересмотра некоторых представлений, всегда бытовавших среди марксистов. Этот опыт показал, что после победоносной социалистической революции оппортунистические и авантюристические ошибки правящей партии могут погубить дело социализма и отбросить всё историческое развитие на десятки лет назад. Используя эти ошибки, международная буржуазия, проводя умную, с точки зрения своих классовых интересов, политику, может в течение длительного времени укреплять капиталистическую систему.

Опыт русской революции внёс особенно много нового в представление о роли партийного руководства и его влиянии на судьбы победившей революции. Этот опыт показал "нечто совершенно непредвиденное и неожиданное ... Мы срослись, свыклись с представлением, что при пролетарской диктатуре руководство партии и страны всегда будет выражать волю масс. На деле же вышло так, что это руководство выродилось в ходе внутрипартийной борьбы в личную диктатуру, губящую Советскую власть и партию, ненавистную массам, опирающуюся главным образом на террор и провокации"².

Исторический опыт убедительно доказал, что "ленинизм и пролетарскую революцию нельзя надолго убить руками врага - они каждый раз после поражения поднимаются с новой удесятёрённой силой"³. Но тот же опыт обнаружил, что неизмеримо большие опасности для судеб революции могут возникнуть внутри революционного движения, если руководство им оказывается в руках авантюристов и провокаторов. "Как это ни чудовищно, как ни парадоксально может показаться на первый взгляд, но главный враг ленинизма, пролетарской диктатуры и социалистического строительства находится в данный момент в наших собственных рядах и даже возглавляет партию"⁴. Как бы повторя тезис Троцкого о Сталине как могильщике Октябрьской революции, "Платформа" утверждала, что никакой открытый враг революции не мог бы лучше выполнить работу по разрушению её завоеваний, чем это делает Сталин. Продолжение его господства будет означать "самое страшное убийство (революционного дела - В. Р.), какое когда-либо видела история!"⁵.

Одним из условий существования диктатуры Сталина является его политическая мимикрия, сохранение внешне неприкосновенными притягательных для масс большевистских формул. "Сталин убивает ленинизм под флагом ленинизма, пролетарскую революцию под флагом пролетарской революции и

¹ Реабилитация. с. 439.

² Там же. с. 434.

³ Там же. с. 432.

⁴ Там же. с. 437.

⁵ Там же. с. 432.

социалистическое строительство под флагом социалистического строительства!"¹.

Диктатура Сталина держится на двух основаниях: социальной демагогии и режиме "неслыханного террора и колоссального шпионажа, осуществляемых посредством необычайно централизованного и вместе с тем разветвлённого гигантского аппарата, сосредоточившего в своих руках все материальные ресурсы страны и поставившего в прямую зависимость от себя физическое существование десятков миллионов людей"². Этот аппарат, терроризирующий массы и в то же время сам живущий под дамокловым мечом террора, превратится в машину, вынужденную совершать свои движения по воле главного "механика".

При определении путей выхода из охватившего страну всеобъемлющего кризиса "Платформа" исходила из того, что устранение Сталина и его клики нормальными демократическими методами, гарантированными Уставом партии и Советской Конституцией, совершенно исключено. "Было бы непостижимым ребячеством тешить себя иллюзиями, что эта клика, обманом и клеветой узурпировавшая права партии и рабочего класса, может их отдать добровольно обратно". Чтобы спасти дело коммунизма, нужно "силою устранить эту клику"³.

Таким образом, "Рютинская платформа", по сути дела, выдвигала идею политической революции, к которой Троцкий, ещё считавший в то время возможным путь партийной реформы, пришёл лишь спустя несколько месяцев.

Исходя из того, что в стране имеются объективные условия для такой политической революции, "Платформа" отвергала суждения о том, что сталинский режим опирается на массовую социальную базу. В ней утверждалось, что большинство членов партии и ещё в большей мере беспартийные рабочие и служащие настроены против политики Сталина. В деревне сталинский курс не имеет не только сторонников, но даже нейтрально относящихся к нему людей. "Вся деревня доведена до отчаяния и кипит возмущением. Непрекращающиеся массовые восстания в деревне - лучший показатель её политических настроений"⁴.

Даже партийный аппарат в большей своей части лицемерит и не верит в успех сталинской авантюристической политики. "В настоящее время почти любой партийный филистер, обыватель и даже партийный чиновник недоволен и скулит по поводу того, что творится в партии и стране".

Помехой для перехода от беспомощного фрондирования к политической борьбе служат всячески культивируемые Сталиным взгляды, согласно которым его устранение окажется свержением Советской власти. Для такого рода взглядов имеются известные объективные основания. В результате осуществления сталинской политики антисоветские настроения возросли в стране в десятки раз. Множество трудящихся города и деревни, в прошлом преданных

¹ Там же.

² Там же. с. 433.

³ Там же. с. 433-434.

⁴ Там же. с. 433.

Советской власти, брошено "преступной политикой Сталина в лагерь контрреволюции"¹. Поэтому политический переворот, направленный на ликвидацию диктатуры Сталина, связан с риском активизации сил, враждебных Советской власти, и, следовательно, с опасностью контрреволюционной реставрации.

Однако опасности, связанные с сохранением господства сталинской клики, авторы "Платформы" считали неизмеримо более серьезными, чем опасности, связанные с возможным развертыванием открыто контрреволюционных сил, которые "на наше счастье ... распылены, раздроблены и не организованы"². Характеризуя в этой связи задачи коммунистов, они прибегали к следующему образному сравнению: "Партия находится в положении пассажиров автомобиля, шофер которого вдруг безнадежно спятил с ума, свернул с дороги и ведёт пассажиров по кочкам и ухабам, под уклон на полном ходу прямо в пропасть". При этом он "ругает пассажиров оппортунистами, "загибщиками" и успокаивает их уверениями, что всё это неизбежные трудности езды на автомобиле. При таком положении глупо и нелепо пассажирам ждать, пока "возница" спустит их под откос. Надо попытаться на ходу отбросить такого шофера от руля, на ходу же сесть умеющим править машиной за руль и вывести её на торную дорогу. Иного выхода для пассажиров нет"³.

"Платформа" предупреждала, что борьба со сталинской кликой потребует гигантских усилий и жертв, ибо Сталин не замедлит обрушить весь свой репрессивный аппарат на людей, борющихся за его устранение. Даже в случае успеха этой борьбы "потребуются многие и многие годы для того, чтобы вывести партию и страну из той невиданной трясины, в которую их завёл Сталин"⁴.

Сформулированная в "Платформе" позитивная программа в основном совпадала с программой левой оппозиции. В качестве первоочередных мер в политической сфере "Платформа" называла созыв чрезвычайного съезда партии; смену головки партийного аппарата и назначение новых выборов партийных органов на основе внутривнутрипартийной демократии; создание твёрдых организационных гарантий против узурпации прав партии партийным аппаратом; новые выборы Советов при решительном устранении назначенства; введение строжайшей революционной законности и решительную чистку аппарата ГПУ.

В качестве основных мер в области социально-экономической политики выдвигалось прекращение политики раскулачивания и роспуск всех насильственно созданных колхозов; проведение действительно добровольной коллективизации и поддержка индивидуального бедняцко-средняцкого крестьянского хозяйства; прекращение заготовок сельскохозяйственных продуктов методом ограбления деревни; прекращение экспорта за бесценно продуктов сельского хозяйства; немедленное прекращение игры в темпы за счёт прямых и косвенных, открытых и замаскированных непосильных налогов и других средств ограбления трудящихся.

¹ Там же. с. 438.

² Там же.

³ Там же. с. 436-437.

⁴ Там же. с. 440.

Как видим, "Рютинская платформа" включала вполне реалистическую программу социалистического возрождения советского общества. Преградой для её осуществления выступал лишь один могущественный фактор: резкое усиление террора со стороны Сталина и его клики.

XXXVII

Разгром "Союза марксистов-ленинцев"

Ещё до образования "Союза" его документы широко циркулировали как среди рядовых коммунистов, в том числе рабочих¹, так и среди видных деятелей бывших оппозиций. Очевидно, что перед каждым, читавшим эти документы, стояла альтернатива: либо посчитать их "антипартийными" и сообщить о них в ЦКК и ГПУ, либо согласиться с ними (хотя бы в принципе, в основном), и в этом случае принять участие в их "доработке", внося в них свои взгляды, суждения, наблюдения. На протяжении нескольких месяцев распространения "большого" и "малого" документов (с июня по середину сентября 1932 года), ни один из десятков (по меньшей мере) людей, знакомившихся с ними, не донёс об их существовании.

Лишь 14 сентября в ЦК поступило заявление от двух членов партии, сообщавших, что А. В. Каюров познакомил их с обращением "Ко всем членам партии". К заявлению был приложен текст этого документа. Уже на следующий день были арестованы пять членов "Союза", а спустя несколько дней аресту были подвергнуты ещё около двадцати человек, имевших отношение к его деятельности или знакомившихся с его документами.

Среди 24 участников "рютинской группы" и их "пособников", выявленных ЦКК и ОГПУ, насчитывалось 8 бывших "правых", 3 зиновьевца и 3 троцкиста. Но если "зиновьевцы" включали самих Зиновьева и Каменева, а "правые" - широко известных деятелей этого течения (Угланова, Марецкого, Слепкова, П. Петровского и др.), то к "выявленным" троцкистам относились лица, не игравшие значительной роли в левой оппозиции. Вместе с тем сегодня известно, что с "Платформой" познакомились такие видные "троцкисты", как Мрачковский, Тер-Ваганян, Кавтарадзе и другие лица, не привлечённые по "рютинскому" делу.

Дальнейший ход расправы с "рютинцами" носил стремительный и панический характер. 27 сентября Президиум ЦКК исключил из партии 14 участников "Союза" и предложил ОГПУ "выявить невыявленных ещё членов контрреволюционной группы Рютина, выявить закулисных вдохновителей этой группы и отнестись ко всем этим белогвардейским преступникам, не желающим раскаяться до конца и сообщить всю правду о группе и её вдохновителях, со всей строгостью революционного закона"².

2 октября вопрос о "контрреволюционной группе Рютина-Слепкова" был вынесен на обсуждение объединённого пленума ЦК и ЦКК. Сталин на пленуме не выступал, но подготовил к нему тезисы, в которых характеризовал "Рютинскую платформу" как "прямой призыв к восстанию ... В то же время это документ, рассчитанный на объединение всех недовольных политикой партии,

¹ Например, Демидов завербовал в число сторонников "Союза" группу рабочих завода АМО.

² Реабилитация. с. 95.

троцкистов, "правых", "рабочей оппозиции" и т. д. для активной атаки против партийной линии, в особенности против т. Сталина". Прямо отождествив, таким образом, себя с "партийной линией", Сталин продиктовал резолюцию пленума об исключении из партии членов "Союза" и всех, знавших о его существовании, и о принятии самых решительных мер "для полной ликвидации деятельности белогвардейской контрреволюционной группы Рютина-Слепкова"¹. В информационном сообщении о пленуме не сообщалось об этой резолюции.

9 октября состоялось заседание Президиума ЦКК, заслушавшее доклад Ярославского, в котором указывалось, что подпольная группа установила связи с бывшими вождями "рабочей оппозиции", объединённого блока 1926-27 годов и с некоторыми бывшими вождями правой оппозиции. В постановлении Президиума, опубликованном в "Правде", сообщалось об исключении из партии 24 "членов и пособников контрреволюционной группы", которая на этот раз именовалась "группой Рютина-Иванова-Галкина". Слепкову и Марецкому вменялось в вину распространение документов этой группы, а Зиновьеву, Каменеву, Угланову - то, что они, "зная о существовании этой контрреволюционной группы, получили от этой группы её документы и не довели об этом до сведения партии"².

Сталин тщательно отредактировал это постановление, сняв всю его констатирующую часть, где излагались основные положения "Платформы". В тексте постановления осталось лишь обвинение группы в попытке "создать подпольным путём под обманном флагом "марксизма-ленинизма" буржуазную, кулацкую организацию по восстановлению в СССР капитализма и, в частности, кулачества"³.

В тот же день была опубликована редакционная статья "Правды" "Беспощадный отпор врагам ленинской партии". В ней говорилось, что группа Рютина-Галкина-Иванова сомкнулась с "исключёнными из партии троцкистами и другими антипартийными элементами на почве защиты самых реакционных взглядов, какие до сих пор проповедовали различные антипартийные и антисоветские группы". Зиновьев, Каменев и Угланов назывались "пособниками этой контрреволюционной группы", которые "вместо беспощадного отпора контрреволюционерам ... предпочли келейно обсуждать эти документы, не общая о них партии"⁴.

11 октября коллегия ОГПУ во внесудебном порядке вынесла приговор всем лицам, проходившим по делу "Союза". Этому предшествовало обсуждение вопроса о судьбе "рютинцев" на заседании Политбюро, где Сталин потребовал расстрела Рютина. Однако в то время требование расстрела видного большевика, даже придерживавшегося столь непримиримой позиции по отношению к руководству партии, ещё не могло найти поддержки даже в ближайшем сталинском окружении. Против вынесения Рютину смертного приговора выска-

¹ Мартемьян Рютин. На колени не встану. с. 33-34.

² Правда. 1932. 11 октября.

³ Там же.

⁴ Там же.

зались Киров, Орджоникидзе, Куйбышев. При голосовании сталинского предложения воздержались даже Молотов и Каганович¹. В итоге Рютин был приговорён к десятилетнему одиночному тюремному заключению. Остальные привлечённые по этому делу получили меньшие сроки тюрьмы или ссылки.

11 октября на заседании ЦКК Ярославский объявил Зиновьеву, Каменеву и некоторым другим "укрывателям" рютинцев, что они исключены из партии, но могут быть восстановлены через три года, если "исправятся". При этом Ярославский заявил, что ничего не может сделать для смягчения их участи: "решение окончательное, его подписал сам Иосиф Виссарионович"².

Каменев и Зиновьев были направлены в административную ссылку. Угланов несколько месяцев был безработным, а в начале 1933 года получил должность на одном из приисков Западной Сибири, где вскоре был арестован по делу "антипартийной группы правых".

Всего по делу о "Союзе марксистов-ленинцев" было привлечено к партийной и уголовной ответственности в 1932-33 годы тридцать человек. Всем им (за исключением тех, в отношении которых были сфабрикованы новые дела) в последующие годы по тем же самым обвинениям приговоры были пересмотрены в сторону ужесточения, причем некоторым из этих лиц такой пересмотр осуществлялся дважды или трижды. В 1937 году большинство осуждённых по "рютинскому делу" были приговорены к расстрелу, остальным были увеличены сроки лишения свободы.

На московских процессах 1936-38 годов отсчёт создания различных подпольных "центров" и "блоков" велся с момента возникновения рютинской группы. Факт знакомства с "Рютинской платформой" вменялся в вину тысячам коммунистов как тягчайшее государственное преступление.

Причина крайнего испуга сталинцев по поводу возникновения малочисленной нелегальной оппозиционной организации крылась в том, что сам факт её создания свидетельствовал о консолидации различных антисталинских сил в партии: и бывших "левых" и бывших "правых" и даже тех, кто в недавнем прошлом принадлежал к числу ортодоксальных сталинцев. В речах Кагановича и Кирова на партийных активах Москвы и Ленинграда делался акцент на том, что в рютинской организации сомкнулись "остатки разбитых партией оппозиций"³.

Хотя рютинские документы держались в строжайшем секрете и ни одно их положение не было процитировано в многочисленных речах и статьях, обливавших новую "контрреволюционную группу", содержание этих документов стало широко известно в партии. Об этом говорит, например, тот факт, что в 1961 году старые большевики, поддерживавшие просьбу о реабилитации В. Н. Каюрова, в беседах по этому поводу в КПК излагали основные положения "Рютинской платформы".

В ответ на расправу над "рютинцами" в ЦК и ЦКК пришло большое количество анонимных писем, в которых содержалась чисто большевистская оцен-

¹ Они не молчали. с. 170.

² Мартемьян Рютин. На колени не встану. с. 284.

³ Правда. 1932. 12, 14 октября.

ка этой расправы. "Как же дошло до такого, что лучших большевиков-ленинцев объявили контрреволюционерами? ... Кто поверит этому? Не они, а истинные сталинцы - контрреволюционеры. Вы терроризировали страну, вы загнали партию в подполье. В стране господствует диктатор Сталин - дикий и кровожадный, каких ещё не знала страна". "99 % трудящихся остались солидарны с исключёнными, которые действительно ленинцы, а сталинское руководство ведёт политику на вымирание и обнищание трудящихся ... Масса хочет ленинской партии, а не сталинской. Открыто нужно признать, что ленинской партии нет, а есть сталинская"¹.

Уже в конце 1932 года "Манифест" проник за границу и был опубликован под названием "Декларация 18" в "Социалистическом вестнике".

В ноябре 1932 года в "Бюллетене оппозиции" было помещено письмо из Москвы, посланное в начале октября. В нем сообщалось, что "правые выпустили анонимный Манифест-декларацию, огромный документ, на 165 страницах пишущей машинки". Лаконично, но точно освещалось основное содержание "Платформы": оценка хозяйственно-политического положения страны как катастрофического, выдвижение требований резкого сокращения капиталовложений и хлебозаготовок, призыв к смене обанкротившегося руководства. Письмо сообщало также, что документ был широко пущен по рукам, с ним были ознакомлены очень многие, в том числе Зиновьев и Каменев, которые "якобы высказали свои соображения". Наконец, автор письма извещал, что все исключённые из партии по этому делу арестованы, а Зиновьева и Каменева, вероятно, скоро выплут².

В том же номере "Бюллетеня" была помещена посланная 19 октября из Принкипо статья Троцкого "Сталинцы принимают меры", где акцентировалось внимание прежде всего на судьбе Зиновьева и Каменева. Перечислив основные вехи их политической биографии, Троцкий писал, что после капитуляции они "делали решительно всё, чтоб вернуть себе доверие верхов и снова ассимилироваться в официальной среде. Зиновьев ... снова разоблачал "троцкизм" и даже пытался кадить фимиам Сталину лично. Ничто не помогало ... До пятилетнего юбилея собственной капитуляции всё-таки не дотянули: они оказались замешаны в "заговоре", исключены из партии, может быть, высланы или сосланы"³.

Объясняя причины, по которым стало возможным объединение в рютинской группе "правых" и "левых", Троцкий писал: "Нарастание экономических диспропорций, ухудшение положения масс, рост недовольства, как рабочих, так и крестьян, разброд в самом аппарате - таковы предпосылки оживления всех и всяких видов оппозиции ... Стремление сталинцев валить левых и правых в одну кучу объясняется до некоторой степени тем, что и левые и правые для данного периода говорят об отступлении. Это неизбежно: необходимость

¹ Мартемьян Рютин. На колени не встану. с. 39-40.

² Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. с. 23.

³ Там же. с. 15.

отступления от линии авантюристского заскока стала сейчас жизненной задачей пролетарского государства¹.

"Рютинская платформа" была своего рода камнем преткновения для всех послесталинских реабилитационных кампаний, проводившихся под углом зрения хрущевской версии о том, что в 30-ые годы в партии уже не оставалось никаких оппозиционных антисталинских группировок.

Во время подготовки доклада Хрущёва XX съезду дочь Рютина была приглашена в ЦК КПСС, где её расспрашивали о содержании "Рютинской платформы". В 1961 году при подготовке материалов к XXII съезду, в ЦК допрашивались уцелевшие участники рютинской группы и бывшие работники ГПУ, принимавшие участие в следствии по её делу. Однако ни на XX, ни на XXII съезде КПСС о существовании этой группы и её документах не было сказано ни слова.

Послесталинская реабилитация 50-60-х годов, распространившаяся даже на некоторых участников московских процессов 1936-38 годов, не коснулась членов рютинской группы, принадлежность к которой продолжала считаться антисоветским преступлением. В 1956 году после проверки Дела Рютина военной прокуратурой была вынесена резолюция: "пересмотру не подлежит". В 1963 году внучка Рютина была принята работником ЦК, который заявил ей: "Ваш дедушка не реабилитирован, и реабилитировать его не будут"².

Даже в 1986 году Прокуратура СССР в ответ на очередную просьбу о реабилитации В. Н. Каюрова сообщила, что Каюров "к уголовной ответственности за участие в контрреволюционной деятельности и проведение антисоветской агитации был привлечён обоснованно"³. Аналогичный ответ пришёл родным Рютина, которым было сообщено 21 апреля 1987 года, что "оснований к постановке перед судебными органами вопроса об отмене состоявшихся в отношении Рютина М. Н. судебных решений не имеется"⁴. Лишь в 1988 году Верховный суд СССР снял со всех участников "рютинского дела" обвинения в совершении уголовно наказуемых деяний.

Судьба Рютина, не согнувшегося, подобно многим троцкистам, под гнётом жесточайших репрессий, служит нравственным укором всякого рода политическим перевёртышам. Вплоть до конца 1936 года Рютин содержался в Верхнеуральском, а затем в Суздальском политизоляторах, откуда направил более сотни писем своим родным. Том переписки Рютина с семьёй, хранящийся в архивах КГБ, состоит из почти 600 страниц, перепечатанных в тюремной канцелярии. Копии этих писем до цензурных вымарок направлялись Ягодой и Ежовым самому "хозяину". Такое внимание к личной переписке Рютина было обусловлено тем, что Рютин, невзирая на перлюстрацию своих писем, излагал в них достаточно определённо фрагменты своего политического мировоззрения. В одном из писем говорилось, что осенью 1930 года произошло его "второе рождение" и "были гильотинированы" иллюзии старой жизни. "Моя траге-

¹ Там же. с. 17.

² Вопросы истории. 1990. № 3. с. 185.

³ Вопросы истории. 1989. № 7. с. 49.

⁴ Родина. 1991. № 3. с. 44-45.

дия, - прибавлял Рютин, - это ведь не личная, а трагедия целой эпохи". 24 июня 1934 года он писал: "Мы переживаем необычные времена. *Случай* больше, чем когда-либо, висит дамокловым мечом над головой каждого. Никто не сможет быть уверен, что будет с ним завтра. Никто не знает, что случится завтра с его близкими. А старушка история отплясывает такой дикий канкан, что и самому пылкому фантазеру во сне не приснится"¹.

Политическое мировоззрение, возникшее после "второго рождения", Рютин привил и своим сыновьям. Об этом свидетельствует надпись на фотографии, подаренной в конце 1932 года Виссарионом Рютиным, работником конструкторского бюро Туполева, своему другу, молодому рабочему. В этой надписи, в частности, говорилось: "С винтовкой в одной руке и наукой в другой обрушайся на захватывающих монополию на звание пролетарских революционеров. Низвергай клеветников, тюремщиков и мерзавцев, прячущих нищету и дальнейшее обнищание народа, прикрываясь при этом маской вождей, выражающих волю народа"².

По-видимому, Рютина предполагалось вывести в 1937 году на один из публичных процессов. В октябре 1936 года он был привезён в Москву на исследование его дела. Однако его заявление в Президиум ЦИК от 4 ноября 1936 года показало, что четыре года одиночного заключения ни в малейшей мере не сломили его. Отрицая предъявленное ему обвинение в террористических намерениях как продиктованное "жаждой новой, на этот раз кровавой расправы надо мной", Рютин писал, что категорически отказывается от дачи всяких показаний по этому обвинению, не страшится смерти и не будет просить о помиловании в случае вынесения ему смертного приговора³. 10 января 1937 года на закрытом судебном заседании рассматривалось его одиночное дело. На вопрос председателя военной коллегии Ульриха: "Признает ли подсудимый себя виновным?" Рютин вновь заявил, что ответа на этот вопрос дать не желает и вообще отказывается от дачи каких-либо показаний по существу предъявленных ему обвинений⁴. В тот же день вынесенный ему смертный приговор был приведён в исполнение.

¹ Там же. с. 44-46.

² Они не молчали. с. 176.

³ Мартемьян Рютин. На колени не встану. с. 349-350.

⁴ Там же. с. 311.

XXXVIII

Смерть Н. С. Аллилуевой

По-видимому, не случайно, что расправа с рютинской группой совпала во времени с ещё одним трагическим событием - самоубийством жены Сталина Н. С. Аллилуевой.

Непосредственным толчком к этому поступку явились личные причины - поведение Сталина во время кремлевского банкета по случаю годовщины Октябрьской революции. О хамстве Сталина по отношению к своей жене на этом банкете рассказывала Светлане Аллилуевой жена Молотова П. С. Жемчужина, сопровождавшая Надежду Сергеевну после её демонстративного ухода с банкета.

Той же ночью Н. С. Аллилуева застрелилась. Со слов близких ей людей, С. Аллилуева рассказывала, что потрясение Сталина этим событием было вызвано прежде всего тем, что "он не понимал ... почему ему нанесли такой ужасный удар в спину?". В первые дни после гибели жены "временами на него находила какая-то злоба, ярость. Это объяснялось тем, что мама оставила ему письмо ... Его, наверное, тут же уничтожили, но оно было, об этом мне говорили те, кто его видел. Оно было ужасным. Оно было полно обвинений и упреков. Это было не просто личное письмо; это было письмо отчасти политическое. И, прочитав его, отец мог думать, что мама только для видимости была рядом с ним, а на самом деле шла где-то рядом с оппозицией тех лет.

Он был потрясён этим и разгневан и, когда пришёл прощаться на гражданскую панихиду, то, подойдя на минуту к гробу, вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись, ушёл прочь. И на похороны он не пошёл"¹.

Основываясь на сведениях, полученных из СССР, Троцкий более конкретно раскрывал причины политического разлада между Сталиным и его женой. "В самый разгар сплошной коллективизации, голода в деревне, массовых расстрелов, когда Сталин находился почти в полном политическом одиночестве, Аллилуева, видимо, под влиянием отца, настаивала на необходимости перемены политики в деревне. Кроме того, мать Аллилуевой, тесно связанная с деревней, постоянно рассказывала ей о тех ужасах, которые творятся в деревне. Аллилуева рассказывала об этом Сталину, который запретил ей встречаться со своей матерью и принимать её в Кремле. Аллилуева встречалась с ней в городе, и настроения её всё укреплялись"².

Об истинной причине смерти Аллилуевой знали главный врач Кремлевской больницы Канель, её заместитель Левин и профессор Плетнёв. Все они отказались подписать предназначенный для публикации в печати бюллетень, в котором смерть Аллилуевой объяснялась приступом аппендицита. Канель "успела" умереть в своей постели в 1936 году. Левин и Плетнёв оказались в 1938 году среди подсудимых процесса "право-троцкистского блока", где им вменялось в

¹ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1989. с. 107-108.

² Троцкий Л. Д. Сталин. т. II. с. 212.

вину злонамеренное лечение, погубившее Куйбышева, Менжинского, Горького и его сына.

Вопреки официальной версии, как вспоминал Хрущёв, Каганович по поручению Сталина сообщил московским аппаратчикам, что Аллилуева застрелилась¹. Однако в последующие годы за распространение этого сообщения были подвергнуты репрессиям многие служащие Кремля.

Самоубийство Аллилуевой показало Сталину, что оппозиционные настроения в партии столь сильны, что оказали влияние даже на его жену. Это ещё более разожгло его ярость против своих противников. В декабре 1932 года состоялось совещание представителей республиканских и областных коллегий ОГПУ, на котором по указанию Сталина обсуждался вопрос об усилении репрессий против оппозиционных группировок в партии. На совещании было предписано ужесточить режим содержания оппозиционеров в тюрьмах и впервые была высказана мысль о существовании внутри партии широкого заговора против её руководства.

Непосредственным толчком к этому совещанию, возможно, послужило обнаружение ещё одной нелегальной оппозиционной группировки.

¹ Вопросы истории. 1990. № 2. с. 100.

XXXIX

"И как это не найдется человек, который мог бы убрать Сталина?"

19 и 22 ноября 1932 года кандидат в члены ЦК Савельев направил Сталину два письма, в которых излагал сообщения, переданные ему членом партии Никольским. Последний просил Савельева сообщить Сталину о содержании своих бесед с Н. Б. Эйсмонтгом, членом партии с 1907 года, наркомом снабжения РСФСР. По словам Никольского, Эйсмонт говорил ему, что современное хозяйственное и политическое положение ставит страну перед дилеммой: "или Сталин, или крестьянские восстания". Характеризуя ситуацию в ЦК, Эйсмонт сказал: "Если говорить в отдельности с членами ЦК - большинство против Сталина, но когда голосуют, то голосуют единогласно "за". Наиболее "криминальное" высказывание Эйсмонта, в изложении Никольского, было следующим: "Вот мы завтра поедем с Толмачёвым (членом партии с 1904 года, в то время начальником Главдортранса СНК РСФСР - В. Р.) к А. П. Смирнову, и я знаю, что первая фраза, которой он нас встретит, будет: "и как это во всей стране не найдется человека, который мог бы "его" убрать"¹.

Упоминание об А. П. Смирнове было особенно угрожающим. А. П. Смирнов, член партии с 1896 года, был в то время членом ЦК и кандидатом в члены Оргбюро. В 1928-30 годах он занимал посты секретаря ЦК и зампреда Совнаркома РСФСР.

Спустя несколько дней после получения Сталиным писем Савельева, Эйсмонт и Толмачёв были допрошены в ЦКК и ОГПУ. В своих показаниях и на очной ставке с Никольским Эйсмонт отвергал его наиболее одиозные обвинения, но признавал, что в беседах с Никольским и с другими своими товарищами он резко критиковал методы проведения коллективизации и говорил, что можно было бы избежать многих жертв, "если бы ЦК своевременно и твёрдо пресекал извращения". Эйсмонт признал также, что у него сложилось впечатление, что "ряд членов ЦК ВКП(б), например, Комаров, Колотилов, Шмидт, Томский, других не помню, - имеют сомнения по ряду решений ЦК ВКП(б), но не голосуют против или из соображения единства партии, или считают бесполезным, имея в виду, что за Сталиным всё равно будет большинство". Приписываемую ему наиболее "криминальную" фразу Эйсмонт изложил следующим образом: "в разговорах со Смирновым и Толмачёвым мы говорили: неужели в партии нет человека, который мог бы заменить Сталина"².

На допросах в ЦКК Эйсмонт и Толмачёв говорили, что они испытывали тревогу в связи с развалом насильственно созданных колхозов и уничтожением в них всякой личной заинтересованности в труде, который "держится на голом принуждении и репрессиях", и считали возможным возникновение весной 1933 года крестьянских восстаний на Северном Кавказе. На заседании Прези-

¹ Неизвестная Россия. XX век. с. 75.

² Там же. с. 82.

диума ЦКК в центре внимания оказалась, разумеется, фраза о необходимости "Убрать" Сталина. По этому поводу Постышев угрожающе заявлял допрашиваемым: "Для нас понятно, что значит "убрать". Убрать - убить. Для меня, когда говорят "убрать", это значит убить. Это уголовный, контрреволюционный язык"¹.

Президиум ЦКК поручил ОГПУ дальнейшее ведение дела Эйсмонта и Толмачёва. Сразу же после заседания Президиума они были арестованы. Одновременно был арестован их товарищ, старый большевик Попонин. На последующих допросах выяснилось, что Смирнов, Эйсмонт и Толмачёв обменивались мнениями о членах ЦК, от которых они ожидали поддержки своей точки зрения о необходимости замены Сталина на посту генсека. В качестве возможных кандидатов на этот пост назывались сам А. П. Смирнов, а также Ворошилов и Калинин, которые, по словам Эйсмонта, "намечались старыми большевиками". Судя по всему, настроения "тройки" разделялись многими близкими ей коммунистами, в том числе членами ЦК, в силу чего она надеялась, что "переживаемые трудности заставят и уже заставляют ЦК пойти на изменение курса в направлении, которое мы считали правильным"².

Внимание следствия было сосредоточено на А. П. Смирнове, о взглядах которого удалось получить следующие показания. Смирнов говорил: "Черт знает что, до чего мы докатились, до чего и царское правительство не докатывалось"; "тов. Смирнов, хорошо зная сельское хозяйство, ярко рассказывал о неумении организовать труд в колхозах и заинтересовать колхозников". Смирнов говорил своим товарищам о невыполнимости плана хлебозаготовок, особенно на Украине; он составил таблицу, из которой следовало, что "мы теперь в отношении мясозаготовок скатились до 80-90-х годов (XIX века - В. Р.)"³.

Сообщая эту информацию в справке, адресованной председателю ЦКК Рудзутаку, начальник секретно-политического отдела ОГПУ Молчанов присовокуплял, что ещё в 1930 году от ряда лиц, проходивших по делу "Трудовой крестьянской партии", были получены сведения об их близости со Смирновым.

Особый интерес следствие проявило к встречам и беседам арестованных с Рыковым. В следственных материалах данное дело имело и другое название: "Дело Рыковской школы" (очевидно, потому, что А. П. Смирнов в 1928-30 годах был заместителем Рыкова в Совнарком РСФСР). Однако от подследственных в этой части удалось Добиться лишь двух сообщений: 1. После возвращения Эйсмонта с Северного Кавказа Рыков просил его приехать и рассказать о положении дел в этом регионе и деятельности там комиссии Кагановича (эта встреча не состоялась); 2. Рыков говорил: "Мы тяжёлый год переживаем. Как только мы его переживем"⁴.

Во время следствия продолжалась активная провокаторская деятельность Никольского и его жены, которая, по его словам, "работала по моим указани-

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. с. 67.

² Неизвестная Россия. XX век. с. 93-94.

³ Там же. с. 88, 90.

⁴ Там же. с. 98.

ям, как добровольная разведчица в этом деле" и помогла установить, что Смирнов получал "молниеносную информацию" от своих друзей из ОГПУ о ходе следствия¹. В награду за эти действия Никольский был послан лично Сталиным и Кагановичем на работу в качестве заместителя начальника строительства БАМа. В 1933-34 годах он был привлечён органами ГПУ к агентурной работе, а в 1942 году был оформлен агентом НКВД. Его жена также вела агентурную работу на БАМе и, в частности, обнаружила у одного из своих сотрудников письма Троцкого, после чего он был арестован.

Дело Смирнова-Эйсмонга-Толмачёва разбиралось на объединённом заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК, а затем специальной комиссией ЦКК, вслед за чем оно было вынесено на январский (1933 года) объединённый пленум ЦК и ЦКК, где Сталин произнёс косноязычную, но зловещую фразу: "Ведь это враги только могут говорить, что убери Сталина и ничего не будет"².

В постановлении пленума "Об антипартийной группировке Эйсмонга, Толмачёва, Смирнова А. П. и др." три старых большевика обвинялись в том, что создали подпольную группу, которая "подобно рютинско-слепковской группировке, ставила своей задачей, по сути дела, отказ от политики индустриализации страны и восстановление капитализма, в частности, кулачества"³. Пленум исключил Эйсмонга и Толмачёва из партии, а Смирнова из ЦК. Вслед за этим Эйсмонг, Толмачёв и Попонин были во внесудебном порядке осуждены к заключению в политизолятор сроком на три года. Смирнов был исключён из партии в декабре 1934 года. Досрочно освобождённый из заключения Эйсмонг погиб в 1935 году в авиационной катастрофе. Остальные участники "группы" были вторично арестованы в 1937 году. Смирнов и Толмачёв были расстреляны.

А. П. Смирнов был реабилитирован в юридическом и партийном отношении в 1960 году, а Эйсмонг и Толмачёв - в 1962-63 годах. В ходе "переследствия" по этому делу состоялась беседа инструктора парткомиссии при ЦК КПСС с Никольским. Эта беседа напоминала, хотя и в "перевернутом" виде, допросы в ЦКК 30-х годов. Если тогдашние "партследователи" хотели навязать допрашиваемым версию "виновности" обвиняемых, то теперь "партследователь" столь же настойчиво добивался от Никольского версии о "невинности" лиц, на которых по его доносу было создано "дело". Однако Никольский "упорно отстаивал свои показания, изложенные в письме Савельева в адрес Сталина". Рассказывая о своей беседе с Эйсмонгом, он говорил: "Эйсмонг поставил вопрос так: дальше так продолжаться не может. Положение в стране страшное. Надо сделать для себя выбор: либо с Рыковым, либо со Сталиным". Инструктор несколько раз пытался "увести" его от такого изложения разговора, носившего, по понятиям 60-х годов, "криминальный" характер. В ответ на это Никольский заявил: "И всё-таки слово "убрать" врезалось мне в память, его действительно употреблял Эйсмонг". Тогда следователь сообщил, что на допросах Смирнов, Толмачёв и Эйсмонг категорически отрицали намерение фи-

¹ Там же. с. 111.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. с. 72.

³ КПСС в резолюциях и решениях. т. 6. с. 32.

зически убрать Сталина. Однако и после этого Никольский повторил: "И всё же, в беседе со мной, Эйсмонт говорил это"¹.

Возвращаясь к событиям 1933 года, отметим, что следствие обладало данными, согласно которым взгляды Смирнова и Эйсмонта разделялись более чем двадцатью старыми большевиками, в том числе несколькими членами ЦК. Однако к партийной ответственности были привлечены лишь четверо, а к уголовной - лишь три человека. В постановлении январского пленума "связь" со Смирновым и Эйсмонтом вменялась в вину лишь Рыкову, Томскому и кандидату в члены ЦК Шмидту, которые "всем своим поведением давали повод всяким антипартийным элементам рассчитывать на поддержку бывших лидеров правой оппозиции". Пленум потребовал от них "коренного изменения своего поведения в вопросах борьбы с антипартийными элементами" и предупредил, что "при продолжении их нынешнего поведения к ним будут применены суровые меры партийных взысканий"².

Что же касается Бухарина, то на январском пленуме констатировалось, что в отличие от своих бывших сторонников, он "много и хорошо работает на большой практической работе". Ворошилов говорил о том, что он верит Бухарину "во сто крат больше, чем Рыкову, и в тысячу раз больше, чем Томскому. Томский хитрит, Рыков пытается быть искренним, но пока у него ничего не получается. Бухарин искренен и честен"³. Сам Бухарин в речи на пленуме утверждал, что теперь существует такой партийный режим, который нужен партии, и подчеркивал, что "исторически сложившееся руководство нашей партии во главе с т. Сталиным, этой энергичной железной фигурой, целиком завоевало себе право на руководство всем дальнейшим процессом"⁴.

Эти слова были произнесены в разгар развернувшихся репрессий против участников т. н. "бухаринской школы".

¹ Неизвестная Россия. XX век. с. 67, 119, 121, 125.

² КПСС в резолюциях и решениях. т. 6. с. 33.

³ Цит. по: Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. с. 104.

⁴ Там же. с. 105.

XI

Дело "бухаринской школы"

В октябре 1932-апреле 1933 годов было арестовано 38 человек по делу "антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других ("бухаринская школа)". В числе арестованных были А. Ю. Аихенвальд, В. Н. Астров, А. Д. Зайцев, Д. П. Марецкий, П. Г. Петровский, А. Н. и В. Н. Слепковы, Н. А. Угланов, Е. В. Цетлин. Арестованным предъявлялось ставшее уже стандартным обвинение в адрес "новых" оппозиций: активная борьба с Советской властью в целях восстановления капиталистического строя в СССР, контрреволюционная деятельность и агитация "в интересах международной буржуазии"¹. В качестве более конкретных обвинений привлечённым по этому делу ставились в вину беседы с острой критикой сталинского руководства и обсуждение ряда рукописных работ. Такого рода обсуждения политических проблем "оформлялись" как нелегальные конференции. Во время следования в тюрьму для переследствия по новому делу А. Н. Слепков говорил: "Теперь такое время, если соберутся три товарища и поговорят искренне, то нужно каяться, что была организация, а если пять - то нужно каяться, что была конференция"².

Однако организация "правых" действительно существовала на протяжении 1930-32 годов. Вступив в контакт с рютинской группой, она ставила те же задачи, что и последняя: добиться коренного изменения политики партии - возврата к нэпу и восстановления партийной и советской демократии путём смены партийного руководства и возвращения в Политбюро Бухарина, Рыкова, Томского, Каменева, Зиновьева, Сокольникова и Угланова.

В конце августа-начале сентября 1932 года была проведена конференция "правых" с участием более десяти человек, где обсуждался вопрос о создании широкого антисталинского блока.

О настроениях участников группы дает представление направленное в марте 1933 года в ЦК заявление Угланова, в котором он признавал, что в начале 1930 года в беседах со своими товарищами говорил, что "генеральная линия провалилась и руководство обанкротилось и будет искать козлов отпущения". В 1931 году он встретился с группой "молодых-правых" (А. Слепков, П. Петровский и др.) в Саратове и "не возражал против их действий", заключавшихся в вербовке сторонников из молодежи. К осени 1932 года, по словам Угланова, среди правых вновь началось "движение за возобновление борьбы против ЦК". В этот период возобновились связи Угланова с рядом своих прежних сторонников по правой оппозиции. Обсуждая положение в стране, они пришли к выводу, что большинство крестьянства во время посевной кампании организовало "всесоюзную итальянскую забастовку ... против мероприятий партии" и что руководство партии во главе со Сталиным "не в состоянии

¹ Реабилитация. с. 263.

² Там же. с. 277.

преодолеть огромных затруднений ... в экономической и политической жизни страны". Поэтому, продолжал Угланов, он "считал и указывал на это ряду своих сторонников, что необходимо к руководству партией и страной вновь привлечь бывших лидеров бывших оппозиций, как то: Рыкова, Бухарина, Томского, Зиновьева, Каменева, Сокольникова, Смильгу. Само собою понятно, такая передвижка (в руководстве партией - В. Р.) должна была привести к значительному изменению политики, и в первую голову в деревне". Поддержку этих планов Угланов нашёл у Томского, из разговора с которым понял, что тот "не исключает возможности выступления на борьбу против ЦК в тот или иной период". Тогда же "молодые-правые" съехались в Москву, организовали конференцию с обсуждением политических вопросов, связались с Углановым и обсуждали с ним положение в стране и целесообразность связи с другими оппозиционерами. Угланов не только не возражал против этого, но и заявил, что следует установить такую связь¹.

Есть основания полагать, что раскрытию нелегальной группы "правых" способствовал Бухарин. В написанном им в феврале 1937 года (ещё во время пребывания на свободе) пространном заявлении пленуму ЦК сообщалось, что летом 1932 года, "когда было известное брожение", он (Бухарин), "боясь, что Угланов, в силу своей болезни - неустойчивости, вновь колеблется вправо, и что его срыв будет приписан и мне, специально зашёл к нему его предупредить". В этой связи Бухарин упоминал о своем заявлении в Политбюро от 7 октября 1932 года, в котором говорилось: "Я, зная болезненную неуравновешенность Угланова и опасаясь каких-либо случайных отрицательных влияний на него (с Углановым вне служебной обстановки я виделся за почти 2 года только один или 2 раза), предупреждал его против такой опасности, указывая на абсолютную необходимость дружно "тащить телегу", изо всех сил работать и т. д., несмотря на любые трудности"².

В придании же организации "правых" "террористического" характера решающую помощь следствию оказал Астров, который в 1989 году сообщил некоторые подробности своего поведения на следствии. В феврале 1933 года он вместе с другими "бухаринцами" был арестован по обвинению в принадлежности к рютинской группе (хотя с её документами он, по его словам, знаком не был), а затем вместе с другими "бухаринскими учениками" был "переведён" следователями ГПУ в "антипартийную группу правых". В ходе следствия по делу этой группы Астров сообщил, что в начале 30-х годов был свидетелем разговоров в среде "правых" о необходимости "дворцового переворота" и даже выкриков "Дайте мне револьвер, я застрелю Сталина". "Эти эксцессы я всерьёз не брал. - писал Астров, - однако сообщил о них уже в 1933 г."³.

Есть основания считать, что в среде "правых" действительно имели место "террористические намерения" в отношении Сталина. А. Авторханов вспоминал, как один из наиболее радикально настроенных "правых", слушатель ИКП, в беседе, происходившей ещё в 1929 году, говорил ему: "Государственный пе-

¹ Неизвестная Россия. XX век. с. 62-63.

² Вопросы истории. 1992. № 2-3. с. 22.

³ Литературная газета. 1989. 29 марта.

реворот не есть контрреволюция, это только чистка партии одним ударом от собственной подлости. Для этого не нужен и столичный гарнизон Бонапарта. Вполне достаточно одного кинжала советского Брута и двух слов о покойнике перед возмущённой толпой фанатиков: "Не потому я Цезаря убил, что любил его меньше, но потому, что я любил Рим больше ... Ни одна страна не богата такими Брутами, как наша. Только надо их разбудить"¹.

В 1932-33 годах лозунг Троцкого "Убрать Сталина" находил всё большую поддержку среди новых оппозиционных групп. Как мы могли убедиться, его дословно повторяли члены группировок Рютина и А. П. Смирнова. Всё большая часть оппозиционно настроенных членов партии сознавала, что выход из тяжелейшего кризиса партии и страны один: отстранить от руководства человека, губительные последствия единовластного правления которого обнаруживались всё более остро. Однако было столь же очевидно, что свергнуть Сталина и его клику путём партийной реформы уже невозможно. Это не могло не рождать в сознании отдельных оппозиционеров "террористических намерений". Понимая это, Сталин осуществил встречный провокационный ход, страхующий его от террористических актов, - превентивное обвинение в террористических намерениях всех, считавших необходимым его устранение от власти.

Добиться подтверждения "террористических намерений" от привлечённых по делу "антипартийной контрреволюционной группы правых" в ходе следствия не удалось. Более половины привлечённых по данному делу не признали себя виновными в принадлежности к этой группе. Тем не менее 34 из 38 арестованных были приговорены коллегией ОГПУ к тюремному заключению на срок от 2 до 8 лет, либо к ссылке сроком на 1-3 года. Лишь четверо, включая Угланова, были освобождены из-под стражи с прекращением дела. В мае 1933 года Угланов был назначен управляющим рыбного треста в Тобольске, где в 1934 году был восстановлен в партии.

Большинство осуждённых были заключены в Суздальский политизолятор, где наладили связи между собой и обсуждали дальнейшую тактику своего поведения. В середине 1934 года некоторые из них были выпущены на свободу. В годы большого террора все они были арестованы вновь. Подавляющее большинство их было расстреляно в 1936-41 годах.

¹ Авторханов А. Технология власти. с. 179-180.

ХЛІ

Дело

"контрреволюционной троцкистской группы"

Наряду с неослабной слежкой за "правыми" ОГПУ прилагало столь же упорные усилия к обнаружению "троцкистского подполья".

В январе 1933 года Сталину был направлен доклад секретно-политического отдела ОГПУ о результатах слежки за "троцкистами", заявившими о своем разрыве с оппозицией. В нем сообщалось, что в 1930-31 годах многие из оппозиционеров, присоединившихся к заявлению И. Н. Смирнова о прекращении фракционной деятельности, не согласились с тактикой выжидания и после возвращения из ссылки и изоляторов возобновили нелегальную деятельность среди рабочих. Хотя несколько групп, включавших сторонников Смирнова, были вскоре ликвидированы, сохранилась глубоко законспирированная организация во главе с самим Смирновым, включавшая свыше 200 бывших активных троцкистов. Эта организация имела свои филиалы в Ленинграде, Харькове, Горьком, Киеве, Ростове-на-Дону и других городах, а также группы в Госплане, Наркомтяжпроме и других учреждениях.

Аресты членов этой организации начались в 1932 году. Всего было арестовано 89 человек, включая таких известных оппозиционеров как И. Н. Смирнов, Тер-Ваганян и Преображенский. Почти все арестованные были исключены из партии в 1926-32 годах за "троцкистскую фракционную деятельность", 35 из них в 1929-32 годах были восстановлены в партии. Среди арестованных были хозяйственные руководители, инженерно-технические работники, экономисты, рабочие, преподаватели вузов, журналисты и т. д.

В качестве вещественных доказательств к делу быта приобщены обнаруженные при обысках машинописные копии "Завещания", троцкистские листовки и переписка некоторых арестованных с Троцким и ссылными троцкистами.

Почти все арестованные держались на следствии мужественно, отказываясь признать свои взгляды контрреволюционными и отрицая существование конспиративной организации. Некоторые подследственные вообще отказались давать какие-либо показания. 25 человек решительно отвергли все предъявленные им обвинения.

Тактика других подследственных заключалась в том, чтобы доказать абсурдность привлечения их к уголовной ответственности за стремление к восстановлению ленинских норм партийной жизни. Так, на первом допросе Преображенский заявил: "Я слишком поздно понял, ... что партия не может позволить своим членам такой роскоши, как особые мнения, особые точки зрения в оценке положения ... Моя ошибка лежала, очевидно, в том, что я всё время механически переносился к тому, "как было при Ленине"¹.

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. с. 85.

Будучи вторично арестован в 1936 году, Преображенский на допросе в НКВД так характеризовал свои политические настроения 1932 года:

1. Темпы коллективизации взяты не по силам. Деревня отошла от среднего хозяйства и не освоила коллективное, а в результате резкое падение производительных сил сельского хозяйства; огромные продовольственные затруднения, особенно на Украине, и ряд совершенно ненужных жестокостей в борьбе с кулачеством.

2. Темпы индустриализации взяты непосильные. В результате невыполнение плана капиталовложений, срыв сроков ряда строек, сокращение личного потребления рабочих, перенапряжение в труде и как результат - общее ухудшение материального положения пролетариата.

3. Неверная политика в Коминтерне, приводящая к изоляции компартии в борьбе с фашизмом, особенно в Германии.

4. Невыносимый партийный режим, при котором невозможно обсуждение ни одного большого вопроса, волнующего страну. Партийной дисциплине противопоставлялась троцкистская внутрипартийная демократия.

5. На идеологическом фронте - полнейший застой. Это результат политики ЦК, которая доводит дисциплину мысли до централизации мысли и, культивируя бездарности, задерживает всякое умственное развитие молодежи.

Из всего этого, естественно, делался вывод о необходимости борьбы с политикой ЦК и руководством партии¹.

Таким образом, Преображенский в 1932 году полностью отказался от своих иллюзий конца 20-х годов относительно "левого" характера сталинской политики и, по сути, перешёл на позиции, которых в это время занимали Троцкий и другие авторы "Бюллетеня оппозиции". Следует подчеркнуть также, что даже в чудовищных условиях следствия 1937 года, Преображенский излагал свое политическое кредо с достоинством, не прибегая к чернящим квалификациям своих взглядов, которых требовали следователи.

Этот прием - придание каждому оппозиционному высказыванию и действию криминального характера путём добавления эпитетов типа "контрреволюционный" - широко применялся уже в ходе следствия 1933 года. Так, одно из показаний по делу "контрреволюционной троцкистской группы" было оформлено следующим образом: подследственный признал себя виновным "в получении контрреволюционной литературы, контрреволюционной троцкистской информации и в сохранении связей с группой троцкистов-двурушников, возглавлявшейся И. Н. Смирновым", а также заявил о распространении "троцкистами" "контрреволюционных инсинуаций и слухов" против Сталина².

Арестованные по данному делу были объявлены виновными в участии в "нелегальной контрреволюционной группе", которая якобы "ставила себе целью воссоздание подпольной троцкистской организации на основе новой тактики двурушничества с целью проникновения в ВКП(б) и государственный и хозяйственный аппарат"³. Кроме того, им инкриминировалось установление

¹ Отечественная история. 1992. № 2. с. 91.

² Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. с. 85.

³ Там же. с. 82.

связи с оставшимися в ссылке оппозиционерами (в частности, с Раковским) и распространение присылаемых последними нелегальных документов.

Парткомитет ЦКК, заслушав 20 февраля 1933 года доклад начальника секретно-политического отдела ОГПУ Молчанова о следствии по данному делу, заочно исключила 30 человек из партии. В январе-октябре того же года постановлениями особого совещания при коллегии ОГПУ 88 из 89 арестованных были репрессированы. 41 человека осудили на лишение свободы сроком от 3 до 5 лет, а 45 были направлены в ссылку сроком на 3 года.

После этих репрессий продолжалась провокационная игра сталинцев с некоторыми наиболее видными осужденными по этому делу. Преображенский в августе 1933 года был освобожден из ссылки в Семипалатинске, а в октябре восстановлен в партии. В январе 1934 года ему было разрешено выступить с покаянной речью на XVII съезде партии. В октябре 1934 года был восстановлен в партии Тер-Ваганян. Вскоре он был вызван на заседание коллегии ЦКК, на котором Шкирятов вновь требовал назвать встречавшихся с И. Н. Смирновым лиц, которые "находятся ещё скрытыми или вступившими в партию". В мае 1935 года Тер-Ваганян был исключен из партии в третий раз и направлен по решению Особого совещания в ссылку на 5 лет.

Большинство осужденных по делу группы И. Н. Смирнова в 1936-38 годах были расстреляны, остальные неоднократно подвергались дальнейшим репрессиям. В 1956-88 годах были отменены постановления Особого совещания по данному делу в отношении 24 человек. Остальные были реабилитированы и посмертно восстановлены в партии в 1989-90 годах.

XLII

Образование антисталинского блока

Из реабилитационной справки комиссии Яковлева не ясно, сумели ли следователи в 1932-33 годах раскрыть связи Смирнова и его товарищей с Троцким-Седовым. Сообщается только, что у И. Н. Смирнова, Тер-Ваганяна и Уфимцева были обнаружены статьи и письма Троцкого не только 1928 года, когда переписка "троцкистов" носила полулегальный характер, но и 1929-31 годов, когда Троцкий находился в изгнании и контакты с ним сурово преследовались¹.

Между тем материалы архива Троцкого свидетельствуют о том, что именно И. Н. Смирнов стал инициатором создания широкого антисталинского блока, объединившего все основные старые и новые оппозиционные группы и вступившего в контакт с Троцким. Блок этот был настолько хорошо законспирирован, что органы НКВД узнали о его существовании только при подготовке первого Московского процесса в 1936 году.

Уже в июле 1931 года во время своего пребывания в служебной командировке в Берлине И. Н. Смирнов несколько раз встречался с Седовым и обсуждал вопрос о сотрудничестве своей группы с Троцким.

Осенью 1932 года Гольцман, один из будущих обвиняемых на Московском процессе 1936 года, передал Седову адресованное Троцкому письмо Смирнова, а также статью последнего "Хозяйственное положение СССР", вскоре опубликованную в "Бюллетене оппозиции" (1932, № 31). В том же номере "Бюллетеня" была опубликована "Корреспонденция из Москвы", составленная на основе рассказов Гольцмана о политической ситуации в Советском Союзе².

В письме Смирнова сообщалось о переговорах между четырьмя оппозиционными группами (Смирнова, зиновьевцев, Ломинадзе-Стэна и Сафарова-Тарханова) по поводу создания оппозиционного блока. Дополнительную информацию о блоке сообщил Седову старый большевик Ю. П. Гавен, который также передал информацию о группе "О" (возможно, от фамилии "Осинский"), в которую входил он сам, и, по-видимому, привёз группе Смирнова письмо от Троцкого. Подробная информация о взглядах Троцкого на события, происходящие в СССР, была передана Седовым Смирнову и через Гольцмана.

К тому времени Седов поддерживал контакты с широкой сетью корреспондентов в Советском Союзе и в некоторых советских дипломатических миссиях за рубежом, от которых он получал информацию о событиях в Советском Союзе, публиковавшуюся в "Бюллетене оппозиции". В переписке между Седовым и Троцким Смирнов фигурировал под псевдонимом "Ко" ("Колокольцев" или "Колокольников"), Гольцман - под псевдонимом "Орлов", Гавен - под псевдонимом "Сорокин". Кроме того, лицами в Советском Союзе, с которыми Седов поддерживал регулярную связь, были старый большевик, ранее рабо-

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. с. 82.

² Бюллетень оппозиции. 1936. № 52-53. с. 37-38.

тавший в советской торговой миссии в Лондоне и публиковавший корреспонденции в "Бюллетене" под псевдонимом "Свой", И. Н. Переверзев, выступавший под псевдонимом "Петр", и Кочерец, переводчик произведений Арагона, посылавший Седову секретные партийные документы. Среди корреспондентов Седова были также Н. Островская, в прошлом работавшая в ЧК, и активный участник оппозиции 1923 года Рафаил.

В 1931-32 годах за рубеж шла также информация от Каменева и Зиновьева, обменивавшихся со своими зарубежными единомышленниками мнениями по поводу сталинской политики в Германии, которая прокладывала дорогу Гитлеру. Связь между Зиновьевым и его единомышленниками за границей, особенно Рут Фишер и Масловым, бывшими лидерами Компартии Германии, поддерживал старый большевик Г. Л. Шкловский. Аналогичную роль, по-видимому, играл советский посол в Праге Аросев.

В письме, посланном Троцкому в конце 1932 года, Седов сообщал, что блок, состоявший из бывших "капитулянтов" (членов смирновской группы), зиновьевцев и группы Стэна-Ломинадзе, организован; группа Сафарова-Тарханова вскоре должна присоединиться к нему. Во время переговоров о блоке Зиновьев и Каменев заявили, что в 1927 году допустили самую серьезную политическую ошибку в своей жизни, порвав с левой оппозицией.

В этом письме сообщалось также, что провал группы Смирнова был вызван случайным арестом одного из её членов. От "своего человека" в ГПУ Смирнов имел "все сведения" о ходе следствия и в результате этого мог подготовиться к аресту. За несколько дней до ареста Смирнов говорил "информатору" Седова: "Х предал, я ожидаю ареста со дня на день". Основываясь на сообщениях "информатора", Седов писал, что провал явился серьезным ударом, но "связи с рабочими сохранены"¹.

Аналогичная информация содержалась в докладе Седова, направленном Интернациональному секретариату левой оппозиции в 1934 году. В письмах Седова сообщалось и о том, что "правые" (рютинцы и слепковцы) критически переосмыслили свое прошлое отношение к левой оппозиции и попытались создать комбинацию двух программ; экономической программы неонэпа и политической программы партийной демократии. Они вступили в переговоры с И. Н. Смирновым как представителем блока четырёх вышеназванных групп; группа Смирнова считает целесообразным заключение соглашения с "правыми".

В ответном письме Троцкого Седову говорилось, что предложение о блоке представляется ему в целом приемлемым. Подчеркивая, что речь должна идти именно о блоке, а не об объединении с "новыми союзниками", Троцкий писал, что на первых порах задача блока должна сводиться к взаимному обмену информацией. Он предложил, чтобы "союзники" присылали корреспонденции для "Бюллетеня"; Редакция будет их публиковать, оставляя за собой право их комментировать. Троцкий просил Седова прислать ему дополнительные сведения о том, кто подписал опубликованную "Социалистическим вестником"

¹ Broue P. Party Opposition to Stalin (1930-1932) and the First Moscow Trial. In: Essays on Revolutionary Culture and Socialism. Slavica Publishers. 1985. P. 99-100.

"Декларацию 18-ти" (рютинский "Манифест"), и о том, какова позиция "ультралевых групп" (децистов, рабочей оппозиции и др.)¹.

Сформировавшийся к осени 1932 года блок не успел приступить к реальным действиям в результате того, что представители его различных групп были арестованы ГПУ в конце 1932-начале 1933 годов. Первыми жертвами стали Зиновьев, Каменев и Стэн, высланные за связь с рютинской группой, а вслед за ними - Слепков и другие "правые". Два месяца спустя был арестован Смирнов и другие "троцкисты", вернувшиеся к подпольной деятельности. Уцелевшие зиновьевцы, собравшиеся после арестов в квартире Богдана, бывшего секретаря Зиновьева, приняли решение о том, что деятельность их группы следует временно прервать.

Впервые опубликовавший переписку Седова и Троцкого французский историк П. Бруэ полагает, что в результате арестов 1932-33 годов Сталин и ГПУ не узнали о попытке образования блока. Смирнов был осуждён к 10 годам тюремного заключения за свои "зарубежные контакты" (по-видимому, с Седовым - В. Р.), но не как вдохновитель "блока". Другой корреспондент "Бюллетеня" Константинов был арестован и осуждён за то, что он критически говорил с товарищами о политике Сталина, но при этом не был идентифицирован, как "троцкист". Переверзев, Кочерец, Островская, Рафаил были арестованы за деятельность их собственной группы. Однако многие лица, вовлечённые в блок или в контакты с ним, например, Ломинадзе, Сафаров, Тарханов, Евдокимов, Сафонова, Шацкий остались на свободе и даже не были исключены из партии. Если сталинская печать не упоминала в 1932-36 годах о "блоке", то только потому, что ОГПУ не знало о его существовании. По-видимому, следователи приняли в этот период за "оппозиционный блок" рютинскую группу, которая сама по себе представляла блок правых и левых оппозиционеров².

Хотя ГПУ вело тщательное наблюдение за деятельностью Троцкого и Седова, оно не сумело зафиксировать никаких их встреч с единомышленниками из СССР. Осуществив в конце 1932 - начале 1933 годов серию арестов участников различных оппозиционных групп, ГПУ получило некоторую информацию об их антисталинских настроениях и действиях. Однако ни один из арестованных не упомянул на допросах о попытке сформировать блок оппозиционных течений и не выдал связанных с блоком товарищей. Лишь после новой волны арестов, последовавших за убийством Кирова, допросов и передопросов арестованных с применением зверских пыток, Сталин получил информацию о блоке, ставшую импульсом для развязывания им великой чистки³.

¹ Ibid, P. 100.

² Ibid, P. 106.

³ Ibid.

XLIII

Дело "нелегального троцкистского центра"

После ареста группы Смирнова нелегальная деятельность троцкистов не прекратилась. В конце 1933 - начале 1934 годов ОГПУ напало на след "нелегального всесоюзного центра" троцкистской организации, который готовил побеги ссыльных оппозиционеров с целью перевода их в подполье и собирался созвать весной 1934 года тайную всесоюзную конференцию троцкистов. По этому делу в различных городах были проведены аресты троцкистов. Первой была арестована А. П. Лифшиц, которая на протяжении двух месяцев допросов отрицала наличие подпольного троцкистского центра. Затем от неё удалось добиться признаний в том, что в марте 1931 года она бежала из ссылки, в конце 1932 года установила связь с Раковским и по его поручению готовилась к объезду всех мест троцкистской ссылки с целью объединения находившихся там оппозиционеров¹. У названных ею лиц были при обысках изъяты статьи и письма Троцкого, а также написанная заключёнными Верхнеуральского политизолятора листовка, призывавшая к голодовке протеста против ужесточающихся репрессий. Таким образом, ОГПУ узнало о сохранявшихся контактах Троцкого с оппозиционерами, находившимися не только на свободе, но и в местах заключения и ссылки.

Согласно данным ОГПУ, костяк "Всесоюзного троцкистского центра" составляли лица, исключённые в 1927-30 годах из партии за участие в левой оппозиции и отбывавшие ссылку в разных районах страны. Предъявленное им обвинение в стремлении к консолидации, объединению и подпольной деятельности, по-видимому, имело известные основания.

О характере следствия свидетельствуют заявления уцелевших обвиняемых по этому делу, полученные в 1956-57 годах: "Долго я не подписывал протоколов, на что мне следователь сказал - если я не подпишу, то будут арестованы мой отец и моя невеста и будут содержаться в тюрьме, пока я не подпишу предлагаемого протокола о полном признании своей вины ... Я подписал всё, что от меня требовали"; "Потеряв совершенно сон, на допросах могла слушать только рассказы следователя о придуманном кем-то моем преступлении и плакать"². Можно полагать, что в период "переследствия" эти лица не сообщали всей правды о своей деятельности, поскольку они знали, что хрущевское правосудие по-прежнему считает нелегальную антисталинскую деятельность тридцатилетней давности уголовным преступлением.

О характере предъявленных арестованным обвинений свидетельствует зафиксированное в деле показание одной из заключённых, что она "информировала Лифшиц в контрреволюционном духе о ходе коллективизации на Украине". Этот "контрреволюционный дух" заключался в том, что она "думала, что, может быть, возможны мероприятия, которые предотвратили бы голод и те

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. с. 87-88.

² Там же. с. 91-92.

жертвы, которыми сопровождался процесс коллективизации". В "дело" были включены также показания о том, что нелегальная троцкистская группа ставила, целью "очистку ленинизма от сталинского социализма"¹.

Одной из целей, которую Сталин и ОГПУ преследовали при организации этого дела, было, по-видимому, давление на Раковского, седьмой год находившегося в ссылке и упорно не соглашавшегося на капитуляцию. Хотя Раковский, согласно материалам следствия, числился организатором "Всесоюзного троцкистского центра", его не только не арестовали, но в 1934 году возвратили из ссылки. После выступления о разрыве с оппозицией он был назначен начальником управления учебных заведений Наркомздрава РСФСР, а в 1935 году восстановлен в партии.

Всего по делу "нелегального троцкистского центра" было привлечено 39 человек, большинство из которых были приговорены к лишению свободы или к ссылке сроком на 2-5 лет. В 1937-38 годах многие из них прошли переследствие, в результате которого были расстреляны или приговорены к новым срокам заключения в лагерях. Уцелевшие и выпущенные на свободу после отбытия срока неоднократно подвергались репрессиям в последующие годы.

¹ Там же. с. 89, 90.

Политика пряника и кнута

Открыв новую серию расправ над бывшими оппозиционерами, Сталин одновременно продолжал осуществлять свою политику "великого дозировщика". В мае 1933 года он разрешил вернуться в Москву Зиновьеву и Каменеву после публикации в "Правде" их покаяний в "дискредитации вождя", в "ошибочности, а частью и преступности своего поведения"¹. В конце 1933 года Зиновьев и Каменев были восстановлены в партии. Ещё до этого Каменев был назначен заведующим издательством "Academia", а в мае 1934 года - организатором и директором Института мировой литературы АН СССР. Зиновьев был включён в редколлегию журнала "Большевик" и назначен членом правления Центросоюза.

Комментируя вторичную капитуляцию Зиновьева и Каменева, Троцкий писал: "Они капитулировали ещё в январе 1928 г. Но перед кем? Перед анонимной бюрократией, под именем партии. Сейчас такая капитуляция потеряла всякую цену. Надо признать непогрешимость Сталина, чтоб иметь право политически жить и дышать ... Зиновьев с Каменевым "признали", т. е. окончательно опустились на дно. Личная судьба их глубоко трагична. Когда будущий историк захочет показать, как беспощадно эпохи великих потрясений опустошают людей, он приведет пример Зиновьева и Каменева"².

Прошедшие новый виток политического и нравственного перерождения, Каменев и Зиновьев выступали в "Правде" и других изданиях со статьями, прославляющими "прозорливость и мудрость" Сталина. Ещё большее усердие в панегириках Сталину проявлял Радек, опубликовавший 1 января 1934 года в "Известиях" обширную статью "Зодчий социалистического общества", вскоре переизданную в виде брошюры, выпущенной огромным тиражом. Эта брошюра носила, говоря современным языком, "футурологический" характер. Она была написана в форме лекции "из курса истории победы социализма", которая будет прочитана в пятидесятую годовщину Октябрьской революции в "школе междупланетарных сообщений". Будущий историк, как явствовало из статьи Радека, станет описывать советскую действительность 30-х годов следующими словами: "На мавзолее Ленина, окружённый своими ближайшими соратниками - Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Калининим, Орджоникидзе, стоял Сталин в серой солдатской шинели. Спокойные его глаза смотрели в раздумьи на сотни тысяч пролетариев, проходящих мимо ленинского саркофага уверенной поступью лобового отряда будущих победителей капиталистического мира ... К сжатой, спокойной, как утес, фигуре нашего вождя шли волны любви и доверия, шли волны уверенности, что там, на мавзолее Ленина, собрался штаб будущей победоносной мировой революции"³.

¹ Правда. 1933. 20 мая.

² Бюллетень оппозиции. 1933. № 35. с. 24.

³ Радек К. Зодчий социалистического общества. М., 1934. с. 31-32.

Аналогично вёл себя Бухарин, который, надо полагать, вполне искренне в феврале 1937 года описывал эволюцию своих взглядов и поведения. Датируя 1928-30 годами "период возникновения правого уклона и борьбы с партией", он писал, что следующий период (от 1930 до 1932 года) был для него "периодом полного изживания прежних взглядов и ошибок, изживания борьбы против партии". В этот период в его сознании ещё сохранялись "элементы известной двойственности", но после принятия законодательства о советской торговле ему "всё стало абсолютно ясно". Уже в 1932 году он уверял Слепкова в том, что "партруководство доказало свою большую маневроспособность" и "нужно без всяких оговорок бешено работать с партией". Когда же он узнал об аресте своих учеников, то решил, что "молодые" его обманули, вырвались и пошли по своим путям". С этого времени "бывшие связи, даже личные, прекращаются: молодых я открыто политически осудил, физически они тоже были далеки. Одни из них сидят, другие - работают вне Москвы; с Томским и Рыковым они (связи - В. Р.) становятся всё реже; в 1934 году - почти ничего. В 1935 году ни одного раза. В 1936 г. - ни одного раза. Это - период дружнейшей и безоглядной работы с партией, быстрого возрастания глубокого уважения и любви к партийному руководству, - вместо озлобленности первого периода ... В этот период у меня не было уже ни малейших признаков двойственности в отношении к партии и партийному руководству ... У меня всё развитие шло в сторону изживания всех неясностей и остатков старого и давно уже ни в мысли, ни в действии не осталось следов бывшего тяжкого наследия"¹.

Однако, несмотря на униженные выражения преданности со стороны своих бывших противников и безудержный фимиам вокруг своего имени в официальной пропаганде, Сталин по-прежнему не ощущал необратимости своего всевластия. Возникновение новых оппозиций, прибегавших к единственно возможным теперь нелегальным методам борьбы, свидетельствовало о том, что далеко не все коммунисты склонны безоговорочно принимать авантюристические эксперименты, осуществляемые им над партией и страной. По справедливому замечанию А. Авторханова, "оппозиция против Сталина смахивала на ту легендарную гидру древнегреческой мифологии, у которой на месте одной отрубленной головы вырастали новые головы ... Причем каждая новая оппозиция, будучи и по составу и по идеологии оппозицией коммунистической, в определённой мере отражала чаяния широких народных масс"².

Знакомство Сталина с "Рютинской платформой", с письмами из СССР, публиковавшимися в "Бюллетене оппозиции", с материалами следственных дел и агентурными сводками ГПУ, фиксировавшими деятельность и настроения старых и новых оппозиционных групп, показывало, что против его политики резко настроены не только многие бывшие оппозиционеры, но и многие коммунисты, в 20-е годы не участвовавшие ни в каких оппозициях и присоединявшиеся к "единодушным" голосованиям на официальных партийных собраниях.

¹ Вопросы истории. 1992. № 2-3. с. 31-32.

² Авторханов А. Технология власти. с. 266, 279.

Особенное беспокойство Сталина вызывало то обстоятельство, что значительная часть интеллектуальных сил партии продолжает формироваться из числа бывших оппозиционеров. Тщательно следивший за судьбой своих недавних открытых противников, он в начале 30-х годов заявил с недовольством Хрущёву: "Как же это случилось так, что троцкисты и правые получили привилегию? Центральный Комитет им не доверяет, сместил их с партийных постов, и они устремились в высшие учебные заведения. Теперь многие из них уже закончили вузы, и идут дальше, в науку ... ". Он даже назвал тогда некоторых лиц в качестве примера¹.

¹ Вопросы истории. 1990. № 3. с. 68.

XLV

Чистка партии

Для освобождения партии от людей, способных составить массовую базу сопротивления правящей клике, Сталин практиковал массовые чистки партии. Первая генеральная чистка после смерти Ленина была проведена в 1929-30 годах в соответствии с резолюцией XVI конференции ВКП(б), в которой говорилось, что чистка должна "сделать партию более однородной, беспощадно выбросить из рядов партии все чуждые ей, вредные для её успехов, равнодушные к её борьбе элементы ... разоблачая скрытых троцкистов ... и сторонников других антипартийных групп и очищая от них партию"¹. Во время этой чистки было исключено 10,2 % состава партии и добровольно вышло из партии 1,3 %².

Само объявление этой чистки было нарушением устава партии, согласно которому чистка должна была объявляться по решению партийного съезда. В постановлении же конференции ставилась задача завершить её именно к очередному XVI съезду. Параллельно с чисткой шёл массовый прием в партию новых членов. В докладе на XVI съезде Сталин в качестве крупного достижения называл "заявления рабочих о вступлении в партию целыми цехами и заводами, рост числа членов партии в промежутке от XV съезда до XVI съезда более чем на 600 тысяч человек, вступление в партию за первый лишь квартал этого года 200 тысяч новых членов"³. Форсированный рост численности партии продолжался и после XVI съезда.

Но и обновлённая таким образом партия не достигла достаточной "монolithicности" для обеспечения её безоговорочного повиновения Сталину. Поэтому через два с половиной года после окончания чистки 1929-30 годов была объявлена новая генеральная чистка партии. Особенность её состояла в том, что до её завершения прием в кандидаты и перевод в члены партии был прекращён. Решение ЦК о проведении чистки в течение 1933 года было принято 10 декабря 1932 года и подтверждено январским пленумом ЦК и ЦКК, который постановил "организовать дело чистки партии таким образом, чтобы обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение партийных рядов от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов"⁴.

К категориям, подлежащим чистке, постановлением ЦК и ЦКК от 28 апреля 1933 года были отнесены, в частности, "двурушники, живущие обманом партии, скрывающие от неё свои действительные стремления и под прикрытием лживой клятвы в "верности" партии пытающиеся сорвать на деле политику партии", а также "открытые и скрытые нарушители железной дисциплины

¹ КПСС в резолюциях и решениях. т. 4. с. 489-490.

² Ярославский Б. Чистка партии. Большая Советская Энциклопедия. т. 61. 1934. с. 654.

³ Сталин И. В. Соч. т. 12. с. 344.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях. т. 6. с. 32.

партии и государства, не выполняющие решений партии и правительства, подвергающие сомнению и дискредитирующие решения и установленные партией планы болтовней об их "нереальности" и "неосуществимости"¹. Согласно духу и букве этих положений, из партии должен быть изгнан всякий, кто высказывал сомнения в правильности не только "генеральной линии", но даже отдельных практических мероприятий сталинского руководства.

Ещё одним новшеством данной чистки стало нарушение устава партии, согласно которому члены ЦК и ЦКК как избранные съездом партии не подлежали чистке. В постановлении от 28 апреля была сделана важная оговорка о том, что возможность проведения чистки членов ЦК допускается "в случае подачи мотивированного заявления тем или иным партийным собранием или отдельной группой членов партии"². Такие заявления не замедлили поступить от первичных организаций тех учреждений, в которых работали бывшие лидеры "правых уклонистов".

В заявлении секретаря ячейки Наркомата связи, которым руководил Рыков, предлагалось подвергнуть его чистке, поскольку он "до конца ещё не разоружился". На собрании ячейки Наркомата Рыков выступил с двумя пространными речами, в которых заявлял, что "борьба со мной, в частности, и с правым уклоном является одной из крупнейших заслуг теперешнего руководства ЦК и особенно, и в первую очередь, т. Сталина"³. Опасность своей позиции 1928-29 годов Рыков усматривал в том, что "и мое имя, и моя позиция сделались центром притяжения (о чём я говорил на одном из съездов) в целом ряде случаев элементов, враждебных Советской власти"⁴.

Говоря о последующих оппозиционных группировках, Рыков заявлял, что некоторые из них "надеялись, некоторые были уверены в том, что я при благоприятных обстоятельствах открыто перейду на их сторону"; его же молчание по поводу этих группировок "давало повод тому, что я, возможно, остаюсь на старой позиции". В доказательство исправления этой очередной "ошибки" Рыков перечислял свои многочисленные выступления за последний год, в которых он критиковал "правую опасность" и новые антисталинские группировки. Рыков выражал желание, чтобы "из моей речи, на опыте моих ошибок товарищи научились с ещё большей силой, с ещё большей последовательностью бороться с правым уклоном в составе нашей партии"⁵.

Касаясь своей работы в Наркомате связи, Рыков утверждал, что до его прихода в Наркомат последний "фактически находился в руках вредителей и различных врагов Советской власти". К своим достижениям он относил принятое по его инициативе постановление Совнаркома, согласно которому "преступления по линии связи приравниваются к преступлениям против социалистиче-

¹ Там же. с. 46-47.

² Там же. с. 49.

³ Вопросы истории КПСС. 1991. № 6. с. 81, 88.

⁴ Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. с. 88.

⁵ Там же. с. 88-91.

ской собственности", а к недостаткам - "большое засорение органов связи чуждыми элементами"¹.

Однако даже такое выступление было объявлено выступавшими в прениях "недостаточно самокритичным". Рыкову ставилось в вину то обстоятельство, что он не признал "внутреннюю политическую связь" своей позиции 1928-29 годов со своими прежними ошибками, начиная с 1911 года. В подтверждение "медленности", с которой Рыков изживает свои ошибки, ораторы ссылались на то, что он в двух своих выступлениях недавнего времени не произнёс обязательных ритуальных слов, восхваляющих Сталина. Большинство речей на собрании завершалось выводом о том, что Рыков не оправдал доверия XVI съезда, избравшего его в состав ЦК.

Атмосферу собрания характеризует донесение председателя "чистильной" комиссии Наркомата в областную комиссию по чистке. В нем сообщалось, что Рыков давал своим ошибкам "сильно смягчённые характеристики", а не менее половины участников собрания при выступлении лиц, критиковавших Рыкова, "всячески старались сбить ораторов. Наоборот, когда тов. Рыкову в его выступлениях удавалось пустить какую-либо остроту, эта часть публики раздражалась неистовыми аплодисментами". Информатор не забыл сообщить и о своих заслугах, состоявших в том, что он, закрывая собрание, указал, что эти "неистовые аплодисменты по адресу тов. Рыкова за его остроты и шипение по адресу товарищей, старавшихся серьезно, по-деловому, вскрыть недостатки в работе Наркомата, выявляют подлинную антипартийную и антисоветскую физиономию их авторов"².

В постановлении комиссии по итогам персональной чистки Рыкова указывалось на его "ошибки", выражавшиеся в том, что он в двух своих выступлениях "обошёл молчанием вопросы о борьбе за генеральную линию партии". Комиссия постановила считать Рыкова "проверенным", но при этом "просить Центральную комиссию по чистке и ЦК ВКП(б) довести до сведения 17-го партсъезда, что тов. Рыков своей практической и партийной работой ещё в достаточной мере не доказал, что он изжил свои правооппортунистические ошибки"³.

Более успешно прошла чистка Бухарина - в основном по причине того, что он выступил с ещё более постыдной и самоуничижительной речью. Он заявил о своей "полной безоговорочной солидаризации" с тем, что партийная организация потребовала его "добавочной проверки", поскольку он допустил "целый ряд тяжелейших ошибок". Подробно перечислив эти "ошибки", Бухарин утверждал, что его группа превратилась в конце 20-х годов "в рупор всех сил, которые сопротивлялись штурму развернутого социалистического наступления". Поднятые ею вопросы о партийном режиме, "сопровождаясь личными нападками и проч. на самых выдающихся и крупнейших руководителей нашей партии", Бухарин назвал "организационным рефлексом ... мелкобуржуазных шатаний". Он заявлял, что теперь понял, что для победы социалистиче-

¹ Там же. с. 93.

² Там же. с. 93, 95.

³ Там же. с. 96-97.

ского строительства необходимы "абсолютное единомыслие и абсолютное единодействие", "военноподобный строй внутри страны" и партия "с железной совершенно дисциплиной", которая "способна железной рукой руководить массами". В установлении такого партийного режима Бухарин усматривал заслугу сталинского руководства, которое "исторически выросло, выковалось не на какой-нибудь организационной хитрости, оно выковалось, выросло и завоевало историческое место глубоко принципиальной линией"¹.

К своим особенно серьезным ошибкам Бухарин относил "ложные установки", дававшиеся им "целому ряду товарищей, которые потом, вырвавшись из-под моего руководства, в значительной степени опять-таки по моей вине, потому, что я разводил с ними демократизм, докатились черт знает до каких вещей, о которых вам известно" (имелась в виду судьба "бухаринской школы", большинство участников которой в то время находились в застенках ГПУ - В. Р.). "Я уже давно от всего этого отошёл, мне очень неприятно всё это вспоминать, - я от всего этого отмежевался", - присовокуплял к данному пассажиру Бухарин². Он напоминал, что на XVII партконференции и январском пленуме ЦК 1933 года он признал "свою вину за тех людей, которые скатились до контрреволюционных группировок. Это Слепков, Айхенвальд, Марецкий, Астров и другие. Я считаю себя повинным не в том, что они делали за последнее время, но я первый их "заразил", когда зародился правый оппортунизм.

Вторая моя ошибка заключается в том, что я завёл с ними панибратские отношения, а потом они наплевали на меня и вырвались из-под моего влияния и пошли по пути контрреволюционных действий за моей спиной. Я считаю своим долгом самым решительным образом осудить их и целиком присоединиться к тем мероприятиям, которые проведены ЦК ВКП(б)"³. Демонстрируя полное преодоление своего бывшего "демократизма", Бухарин заявлял, что "мы должны раздробить черепа не только кулаков, но и всякого охвостья"⁴.

Ячейка Объединённых государственных издательств (ОГИЗ), которыми руководил Томский, заседала три дня для принятия заявления о его персональной чистке. В первый день, как сообщал председатель комиссии по чистке ОГИЗа, обнаружилось, что значительная часть бюро и ячейки "находится под влиянием Томского" и положительно оценивает его работу. Поэтому Томский в своем выступлении свёл свои ошибки лишь к тому, что он "долго не выступал на общественных собраниях". Лишь после того, как комиссия дала "направление прениям", поступило 4 индивидуальных и групповых "мотивированных заявлений" с предложением организовать персональную чистку Томского. В этих заявлениях он обвинялся в том, что "не подверг решительной критике свою продолжавшуюся годами борьбу с партией", "слишком много вредил партии и своим поведением и своей работой не перекрыл вины перед партией". В дополнение к этому Томскому ставилось в вину, что он во время

¹ Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. с. 40.

² Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. с. 85-86.

³ Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. с. 54.

⁴ Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. с. 88

работы в ОГИЗе "закупал идеологически невыдержанные рукописи" и пропускал "идеологический брак"¹.

На "персональной чистке" Томский вёл себя более достойно, чем Бухарин и Рыков, и даже пытался защищать А. П. Смирнова, незадолго до этого выведенного из ЦК. В результате чистки он и другие лидеры "правых" были объявлены успешно прошедшими чистку.

В ходе чистки 1933 года из числа бывших лидеров оппозиционных группировок "вычищенными" оказались только Шляпников и Медведев, организаторы "рабочей оппозиции" 1920-22 годов. После решения ячейки Госплана об исключении Шляпникова "как окончательно порвавшего с большевизмом", он направил письмо Сталину, в котором протестовал против того, что "около меня создали атмосферу сенсации, мелкого клеветничества и из меня делают уже в печати "законченного двурушника". Шляпников сообщал, что комиссия не позволила отложить его чистку в связи с обострением у него глухоты. Поэтому он был вынужден явиться больным на собрание, где не был способен даже слышать обвинения в свой адрес и поэтому дать отпор "шкурникам ... , которые клеветали на меня". В заключение письма Шляпников обращался с просьбой "положить конец издевательствам надо мною и обязать комиссию по чистке предъявить мне факты о моем двурушничестве".

Сталин переслал это письмо в Центральную Комиссию по чистке. Здесь при рассмотрении апелляции Шляпникову пришлось выслушать новые издевательства, тем более оскорбительные, что с менгорской речью в его адрес выступил Ежов, несколько лет воспитывавшийся в семье Шляпникова. "Сейчас Шляпников недоумённо всех спрашивает - в чём заключаются его преступления? - говорил Ежов. - ... К тебе, Шляпников, со стороны партии было проявлено исключительно терпеливое отношение. Член партии ты старый, рабочий, культурный рабочий. На твое воспитание партия затратила очень много. Своим горбом ты тоже поработал. Пишешь книги, что не под силу ещё многим из рабочих. И партия всё время терпеливо к тебе относилась, думая, что Шляпников исправится.

Этим терпеливым отношением партии ты всё время злоупотребляешь. Все твои знания и способности, на которые потрачено немало сил партии и твоих собственных сил, ты на протяжении полутора десятков лет употребил только на борьбу против партии. Терпение партии исключительное и целиком опровергает твои же собственные утверждения о режиме в партии и т. п., о которых ты неоднократно говорил и писал ... Если мы сейчас оставим Шляпникова в партии, ни один член партии этого не поймет"².

Перед утверждением решения об исключении Шляпникова из партии споры на комиссии развернулись лишь по поводу того, за что его исключать: за "старое" - участие в "рабочей оппозиции" или за "новое" - за то, что он не выступал против троцкистов и "морально разложился". В результате "дискуссии" было решено исключить и за "старое" и за "новое". При этом обвинения в "разложении" сводились к тому, что, будучи председателем жилищного ко-

¹ Кенгавр. 1992. № 5-6. с. 108-113.

² Реабилитация. с. 114-116.

оператива, Шляпников выступил на суде в защиту беспартийного члена кооператива, в квартиру которого по ордеру, подписанному Кагановичем, в нарушение закона был вселён работник аппарата МК партии.

Из прошедших чистку 1916,5 тысяч членов и кандидатов в члены партии было исключено 18,3 %. Всего же с 1921 по 1933 год в результате чисток было исключено и добровольно выбыло около миллиона членов и кандидатов партии (примерно десятая часть исключённых впоследствии была восстановлена)¹. Если вычесть из этого числа 219 тыс. исключённых и выбывших в период генеральной чистки 1921 года, то окажется, что около 800 тыс. человек были изгнаны из партии в ходе сталинских чисток только до начала 1934 года.

Характеризуя противоположность функций и методов партийных чисток в первые годы революции и во времена сталинской диктатуры, Троцкий писал: "Внешним образом одна и та же партия ... в начале советской власти и через 10 лет применяет одни и те же методы во имя одних и тех же целей: сохранения своей политической чистоты и своего единства. На самом деле роль партии и роль чисток переменялась радикально. В первый период советской власти старая революционная партия очищалась от карьеристов; сообразно с этим комитеты (комиссии по чистке - В. Р.) создавались из старых революционных рабочих. Выбрасывались за борт искатели приключений, карьеристы или просто мошенники, пытавшиеся в довольно большом числе прилипнуть к власти. Чистки последних лет, наоборот, направлены полностью и целиком против старой революционной партии. Организаторами чисток являются наиболее бюрократические и по своему типу наиболее низкопробные элементы партии. Жертвами чистки являются наиболее верные, преданные революционным традициям элементы и прежде всего её (партии - В. Р.) старшие революционные поколения. Если в первый период пролетарская партия очищалась от худших элементов её и буржуазии, то сейчас мелкобуржуазная бюрократия очищается от подлинно революционных пролетарских элементов. Социальный смысл чисток изменился в корне, но эта перемена прикрывается единой партией"².

¹ Большая Советская Энциклопедия. т. 61. с. 655.

² Троцкий Л. Д. Сталин т. II. с. 214-215.

XLVI

Тоталитарный режим и его "теоретическое" обоснование

Своего рода параллелью к партийной чистке по государственной линии стало восстановление в 1933 году в стране паспортной системы. В первые годы революции были приняты законодательные акты, запрещающие требовать от граждан предъявления паспортов и иных видов на жительство. Паспорта были заменены удостоверением личности, получение которого считалось правом, а не обязанностью гражданина. Это положение было круто изменено постановлением ЦИК и СНК СССР "Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов".

Новое законодательство о паспортах преследовало, во-первых, цель прикрепления крестьян к колхозам, поскольку жителям сельской местности паспорта не выдавались. Во-вторых, оно ставило целью держать на постоянном учете "классово чуждые элементы", для чего в паспорт была включена графа о социальном происхождении. Многие бывшие дворяне, капиталисты и иные лишенцы (т. е. лица, лишённые избирательных прав), равно как и выпущенные на свободу политзаключённые отныне лишались права на получение паспортов или на прописку в крупных городах. "Власти пользуются паспортизацией, - сообщал корреспондент "Бюллетеня оппозиции", - прежде всего для того, чтобы вычистить из Москвы все нежелательные или мало-мальски подозрительные в политическом отношении элементы, в том числе и всех покаявшихся в разное время левых оппозиционеров"¹. Наконец, паспортизация облегчала постоянную слежку за такими "подозрительными элементами".

В начале 30-х годов политическая полиция (ГПУ) окончательно встала над партией, превратившись в личный орган Сталина. Ещё в 1930 году Троцкий так характеризовал коренное изменение функций и методов деятельности этого органа: "В годы гражданской войны Чека совершала суровую работу. Но эта работа велась под контролем партии. Сотни раз из среды партии поднимались протесты, заявления, требования объяснений по поводу тех или других приговоров. Во главе Чека стоял Дзержинский, человек высокой нравственной силы. Он был подчинён Политбюро, члены которого имели по всем вопросам свое собственное мнение и умели за него постоять ... Сейчас во главе ГПУ стоит Менжинский, не человек, а тень человека. Главную роль в ГПУ играет Ягода, жалкий карьерист, связавший свою судьбу с судьбой Сталина и готовый выполнить, не задумываясь и не рассуждая, любое из его личных распоряжений"².

В начале 30-х годов в передовой рукописного органа заключённых Верхнеуральского политизолятора "Воинствующий большевик" говорилось: "ГПУ окончательно легализовано в качестве основного органа управления партией.

¹ Бюллетень оппозиции. 1933. № 33. с. 25.

² Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. с. 8.

Никакой пост, никакое положение в стране и партии, никакие заслуги, прошлые или настоящие - не избавляют от общей участи человека, осмелившегося нарушить правила осадного положения"¹.

"Теоретическое" обоснование созданному в стране тоталитарно-полицейскому режиму Сталин попытался дать в заключительном разделе своей речи на январском (1933 год) пленуме ЦК и ЦКК, озаглавленном "Итоги пятилетки в четыре года в области борьбы с остатками враждебных классов". Он заявил, что "последние остатки умирающих классов" "оказались вышибленными", в силу чего они "расползлись" по всем предприятиям и учреждениям страны, где стали организаторами не только вредительства, но также массового воровства и хищений общественной собственности"². Таким образом, воровство, получившее широкое распространение в результате обнищания подавляющей массы населения, объяснялось происками "последних остатков умирающих классов".

Эти "остатки" или "бывшие люди", как утверждал Сталин, не могут изменить что-либо в нынешнем положении в СССР. "Они слишком слабы и немощны для того, чтобы противостоять мероприятиям Советской власти". Тем не менее они будут усиливать свое сопротивление с ростом могущества Советского государства, а "на этой почве могут ожить и зашевелиться ... осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно". Несмотря на эти заверения о бессилии "остатков" и "осколков" Сталин заявил, что максимальное усиление государственной власти необходимо для того, чтобы "развезть в прах" эти "остатки" и "разбить их воровские махинации"³.

В статье "Проблемы советского режима (теория перерождения и перерождение теории)" Троцкий обращал внимание прежде всего на логическую нелепость всей этой сталинской софистики. "Если от бывших классов остались лишь "бывшие люди", - писал он, - если они слишком слабы, чтобы "что-либо(!) изменить в положении СССР", - то из этого и должно было бы вытекать потухание классово-борьбы и смягчение режима ... Зачем вводить режим террора против партии и пролетариата, если дело идёт лишь о бессильных осколках, неспособных "что-либо изменить в СССР"? Всё это нагромождение путаницы, переходящей в прямую бессмыслицу, является результатом невозможности раскрыть правду"⁴.

Раскрывая разительный контраст между положением в партии сразу же после революции и при сталинском режиме, Троцкий напоминал, что в годы гражданской войны, когда старые господствующие классы боролись с оружием в руках, когда их активно поддерживали империалисты всего мира, в партии развертывались открытые дискуссии по самым острым вопросам: о Брестском мире, о методах организации Красной Армии, о профсоюзах, о составе ЦК, о национальной политике и т. д. Почему же теперь, после разгрома экс-

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 27. с. 13.

² Сталин И. В. Соч. т. 13. с. 207-208.

³ Там же. с. 210, 211-212.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1933. № 34. с. 4.

плуататорских классов, "нельзя допустить обсуждения вопросов о темпах индустриализации и коллективизации, о соотношении между тяжёлой и лёгкой промышленностью или о политике единого фронта в Германии? Почему любой член партии, который потребовал бы созыва очередного съезда партии, в соответствии с её уставом, был бы немедленно исключён и подвергнут репрессиям? Почему любой коммунист, который вслух выразил бы сомнение в непогрешимости Сталина, был бы немедленно арестован? Откуда такое страшное, чудовищное, невыносимое напряжение политического режима?"¹.

Троцкий писал, что в полном противоречии с марксистской доктриной, согласно которой по мере успехов социалистического строительства диктатура пролетариата должна превращаться в "полугосударство" и отмирать, т. е. заменяться действительно равноправным и всеобщим участием всего населения в управлении обществом, от такого управления оказались отстранены не только массы, но даже правящая партия. При этом "сталинцы не только не отваживаются утверждать, будто диктатура приняла за последние годы более демократические формы, но, наоборот, неутомимо доказывают неизбежность дальнейшего обострения методов государственного насилия"².

Действительные причины непрерывного усиления государственного принуждения, переросшего в личную террористическую диктатуру, кроются в угрожающем росте народного недовольства политикой Сталина, вылившейся в прямые преступления, направленные против народа. Раскрывая социально-экономические причины и внутреннюю логику этого процесса, Троцкий писал: "Преувеличенная и несогласованная индустриализация подкапывала основы сельского хозяйства ... Опыт скоро показал, что коллективизация отчаяния не есть ещё социалистическая коллективизация. Дальнейший упадок сельского хозяйства ударил по промышленности. Для поддержания неосуществимых и несогласованных темпов понадобился усиленный нажим на пролетариат. Освободившись от материального контроля массового потребителя (под таким контролем Троцкий имел в виду прежде всего рынок - В. Р.) и от политического контроля производителя, промышленность приобрела сверхсоциальный, т. е. бюрократический характер. Она оказалась в результате неспособной удовлетворять человеческие потребности даже в той степени, в которой удовлетворяла их менее развитая капиталистическая промышленность. Сельское хозяйство ответило импотентным городам войной на истощение. Под вечным гнётом несоответствия между напряжённостью своих трудовых усилий и ухудшающимися условиями существования, рабочие, колхозники и единоличники теряют интерес к труду и проникаются раздражением против государства. Отсюда - именно отсюда, а не из злой воли "осколков" - вытекает необходимость внесения принуждения во все клеточки хозяйственной жизни (усиление власти директора, законодательство о прогулах, смертная казнь за хищение колхозниками колхозного имущества, военные мероприятия при посевах и сборе урожая, принуждение индивидуальных крестьян уступать лоша-

¹ Там же. с. 3.

² Там же. с. 2.

дей колхозам, паспортная система, политотделы в колхозной деревне и пр. и пр.)¹.

Главной причиной возникновения бюрократическо-тоталитарного режима Троцкий считал то обстоятельство, что в стране, прошедшей через Октябрьскую революцию, привилегии меньшинства можно охранять лишь с помощью беспощадного насилия над массами. Сохранение этого режима неминуемо порождает гигантские экономические издержки. Если советская демократия является жизненной потребностью здорового развития планового хозяйства, то бюрократические методы управления неизбежно "таят в себе трагические хозяйственные сюрпризы"².

Такими "трагическими сюрпризами" явились итоги первой пятилетки и обрушившийся к её исходу на страну массовый голод.

¹ Там же. с. 6.

² Бюллетень оппозиции. 1932. №27, с. 10.

XLVII

Итоги первой пятилетки

Ещё в 1931 году Троцкий предупреждал, что "при неправильном планировании и, что ещё важнее, при неправильном регулировании плана в процессе его выполнения, кризис может развернуться под самый конец пятилетки и создать непреодолимые затруднения для использования и развития её несомненных успехов"¹.

В 1932 году фактический прирост промышленной продукции (14,7 %) оказался более чем вдвое ниже того, каким он предусматривался согласно годовому плану (32 %). С этого времени в СССР резко сократилась публикация статистических данных. В начале 1933 года Сталин подписал секретную телеграмму: "Воспретить всем ведомствам, республикам и областям до опубликования официального издания Госплана СССР об итогах выполнения первой пятилетки издание каких-либо других итоговых работ, как сводных, так и отраслевых и районных с тем, что и после официального издания итогов пятилетки все работы по итогам могут издаваться лишь с разрешения Госплана СССР"².

Фальсифицируя статистические данные, Сталин заявил на январском (1933 год) пленуме ЦК о выполнении пятилетнего плана за 4 года и 3 месяца. В подтверждение этого он утверждал, что пятилетний план по общему объёму промышленного производства якобы выполнен на 93,7 %, а по тяжёлой промышленности - на 108 %. Однако это были лишь стоимостные, валовые показатели, не учитывающие к тому же рост оптовых цен на промышленную продукцию.

Конечно, в годы пятилетки были достигнуты значительные успехи в области индустриализации. Были построены 1500 крупных предприятий и созданы целые отрасли промышленности, которых не было в царской России: станкостроение, автомобилестроение, тракторостроение, химическая и авиационная промышленность. Крупные индустриальные очаги возникли в бывших национальных окраинах царской России. Началось строительство второй топливно-металлургической базы на Урале и в Сибири.

Однако при всём этом даже по выпуску валовой продукции (в рублях) задания пятилетнего плана, вопреки утверждениям Сталина, выполнены не были. За первую пятилетку выпуск промышленной продукции увеличился в 2 раза, а по группе "А" - в 2,7 раза, в то время как плановые задания составляли соответственно 2,8 и 3,3 раза. Особенно значительным было невыполнение плановых заданий по группе "Б": производство предметов потребления увеличилось на 56 % против 2,4 раза, намеченных по пятилетнему плану. Но даже эти данные об итогах первой пятилетки были получены путём статистических манипуляций, например, применения "повторного счёта", при котором стоимость полуфабрикатов учитывалась при оценке работы предприятий, произво-

¹ Бюллетень оппозиции. 1931. № 23. с. 3.

² Правда. 1988. 28 октября.

дящих и конечный продукт, и полуфабрикаты. Подобные манипуляции будут характерны для советской отчётности всех последующих лет.

Темпы годового прироста 20 важнейших видов промышленной продукции в первой пятилетке были почти в 3 раза ниже, чем в 1922-28 годах. При этом они упали по сравнению не только с восстановительным периодом (1921-25 годы), но и с последующими двумя годами, когда происходил медленный переход к индустриализации страны. Например, среднегодовые темпы прироста добычи угля составили в 1926-27 годах 39,9 %, а в годы первой пятилетки - около 15 %, среднегодовые темпы прироста производства стали - 37,6 % и 8,2 %, цемента - 34,4 и 17,1 %. В целом среднегодовой прирост важнейших видов промышленной продукции составил за годы первой пятилетки 11,9 % против 29,1 % по плану. Выполнение плановых заданий по этому показателю составило, таким образом, 41 %.

Ещё более наглядно масштабы невыполнения заданий первой пятилетки выступают при сопоставлении натуральных показателей, намеченных на последний год пятилетки XVI конференцией и V съездом Советов (не говоря уже о повышенных заданиях, утверждённых XVI съездом), с показателями, фактически достигнутыми в 1932 году. Вместо 22 млрд. квтч электроэнергии было произведено 13,5 млрд. квтч, вместо 75 млн. тонн угля - 64,4 млн. тонн, вместо 10 млн. тонн чугуна - 6,2 млн. тонн, вместо 8 млн. тонн минеральных удобрений - 0,3 млн. тонн, вместо 10,4 млн. тонн стали - 5,9 млн. тонн, вместо 8 млн. тонн проката - 4,4 млн. тонн. Огромное отставание от плановых заданий было характерно для машиностроительных отраслей. Автомобилей в 1932 году было произведено 23,9 тыс. штук против 100 тыс. по плану, тракторов - соответственно 48,9 тыс. против 53 тыс., комбайнов - 10 тыс. против 40 тыс. по повышенному заданию. Плановые задания по основным отраслям группы "А" были достигнуты лишь в 1933-35 годах, а повышенные задания, утверждённые в 1930 году (17 млн. тонн чугуна, 170 тыс. тракторов и 200 тыс. автомобилей), - соответственно в 1950, 1956 и 1957 годах. Лишь по одной отрасли - производству нефти - в 1932 году были достигнуты показатели, близкие к показателям "оптимального" варианта пятилетнего плана (21,4 и 22 млн. тонн), но и они были более чем вдвое ниже повышенных плановых заданий.

Намного хуже обстояло дело с выполнением плановых заданий по группе "Б" промышленности. В 1932 году было произведено 2694 млн. м хлопчатобумажных тканей вместо 4700 млн. м по плановому заданию на конец пятилетки, шерстяных тканей - 88,7 млн. м вместо 270 млн. м, сахарного песка - 828 тыс. тонн вместо 2600 тыс. тонн. Показатели, намеченные на 1932 год по этим видам промышленной продукции, были достигнуты соответственно в 1954, 1957 и 1951 годах.

Выпуск основных видов продукции лёгкой промышленности в 1932 году был примерно таким же, как в 1928 году, а продукции пищевой промышленности - существенно ниже, чем в 1928 году. Это объяснялось катастрофическим положением, в котором оказалось к исходу первой пятилетки сельское хозяйство. Валовый сбор зерна составил в 1932 году 69,9 млн. тонн против 73,3 млн. тонн в 1928 году, производство мяса - соответственно 2,8 млн. тонн против 4,9 млн. тонн, молока - 20,6 млн. тонн против 31 млн. тонн, яиц -

4,4 млрд. штук против 10,8 млрд., шерсти - 69 тыс. тонн против 182 тыс. Важнейшие показатели сельскохозяйственного производства продолжали снижаться и в 1933 году. За 1929-33 годы производство мяса, молока и яиц сократилось соответственно в два, полтора и три раза, производство сахара - на 39 %. Вместо запланированного роста сельскохозяйственной продукции в 1,5 раза за 1929-33 годы, в 1933 году её производство составило менее 2/3 уровня 1929 и 1913 годов.

По пятилетнему плану урожайность основных сельскохозяйственных культур должна была повыситься на 35 % по сравнению с 1928 годом. На деле урожайность зерновых культур составила в 1932 году 7 млн. центнеров с одного гектара против 7,9 млн. центнеров в 1928 году, хлопчатника - 5,9 млн. центнеров против 8,5, сахарной свеклы - 43 млн. центнеров против 132, подсолнечника - 2,1 млн. центнеров против 5,4, льна - 2 млн. центнеров против 2,4, картофеля - 71 млн. центнеров против 82, овощей - 79 млн. центнеров против 132.

Истошение производительных сил деревни наиболее остро сказалось в резком уменьшении поголовья скота. Это произошло в результате не только самоуничтожения скота крестьянами, вступавшими в колхозы, но и установления непосильных норм заготовок животноводческой продукции. Предостережения местных работников о неизбежном снижении поголовья грубо игнорировались и осуждались вышестоящими органами. Например, в постановлении бюро Казахстанского крайкома, принятом в 1931 году, говорилось: "Крайком решительно осуждает тенденции отдельных районов и работников - не выполнить планы и ослабить темпы мясозаготовок ... под прикрытием разговоров о сокращении стада, о необходимости сохранения производственного скота"¹.

Пятилетний план предусматривал увеличение поголовья скота на 20-30 %. Вместо этого поголовье крупного рогатого скота сократилось с 60,1 млн. голов в 1928 году до 33,5 млн. в 1933 году, в том числе коров - с 29,3 до 19,4 млн., поголовье свиней - с 22 до 9,9 млн., овец и коз - с 107 до 37,3 млн., лошадей - с 32,1 до 14,9 млн. (в 1935 году). Даже за период войны и послевоенной разрухи (1941-46 годы) сокращение поголовья крупного рогатого скота составило 7 млн. голов, т. е. было вчетверо меньшим, чем за годы коллективизации.

Уцелевший скот находился в основном либо в личных подсобных хозяйствах колхозников, либо у единоличников. В конце 1932 года в колхозах было всего 2,6 млн. коров и даже к началу 1941 года - всего лишь 5,7 млн. из общего поголовья в 27,8 млн.

Гигантская убыль рабочего скота лишь в незначительной степени восполнялась тракторами и другими машинами. К концу 1932 года в колхозах, совхозах и МТС имелось всего 72 тыс. тракторов, 6 тыс. грузовых автомобилей и около 10 тыс. комбайнов (в США к началу 1930 года в сельском хозяйстве насчитывалось 1,3 млн. тракторов, около 800 тыс. автомашин и 45 тыс. комбайнов). Тракторный парк СССР в 1932 году располагал общей мощностью в 1,1 млн. лошадиных сил, а количество лошадей в стране сократилось с 1930 года по 1933 год на 13,6 млн.

¹ Вопросы истории. 1989. № 7. с. 58.

Последствия огромного урона, нанесённого сельскому хозяйству принудительной коллективизацией, ощущались на всём протяжении 30-х годов, когда среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции было ниже, чем в 1929 году.

Производительность труда в промышленности выросла за пятилетку на 41 % при плановом задании 110 %. Рост промышленного производства достигался в основном за счёт экстенсивных факторов. Среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве за первую пятилетку удвоилась и в 1932 году достигла 22,9 млн. человек вместо 15,8 млн. по плану. Средняя заработная плата также удвоилась (при плановом задании её роста на 50 %). Общий фонд зарплаты вырос, таким образом, вчетверо. Однако реальная заработная плата существенно упала, поскольку рост номинальной денежной заработной платы перекрывался ростом розничных цен.

При анализе итогов первой пятилетки Троцкий отмечал, что бюрократия освободила себя не только от политического контроля масс, на которых форсированная индустриализация ложилась невыносимым бременем, но и от автоматического контроля посредством рыночных механизмов и твёрдой денежной единицы. Денежная система, укреплённая в конце нэпа, снова оказалась расшатанной в корне. Финансовые прорехи плана заполнялись печатной бумагой. Были подняты все шлюзы инфляции. Если денежная эмиссия увеличилась с 0,7 млрд. руб. в начале 1925 года до сравнительно скромной суммы в 1,7 млрд. руб. к началу 1928 года (что было приблизительно равно бумажному обращению царской России, без прежней металлической базы)¹, то за 1928-32 годы объём денежной массы, находящейся в обороте, увеличился в пять раз. Следствием этого стало снижение покупательной способности рубля на 60 % и утрата его золотого содержания.

Заявление Сталина о выполнении пятилетнего плана за четыре года и три месяца Троцкий расценивал, как показатель того, что "цинизм бюрократии в обращении со статистикой и общественным мнением не знает пределов"².

Ещё в октябре 1932 года Троцкий предупреждал, что "о действительном завершении пятилетнего плана в четыре года (точнее, в четыре года и 3 месяца) сейчас не может быть и речи". Анализируя данные, публикуемые в советской печати, он подчеркивал, что они "имеют скорее формально-статистический, чем хозяйственно-учетный характер. Если довести постройку нового завода до 90 % готовности, а затем, в виду явного недостатка сырья, приостановить работу, то с точки зрения формально-статистической можно записать 90 % выполнения плана. С экономической же точки зрения произведённые расходы надо просто записать в графу потерь. Учет действительной эффективности (полезного действия) воздвигнутых и воздвигаемых предприятий, с точки зрения общегосударственного хозяйственного баланса, ещё целиком принадлежит будущему. Но и с точки зрения голого количества результаты, как они ни значительны сами по себе, очень далеки от плановых предначертаний"³.

¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. с. 61.

² Там же. с. 38.

³ Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. с. 3.

Ещё менее благоприятно выглядели бы показатели выполнения плана, если бы в них был внесён поправочный коэффициент на качество продукции. Высокие темпы промышленного роста достигались в результате административной погони за количеством, которая вела "к ужасающему снижению качества; низкое качество подрывает на следующем этапе борьбу за количество: расплата за экономически нерациональные "успехи" обычно во много раз превосходит самые эти успехи. Эту диалектику каждый развитый рабочий знает ныне не по книжкам Комакадемии (увы! тоже плохая продукция), а по практике собственных шахт, заводов, железных дорог, тепловых станций и пр."¹.

Особая недостоверность официальных итогов выполнения плана обнаружилась в области сельского хозяйства. "Успехи" в этой области советская печать обычно иллюстрировала ссылками на число коллективизированных хозяйств и гектаров. Эти ссылки Троцкий расценивал как недостойную насмешку над состоянием сельского хозяйства и взаимоотношениями города и деревни. В действительности заготовка продовольствия и сельскохозяйственного сырья, не став делом взаимовыгодного обмена между городом и деревней, на протяжении всей пятилетки оставалась "политической кампанией", "боевым походом", требовавшим каждый раз мобилизации государственного и партийного аппарата. Ссылаясь на статью "Правды", где говорилось, что "многие колхозы сопротивляются заготовкам, припрятывают хлеб", Троцкий писал: "Мы знаем, что означает в подобном контексте слово "многие". Если обмен между деревней и городом выгоден, то у крестьян не может быть основания "припрятывать хлеб"; если же обмен не выгоден, т. е. является результатом принудительного отчуждения, то все колхозы, а не многие стремятся припрятать хлеб, как и индивидуальные хозяева. Обязательствам крестьян по мясозаготовкам ныне официально придан характер натурального налога со всеми вытекающими отсюда репрессивными последствиями"². Всё это выступало неоспоримым свидетельством того, что, внешне продолжая полновластно командовать, бюрократия в сельском хозяйстве более, чем где-либо, оказывалась пленником своих ошибок.

Слепая и недальновидная политика в деревне, продолжавшая строиться на беспощадных репрессиях, явилась причиной охватившего страну массового голода.

¹ Там же. с. 4.

² Там же. с. 7.

XLVIII

Голод

Голод 1932-33 годов, принявший особенно страшные формы на Украине, Северном Кавказе, Нижней Волге и в Казахстане и сопоставимый по своим масштабам с голодом 1921-22 годов, отличался от последнего существенными особенностями. Во-первых, в 1921-22 годах советское правительство широко информировало о голоде свой народ и мировую общественность, обращалось к зарубежным правительствам и общественным организациям с просьбой о помощи и с благодарностью принимало эту помощь. При ВЦИК и во многих губерниях были созданы комитеты помощи голодающим; по всей стране был организован сбор средств для районов бедствия, в эти районы направлялись миллионы пудов зерна из государственных фондов. В отличие от этого, в 1932-33 годах голод полностью заматчивался. Сообщения зарубежной прессы о голоде опровергались, а предложения о помощи, идущие из-за рубежа, отклонялись.

Во-вторых, голод 1932-33 годов был искусственным голодом. Хотя обширные районы страны были охвачены засухой, урожай 1932 года в целом по стране был не намного ниже средних многолетних показателей и сам по себе не грозил массовым голодом. Валовый сбор зерна составил в 1932 году 69,9 млн. тонн - почти столько же, сколько в предшествующем, 1931 году (69,5 млн. тонн) и в следующем, 1933 году (68,4 млн. тонн). Однако заготовки зерна выросли в 1932 году почти вдвое по сравнению с 1928 годом. Рост хлебазаготовок требовался для того, чтобы накормить намного возросшее за годы индустриализации население городов. С этой задачей бюрократия справлялась с большими трудностями. В 1931/32 хозяйственном году численность лиц, получавших хлеб по карточкам, увеличилась по сравнению с предшествующим годом с 33,2 млн. до 40,3 млн. чел., а количество зерна, предназначенного для снабжения городов и рабочих поселков, выросло с 7,9 до 9,3 млн. тонн. В результате в городской местности нормы выдачи хлеба были уменьшены.

Тем не менее значительная часть товарного зерна продолжала вывозиться за границу. Если в 1928 году из страны было вывезено менее 100 тыс. тонн зерна (при валовом сборе зерновых, равном 73,3 млн. тонн), то в 1929 году - 1,3 млн., в 1930 - 4,8, в 1931 - 5,2 млн. тонн (при валовых сборах - соответственно 71,7, 83,5 и 69,5 млн. тонн). Таким образом, в 1930 и 1931 годах экспорт зерна увеличился в 50 раз по сравнению с 1928 годом. Вывоз зерна, хотя и в меньших масштабах, продолжался в 1932 году (1,8 млн. тонн) и 1933 году (около 1 млн. тонн).

Необходимость экспорта зерна сталинское руководство мотивировало тем, что только таким путём можно расплатиться за заказы машин и оборудования. В начале 30-х годов СССР стал крупнейшим в мире импортером этих товаров: удельный вес Советского Союза в их мировом импорте составил в 1930 г. 30 %, а в 1932 г. - 50 %. В результате за один только 1931 год внешний долг

СССР увеличился почти вдвое, а экспорт составил только 67 % валютной стоимости импорта.

Однако СССР расплачивался за машины не только хлебом. Более того, хлеб не был в годы первой пятилетки главной экспортной статьёй. Даже в 1930 году, когда удалось получить наибольшую выручку за экспортируемый хлеб (883 млн. руб.), продажа нефтепродуктов и лесоматериалов дала 1 млрд. 430 млн. руб., пушнины и льна - ещё почти полмиллиарда. В дальнейшем, в условиях охватившего все капиталистические страны экономического кризиса, цены на зерно резко упали на мировом рынке. Выручка за проданное в 1932-33 годах по демпинговым ценам зерно составила всего 369 млн. руб., тогда как за нефтепродукты и лесоматериалы - 1400 млн. руб. В 1933 году выручка от экспорта зерна составила лишь 8 % от общих экспортных доходов. Между тем и половины проданного в 1932-33 годы зерна хватило бы, чтобы спасти все районы страны от голода.

Правительство не сделало ни шага, чтобы сохранить зерно для прокорма голодающих деревень за счёт уменьшения его перегонки на водку. Ни один спиртоводочный завод не был остановлен. Сталин продолжал жёстко выдерживать установку, выдвинутую им в письме к Молотову в сентябре 1930 года: "Нужно, по-моему, увеличить (если возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки"¹. В государственные планы закладывалось увеличение водочных доходов. Так, в 1933 году было запланировано дополнительно получить от продажи водки 500 млн. руб.

При всём этом возникает вопрос: почему Сталин стал, по определению Ф. Раскольникова, *организатором* голода? Ответ на этот вопрос мы видим в том, что Сталин использовал неурожай 1932 года на Украине и в некоторых других районах в политических целях, для того, чтобы подавить последние вспышки сопротивления крестьянства насильственной коллективизации и принудительной организации труда в колхозах.

Уступки крестьянам весной 1932 года не только не ослабили напряжения в отношениях между крестьянством и государством, но вызвали во многих сельских районах реакцию, весьма сходную с той, которая возникла после статьи "Головокружение от успехов". Крестьяне восприняли снижение планов заготовок и разрешение продажи сельскохозяйственных продуктов на базарах по свободным ценам как признак ослабления власти. После постановления ЦК "О принудительном обобществлении скота" во многих районах они стали отказываться вообще сдавать скот государству. О том, какие формы приняло сопротивление скотозаготовкам на Дону, рассказывалось в письме Шолохова Сталину от 20 апреля 1932 года. Писатель сообщал, что "по хуторам происходила форменная война - сельисполнителей и других, приходивших за коровами, били чем попало, били преимущественно бабы и детишки (подростки), сами колхозники ввязывались редко, а где ввязывались, там дело кончалось убийством"².

¹ История СССР. 1990. № 4. с. 17.

² Документы свидетельствуют. с. 472.

О том, что легализация свободного крестьянского рынка привела к снижению не только мясо-, но и хлебозаготовок, свидетельствует тот факт, что в июле 1932 года хлебные заготовки составили всего 55 % от заниженного плана, утверждённого весной этого года. Надежды на ликвидацию милитаризованного режима на селе сказались и на поведении рабочих, недавно пришедших в города и на стройки из деревень: многие из них стали покидать промышленные предприятия и возвращаться в деревню.

В этих условиях Сталин объявил новый крестовый поход против крестьянства. Драконовские меры снова стали применяться при хлебозаготовках, но теперь уже прежде всего по отношению к недавно созданным колхозам, фактически объявившим новую "хлебную стачку", т. е. отказывавшимся сдавать хлеб государству по крайне низким закупочным ценам. В районах, охваченных засухой, государственные органы требовали от колхозов выполнения первоначального плана хлебозаготовок, а в случае отказа применяли жестокие репрессии: конфискацию зерна, находящегося в колхозных амбарах и дворах колхозников.

В октябре 1932 года для борьбы с "саботажниками" были направлены чрезвычайные комиссии ЦК. На Северном Кавказе такую комиссию возглавил Каганович. По возвращении из этой поездки он, как вспоминал Хрущёв, проинформировал верхушку Московского горкома о её результатах. "Оказывается, он выезжал в Краснодар потому, что там началась забастовка (как тогда говорили - саботаж). Кубанские казаки не хотели обрабатывать землю в колхозах, и в результате этой поездки были выселены в Сибирь целые станицы"¹. Только из трёх станиц было выселено всё их население, составлявшее 45 тыс. чел. Другие станицы заносились на "черную доску", что означало полное свертывание там государственной и кооперативной торговли, прекращение всякого подвоза товаров; полное запрещение продажи своих продуктов колхозникам и единоличникам; чистку колхозных, кооперативных и государственных аппаратов. Изобретённый Кагановичем метод "черных досок" стал широко применяться и в других охваченных недородом регионах.

Как и в прежние годы, репрессивные кампании против крестьянства сопровождались ударами по местному партийному активу, на этот раз обвинённому в "потворстве кулацкому саботажу". Только в Северо-Кавказском крае было исключено из партии 26 тыс. человек, или 45 % всех сельских коммунистов. При чистке сельских парторганизаций в первую очередь исключались председатели колхозов и секретари колхозных партийных ячеек.

В ряде районов применялись меры, превосходящие все прежние бесчинства на селе: депортация добросовестных единоличников и целых колхозов не только за то, что они не желали сеять хлеб, который должен был быть отобран у них фактически задаром, но и за то, что так поступали их соседи. Заявляя о "справедливости" подобных мер, первый секретарь Азово-Черноморского крайкома Шеболдаев говорил: "Нам могут сказать: "Как же раньше кулаков высылали, а сейчас речь идёт о целой станице, там есть и колхозы, и добросовестные единоличники, как быть?". Да, приходится ставить вопрос о целой

¹ Вопросы истории. 1990. № 3. с. 60.

станции, ибо колхозы, ибо колхозники, ибо действительно добросовестные единоличники в нынешней обстановке отвечают за состояние своих соседей¹.

Террор по отношению к крестьянству был широко развернут и в Сибири. Старая большевичка Дорофеева вспоминала, что в 1933 году она была включена в комиссию прокуратуры по проверке правильности применения статьи Уголовного кодекса о саботаже. Комиссия ехала в Новосибирск в салон-вагоне с коврами, пианино, отдельными купе для каждого. В Новосибирске секретарь Сибкрайкома Эйхе организовал членам комиссии шикарный отдых на загородной даче. Комиссия обнаружила, что с разрешения Сталина Эйхе подписывал огромные списки приговорённых к расстрелу по обвинению в саботаже, причем осуждённым запрещалось подавать апелляции. Саботажниками объявлялись, например, председатели колхозов, не выполнившие спущенные райкомами дополнительные задания по сдаче хлеба².

Свирепыми расправами с "саботажниками" не исчерпывались карательные меры по отношению к крестьянству. Крайняя продовольственная нужда в деревне вызывала, как отмечал один из корреспондентов "Бюллетеня оппозиции", "особые меры самосохранения, в виде сокрытия урожая: колхозники у самих себя воруют хлеб. Способов очень много: срезают по ночам незрелые колосья; срезают колосья в копнах и скирдах; плохо обмолачивают хлеб, сознательно оставляя значительную часть зерна в соломе; припрятывают, наконец, и обмолоченное зерно ... Рассматривать эти явления под одним лишь уголовным углом зрения невозможно уже в виду их массового характера. На самом деле перед нами экономическая реакция против чрезмерного и преждевременного коллективизирования"³.

Ответом на эту "экономическую реакцию" стал принятый в августе 1932 года закон "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности". По этому закону, написанному самим Сталиным, за хищение государственного, колхозного и кооперативного имущества предусматривался расстрел, который при смягчающих обстоятельствах мог быть заменён лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего личного имущества. Амнистия по такому рода делам была запрещена. Уже к началу 1933 года по "закону о трёх колосках", как назвали новый сталинский закон в народе, было осуждено около 55 тыс. чел. Из них 2100 человек были приговорены к высшей мере наказания. Приговоры были приведены в исполнение примерно в 1000 случаях⁴. Судьи заявляли, что у них "рука не поднимается" приговаривать к расстрелу "несунов", чаще всего женщин, добывавших пропитание для голодных детей.

За первый год действия закона только в Казахстане по нему было осуждено 33345 человек, в том числе 7728 колхозников и 5315 крестьян-единоличников. Помимо наказаний за "кражу" колхозного имущества, приговоры на 10 лет лишения свободы выносились, например, за использование колхозных лоша-

¹ Шеболдаев Б. П. Статьи и речи. 1931-1933. Ростов на Дону. 1934. с. 67.

² Социалистическая индустрия. 1989. 15 августа.

³ Бюллетень оппозиции. 1932. № 29-30. с. 15.

⁴ История СССР. 1990. № 5. с. 26.

дей для поездки по личным делам, за повреждение по недосмотру глаза колхозной лошади и т. д.¹.

Отражая отношение левой оппозиции к этому закону, корреспондент Бюллетеня писал: "За воровство коллективной собственности, даже если это картошка или хлеб, применяют высшую меру. Совершенно забыли о том, что воровство есть продукт условий, а не злой воли. Искоренение причин и воспитание заменяется грубой расправой. Двигаемся назад"².

Ещё одной мерой, направленной на подавление крестьянства, стало создание в начале 1933 года политотделов МТС - чрезвычайных органов, к которым фактически перешла власть в деревне.

Все эти меры в совокупности и вызвали массовый голод. Тщательное сокрытие сообщений о нем приводило к тому, что в районах, не охваченных голодом, большинство населения, включая даже крупных партийных функционеров, не знало о его действительных масштабах. В своих воспоминаниях Хрущёв писал о том, что в 1932-33 годах он не представлял, как может возникнуть голод на Украине, всегда бывшей самой плодородной житницей страны. Лишь впоследствии он узнал у Микояна, что в то время в Москву приезжал секретарь Киевского губкома партии Демченко, сообщивший о том, что в Киев пришёл из Полтавы поезд, нагруженный человеческими трупами. Охарактеризовав положение на Украине, как очень тяжёлое, Демченко высказал предположение, что "Сталин об этом, наверное, не знает", и попросил Микояна передать соответствующие факты Сталину. Комментируя этот рассказ, Хрущёв замечал: "Вот тоже характерная черта того периода, когда даже такой человек, как Демченко, член Политбюро ЦК КП(б) Украины ... не мог сам прийти (к Сталину - В. Р.), проинформировать и высказать свое мнение по существу. Уже складывалось ненормальное положение: один человек подавлял коллектив, другие перед ним трепетали. Демченко хорошо всё понимал, но он всё-таки решил рассказать Микояну, зная, что Микоян был в то время очень близким человеком к Сталину". Хрущёв признавал, что если бы ему тогда стало известно о масштабах голода, то он нашёл бы этому объяснение в духе сталинской пропаганды, возложив вину за голод на "саботаж" и "кулацкие проделки". "Только теперь видно, что нельзя было всё объяснять лишь этим: нужно было ещё и разумно руководить страной"³.

Конечно, не все коммунисты придерживались в то время, подобно Хрущёву, страусовой психологии и поведения. Например, Шолохов в 1933 году направил несколько писем Сталину, в которых сообщал о фактах насилий по отношению к крестьянству, о случаях пожирания людьми падали и т. п. "Примеры эти можно бесконечно умножить, - писал Шолохов. - Это - не отдельные случаи перегибов, это - узаконенный в районном масштабе "метод" проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытывали все эти "методы" на себе и после приходили ко мне с просьбами "прописать про это в газету". Шолохов просил

¹ Вопросы истории. 1989. № 7. с. 55-56.

² Бюллетень оппозиции. 1933. № 35. с. 26.

³ Вопросы истории. 1990. № 3. с. 61-62.

Сталина послать в Вешенский район людей, которые "по-настоящему бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные "методы" пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это".

Сталин ответил Шолохову, что его сообщения "вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма". Однако вслед за этим Сталин утверждал, что Шолохов не видит "другую сторону", состоящую в том, что "уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района), проводили "итальянку" (саботаж!) ... по сути дела вели "тихую" войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов"¹.

Представления об отношениях колхозников и государства как о "войне на измор" были изложены в выступлении Сталина на объединённом заседании Политбюро и Президиума ЦИК 27 ноября 1932 года, где он объяснял трудности в поставке хлеба "проникновением в колхозы и совхозы антисоветских элементов", сознательно организующих саботаж, а также тем, что многие сельские коммунисты "слишком идеализируют колхозы"².

Приведя эти слова Сталина в речи на объединённом пленуме ЦК и ЦКК (январь 1933 года), Каганович заявлял, что в деревне занимаются вредительской работой и разлагают колхозы изнутри "во-первых, часть невыселенных кулаков; во-вторых, зажиточные крестьяне, перерастающие в кулачество и тесно смыкающиеся с ним; в-третьих, сбежавшие из ссылки и скрывающиеся у своих родственников, а порою и у "сердобольных" членов партии, имеющих партийные билеты в кармане, а на деле являющихся предателями интересов трудящихся. И наконец, представители буржуазной - белогвардейской, петлюровской, казачьей, эсеровской и прочей интеллигенции ... Кулацкое влияние захватило даже отдельные группы сельских коммунистов, руководителей колхозов и станиц"³.

Эти утверждения, возлагавшие вину за "саботаж" на уже практически ликвидированных кулаков, маскировали новый всплеск массовых крестьянских восстаний, для подавления которых применялись вооружённые силы вплоть до военной авиации. Как вспоминал хорошо информированный А. Орлов, при этом было много случаев перехода мелких армейских подразделений на сторону восставших крестьян. Отвечавший за проведение карательных операций заместитель председателя ОГПУ Фриновский докладывал на заседании Политбюро, что в реках Северного Кавказа плыли по течению тысячи трупов красноармейцев - так велики были потери воинских подразделений, посланных на подавление восстаний. Десятки тысяч участников этих восстаний были расстреляны, сотни тысяч - отправлены в ссылку и концлагеря⁴.

Особенно напряжённое положение сложилось на Украине, где антиколхозные настроения крестьян использовались националистическими, сепаратист-

¹ Правда. 1963. 10 марта.

² Большевик. 1933. № 1-2. с. 19.

³ Там же. с. 20.

⁴ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Огонёк. 1989. № 47. с. 18.

скими элементами. Ещё в 1929-30 годах крестьянские восстания нередко проходили под лозунгами "За самостийную Украину"¹. В начале 30-х годов возникли подпольные националистические организации "Союз освобождения Украины" (СВУ), "Украинский национальный центр" и "Украинская войсковая организация"², возглавляемые ярыми антикоммунистами, последышами петлюровцев и предшественниками бандеровцев. В борьбе с этими действительно антисоветскими силами Сталин сфабриковал новую амальгаму - мнимый союз этих организаций с коммунистической и беспартийной интеллигенцией, выступавшей против "русификации" украинской культуры и группировавшейся вокруг старейшего большевика, наркома просвещения УССР Скрыпника.

Засуха 1932 года на Украине пришлось Сталину как нельзя более кстати, позволив подорвать массовую базу антиколхозных движений, "взять на измор" целые районы республики. Половина смертей в стране от голода 1933 года пришлось на Украину.

Массовому голоду в республике предшествовало несколько карательных экспедиций Молотова и Кагановича. Ещё до созревания урожая 1932 года Сталин направил их для участия в III конференции КП(б)У, на которой был утверждён завышенный план хлебозаготовок. Однако в результате существенного недосева зерновых культур, низкого урожая из-за засухи и нежелания крестьян отдавать хлеб за бесценок этот план был выполнен к 25 октября лишь на 39 %. В конце октября на Украину прибыла чрезвычайная комиссия во главе с Молотовым, а в декабре - Каганович. Под их давлением Политбюро ЦК КП(б)У приняло целый ряд постановлений, предусматривавших репрессивные меры по отношению к единоличникам, колхозникам, руководителям колхозов, местных партийных и советских органов. Председателю Украинского ГПУ Реденсу было поручено разработать совместно с первым секретарем ЦК КП(б)У Косиором оперативный план ликвидации "основных кулацких и петлюровских контрреволюционных гнезд"³.

В начале декабря 1932 года Косиор доложил Сталину о том, что за предыдущий месяц было арестовано около двух тысяч председателей, членов правлений, счетоводов и других работников колхозов и передано в суды 206 групповых дел "кулацких и антисоветских элементов".

Под давлением Кагановича была принята директива Политбюро ЦК КП(б)У, предписывавшая колхозам, не выполнившим план хлебозаготовок, сдать всё имеющиеся у них зерно, включая семенные фонды.

Попытки руководителей голодающих областей и районов выделить колхозам зерно из государственных фондов свирепо пресекались Сталиным. Один из немногих партийных руководителей, выживших в сталинских лагерях, Н. Я. Терехов вспоминал, как его просьбу о выделении хлеба голодающим деревням Харьковщины Сталин оборвал злобным выпадом: "Нам говорили, что вы, товарищ Терехов, хороший оратор, оказывается, вы хороший рассказчик -

¹ Васильев В. Крестьянские восстания на Украине. 1929-1930 годы. Свободная мысль. 1992. № 9. с. 74-75.

² Авторханов А. Технология власти с. 277.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. с. 130-131.

сочинили такую сказку о голоде, думали нас запугать, но - не выйдет! Не лучше ли вам оставить посты секретаря Харьковского обкома и ЦК КП(б)У и пойти в Союз писателей: будете сказки писать, а дураки будут читать"¹.

Сталин не только запретил особоуполномоченным из Москвы и украинским руководителям оказывать колхозникам помощь даже в обеспечении зерном для посева, но разослал в конце 1932 года циркуляр, в котором объявил руководителей одного из районов на Украине, разрешивших оставить колхозам зерно для посевного и страхового фондов, "обманщиками партии и жуликами, которые искусно проводят кулацкую политику". Таких работников Сталин требовал "немедля арестовать и наградить их по заслугам, то есть дать им от 5 до 10 лет тюремного заключения каждому"².

Лишь в феврале 1933 года, когда голод на Украине и Северном Кавказе принял гигантские масштабы, а колхозные закрома перед посевной кампанией оказались пустыми, был принят указ ЦИК и СНК "О помощи в севе колхозам Украины и Северного Кавказа", согласно которому этим регионам выделялась семенная ссуда.

Только 15 марта 1933 года Косиор решился сообщить Сталину, что "всего по регистрации ГПУ на Украине охвачено голодом 103 района". В донесении начальника Киевского облотдела ГПУ говорилось, что имеющиеся в распоряжении ГПУ цифры о жертвах голода "значительно уменьшены, поскольку райаппараты ГПУ учета количества голодающих и опухших не ведут, а настоящее количество умерших нередко неизвестно и сельсоветам"³.

В самый разгар голода, в феврале 1933 года, был созван первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников, на котором о голоде не было сказано ни слова. Более того, в речи на этом съезде Сталин заявил колхозникам, что главные трудности в деле колхозного движения уже пройдены, а "те трудности, которые стоят перед вами, не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них. Во всяком случае, в сравнении с теми трудностями, которые пережили рабочие лет 10-15 тому назад, ваши нынешние трудности, товарищи колхозники, кажутся детской игрушкой". Далее Сталин утверждал, что благодаря колхозам не менее 20 млн. крестьян спасены от нищеты и разорения и превращены "в обеспеченных людей ... Это такое достижение, какого не знал ещё мир и какого не достигало ещё ни одно государство в мире". Наконец, Сталин обещал, что "мы ... в какие-нибудь 2-3 года поднимем всех колхозников ... до уровня зажиточных, до уровня людей, пользующихся обилием продуктов и ведущих вполне культурную жизнь"⁴.

Все эти фарисейские слова прозвучали в то время, когда сотни тысяч голодающих крестьян бросались в города в поисках хоть какого-то пропитания. Их путь преграждали на железнодорожных станциях заградительные отряды, не выпускавшие людей из охваченных голодом районов. Те же, кто всё-таки добирался до города, не могли получить хлеб и там, поскольку он продавался

¹ Правда. 1964. 26 мая.

² Правда. 1988. 16 сентября.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. с. 131.

⁴ Сталин И. В. Соч. с. 13. с. 243, 247, 249.

только по продовольственным карточкам или по крайне высоким ценам в коммерческих магазинах. В Киеве, Харькове, Ташкенте, многих других городах, даже в Москве каждое утро специальные команды собирали трупы вконец истощённых людей. В то же время даже за упоминание о "голоде на юге" людей арестовывали как за "контрреволюционную агитацию".

Разумеется, полностью замолчать голод было невозможно. Поэтому была предпринята акция, призванная возложить вину за голод на вредительскую деятельность работников центральных сельскохозяйственных наркоматов. В печати было опубликовано сообщение о суде над 75 работниками Наркомзема и Наркомсовхозов - "выходцами из буржуазных и помещичьих классов", которые были обвинены во вредительской работе в сельском хозяйстве "с целью подорвать материальное положение крестьянства и создать в стране состояние голода". 35 человек были приговорены к расстрелу, остальные - к длительным срокам тюремного заключения¹.

Только весной 1933 года Сталин решил остановить террор, на протяжении предшествующих пяти с лишним лет прокатывавшийся по деревне. 8 мая всем партийным, советским и правоохранительным органам была направлена секретная директива за подписью Сталина и Молотова, в которой признавалось наличие в деревне беззакония и произвола. В ней прямо говорилось о том, что "массовые беспорядочные аресты" производятся председателями и членами правлений колхозов, председателями сельсоветов и секретарями партийных ячеек, районными и краевыми уполномоченными. "Арестовывают все, кому не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. Неудивительно" что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: "Сначала арестовать, а потом разобраться". Таким образом, вина за репрессии вновь была возложена на местных работников, которые "цепляются за отжившие формы работы", тогда как теперь "мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников".

Директива запрещала производить аресты "лицам, на то не уполномоченным по закону", и заключать людей под стражу до суда за маловажные проступки. В ней предписывалось освободить 400 тысяч арестованных или половину от общего контингента лиц, содержащихся в то время в тюрьмах и следственных изоляторах.

Констатируя, что в ЦК и СНК имеются заявки с мест на немедленное выселение из сельской местности ещё около ста тысяч семей, директива требовала "немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян". При этом, однако, оговаривалось, что выселения должны производиться и впредь, но "только в индивидуальном и частичном порядке и в отношении только тех хозяйств, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок". На этом основании инструкцией "допускалось" вы-

¹ Известия. 1933. 12 марта.

селение ещё 12 тыс. хозяйств и давалась соответствующая "разнарядка" по республикам и районам¹.

В то время как официальная сталинская пропаганда и "друзья СССР" за рубежом называли все сообщения о голоде клеветой, "Бюллетень оппозиции" сообщал о новых сталинских преступлениях и о постыдном отношении правящей бюрократии к голодающим. Уже в 1932 году корреспондент "Бюллетеня" писал, что "голод принимает самые острые формы, особенно тяжело на Украине: были случаи падения людей на улице от истощения"². Другой корреспондент рассказывал, что "на Северном Кавказе и на Украине хлебозаготовки, как и сельскохозяйственные операции проводятся под страшным нажимом. Беспощадные репрессии охватывают всё более широкие круги крестьян, в том числе и местных коммунистов"³.

В письме о своей поездке на Украину автор "Бюллетеня" описывал разительные социальные контрасты, особенно выпукло выступившие в период массового голода. "В Москве, т. е. в наиболее привилегированном и лучше снабжённом городе за много месяцев не увидишь того, чем в несколько дней поражает провинция ... В дороге, повсюду непрерывные картины ужасающей нищеты. Всё напоминает период гражданской войны ... Люди лежат в течение многих дней на вокзалах; мужчины, женщины, дети, все вместе, вповалку ... Куда они едут? Зачем? Где-то можно купить картошку, хлеба, где-то происходят работы, где-то на фабрике лучшее снабжение. Всё вертится во всяком случае вокруг хлеба насущного. Из-за него люди берут на себя чудовищное страдание этих поездок. "Вожди" и бюрократы называют их презрительно "летунами", "кулаками", "спекулянтами", иногда просто крестьянами, что должно значить, что их голод потому не существенен, что они ещё не настоящие пролетарии, между тем этих людей надо ... накормить. Эти "спекулянты" - спекулируют только для получения куска хлеба. Эти "летуны" летают на другой завод из-за того же куска хлеба"⁴.

В отчёте о поездке в СССР в составе первомайской делегации иностранный коммунист так описывал свои впечатления: "Много крестьян с узелками (в лохмотьях), пришедших или приехавших из деревни. Многие сидят на тротуарах, загромождая своими узлами путь. Они ждут. Чего?.. Когда переводчиков спрашивают, кто эти ободранные, изнемождённые люди, они неизменно отвечают: "кулаки". Далее автор письма описывал свой разговор с советским коммунистом. "Все эти люди, которых вы видите слоняющимися по улицам, - говорил тот, - это крестьяне, покинувшие деревню. Не верно, что это только кулаки ... Я видел колхозников, совершенно изголодавшихся и в отчаянии, они с тоской рассказывают, как они когда-то молоко пили; я видел изгнанных из колхозов старух и стариков за то, что они не в состоянии выполнить норму ... Они продают постепенно всё, что у них есть, чтоб поставить требуемое (речь шла о государственных поставках, которым был придан характер обязатель-

¹ История СССР. 1990. № 6. с. 41-42.

² Бюллетень оппозиции. 1932. № 31 с. 23.

³ Бюллетень оппозиции. 1933. № 33 с. 26.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1933. №35. с. 26.

ных налогов - В. Р.), и всё недостаточно. И тогда они идут в город; и вот они здесь на улице, не зная, что делать дальше". В письме рассказывалось и о том, как реагирует на голод бюрократия: "На вопросы о голоде сытый бюрократ показывает, что он и знать не хочет, что другие голодают. "Как будто у нас голодают! Кто голодает - кулак"¹.

Называя массовый голод и другие бедствия, постигшие крестьянство, непосредственными результатами сталинских методов коллективизации, Троцкий писал, что "гибель людей - от голода, холода, эпидемий, репрессий - к сожалению, не подсчитана с такой точностью, как гибель скота; но она также исчисляется миллионами"^{2*}. Вина за эти жертвы ложится не на коллективизацию, а на слепые, азартные и насильнические методы её проведения"³.

Отмечая, что "никогда ещё дыхание смерти не носилось так непосредственно над территорией Октябрьской революции, как в годы сплошной коллективизации", Троцкий перечислял наиболее страшные сталинские акции и их разрушительные последствия: "Недовольство, неуверенность, ожесточение разъедали страну. Расстройство денежной системы; нагромождение твёрдых цен, "конвенционных" и цен вольного рынка; переход от подобия торговли между государством и крестьянством к хлебному, мясному и молочному налогам; борьба не на жизнь, а на смерть с массовыми хищениями колхозного имущества и с массовым укрывательством таких хищений; чисто военная мобилизация партии для борьбы с кулацким саботажем после "ликвидации" кулачества как класса; одновременно с этим: возвращение к карточной системе и голодному пайку, наконец, восстановление паспортной системы - все эти меры возродили в стране атмосферу, казалось, давно уже законченной гражданской войны"⁴.

Троцкий неоднократно подчеркивал, что деревню постигли наиболее тяжёлые последствия сталинского авантюристического курса, продолжавшегося на протяжении всей первой пятилетки, и что насильственная коллективизация нанесла огромное поражение делу социализма. Не менее страшным поражением мирового коммунистического движения он считал захват власти в Германии фашизмом, путь которому был проложен сектантской политикой сталинизированного Коминтерна.

¹ Там же. с. 27-28.

² По оценкам современных советских и зарубежных исследователей, число жертв голода 1932-33 годов составило 3-4 млн. чел.; помимо этого, 2 млн. чел. - скотоводов Казахстана откочевало за пределы страны (История СССР. 1990. № 5. с. 27).

³ Троцкий Л. Д. Преданная революция. с. 37.

⁴ Там же. с. 37-38.

XLIX

Теория "социал-фашизма" и приход к власти Гитлера

С конца 20-х годов Сталин осуществил авантюристический ультралевый поворот не только внутри страны, но и в международном коммунистическом движении, которому была навязана т. н. "теория третьего периода". В соответствии с этой "теорией", после Октябрьской революции, вслед за "первым периодом" (революционный подъём 1918-1923 годов) и вторым периодом (относительная стабилизация капитализма в 1924-1928 годах) наступил период непосредственных революционных боёв за установление диктатуры пролетариата в капиталистических странах.

С этой теорией, обещавшей скорый и окончательный крах капитализма, была связана активизация тезиса о "социал-фашизме" как главной силе, задерживающей этот крах путём торможения боевой активности рабочего класса. В октябре 1928 года Сталин обвинил коммунистов, оспаривавших сектантский лозунг "класс против класса" или не желавших заострять вопрос о борьбе с левой социал-демократией, в стремлении "приспособить коммунизм к социал-демократизму"¹.

В резолюции X пленума ИККИ (июль 1929 года) "социал-фашизм" был объявлен "особой формой фашизма в странах с сильными социал-демократическими партиями"². Редактируя документы пленума, Сталин внёс в них следующее добавление: "Пленум ИККИ предлагает обратить особое внимание на усиление борьбы против "левого" крыла социал-демократии, задерживающего процесс распада соц.-демократии путём сеяния иллюзий об оппозиционности этого крыла к политике руководящих с.-дем. инстанций, а на деле всемерно поддерживающего политику соц.-фашизма"³. Такая установка была ложной уже в силу того, что никакого "распада" социал-демократии не происходило. В 1928 году компартии капиталистических стран насчитывали в своих рядах 583 тыс. чел. (в 1921 году - 1 млн. 516 тыс., т. е. почти втрое больше), тогда как партии Социалистического Интернационала - 6 млн. 637 тыс. чел., на 350 тыс. больше, чем в 1923 году.

Честные коммунисты, наблюдавшие реальную расстановку политических сил в капиталистических странах, указывали Сталину на абсурдность отождествления социал-демократии с фашизмом. В июне 1929 года народный комиссар иностранных дел Чичерин направил Сталину письмо, в котором называл "крики о социал-фашизме" нелепым вздором и предупреждал, что основывать политику на подобных ложных установках - "значит вести Коминтерн к

¹ Сталин И. В. Соч. т. 11. с. 225.

² Коммунистический Интернационал в документах. с. 880.

³ Политическое образование. 1989. № 1. с. 81.

гибели"¹. Спустя год Чичерин был снят со своего поста и отстранён от всякой политической деятельности.

Установка на нанесение главного удара по социал-демократии и особенно по её левым элементам как "маскирующимся" и поэтому более опасным врагам рабочего класса, чем его открытые враги - фашисты, была закреплена на XVI съезде ВКП(б), где Молотов выдвинул задачу "всемерного отпора наступающему фашизму и социал-фашизму"². Несколькими месяцами ранее Сталин вписал в проект первомайского воззвания ИККИ слова о том, что против Советского Союза готовят интервенцию не только капиталистические государства, но "и их прислужники из лагеря социал-демократов ..."³.

XI пленум ИККИ (март-апрель 1931 года) охарактеризовал развитие социал-демократии как "непрерывный процесс эволюции к фашизму", и назвал социал-демократические партии "активным фактором и проводником фашизации капиталистического государства"⁴. В проект тезисов доклада Мануильского на XI пленуме Сталин вписал: "Разоблачение социал-демократии, разоблачение II Интернационала, высвобождение рабочих масс из-под влияния социал-демократии, изоляция и преодоление социал-демократии есть очередная задача коммунистических партий, без разрешения которой невозможна успешная борьба пролетариата за свое освобождение от цепей капитализма"⁵. Таким образом, документы Коминтерна исключали всякую возможность союза между коммунистическими и социал-демократическими партиями с целью создания единого рабочего фронта против наступления фашизма.

Разумеется, коммунистов и социал-демократов разделяли очень глубокие политические противоречия, выражавшиеся прежде всего в установке на революционное свержение капиталистического строя у первых и на реформистское "улучшение" капитализма - у вторых. Коммунисты, в том числе левая оппозиция, беспощадно осуждали и предательство вождей II Интернационала в 1914 году, поддержку ими "своих" буржуазных правительств в первой мировой войне, и кровавое подавление в 1918 году социал-демократическими лидерами революционных выступлений немецкого пролетариата, убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург, и антибольшевистскую пропаганду, которую вела международная социал-демократия, начиная с первых дней Советской власти. После раскола II Интернационала социал-демократические партии оставались более многочисленными и более влиятельными, чем коммунисты, партиями в большинстве стран Западной Европы. В некоторых из этих стран (например, в Англии, Германии) они стали в 20-е годы правящими партиями и в качестве таковых проводили враждебную политику по отношению к СССР. Наконец, вожди правых социал-демократов, наряду со сталинистами, препятствовали преодолению раскола рабочего движения, руководствуясь своими политическими соображениями: опасениями, что в обстановке левой радикализации масс ком-

¹ Там же.

² XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). с. 420.

³ Вопросы истории. 1989. № 9. с. 7.

⁴ Коммунистический Интернационал в документах. с. 957, 961.

⁵ Вопросы истории. 1989. № 9. с. 7.

мунисты в случае установления единого рабочего фронта перехватят политическую инициативу и укрепят свое влияние среди рабочего класса.

В этих условиях Троцкий оказался единственным деятелем рабочего движения, который понял, что перед лицом угрозы, которую фашизм несёт судьбам человечества, его цивилизации и культуре, противоречия между коммунистами и социал-демократами должны отойти на второй план. Не отказываясь от своих прежних критических оценок социал-реформизма, он повёл непримиримую борьбу против теории "социал-фашизма", дезориентирующей коммунистические партии и изолирующей их от социал-демократических рабочих. Подчеркивая, что фашизм представляет антидемократическую, мракобесную силу, непримиримо враждебную не только коммунистам, но и социал-демократам, он указывал, что руководство Коминтерна, отождествляющее социал-демократию с фашизмом, заменяет революционную политику демагогической бессильной бранью. "Пытаясь одним ударом разрешить задачу овладения массами, VI конгресс усыновил теорию "социал-фашизма", - писал он в 1930 году. - ... В тех странах, где фашизм представляет собою силу, т. е. прежде всего в Италии, затем в Австрии и Германии, социал-демократии не стоит большого труда показать массам не только различие, но и враждебность между нею и фашизмом"¹. По поводу решений Коминтерна, запрещающих совместные выступления коммунистов и социал-демократов, Троцкий писал: "Как можно отказываться от практических соглашений с реформистами в тех случаях, когда они, например, руководят стачками?.. Столь же невозможно преграждать себе дорогу к практическим соглашениям с реформистами - не только с социал-демократической массой, но во многих случаях и с её вождями... в борьбе против фашизма"².

Троцкий указывал, что в Германии и Австрии политический кризис выдвигает на передний план не борьбу коммунистов с "социал-фашизмом", а столкновение между фашизмом и социал-демократией. Формула социал-фашизма, лишённая какого бы то ни было содержания, не вскрывает, а затушевывает этот реальный конфликт и облегчает победу фашистских сил, в случае которой произойдёт не только физическое истребление коммунистов, но и беспощадный разгром всех социал-демократических организаций. Поэтому сближение между коммунистами и социал-демократией для борьбы с фашизмом становится самым настоятельным требованием времени. "Отождествлять социал-демократию и фашизм в то время, как социал-демократические рабочие смертельно ненавидят фашизм, а вожди столь же смертельно боятся его, значит идти наперекор реальным политическим отношениям"³.

В противовес установкам Коминтерна, запрещавшего коммунистам "использовать совершенно реальный и глубокий антагонизм между национальной социал-демократией и национальным фашизмом"⁴, Троцкий призывал европейские коммунистические партии, особенно германскую, проводить полити-

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 10. с. 4.

² Бюллетень оппозиции. 1930. № 8. с. 19.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 7. с. 26.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1932. № 28. с. 7.

ку единого фронта, т. е. предложить социал-демократам и руководимым ими профессиональным союзам программу совместной борьбы против наступления фашизма. В ответ на этот призыв коминтерновские чиновники обвиняли Троцкого и поддерживающие его группы левой оппозиции в капиталистических странах в "идеализации" социал-демократии.

27 апреля 1931 года Троцкий направил письмо в Политбюро ЦК ВКП(б), в котором указывал на важное значение революции, развертывающейся в Испании, призывал к достижению единства революционных сил в этой стране и предупреждал, что в противном случае неизбежно поражение революционных сил, которое "почти автоматически приведет к установлению в Испании настоящего фашизма в стиле Муссолини"¹. Это письмо Сталин переслал членам Политбюро в сопровождении озлобленной записи: "Думаю, что господина Троцкого, этого пахана и меньшевистского шарлатана, следовало бы огреть по голове через ИККИ. Пусть знает свое место". Члены Политбюро оставили приписки с согласием на это предложение. Молотов написал: "Предлагаю не отвечать. Если Троцкий выступит в печати, то отвечать в духе предложения т. Сталина"².

С теорией "социал-фашизма" была тесно связана установка Коминтерна на отказ от противопоставления фашизма буржуазной демократии и парламентским формам политической деятельности. Такая постановка вопроса игнорировала стремление фашизма ликвидировать все демократические институты, права и свободы, завоеванные многолетней борьбой рабочего класса в передовых капиталистических странах.

Критикуя эту авантюристическую установку, Троцкий писал, что она препятствует коммунистам завоевать на свою сторону большинство рабочего класса. Для того, чтобы убедить рабочий класс и повести его за собой, требуется охранять "все элементы рабочей демократии в капиталистическом государстве"³.

К "элементам рабочей демократии" Троцкий относил прежде всего политические организации и печатные органы, как коммунистические, так и социал-демократические, по которым фашисты готовились нанести уничтожающий удар. Он подчеркивал, что фашистские партии смогут "осуществить свою задачу, только подавив сопротивление пролетариата и упразднив все возможные органы такого сопротивления. В этом историческая функция фашизма"⁴. Поэтому он призывал немецких коммунистов "звать к обороне тех материальных и духовных позиций, которые успел завоевать для себя в германском государстве рабочий класс"⁵. Для этого следует открыто сказать социал-демократическим, христианским и беспартийным рабочим: "Фашисты, небольшое меньшинство, хотят низвергнуть нынешнее правительство, чтоб захватить власть ... Мы готовы вместе с вами защищать любой рабочий дом, лю-

¹ Бюллетень оппозиции. 1931. № 21-22. с. 17.

² Волкогонов Д. А. Троцкий. т. 2. с. 297.

³ Бюллетень оппозиции. 1931. № 24. с. 11.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1932. № 29-30. с. 30.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1930. № 17-18. с. 53.

бую типографию рабочей газеты от нападения фашистов. И мы требуем от вас, чтобы вы обязались придти нам на помощь в случае угрозы нашим организациям. Мы вам предлагаем единый фронт рабочего класса против фашистов. - Чем тверже и настойчивее мы будем проводить эту политику, применяя её ко всем вопросам, тем труднее будет фашистам застигнуть нас врасплох"¹.

С 1930 года Троцкий неустанно доказывал, что захват власти фашизмом в Германии, переживающей грандиозный экономический и политический кризис, становится всё более реальной опасностью. Анализируя итоги выборов в рейхстаг в сентябре 1930 года, он призывал коммунистов не испытывать иллюзий в связи с тем, что компартия получила на них около 4600 тыс. голосов против 3300 тыс. в 1928 году. Он напоминал, что в 1924 году, когда волна революционного движения падала, компартия получила больший процент голосов рабочих, чем в 1930 году, когда в стране сложилась революционная ситуация. Кроме того, "выигрыш компартии совершенно бледнеет перед скачком фашизма от 800 тыс. голосов к 6400 тыс.". Этот скачок свидетельствует о том, что "под ударом кризиса мелкая буржуазия качнулась не в сторону пролетарской революции, а в сторону самой крайней империалистской реакции, увлекая за собою значительные слои пролетариата"².

Троцкий обращал внимание на то, что социал-демократическая партия остается партией, пользующейся наибольшим влиянием в Германии (в сентябре 1930 года за неё проголосовало более 8,5 млн. чел.). Фашизм выступает смертельной угрозой для её существования, поскольку он неминуемо уничтожит парламентско-демократические методы, на которых она строит свою работу. Поэтому продолжение "ложной политики компартии, нашедшей свое высшее выражение в нелепой теории социал-фашизма"³, может в короткий срок привести к губительному результату. Эта политика способствует росту недоверия к коммунистам со стороны миллионов социал-демократических рабочих, их сплочению вокруг вождей социал-демократии. Политика же единого фронта с социал-демократией, борьба за защиту демократических завоеваний трудящихся не только подрывает позиции фашизма, но и открывает перед коммунистической партией огромные возможности для упрочения своего влияния в массах. "Условием успеха является, однако, отказ от теории и практики "социал-фашизма", вредность которой становится в настоящих условиях прямо-таки угрожающей"⁴.

Отвергнув эту порочную теорию и практику, коммунисты смогут заключить соглашение с социал-демократическими организациями. При этом единый фронт коммунистов с социал-демократическими и беспартийными рабочими против фашистской опасности должен строиться таким образом, чтобы проводить тактику обороны. Такая тактика диктуется тем, что, несмотря на чудовищный кризис капиталистической системы и на рост коммунистических сил, компартия ещё слишком слаба для того, чтобы форсировать революцион-

¹ Бюллетень оппозиции. 1931. № 24. с. 10-11.

² Бюллетень оппозиции. 1930. № 17-18. с. 46.

³ Там же. с. 51.

⁴ Там же. с. 52.

ную развязку. В то же время фашисты, "благодаря своему головокружительному успеху, благодаря мелкобуржуазному, нетерпеливому и не дисциплинированному составу своей партии, склонны будут в ближайший период зарываться по части наступления". Чем больше в глазах трудящихся фашисты будут выглядеть наступающей стороной, а коммунисты и их союзники - обороняющейся, "тем больше у нас будет шансов не только разгромить наступление фашистов, но и перейти самим в успешное наступление"¹.

Игнорируя все эти предостережения и прогнозы, руководство германской компартии продолжало вести сектантскую политику, допуская всё новые и новые ошибки. В июле 1931 года ЦК ГКП обратился с рядом ультимативных требований к социал-демократическому правительству Пруссии, угрожая в случае их отклонения принять участие в затеянном гитлеровцами референдуме, направленном на свержение этого правительства. Когда социал-демократы отклонили этот ультиматум, то под давлением Сталина и Молотова компартия приняла участие в референдуме. Оценивая результаты этой акции, Политсекретариат ИККИ 18 сентября писал, что в результате вмешательства коммунистической партии референдум превратился в орудие борьбы "против демократических иллюзий масс ... против германской социал-демократии, являющейся основной социальной опорой германской буржуазии в её борьбе за капиталистический выход из кризиса"².

В действительности же референдум позволил гитлеровской партии резко усилить свое влияние. Фактически оказалось, что коммунисты выступили против социал-демократов в блоке с самой реакционной политической силой. Оценивая это событие, Троцкий замечал, что сталинская бюрократия обратилась к верхушке социал-демократии с предложением на известных условиях единого фронта против фашизма. Когда же социал-демократия отвергла эти условия, сталинцы "создали единый фронт с фашистами против социал-демократии ... Так эти люди, даже не замечая того, что делают, ниспровергли свою метафизику единого фронта *"только снизу"* посредством самого нелепого и самого скандального опыта единого фронта *"только сверху"*, неожиданно для масс и против воли масс". Этот факт выступил новым подтверждением того, что "подобно своему учителю Сталину, берлинские ученики ведут политику с потушенными фонарями"³.

Тем временем экономический и политический кризис в Германии всё более обострялся. В начале 30-х годов в стране насчитывалось 1,5 миллионов безработных, получавших чисто символическое пособие. Страна находилась в фактической готовности к гражданской войне. Основные политические силы имели свои массовые военизированные организации: коммунисты - Рот фронт, социал-демократы - шуцбунд, нацисты - отряды штурмовиков.

В этих условиях коммунистическая партия Германии продолжала руководствоваться сталинской формулой о необходимости "смертельного боя" с социал-демократией. Осенью 1932 года руководство Коминтерна отвергло предло-

¹ Там же. с. 53.

² Вопросы истории. 1989. № 9. с. 9.

³ Бюллетень оппозиции. 1931. № 24. с. 3, 6.

жение Димитрова обратиться к немецким рабочим без различия их партийной принадлежности с призывом создавать совместно избранные органы для общих боевых выступлений против фашизма.

Вспоминая это время, известный советский публицист Эрнст Генри писал: "Слова Сталина были таким же приказом Коминтерну, как его указания Красной Армии или НКВД. Они разделили рабочих друг от друга как бы баррикадой... Старые социал-демократические рабочие повсюду были не только оскорблены до глубины души, они были разъярены. Этого коммунистам они не простили. А коммунисты, стиснув зубы, выполняли приказ "о смертном бое". Приказ есть приказ, партийная дисциплина - дисциплина. Везде, как будто спятив с ума, социал-демократы и коммунисты неистовствовали друг против друга на глазах у фашистов. Я хорошо это помню. Я жил в те годы в Германии и никогда не забуду, как сжимали кулаки старые товарищи, видя, как дело идёт прахом,.. как теория социал-фашизма месяц за месяцем, неделя за неделей прокладывает дорогу Гитлеру. Сжимая кулаки, ... шли навстречу смерти, уже поджидавшей их в эсесовских застенках"¹.

К этому можно прибавить, что Коминтерн и ЦК германской компартии давали немецким коммунистам противоречащие друг другу директивы, крайне неадекватно отражавшие соотношение политических сил и перспективы дальнейшего развития событий. На XI пленуме ИККИ Тельман утверждал, что фашизм достиг своей кульминационной точки и отныне будет быстро разваливаться. "Мы трезво и твёрдо установили, - заявлял он, - что 14 сентября (1930 года - день выборов в рейхстаг - В.Р.) было, в известном смысле, лучшим днем Гитлера и что дальше последуют не лучшие, а худшие дни. Та оценка, которую мы давали развитию этой партии, подтверждена событиями"².

Когда же фашизм, вопреки этому легковесному прогнозу, за последующий год вырос в ещё более грозную силу, Коминтерн и германский ЦК ударились в противоположную крайность. В речах и статьях их руководителей стала всё чаще звучать мысль о том, что фашизм неудержимо растёт и его победа неизбежна. Поэтому коммунисты должны не "слепо" бросаться в борьбу с фашизмом, а позволить ему овладеть властью, чтобы он "скомпрометировал" себя. Только после этого пробьет час "наступления" коммунистов.

Откликаясь на эти идеи, Троцкий писал: "Авантюризм и легкомыслие, по законам политической психологии, сменились прострацией и капитулянтством. Победа фашистов, считавшаяся год тому назад невысказанной, сейчас считается уже обеспеченной... Если б эта теория утвердилась в германской компартии и определила её политический курс в ближайшие месяцы, это означало бы со стороны Коминтерна предательство не меньшего исторического объёма, чем предательство социал-демократии 4 августа 1914 года - при том с ещё более страшными последствиями"³.

29 ноября 1931 года ЦК германской компартии опубликовал обращение с призывом к "красному единому фронту", разумеется, только "снизу". В этом

¹ Дружба народов. 1988. № 3. с. 234-235.

² Цит. по: Бюллетень оппозиции. 1933. № 34. с. 7.

³ Бюллетень оппозиции. 1931. № 25-26. с. 5-6.

документе сохранялась прежняя установка на то, что для победы над фашизмом необходимо предварительно победить социал-демократию. "Можно ли надеяться на то, что компартия в ближайшие месяцы опрокинет и социал-демократию и фашизм? - писал по этому поводу Троцкий. - Ни один здравомыслящий человек, умеющий читать и считать, не рискнет на такое утверждение"¹.

Одной из главных причин ошибок германской компартии Троцкий считал насаждение в ней, как и в других партиях Коминтерна, режима беспрекословного и бездумного подчинения любым указаниям своих лидеров, в свою очередь полностью подчиняющихся указке из Москвы. "Эта ужасающая нынешняя "монолитность", это гибельное единогласие, которое каждый поворот злощастных вождей превращает в абсолютный закон для гигантской партии"², - предупреждал он, - особенно губительны в условиях величайших испытаний, грозящих смести с исторической арены германскую компартию как крупную политическую силу.

Прошедшая в 1932 году серия выборов показала, что соотношение политических сил в Германии весьма неустойчиво и быстро меняется, как это всегда бывает в эпохи бурных политических кризисов. Весной 1932 года на президентских выборах в первом туре Гинденбург получил 18,6 млн. голосов, Гитлер - 11,3 млн., Тельман - около 2,5 млн. На выборах в рейхстаг 31 июня 1932 года гитлеровская партия получила 13,7 млн. голосов, компартия - 5,3 млн., а социал-демократы - около 8 млн. На новых парламентских выборах в сентябре 1932 года гитлеровцы потеряли 2 млн. голосов, а за коммунистов голосовали 6 млн. чел. Коммунисты и социал-демократы вместе имели теперь 221 мандат в рейхстаге, а число мандатов гитлеровцев уменьшилось с 230 до 196.

В этих условиях Троцкий доказывал, что ещё остается последний шанс путём общих усилий парламентских фракций рабочих партий преградить путь Гитлеру, что в условиях сохранения парламентской демократии исключён непрерывный рост влияния фашистов, что при отсутствии своей террористической диктатуры они неминуемо исчерпают свой социальный резервуар. "Фашизм включил в свои ряды такие страшные противоречия, что близится момент, когда приток перестанет возмещать отлив. Это может наступить задолго до того, как фашисты соберут вокруг себя больше половины голосов. Останавливаться им нельзя будет, ибо ждать им будет больше нечего. Они вынуждены будут пойти на переворот"³.

До такого реакционного переворота, который неизбежно уничтожит все другие партии, доказывал Троцкий, фашизм опирался на сравнительно ограниченную социальную базу. "Главной армией фашизма остается всё же мелкая буржуазия и новое среднее сословие: мелкий ремесленный и торговый городской люд, чиновники, служащие, технический персонал, интеллигенция, разоряющиеся крестьяне". Именно эти социальные слои отдают фашистам свои голоса на выборах. Из этих же слоёв фашисты рекрутируют свои боевые кад-

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 27. с. 18.

² Бюллетень оппозиции. 1931. № 24. с. 11.

³ Бюллетень оппозиции. 1932. № 27. с. 17.

ры, ударные отряды штурмовиков. Основная же часть промышленного пролетариата продолжает идти за двумя рабочими партиями. А "на весах революционной борьбы тысяча рабочих крупного предприятия представляет собою силу в сто раз большую, чем тысяча чиновников, канцеляристов, их жён и тещ"¹.

Принципиально иная расстановка социальных сил сложится в случае захвата власти фашизмом, который тогда "легко найдет своих солдат". Капитулянтская позиция официального коммунизма, открывающая фашизму дорогу к власти, толкнула бы полностью в сторону фашизма и средние классы, и ещё колеблющиеся слои мелкой буржуазии, и значительные слои самого пролетариата". Если компартия уклонится от боя с фашизмом в союзе с социал-демократами, то возникнут условия, "в десятки раз более выгодные для фашизма, чем сейчас ... Десять пролетарских восстаний, десять поражений, одно за другим, не могли бы так обескровить и обессилить германский рабочий класс, как обессилило бы его отступление перед фашизмом в настоящий момент, когда ещё только предстоит решение вопроса о том, кому стать хозяином в немецком доме"².

Экономические и политические противоречия, достигнувшие неслыханной остроты, вплотную приближают развязку. От её направления "будет зависеть на много-много лет не только судьба самой Германии (что уже само по себе очень много), но и судьба Европы, судьба всего мира"³. Перспективы социалистического строительства в СССР, будущее революционного движения в Европе и Азии прямо и непосредственно упираются в вопрос о том, кто победит в ближайшее время в Германии.

Троцкий предупреждал, что "приход "национал-социалистов" к власти означал бы прежде всего истребление цвета немецкого пролетариата, разрушение его организаций, искоренение в нем веры в себя и в свое будущее. В соответствии с гораздо большей зрелостью и остротой социальных противоречий в Германии, адская работа итальянского фашизма показалась бы, вероятно, бледным и почти гуманным опытом по сравнению с работой германского национал-социализма"⁴.

Доказывая, что руководство Коминтерна перед лицом наступления решающего часа борьбы оказалось неспособным предвидеть и предупредить свои многочисленные поражения, Троцкий писал, что оно продолжает вести "политику страуса", не отдавая себе отчёт в ситуации, которая сложилась в Германии. Между тем "приближается вплотную один из тех узловых моментов истории, когда Коминтерн после ряда больших, но всё же "частных" ошибок, подрывавших и расшатывавших его силы, накопленные в первое пятилетие существования, рискует совершить основную, роковую ошибку, которая может смести Коминтерн, как революционный фактор, с политической карты на целую историческую эпоху"⁵.

¹ Бюллетень оппозиции. 1931. № 25-26. с. 7.

² Там же. с. 6.

³ Там же. с. 4.

⁴ Там же. с. 6.

⁵ Там же. с. 5.

Руководство Коминтерна ведёт германский рабочий класс к капитуляции перед фашизмом, которая будет означать уничтожение крупнейшей коммунистической партии в Европе, гигантскую катастрофу всего мирового коммунистического движения. "Разумеется, когда-нибудь торжествующий фашизм падет жертвой объективных противоречий и собственной несостоятельности. Но непосредственно, для обозримого будущего, для ближайших 10-20 лет, победа фашизма в Германии означала" бы перерыв в развитии революционной преемственности, крушение Коминтерна, торжество мирового империализма в самых его отвратительных и кровавых формах"¹.

Победа фашизма, указывал далее Троцкий, с неизбежностью приведет к войне Германии против СССР. Правительство Гитлера окажется единственным европейским правительством, способным на войну с Советским Союзом. При этом оно будет действовать в одном фронте с Румынией и другими сопредельными с Советским Союзом государствами, имея к тому же потенциально-го союзника на Дальнем Востоке в лице милитаристской Японии. Всё это будет означать для СССР "борьбу не на жизнь, а на смерть в самых тяжелых и в самых опасных условиях"².

Перед лицом этой грозной перспективы Троцкий не устал повторять, что ещё можно переломить столь неблагоприятное развитие события. Фашизм представляет продукт не только острого социального кризиса, но и революционной слабости разобщённого германского пролетариата. Эта слабость порождена в первую очередь ошибочной политикой германской компартии, по-прежнему называющей социал-демократов фашистами, что сбивает коммунистов с толку и мешает им вступить в союз с социал-демократическими рабочими. "Сила национал-социалистов сейчас не столько в их собственной армии, сколько в расколоте армии их смертельного врага"³. В то время, как нарастание фашистской опасности должно толкать рабочих к сплочению, руководство Коминтерна продолжает диктовать немецким коммунистам теорию социал-фашизма, которая "стала петлей на шее немецкого пролетариата. Под кнутом сталинской клики несчастный, запутанный, запуганный, задерганный ЦК германской коммунистической партии изо всех сил помогает, - выдать немецкий рабочий класс на распятие Гитлеру"⁴.

Троцкий напоминал, что ещё в 1930 году левая оппозиция выдвигала практическую программу соглашения с социал-демократическими рабочими. За последующие годы, однако, в этом направлении не было сделано почти ничего. "Сколько упущено драгоценного, невозвратного времени! Поистине, его осталось немного. Программа действий должна быть строго практической, строго деловой,.. без всяких задних мыслей, так, чтобы каждый средний рабочий социал-демократ сказал себе: то, что предлагают коммунисты, совершенно необходимо для борьбы с фашизмом"⁵.

¹ Там же. с. 6.

² Там же. с. 7.

³ Там же. с. 8.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1932. № 27. с. 5.

⁵ Там же. с. 20.

Спустя несколько месяцев, считая угрозу гитлеровской победы надвинувшейся вплотную, Троцкий с отчаянием повторял мысль о времени, потерянном для преодоления раскола немецкого рабочего движения. "Сколько упущено времени - бесцельно, бессмысленно и постыдно! Сколько можно было сделать хотя бы только за последние два года! Ведь было совершенно ясно заранее, что монополистический капитал и его фашистская армия будут кулаками и дубинами гнать социал-демократию на путь оппозиции и самообороны. Нужно было это предвидение обнаружить на деле пред лицом всего рабочего класса, взяв на себя инициативу единого фронта и не выпуская этой инициативы из рук на каждом новом этапе"¹.

В условиях обострения политического кризиса в Германии Сталин ответил на критику Троцким гибельной линии Коминтерна втягиванием коммунистов всех стран в новую бешеную кампанию против "троцкизма". Эта кампания, как подчеркивал Троцкий, была поднята, в первую очередь, для того, чтобы в критический для судеб мирового революционного движения момент отвлечь внимание западных коммунистов от выдвинутых левой оппозицией идей и лозунгов, касающихся событий в Германии. Если бы руководство германской компартии обладало свободой в выработке собственной политической линии, то оно под влиянием объективной обстановки в стране пришло бы к восприятию этих идей. Но оно целиком подчинено Сталину, о чём наглядно свидетельствует характер новой международной кампании, развертывающейся не вокруг насущнейших вопросов немецкой революции, а вокруг "жалкой и фальсификаторской статьи Сталина по вопросам истории большевизма. Трудно себе представить большую диспропорцию между задачами эпохи, с одной стороны, и жалкими идейными ресурсами официального руководства, с другой. Таково унижительное, недостойное и вместе с тем глубоко трагическое положение Коминтерна"².

Проблема германской революции и проблема сталинского политического и идеологического режима, перенесённого на все партии Коминтерна, оказались связаны одним узлом. Если историков исключают из партии только за то, что они не прославляли "подвиги Сталина в 1917 году", замечал Троцкий, то может ли сталинский режим "допустить признание своих ошибок, совершённых в 1931-1932 году? Может ли он отказаться от теории социал-фашизма? Может ли он дезавуировать Сталина, который суть немецкой проблемы формулировал так: сперва пускай придут фашисты, а потом мы?"³.

Последняя надежда на изменение Коминтерном своей стратегии и тактики рухнула после XII пленума ИККИ (август-сентябрь 1932 года). На нем Тельман и другие ораторы, оценивая положение в Германии, настойчиво повторяли, что социал-демократия остается главной социальной базой немецкой буржуазии, которая всё более использует "социал-фашистское движение в каче-

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 29-30. с. 31.

² Троцкий Л. Д. Немецкая революция и сталинская бюрократия. Жизненные вопросы немецкого пролетариата. Берлин, 1932. с. 113-114.

³ Там же. с. 113.

стве непосредственной опоры фашистской диктатуры"¹. Один из сталинских эмиссаров в Коминтерне С. Гусев утверждал, что коммунисты должны нанести главный удар не по фашизму, а по социал-демократии. Эту точку зрения он обосновывал тем, что фашизм - это открытая контрреволюция, выступающая за интервенцию в СССР, а "социал-фашизм" - "замаскированная контрреволюция", якобы лицемерно выступающая за защиту СССР в грядущей войне, и поэтому более опасная. Исходя из того, что Германия переживает период подготовки социалистической революции, Гусев заявлял, что главной задачей коммунистов должно стать "разоблачение социал-демократии"².

В решениях пленума отвергался рост фашистских сил в Германии и вновь санкционировался отказ от политики единого рабочего антифашистского фронта. Подчеркивая, что в этом в очередной раз проявились беспощадный диктат сталинской клики и дезорганизация ею немецких коммунистов, обрекающая последних на неминуемое поражение и гибель, Троцкий писал: "Бюрократия первого рабочего государства - бессознательно, но от этого не легче - делает решительно всё, чтобы помешать появлению на свет второго рабочего государства"³.

30 января 1933 года президент Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером. После этого события стали развиваться с ошеломляющей быстротой. Гитлер немедленно распустил рейхстаг и назначил на начало марта новые выборы. 27 февраля произошёл поджог здания рейхстага. На следующий день чрезвычайным декретом Гинденбург по предложению нацистского правительства отменил все статьи Веймарской Конституции, гарантировавшие свободу личности, слова, печати, собраний, союзов. По стране прокатились массовые аресты антифашистов.

Даже в обстановке фашистского террора, на выборах 7 марта около 5 миллионов избирателей проголосовали за коммунистов и более 7 миллионов - за социал-демократов. Ещё 5 миллионов голосов было отдано за партию католиков, находившуюся в оппозиции к Гитлеру. Нацисты собрали 17 млн. голосов или 43 % от их общего числа. Сразу же после выборов гитлеровская власть аннулировала 81 мандат депутатов-коммунистов и таким образом добила желаемого большинства в рейхстаге.

14 марта коммунистическая партия была объявлена вне закона. 2 мая были разгромлены профессиональные союзы, конфисковано их имущество, а их руководители были брошены в концентрационные лагеря. 22 июня пришёл черед социал-демократической партии, деятельность которой также была запрещена. Таким образом, в течение ста дней были уничтожены демократические права и свободы, которые германский рабочий класс завоевал на протяжении ста лет.

Уже 14 марта в статье "Трагедия германского пролетариата" Троцкий подчеркивал, что "самый мощный в Европе по своей производственной роли, по своему социальному весу, по силе своих организаций пролетариат не оказал никакого сопротивления приходу Гитлера к власти и первому бешеному

¹ XII пленум ИККИ. Стенографический отчёт. т. 1. с. 40.

² Там же. с. 199-200.

³ Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. с. 1.

натиску на рабочие организации". Прямая и непосредственная вина за это ложится на руководство Коминтерна, которое "изолировало коммунистов от массовых профессиональных союзов; отождествляло социал-демократию с фашизмом и отказывалось от единого фронта с массовыми рабочими организациями пред лицом наступающих банд национал-социализма; саботировало всякую инициативу единого оборонительного фронта на местах, - и в то же время систематически обманывало рабочих относительно действительного соотношения сил"¹.

Даже после прихода нацистов к власти Сталин продолжал ориентировать немецких коммунистов на следование обанкротившейся формуле "социал-фашизма". Редактируя весной 1933 года статью члена ЦК КПП Ф. Геккерта "Что происходит в Германии", Сталин к словам автора о том, что социал-демократия перешла на сторону фашизма, приписал: "И почему коммунисты именуют социал-демократов вот уже три года социал-фашистами"².

Связь между бескровной победой Гитлера и политикой сталинизированной Коминтерна была очевидна для всех опытных революционеров. Как вспоминал немецкий коммунист Э. Волленберг, Зиновьев говорил ему в 1933 году: "не считая германских социал-демократов, Сталин несёт главную ответственность перед историей за победу Гитлера"³.

Чтобы увести компартии от таких неоспоримых выводов, XIII пленум ИККИ, состоявшийся в ноябре-декабре 1933 года, признал стратегию и тактику германской компартии правильной и запретил открывать дискуссию по поводу событий в Германии. Противопоставляя, как и прежде, тактику единого фронта снизу тактике единства сверху, пленум призвал коммунистов к борьбе "против предательских вождей социал-демократии"⁴.

6 февраля 1933 года руководители семи социалистических партий Европы обратились к руководству Коминтерна и Социалистического Интернационала с предложением создать конференцию двух Интернационалов для выработки плана совместных действий против фашизма. 19 февраля бюро II Интернационала опубликовало воззвание, в котором заявляло о согласии вести переговоры с Коминтерном и предлагало прекратить взаимные нападки коммунистов и социал-демократов.

В ответе Коминтерна, опубликованном 5 марта в виде возвания к рабочим всех стран, европейским компартиям рекомендовалось соглашаться на единый фронт с социал-демократическими партиями, но ничего не говорилось о готовности Коминтерна вести переговоры непосредственно с II Интернационалом.

Анализируя содержание этого возвания, Троцкий обращал внимание на то, что в нем "сталинцы ни словом не говорят о "социал-фашизме", как главном враге. Они не напоминают больше о великом откровении своего вождя: "социал-демократия и фашизм - не антиподы, а близнецы". Они не утверждают

¹ Бюллетень оппозиции. 1933. № 34. с. 7.

² Политическое образование. 1989. № 1. с. 83.

³ Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. с. 227.

⁴ XIII пленум ИККИ. Стенографический отчёт. М., 1934. с. 593.

больше, что борьба против фашизма требует *предварительного* разгрома социал-демократии. Они не заикаются о недопустимости единого фронта сверху ... Так летят под стол в мусорную корзину вышшие уроки сталинизма последних четырёх лет". Однако это не означает, что сталинисты решили коренным образом изменить свою политику в международном рабочем движении. В ответ на предложение II Интернационала о заключении союза для совместной борьбы с фашизмом "сталинская бюрократия выбирает худший из путей: она не отклоняет соглашения двух Интернационалов, но и не принимает его"¹.

В написанном Троцким "Заявлении делегатов, принадлежащих к Интернациональной левой оппозиции (большевики-ленинцы), к конгрессу борьбы против фашизма", говорилось о необратимости на ближайшие годы того пути, на который вступила Германия, и о громадных бедствиях, которые фашизм несёт немецкому народу. "Фашизм ведёт за собою тучи голодной и прожорливой саранчи, которая требует для себя и добьется монополии должностей и барышей ... Положение в Германии глубоко трагично. Палач только приступил к работе. Жертвам не будет конца"². Троцкий подчеркивал, что германский фашизм неизбежно примет более зловещий и кровавый облик, чем в Италии, поскольку он захватил власть в условиях жестокого экономического кризиса и небывалой в истории страны нужды масс, усиливающей благоприятный для него процесс люмпенизации широких слоёв трудящихся. Вслед за Германией фашистский переворот начинает непосредственно угрожать Австрии.

Прогноз Троцкого относительно Австрии как следующей жертвы фашизма осуществился в феврале 1934 года, когда в этой стране было подавлено антифашистское восстание шуцбундовцев - австрийских социал-демократов, вслед за чем утвердилось фашистское государство Дольфуса, расчистившая дорогу аншлюсу - насильственному включению Австрии в состав Германии в 1938 году. Значительная часть шуцбундовцев эмигрировала в СССР, где вскоре разделила участь большинства революционных эмигрантов, подвергнутых сталинским репрессиям.

В "Заявлении" 1933 года Троцкий предлагал отвергнуть и осудить теорию социал-фашизма и немедленно принять предложение II Интернационала о переговорах и соглашении. "Одно несомненно, - писал в конце "Заявления" Троцкий. - Времени для исправления чудовищных ошибок остается совсем уже немного. Если оно будет упущено, Коммунистический Интернационал отойдет в историю со славным ленинским началом и бесславным сталинским концом"³.

Этот прогноз Троцкого реализовался во всей трагической полноте.

¹ Бюллетень оппозиции. 1933. № 34. с. 8.

² Там же. с. 24, 26.

³ Там же. с. 28.

Л

Перелом в стратегии Троцкого

17 июля 1933 года, после прихода к власти во Франции блока радикалов и социалистов, Троцкий получил от французского правительства разрешение на проживание в этой стране.

В первые годы изгнания Троцкого, когда у Советского Союза были напряжённые отношения с Англией, сталинская печать называла его "агентом Чемберлена", а в 1931-32 годы, когда Троцкий выступал за политику единого фронта как единственной возможности раздавить фашизм, - агентом социал-демократии. В 1933 году коминтерновская пресса стала называть его "презренным агентом французского правительства", приехавшим во Францию для того, чтобы помочь ему готовить интервенцию против СССР. "Юманите" ежедневно печатала погромные статьи, призывавшие членов французской компартии к демонстрациям против Троцкого и другим провокациям, которые сделали бы для него невозможным проживание во Франции.

Не менее яростные нападки на Троцкого шли со стороны германских фашистов. После прихода Гитлера к власти в Германии, где работы Троцкого имели особенно широкое распространение, нацисты запретили и сожгли их вместе со всей остальной марксистской литературой. Выходивший в Берлине "Бюллетень оппозиции" должен был перенести свое издание в Париж. Геббельсовская газета "Ангрифф" называла Троцкого "самым большим антифашистом в мире", "заговорщиком и террористом", который "не ищет ничего иного, как очагов беспорядков, из которых он смог бы разжечь пламя, чтоб осуществить завещание Ленина: подчинить весь мир Москве, большевизму". Как бы вторя сталинской пропаганде, стремившейся добиться максимальной изоляции Троцкого, геббельсовский орган предлагал практическое решение: "отправить Троцкого на остров, столь же голый и пустынный, как св. Елена (куда был сослан Наполеон - В. Р.)". По приказу Геббельса в Берлине была расклеена афиша с провокационными комментариями к выдержкам из писем Троцкого, обнаруженных при обысках у антифашистов¹.

Незадолго до приезда во Францию Троцкий сделал последнюю попытку воззвать к чувству ответственности советского руководства. В секретном письме, направленном в Политбюро, он писал: "Обстановка в стране и в партии вам видна ближе, чем мне ... Совершенно безнадежной и губительной является мысль овладеть нынешней обстановкой при помощи одних репрессий ... Самой близкой и непосредственной опасностью является недоверие к руководству и растущая вражда к нему. Вы знаете об этом не хуже меня. Но вас толкает по наклонной плоскости инерция вашей собственной политики, а между тем, в конце наклонной плоскости - пропасть"².

¹ Бюллетень оппозиции. 1936. № 54-55. с. 29.

² Троцкий Л. Д. Дневники и письма. с. 44.

Цель своего письма Троцкий видел в том, чтобы заявить о доброй воле левой оппозиции к переговорам и соглашению с руководством ВКП(б), направленному на то, чтобы "перевести партию на рельсы нормального существования без потрясений или с наименьшими потрясениями". Он подчеркивал, что восстановление в партии режима доверия возможно только при том условии, что будет обеспечено "открытое и честное сотрудничество исторически возникших фракций, с целью превращения их в течения партии и их дальнейшего растворения в ней"¹.

Это обращение было вызвано, по-видимому, тем, что Троцкий, знавший о колебаниях и тревоге, которую испытывали в связи с катастрофической ситуацией в стране даже высшие слои бюрократии, ещё надеялся на то, что среди них найдутся силы, способные поставить интересы партии и страны над интересами сохранения своей власти.

Лишь после того, как вместо ответа на это обращение до Троцкого дошли известия о новой серии расправ правящей клики над старыми и новыми оппозициями, он принял решение круто изменить свою политическую стратегию. Если до середины 1933 года он призывал своих сторонников в СССР бороться за кардинальное реформирование партийной политики, то теперь он публично объявил о невозможности "мирной", "уставной" перегруппировки партийного руководства и устранения Сталина в порядке партийной реформы. "После опыта последних лет, - писал он в октябре 1933 года, - было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять при помощи партийного или советского съезда. Следующие съезды были бюрократическими парадами ... Для устранения правящей клики не осталось никаких нормальных, "конституционных" путей. Заставить бюрократию передать власть в руки пролетарского авангарда можно только силой"².

С этим выводом был связан и другой вывод, сделанный Троцким в 1933 году, - о завершении термидорианского перерождения советского государства. Конечные итоги этого процесса он видел в том, что "ложная в корне политика бесконтрольной бюрократии ввергла страну в невыносимые лишения, противопоставила крестьянство пролетариату, поселила недовольство в массе рабочих, связала по рукам и ногам партию"³.

Троцкий подчеркивал, что большевистская партия полностью утратила прогрессивную роль, которую она играла после Октябрьской революции. Бесконтрольная власть аппаратной бюрократии привела к глубокому перерождению как экономики, так и политической системы советского общества. Показывая общие корни этих процессов, Троцкий проводил параллель между судьбой денег и государства в советском обществе. "Диспропорции хозяйства ведут бюрократию на путь возрастающей бумажно-денежной инфляции. Недовольство масс материальными последствиями хозяйственных диспропорций толкает бюрократию на путь голого принуждения. Хозяйственное планирование освобождается от ценностного контроля, как бюрократическое усмотрение

¹ Там же. с. 45.

² Бюллетень оппозиции. 1933. № 36-37. с. 9.

³ Бюллетень оппозиции. 1933. № 34. с. 27.

освобождается от политического контроля ... Можно сказать, что и диктатура пролетариата отмирает в форме бюрократической инфляции, т. е. чрезвычайного разбухания насилий, репрессий и произвола. Диктатура пролетариата не растворяется в бесклассовом обществе, а перерождается во всевластие бюрократии над обществом"¹.

Окончательно подавление всех демократических институтов в партии и стране особенно тяжело сказалось на судьбе левой оппозиции. Она находилась в СССР в таких тяжёлых условиях, которые исключали для неё возможность играть руководящую роль в международном масштабе. Революционный центр тяжести передвинулся на Запад, где левая оппозиция могла действовать легально и привлекать в свои ряды новых сторонников. Исходя из этого, Троцкий сделал вывод, что "группировка "левой оппозиции" в СССР сможет вернуться в новую партию только в результате успешного формирования и роста нового Интернационала"².

С 1933 года начался новый этап борьбы между сталинизмом и левой оппозицией.

¹ Там же. с. 6.

² Бюллетень оппозиции. 1933. № 36-37. с. 11.

Заключение

В конце 1961 года, когда в СССР и в зарубежных коммунистических партиях развернулась вторая волна критики сталинизма, П. Тольятти подчеркивал: "Я продолжаю считать не вполне удовлетворительным ответ на ... вопрос (о причинах возникновения и утверждения сталинизма - В. Р.), когда всё сводят к личным отрицательным качествам Сталина, которые, впрочем, были замечены и разоблачены в свое время Лениным ... Необходимо копнуть глубже, проанализировать объективные условия развития советского общества, но не для того, чтобы оправдать то, что сегодня разоблачают, утверждая ... что "иначе быть и не могло", а чтобы лучше понять происшедшее и извлечь из него урок для всех"¹.

К сожалению, такой анализ не был проведён в Советском Союзе, где после "дворцового переворота" 1964 года, свергнувшего Хрущёва, официальная критика сталинизма была полностью свергнута. Поворот к объективному изучению противоречивых и трагических аспектов истории советского общества наступил лишь в конце 80-х годов. Однако по мере перерождения "перестройки" в движение по пути реставрации капиталистического строя честный научный анализ был перекрыт новой волной фальсификаций, не менее фантастических и произвольных, чем фальсификации сталинской школы.

Пожалуй, наиболее предвзятым оценкам подвергся исторический период, рассматривавшийся в нашей работе. В многочисленных публицистических статьях сталинский "великий перелом" либо объявлялся закономерным продолжением революционной стратегии большевизма, либо трактовался как поворот Сталина к "троцкизму", внезапно осуществлённый после проводимой им "правильной" политики 1923-27 годов. При этом, подобно советской официальной историографии, публицисты из лагеря т. н. "демократов" фактически замалчивали даже то важнейшее обстоятельство, что принудительной коллективизации сопутствовала фактическая гражданская война, которой значительная часть крестьянства ответила на произвол и насилия, творимые в деревне. Эта важнейшая страница послеоктябрьской истории не вписывалась в рамки ни просталинистского тезиса о "монолитном единстве" советского общества, ни антикоммунистических концепций с их отрицанием классовой борьбы.

Из априорных схем об органичной преемственности большевизма и сталинизма вытекала и версия об абсолютной произвольности сталинских репрессий. Эту версию разделяли (хотя по принципиально разным основаниям) и сталинисты, и антикоммунисты, считавшие, что политический режим, созданный Октябрьской революцией, не подвергся перерождению. Сторонники этой версии не связывали сталинский террор с логикой внутрипартийной борьбы, заставлявшей Сталина отвечать чудовищными контрударами на нараставший в партии протест против его политики.

В 1928-33 годах этот процесс был ещё далек от своего завершения. Внутри партии продолжалась ожесточённая политическая борьба, существенно отли-

¹ Тольятти П. Избранные статьи и речи. М., 1965. т. 2. с. 643-644.

чавшаяся, однако, по своему содержанию и формам от внутрипартийной борьбы предшествующих периодов. Импульс этой борьбе был дан поворотом сталинской клики к проведению антинародной политики, обрушившей жестокие удары не только на крестьянство, но и на все остальные классы и социальные слои советского общества - пролетариат, беспартийную интеллигенцию и даже на значительную часть правящего слоя. Этот поворот оказался возможным потому, что в борьбе с оппозициями 20-х годов правящая фракция, и прежде всего сам Сталин, почувствовали, что они не могут проводить гибкую, предусмотрительную и динамичную политику и главное - убедить в её правильности партию идейными методами, как это происходило при Ленине. Поэтому они добились установления такого партийно-государственного режима, при котором политические разногласия перестали разрешаться путём коллективного общепартийного обсуждения дискуссионных проблем. Замена принципиальных дискуссий методами административного командования и отсеечения инакомыслящих привела к утверждению системы бюрократического абсолютизма, способной поддерживать и укреплять себя лишь с помощью массовых политических репрессий. Это коренное изменение политической системы и обусловленная им политика экономического авантюризма в свою очередь вызвали новый взрыв оппозиционных настроений в партии.

Перед вдумчивым читателям этой книги непременно встанут вопросы: не возникает ли на её страницах *тот же самый* образ прошлого, который культивируется в бесчисленных писаниях современных "демократов"? Чем отличается критика сталинизма слева от его критики справа? В чём принципиальное отличие марксистской оценки исторической реальности 20-30-х годов от оценок ренегатов коммунизма типа А. Яковлева или Д. Волкогонова?

Философско-социологический аспект этих непростых проблем был раскрыт ещё в 70-е годы выдающимся советским философом М. А. Лифшицем в полемике с идеологическими предшественниками тотальной антикоммунистической кампании, ныне прокатывающейся по всем республикам распавшегося Советского Союза. Отмечая неизбежность совпадений между "карикатурой, внешней, сатирической и её ... реальной моделью, как будто оправдывающей реакционную критику ...", философ объяснял наличие таких совпадений явлением "классовой правды" врага, т. е. реальным содержанием, обнаруживающимся "в самых злобных выпадах против социализма"¹.

"Как бы ни были противоположны точки зрения, - писал Лифшиц, - существует объективное содержание человеческой мысли. Поэтому совпадения возможны. Но когда двое говорят одно и то же - они говорят не одно и то же, а совсем разное"². Отрицание возможности совпадений марксистских исторических констатации с "классовой правдой" противников коммунизма ведёт к скатыванию на позиции вульгарной социологии, рассматривающей человеческую мысль не как отражение реальности, а как чисто субъективное выражение определённой социальной позиции. Марксистская социология отделяет в "смеси истинного и ложного", присутствующей во всех реакционных идеоло-

¹ Свободная мысль. 1992. № 6. с. 106-107.

² Там же.

гических построениях, объективное содержание феноменов общественной жизни и общественной психологии от их извращённого толкования, служащего ретроградным политическим целям.

Лифшиц подчеркивал, что "классовая правда" врага включает две взаимодополняющие ипостаси: 1) "И верно, да скверно!" (на основе анализа реальных исторических фактов и тенденций, содержащего элементы объективной истины, делаются реакционные социологические и политические выводы); 2) "И скверно, да верно!" (ложные истолкования истории и социологические обобщения паразитируют на ошибках и преступлениях, которые имели место в реальной исторической практике).

Для выявления различий между "внешней, сатирической карикатурой" и правдивой исторической картиной оказывается бесплодным проведение "абстрактных разграничительных линий", игнорирование "диалектических схождений и расхождений идей, вплоть до соприкосновения противоположного"¹. Такими "абстрактными разграничительными линиями" изобиловали официальная советская историография и социология времён сталинизма и застоя, огульно отменявшие все констатации и выводы своих оппонентов как выражение "вражеской клеветы".

Однако отвержение "абстрактных разграничительных линий" не избавляет от необходимости выявлять *конкретные* разграничительные линии между историческими оценками, выдвигаемыми приверженцами непримиримых идеологических позиций. *Первой* такой разграничительной линией является отношение к внутрипартийным оппозициям, численность и влияние которых нынешние антикоммунисты стремятся всячески преуменьшить (Д. Волкогонов, например, договаривается до того, что в 30-е годы "реальных троцкистов в стране было ... максимум три-четыре сотни"²). В действительности через левую и другие антисталинские оппозиции прошли многие тысячи большевиков, в том числе почти все наиболее видные деятели героического периода русской революции. Конечно, многие из них "сломались" ещё до того, как попали в жернова сталинских тюрем и лагерей. Однако даже из фактов, приведённых в этой книге (а многие эпизоды оппозиционной борьбы продолжают оставаться скрытыми в российских архивах), вырисовывается картина широкого распространения в партии оппозиционных, антисталинских настроений. А тот факт, что деятельность оппозиций 1928-33 годов развертывалась в чудовищных условиях тоталитаризма и была сопряжена для их участников с тяжчайшими жертвами и опасностями, отсекает довод, будто оппозиционерами в те годы были "наивные мечтатели" или люди, которые просто "рвались к власти".

Зафиксированная в оппозиционных документах по свежим следам исторических событий картина преступлений сталинской клики выглядит не менее трагичной, чем "обличения задним числом", идущие сегодня из лагеря политических перевёртышей, вчерашних защитников сталинистских исторических версий. Но эта схожесть исторических констатации лишь ярче выявляет *вторую* разграничительную линию, связанную с трактовкой соотношения между

¹ Там же.

² Волкогонов Д. А. Троцкий. т. 2. с. 359.

большевизмом и сталинизмом. Если в глазах антикоммунистов преступления сталинизма рассматриваются как проявления "сатанизма" большевиков, их изначальной иррациональной страсти к насилию над беззащитными людьми, то коммунистические оппозиции четко отделяли борьбу против действительных классовых врагов от борьбы против собственного народа и поэтому рассматривали сталинские преступления как жесточайшее поругание большевистских принципов и традиций.

Даже в условиях гражданской войны, когда белогвардейские армии и заговорщики действовали в прямом союзе с интервенцией четырнадцати капиталистических держав, большевики не пошли дальше экспроприации крупных средств производства и частичной экспроприации потребительского имущества (например, жилищное "уплотнение") помещиков, капиталистов и других хозяев царской России. Сама по себе принадлежность к классу крупных собственников не влекла за собой ни депортации, ни других политических репрессий. В отличие от этого раскулачивание, обращённое по замыслу его организаторов против мелких собственников (а фактически - и против значительной части середняцких слоёв деревни), свелось к тотальной экспроприации всего их производственного и потребительского имущества и к их депортации.

Третья разграничительная линия возникает при обсуждении вопроса об альтернативах развития советского общества. В работах нынешних "демократов" настойчиво варьируется мысль о том, что только такой "социализм" (сталинский, кровавый, казарменный, тоталитарный) мог быть построен в результате претворения в жизнь "доктринальных предпосылок" марксизма и политической стратегии большевизма. Наиболее убедительными опровержениями этого мифа являются и критическая, и позитивная, конструктивная стороны платформ всех антисталинских оппозиций, в состав которых входили наиболее политически зрелые и теоретически подготовленные большевики. Их критика сталинизма развертывалась с позиций марксистских взглядов на социализм и пути его строительства.

Знакомство с "аграрными" разделами этих программ наглядно убеждает, что большевистская, социалистическая альтернатива исторически сложившемуся течению событий (которую отстаивали в рассматриваемый период и "левые" и "правые") состояла в постепенном и добровольном развитии кооперативного движения на селе от менее к более высоким формам при ограничении частнокапиталистических элементов на основе налоговой политики и других, по преимуществу экономических мер. К этому следует прибавить, что если бы политика правящей фракции, начиная с 1923 года, не претерпевала резких шакарааний - от благоприятствования частному накоплению в кулацких хозяйствах до бессмысленного насилия по отношению к тем, кого ещё недавно призывали "обогащаться", то коллективизация могла быть осуществлена без фронтального столкновения с широчайшими массами крестьянства, повлёкшего неисчислимые человеческие и материальные жертвы.

Анализ исторического опыта и документов оппозиций опровергает и про-сталинистский довод, согласно которому безжалостное ограбление деревни, даже если и признать его антигуманный характер, явилось необходимой це-

ной, которую требовалось уплатить за осуществление индустриализации и обеспечение обороноспособности страны. Действительно экономически эффективными путями мобилизации средств деревни на нужды ускоренной реконструкции (модернизации) народного хозяйства не были и не могли быть ни раскулачивание и "самораскулачивание" наиболее продуктивной части сельского населения, ни подневольный, а следовательно, и малопродуктивный труд в колхозах, ни лихорадившая страну на протяжении пяти лет фактическая гражданская война с крестьянством.

Четвертая разграничительная линия между марксистскими и антикоммунистическими позициями связана с отношением к социалистическим основам советского общества - обобществлению средств производства и плановому хозяйству. Критики "коммунизма" из лагеря либералов усматривают в этих основах отрицание экономической свободы производителей и потребителей, закономерно влекущее подавление политической свободы и демократии. Марксисты видят в плановой экономике и национализированной собственности величайшее достижение общественного прогресса. Правота этой позиции доказана во-первых, тем, что даже частичное внедрение этих начал в передовых капиталистических странах избавило последние на несколько десятилетий от разрушительных экономических кризисов, подобных "великой депрессии" 30-х годов, явилось важнейшим фактором выживания и стабилизации капитализма в XX веке.

Во-вторых, Сталин при всей своей неограниченной власти не был всемогущ в насилии над историческими законами. Наделив привилегированную касту огромными преимуществами в сфере личного потребления и накопления, он сохранил, хотя и в бюрократически деформированном виде, важнейшие социально-экономические завоевания Октябрьской революции. Благодаря этим завоеваниям и вопреки тоталитарному политическому режиму, некомпетентному управлению, самоуправству и произволу бюрократии и её "вождей", были достигнуты неоспоримые экономические успехи Советского государства. Ликвидация наиболее чудовищных проявлений тоталитаризма (государственный террор и милитаризация труда) после смерти Сталина позволила на базе социалистических завоеваний советского народа обеспечить значительный подъём народного благосостояния и культуры, создать развитую систему социальных гарантий, по многим параметрам превосходящую социальные достижения наиболее передовых капиталистических стран. Эти социалистические завоевания советский народ защищал в Великой Отечественной войне, их утрату он болезненно ощущает в нынешний период отката к кабально-колониальному капитализму, за их возрождение он борется и будет бороться с силами капиталистической реставрации. Что же касается бюрократического абсолютизма - главного тормоза прогрессивного развития нашей страны на протяжении шести десятилетий, то это термидорианское детище, как показывает исторический опыт, сохраняется в неприкосновенности нынешними временщиками, приход к власти которых не дал народу ни реальной политической свободы, ни действительной демократии.

Ещё в начале 30-х годов Троцкий неоднократно подчеркивал, что советская бюрократия не является имущим классом в научном смысле слова, поскольку

она не обладает правом владения собственностью на средства производства. Поэтому она вынуждена поддерживать социальные основы, заложенные Октябрьской революцией, утрата которых отбросит СССР на десятки лет назад. Однако она выполняет эту функцию с такими издержками, которые раньше или позже приведут к взрыву всей социальной системы. Такой взрыв может завершиться либо низложением бюрократии, созданием обновлённой марксистской партии и восстановлением демократии Советов и профсоюзов, либо реставрацией капиталистического строя, которая "создала бы химически чистую культуру русского компрадорства с "политически-правовыми" предпосылками деникински-чанкайшистского образца. Всё это было бы, конечно, и с богом и со славянской вязью, т. е. со всем тем, что нужно душегубам для "души". При этом компрадорская буржуазия "могла бы (если бы могла) достигнуть своей цели не иначе как через многолетнюю гражданскую войну и новое разорение страны ..."¹.

Ясным осознанием этой перспективы определялась неприемлемость для коммунистических оппозиций 30-х годов какого-либо сотрудничества с антисоветскими силами как внутри страны, так и за рубежом. С этим было связано одно из "преимуществ" Сталина перед своими противниками. В целях удержания своей власти Сталин не гнушался самыми беспринципными, чисто империалистическими сделками на международной арене, принося в жертву этим сделкам (вплоть до сговора с Гитлером) интересы коммунистического движения в других странах.

Другим преимуществом Сталина в борьбе со своими противниками было то, что он, подобно всем правителям бонапартистского типа, вёл эту борьбу самыми низкими средствами. Свободный от всяких нравственных запретов и тормозов, он сочетал в своей политической методике обман народа, грязные провокации, судебные подлоги и беспощадный террор.

Беспринципная консолидация сталинской клики противостояла политической разобщённости её противников, немалая часть которых на протяжении длительного времени не могла освободиться от созданных в 20-е годы жупелов "фракционности" и "троцкизма". Эта роковая ошибка многих лидеров оппозиционных группировок позволила Сталину расправиться с ними поодиночке, превратив их в "отработанный пар", податливый материал для покаяний, а затем - "признаний" на фальсифицированных процессах. Будучи поставленными перед жёсткой дилеммой: либо полное изгнание с политической арены, либо сохранение, пусть и на второстепенных ролях, своего места в правящей верхушке, они шли навстречу своей неминуемой гибели через длительную череду унижительных публичных капитуляций. Выстраивая цепочку "рационализации" (т. е. бессознательного оправдания своего постыдного поведения "высокими" мотивами), они принимали навязанную Сталиным логику отступничества от своих убеждений: Советский Союз находится во враждебном капиталистическом окружении, внутри страны идёт перманентная классовая борьба, поэтому необходимо сохранять "единство партии" любой ценой, вплоть до

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 11. с. 4.

признания необходимости "военноподобного строя" и лицемерного восхваления неизменной "прозорливости" "вождя".

Ещё одной причиной, обеспечившей победу Сталина во внутрипартийной борьбе, был установленный им режим информационной блокады страны, который в условиях тогдашней технической неразвитости средств массовой информации не позволял идеям Троцкого и международной левой оппозиции в целом сколько-нибудь широко прорываться через границы СССР и обрекал подавляющее большинство советских людей на восприятие однонаправленной фальсифицированной информации о положении дел в стране, о власти и её противниках.

Главная же причина победы сталинской клики над её коммунистическими противниками носила социально-классовый характер. Добившись отчуждения масс от власти и от политики, Сталин проводил присущую всякому бонапартистскому режиму политику лавирования между классами и социальными группами, опираясь при этом на "новый правящий слой, который стремится закрепить свое привилегированное положение и склонен видеть в себе не временное историческое орудие революции, а её завершение и увенчание"¹. В результате расправ с оппозициями и вообще инакомыслящими, которые высвобождали места в различных ячейках социально-политической структуры, он непрерывно обновлял этот слой, создавая условия для вертикальной мобильности беспринципных и покорных людей, рвавшихся к власти и привилегиям.

И тем не менее даже к концу рассматриваемого в этой книге периода победа Сталина не была абсолютной, а возможность подлинно социалистического возрождения СССР сохранялась. В сознании большинства советских людей продолжали жить убежденность и вера в торжество коммунистических идей - социального равенства и справедливости, коллективизма, пролетарского интернационализма и истинного народовластия. Старая большевистская гвардия ещё не была перебита. Способные к борьбе со сталинизмом оппозиционные элементы в значительной своей части оставались на свободе и пользовались высоким авторитетом в партии и народе. Перед другими оппозиционерами в случае первой серьезной социальной встряски могли открыться двери тюрем и лагерей.

Большевизм был не только русским, но и мощным международным политическим движением. Конечно, он оказался существенно ослаблен ошибками сталинизированного Коминтерна. Преступления сталинизма в СССР ослабили притягательную силу революционных, коммунистических идей как раз в тот момент, когда возникли благоприятные условия для их поддержки трудящимися всего мира в результате небывалого в истории экономического кризиса, потрясшего самые основы капиталистического строя. Хотя этот кризис не завершился свержением буржуазных режимов ни в одной стране, сохраняющаяся напряжённость противоречий империализма открывала возможности нового революционного подъёма на Западе. Становящаяся всё более реальной угроза экспансии фашизма и новой мировой войны привлекала новых сторонников в ряды не только официального коммунизма, но и международной левой

¹ Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. с. 6-7.

оппозиции. Возникла историческая возможность перехвата политической инициативы формирующимся IV Интернационалом. Всё это открывало новый этап борьбы за подлинно социалистическую альтернативу развития СССР и мирового рабочего движения, новый этап схватки между сталинизмом и "троцкизмом"^{1*}.

В настоящее время обстановка во всём мире кардинально отличается от обстановки 30-х годов. Большинство стран с национализированной собственностью и плановой экономикой повернули на путь реставрации капитализма и переживают жестокий экономический и политический кризис. Однако это не означает, что грядущие десятилетия пройдут под знаком триумфального шествия капитализма и полного подрыва притягательности коммунистических идей в глазах трудящихся всего мира. Экологический кризис, умножающиеся локальные политические кризисы и войны в различных регионах мира, растущая пропасть в благосостоянии между Севером и Югом, не только относительное, но и абсолютное обнищание широчайших масс населения в десятках стран "третьего мира" и в бывших социалистических странах, неуклонный рост преступности практически во всех государствах Земного шара - всё это говорит о том, что капитализм, несмотря на вызревшие в его недрах гигантские производительные силы, не способен вести вперед мировое хозяйство и культуру. Раньше или позже станет неизбежным прилив новой социалистической волны, новый подъём левых сил. Одна из главных задач, которая встанет перед ними, - не допустить повторения трагических ошибок, допущенных коммунистами в предшествующие десятилетия. Поэтому глубокое осмысление исторических уроков прошлого, изучение политического и идейного наследия марксистов 30-х годов, развивавших коммунистические идеи в непримиримой борьбе со сталинизмом, приобретает всё более актуальное значение.

¹ Этот этап я предполагаю осветить в своей следующей работе "Сталинский неонп. 1934-1936 годы"

Оглавление

Введение	2
I Хозяйственный кризис 1927 года.....	10
II Первый тур чрезвычайных мер.....	14
III Первый тур расправы с левой оппозицией.....	23
IV Чрезвычайные меры в оценке левой оппозиции.....	31
V Сталин маневрирует	33
VI Переговоры Бухарина с Каменевым.....	39
VII Победа Сталина в Коминтерне	47
VIII Сталин открывает "правый уклон"	51
IX Почему не возник блок между "правыми" и левой оппозицией.....	59
X Высылка Троцкого.....	67
XI Сталин - против "троцкистов". "Троцкисты" - против Сталина	72
XII Поражение "правых"	76
XIII 1929 год: альтернатива левой оппозиции	92
XIV От чрезвычайных мер - к насильственной коллективизации	101
XV Первый тур коллективизации	112
XVI Левая оппозиция о коллективизации.....	117
XVII Сталин отступает	123
XVIII XVI Съезд. "Добивание" "правых"	132
XIX Сталинская "борьба на два фронта"	140
XX "Право-левацкий блок"	144
XXI Социально-классовый смысл "великого перелома".....	148
XXII 1930 год: Альтернатива левой оппозиции	157
XXIII Экономика и политика. Партийный режим.....	160
XXIV Методы сталинской индустриализации	163
XXV Расправа с беспартийной интеллигенцией	168
XXVI 1931 год: альтернатива левой оппозиции	172
XXVII Второй тур коллективизации и её итоги	176
XXVIII Неравенство, нищета, спекуляция.....	180
XXIX Неравенство, привилегии и роскошь.....	184
XXX 1932 год: альтернатива левой оппозиции	198
XXXI Сталин, партия и оппозиция.....	203
XXXII Идеологическое наступление сталинизма	210
XXXIII Лидеры бывших оппозиций в начале 30-х годов.....	220
XXXIV В русле "единой версии".....	224

XXXV	Союз марксистов-ленинцев	229
XXXVI	"Рютинская платформа"	236
XXXVII	Разгром "Союза марксистов-ленинцев"	248
XXXVIII	Смерть Н. С. Аллилуевой.....	254
XXXIX	"И как это не найдется человек, который мог бы убрать Сталина?"	256
XL	Дело "бухаринской школы"	260
XLI	Дело "контрреволюционной троцкистской группы"	263
XLII	Образование антисталинского блока.....	266
XLIII	Дело "нелегального" троцкистского центра".....	269
XLIV	Политика пряника и кнута	271
XLV	Чистка партии	274
XLVI	Тоталитарный режим и его "теоретическое" обоснование.....	280
XLVII	Итоги первой пятилетки.....	284
XLVIII	Голод.....	289
XLIX	Теория "социал-фашизма" и приход к власти Гитлера	300
L	Перелом в стратегии Троцкого	314
	Заключение	317